

КП 334172

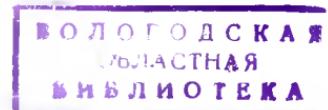

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ,
СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ
А.М. АСТАХОВОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Академики *В. П. ВОЛГИН* (председатель), *В. В. ВИНОГРАДОВ*, *И. А. ОРБЕЛИ*,
М. Н. ТИХОМИРОВ, члены-корреспонденты АН СССР *Д. Д. БЛАГОЙ*, *В. М. ЖИР-
МУНСКИЙ*, *Н. И. КОНРАД* (зам. председателя), *Д. С. ЛИХАЧЕВ*, *С. Д. СКАЗКИН*,
профессора *И. И. АНИСИМОВ*, *А. А. ЕЛИСТРАТОВА*, *С. Л. УТЧЕНКО*, кандидат исто-
рических наук *Д. В. ОЗНОБИШИН* (ученый секретарь)

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР *Д. С. ЛИХАЧЕВ*

Т Е К С Т Ы

БЫЛИНЫ
ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ
В ОБЩЕРУССКОЙ
УСТНОЙ ТРАДИЦИИ
XVIII-XX ВЕКОВ

ПОЛУЧЕНИЕ СИЛЫ (ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ-СИДНЯ. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СВЯТОГОР)

1

[Получение силы]

В славном городе во Муромле,
Во селе было Караварове,
Сиднем сидел Илья Муромец, крестьянский сын.
Сиднем сидел цело тридцать лет.

5 Уходил государь его батюшка
Со родителем со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Как приходили две калики перехожия
Под тое окошечко косявчено,

10 Говорят калики таковы слова:
— Ай же ты, Илья Муромец, крестьянский сын!
Отворяй каликам ворота широкия,
Пусти-ка калик к себе в дом.

Ответ держит Илья Муромец:
15 — Ай же вы, калики перехожия!
Не могу отворить ворот широкиих,
Сиднем сижу цело тридцать лет,
Не владаю ни рукамы, ни ногами.

Опять говорят калики перехожия:
20 — Выставай-ка, Илья, на резвы ноги,

Отворяй-ка ворота широкия,
Пускай-то калик к себе в дом.

Выставал Илья на резвы ноги,

Отворял ворота широкия

25 И пускал калик к себе в дом.

Приходили калики перехожия,

Они крест кладут по-писаному,

Поклон ведут по-ученому,

Наливают чарочку питьица медвяного,

30 Подносят-то Илье Муромцу.

Как выпил-то чару питьица медвяного,

Богатырско его сердце разгорелося,

Его белое тело распотелося.

Воспроговорят калики таковы слова:

35 — Что чувствуешь в себе, Илья?

Бил челом Илья, калик поздравствовал:

— Слышу в себе силушку великую.

Говорят калики перехожия:

— Будешь ты, Илья, великий богатырь,

40 И смерть тебе на бою не писана:

Бейся-ратися со всяким богатырем

И со всею паленицею удалою;

А столько не выходи драться

С Святогором-богатырем:

45 Его и земля на себе через силу носит;

Не ходи драться с Самсоном-богатырем:

У него на голове семь власов ангельских;

Не бейся и с родом Микуловым:

Его любит матушка сыра земля;

50 Не ходи ощё на Вольгу Сеславича:

Он не силою возьмет,

Так хитростью-мудростью.

Доставай, Илья, коня себе богатырского,

Выходи в раздольице чисто поле,

55 Покупай первого жеребчика,

Станови его в срубу на три месяца,
 Корми его пшеном белояровым.
 А пройдет поры-времени три месяца,
 Ты по три ночи жеребчика в саду поваживай
 60 И в три росы жеребчика выкатывай,
 Подводи его к тыну ко высокому:
 Как станет жеребчик через тын перескакивать,
 И в ту сторону, и в другую сторону,
 Поезжай на нем, куда хочешь,
 65 Будет носить тебя.

Тут калики потерялися.
 Пошел Илья ко родителю ко батюшку
 На тую на работу на крестьянскую,
 Очистить надо пал от дубья-колодья:
 70 Он дубье-колодье всё повырубил,
 В глубоку реку повыгрузил,
 А сам и сшел домой.
 Выстали отец с матерью от крепкого сна —

испужкалися:

— Что это за чудо подеялось?
 75 Кто бы нам это сработал работушку?

Работа-то была поделана, и пошли они домой. Как пришли домой, видят: Илья Муромец ходит по избы. Стали его спрашивать, как он выздоровел. Илья и рассказал им, как приходили калики перехожия, поили его питьцем медвяным: и с того он стал владать руками и ногами и силушку получил великую.

Пошел Илья в раздольице чисто поле.
 Видит: мужик ведет жеребчика немудрого,
 Бурого жеребчика косматенького.
 Покупал Илья того жеребчика,
 80 Что запросил мужик, то и дал;
 Становил жеребчика в сруб на три месяца,
 Кормил его пшеном белояровым,
 Поил свежей ключевой водой;

И прошло поры-времени три месяца,
 85 Стал Илья жеребчика по три ночи в саду поваживать,
 В три росы его выкатывал,
 Подводил ко тыну ко высокому,
 И стал бурушко через тын перескакивать,
 И в ту сторону, и в другую сторону.
 90 Тут Илья Муромец
 Седлал добра коня, зауздывал,
 Брал у батюшка, у матушки
 Прощеньице-благословеньице,
 И поехал в раздольице чисто поле.

Наехал Илья в чистом поле на шатер белополотняный, стоит шатер под великим сырым дубом, и в том шатре кровать богатырская не малая: долиной кровать 10 сажен, шириной кровать шести сажен. Привязал Илья добра коня к сырому дубу, лег на тую кровать богатырскую и спать заснул. А сон богатырский крепок: на три дня и на три ночи.

На третий день услыхал его добрый конь великий шум с-под сиверных сторонушки: мать сыра земля колыбается, темны лесушки шатаются, реки из крутых берегов выливаются. Бьет добрый конь копытом о сырь землю, не может разбудить Илью Муромца. Проязычил конь языком человеческим: «Ай же ты, Илья Муромец! Спиши себе, проклацдаешься, над собой незгодушки не ведаешь: едет к шатру Святогор-богатырь. Ты спущай меня во чисто поле, а сам полезай на сырой дуб». Выставал Илья на резвы ноги, спущал коня во чисто поле, а сам выстал во сырой дуб.

Видит: едет богатырь выше лесу стоячего, головой упирает под облаку ходячую, на плечах везет хрустальный ларец. Приехал богатырь к сырому дубу, снял с плеч хрустальный ларец, отмыкал ларец золотым ключом: выходит оттоль жена богатырская. Такой красавицы на белом свете не видано и не слыхано: ростом она высокая, походка у ней щепливая, очи ясного сокола, бровушки черного соболя, с платьица тело белое. Как вышла из того ларца, собрала на стол, полагала скатерти браныя, ставила на стол ествушки сахарния, вынимала из ларца питьица медвяныя. Пообедал Святогор-богатырь и

пошел с женою в шатер прокладатися, в разныя забавы заниматися. Тут богатырь и спать заснул. А красавица жена его богатырская пошла гулять по чисту полю, высмотрела Илью в сыром дубу. Говорит она таковы слова: «Ай же ты, дородний добрый молодец! Сойди-ка со сырой дуба, сойди, любовь со мной сотвори; буде не послушаешься, разбужу Святогора-богатыря и скажу ему, что ты насильно меня в грех ввел». Нечего делать Илье: с бабой не говорить, а с Святогором не сладить; слез он с того сыра дуба и сделал дело повеленое. Взяла его красавица, богатырская жена, посадила к мужу во глубок карман и разбудила мужа от крепкого сна. Проснулся Святогор-богатырь, посадил жену в хрустальный ларец, запер золотым ключом, сел на добра коня и поехал ко Святым горам.

Стал его добрый конь спотыкаться, и был его богатырь плеткою шелковою по тучным бедрам, и проговорит конь языком человеческим: «Оперёжь я возил богатыря да жену богатырскую, а нонь везу жену богатырскую и двух богатырей: дивья мне потыкаться!» И вытащил Святогор-богатырь Илью Муромца из кармана, и стал его выспрашивать, кто он есть и как попал к нему во глубок карман. Илья ему сказал всё по правды по истины. Тогда Святогор жену свою богатырскую убил, а с Ильей поменялся крестом и называл меньшим братом.

Выучил Святогор Илью всем похваткам, поездкам богатырским, и поехали они к Сиверным горам, и наехали путем-дорогою на великий гроб, на том гробу подпись подписана: «Кому суждено в гробу лежать, тот в него и ляжет». Лег Илья Муромец: для него домовище и велико, и широко. Ложился Святогор-богатырь: гроб пришелся по нем. Говорит богатырь таковы слова: «Гроб точно про меня делан. Возьми-тко крышку, Илья, закрой меня». Отвечает Илья Муромец: «Не возьму я крышки, больший брат, и не закрою тебя: шутишь ты шуточку не малую, сам себя хоронить собрался». Взял богатырь крышку и сам закрыл ею гроб; да как захотел поднять, и проговорил Илья Муромцу: «Ай меньший брат! Видно, судьбина поискала меня, не могу поднять крышки, попробуй-ка приподнять ю». Попробовал Илья Муромец поднять крышку, да где ему! Говорит Святогор-богатырь: «Возьми мой меч-кладенец и ударь поперек крышки». Илья Муромцу не под силу и поднять Святогорова меча-кладенца. Зовет его

Святогор-богатырь: «Наклонись ко гробу, ко маленькой щелочке, я дохну на тебя духом богатырским». Как наклонился Илья, и дохнул на него Святогор-богатырь своим духом богатырским: почуял Илья, что силы в нем против прежнего прибавилось втрое, поднял он меч-кладенец и ударил поперек крышки. От того удара великого посыпались искры, а где ударил меч-кладенец, на том месте выросла полоса железная. Зовет его Святогор-богатырь: «Душно мне, меньший брат, попробуй още ударить мечом вдоль крышки». Ударил Илья Муромец вдоль крышки, — и тут выросла железная полоса. Опять проговорит Святогор-богатырь: «Задыхаюсь я, меньший братец: наклонись-ка ко щелочке, я дохну още на тебя и передам тебе всю силушку великую». Отвечает Илья Муромец: «Будет с меня силы, больший братец; не то земля на себе носить не станет». Промолвился тут Святогор-богатырь: «Хорошо ты сделал, меньший брат, что не послушал моего последнего наказа: я дохнул бы на тебя мертвым духом, и ты бы лег мертв подле меня. А теперь прощай, владай моим мечом-кладенцом, а добра коня моего богатырского привяжи к моему гробу. Никто кроме меня не совладает с этим конем». Тут пошел из щелочки мертвый дух, простился Илья с Святогором, привязал его добра коня ко тому гробу, опоясал Святогоров меч-кладенец и поехал в раздолыще чисто поле.

2

[Исполнение Ильи Муромца]

Как во том-ле было прежде городе Муроме,
 Кабы жил, кабы был тут нонь стар казак,
 Кабы стар, пишут, казак Илья Муромец.
 Он сидел-то на печеньке-то тридцать лет,
 5 Не имел при себе он как ведь рук-ле, ног.
 Как ушли его нонь отец-ле, ноньце матушка,
 Он остался на пе́цьке на муравленке,
 Как пришли-ле тут две калеки нонь убогия,
 Как зашли ноньце к ему, богу помолилися,
 10 Говорят они старому Илье Муромцу:
 — Ох ты ой еси, старая Илья Муромеч!

Ты ставай-ко ноньце с печенъки муравленой.

Говорит на то старой им, ответ дёржит:

— Ох вы ой еси, как люди нонь хрецоныя!

15 Я сидю ноньце на пеценъке земляноей, право,

Я невного нонь немало, ровно тридцать лет.

Говорят ему калеки во второй након:

— Ты отведай-ко, ставай ноньце как с пеци-то.

Кабы стал ноньце их-де, право, слушатьсяе,

20 Он змахнул ноньце своима рукамы белыма,

Шевелить как стал ногами ноньце резвымы,

Говорят ему калеки таковы слова:

— Слезывай-ты ноньце с пецыки земляной, право.

Он как стал ноньце слезывать, право, со пеценъки,

25 Как задействовали его руки белыя,

Заслужили как его нонь ноги резвия.

Как говорят ему калеки нонь прохожие:

— Ты возьми как ведро ноньце водяное,

Ты поди-ко нонь сходи как за водой, право,

30 Ты на ту как нонь на реценъку Карчагу-ле,

Принеси-ко ты ведром воды, право.

Он пошел-ле старой нонь за водой, право,

Он принес нонь воды, право, ключевой.

А сидят-ле тут калеки, говорят, право,

35 Говорят они старому Илье Муромцу:

— Ты повыпей-ко же ноньче воды, сколько хочется.

Говорят тут нонь калеки, его спрашивают:

— Ты учуюл-ле нонь в себе, право, цего-сего?

Говорит ноньце старой как им ответ дёржит:

40 — Я подюол ноньце в себе силу великую.

Говорят на то ище калики-то:

— Кабы есь у 'тця, у 'тця-ле, нонь у матушки,

Кабы есь нонь у их полё посеяно,

Зашел ноньце скот да кабы топцет-ле.

45 Ты поди огороди, огороди как ноньце божей дар.

Как ушли-то калеки нонь убогия,

А пошел он как хранить полё отцовское.
 Он завидел-ле в поли ноньци скот ходит,
 Он как из поля скота ноньце выганивал,
 50 Кабы полё-то сырым дубьём огораживал,
 Он ведь рвал тут как дубыцо с кореньицом,
 Он оклал, огородил людям на удивленьице.
 Как пришли его отец-ле, ронна матушка,
 Как пришли они, увидели свое полё,
 55 Кабы всё оно как дубьями заклажено,
 Они тут как бы сами удивилисе:
 — Кабы що эки чудеса у нас сотворилися?
     Зашли они в комнату свою теплую,
     Как увидели — старой их сын здоровой стал.
 60 Говорит ноньце старой как отцу, матушке:
 — Ох ты ой еси, отец-ле нонь родимыя!
     Ох ты ой еси, как матушка любимая!
     Вы как дай ноньце вы мне было благословленыцио.
     Я ходю ноньце ехать в стольней Киев-град,
 65 Я ходю нонь посмотреть князя Владимира
     Со его любой, со матушкой любимоей.
     Кабы дали тут ему благословленыцио,
     Кабы ехати ему на стольней Киев-град
     На своем-то коне-ле право белым;
 70 Кабы был-то у отца его конь белой весь,
     Наубел весь как белая куропать,
     Его хвос был-ле грива научер-черна.

3

[Илья Муромец и Святогор]

Ездил-то стар да по чисту полю,
 Выехал стар да на Святые горы,
 Да наехал стар да на богатыря.
 А богатырь едет на кони да дремлет он.

— Что это за чудо есть?
Сильные могучие богатыре
Мог ба высаться да во белом шатри.
Да розъехался Илья Муромец,
Да ударил богатыря крепко-накрепко.
Богатырь еде всё вперед.
— Ах да что я за сильний богатыре,
От моей руки никакой богатырь не мог на кони
усидеть,
Дай-ко розъедусь во вторые раз.
Как розъехался Илья Муромец,
Да ударил крепко-накрепко,
Богатырь еде всё вперед.
— Что это за чудо есть?
Видно, я ударил худо ево.
Как розъехался Илья да он ведь в третий раз,
Как ударил богатыря крепко-накрепко,
Да ударил ево плотно-наплотно.
Тут-то богатырь пробудился ото сна.
Хватил-то Илью да своей правою рукой,
Положил-то Илью да к себе в корман,
Возил-то Илью да двои суточки,
Да на третии сутки конь и стал потыкаться,
У коня-то стали ножки подгибатися.
Как ударил Святогор да своею доброго коня:
— Что ты, конь, потыкаешься?
Говорит-то конь таково слово:
— Как мне-ка-ва да не поткнуться?
Вожу я третии суточки
Двух сильниех могучиех богатырей,
Третьёго вожу коня да богатырского.
Тут Святогор вынимал Илью да из кармана во
Но раздёрнули шатер белополотняной,
Стали с Ильей да опочик держать.
А побратались они крестами с Ильей Муромцем,

Назвались они крестовыми братьями.

40 Но ездили-гуляли по Святым горам,

Съезжали-то они да со Святых ведь гор

На те ли на площади широкие,

На те ли лужка они зеленые.

Как увидели-то они чудо-чудноё,

45 Чудо-чудноё да диво-дивноё:

Как состроен стоит да ведь белой гроб.

Говорит-то Илья да таково слово:

— Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
Для ково ж этот гроб состроен есть?

50 Соходили они да с коней добрых,

Ложился-то Илья да во сей-от гроб,

А Святогор-от говорил да таково слово:

— Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
Не для тебя сей гроб состроен есть,

55 Да я ведь лягу да во сей-от гроб.

Дак лег Святогор во сей гроб спать,

Говорил Святогор да таково слово:

— Ты послушай-ко, крестовой мой да брателко,
Да закрой-ко меня дощечками дубовыми.

60 Говорил-то Святогор да таково слово:

— Ты послушай-ко, крестовой мой ты брателко,
Хорошо здесь во гробе жить,

Ну-тко, крестовой мой ты брателко,
Открой-то дощечки дубовые.

65 Как Илья Муромец стал открывать дощечки
дубовые.

Да не может оторвать никакой доски.

— Да ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
Не могу я открыть никакой доски.

— Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,

70 Да Илья ведь Муромец!

Бей-ко своей боевою-то палицею.

Илья-то начал палицей бить:

Куды ударит — туды обручи железные.

Говорил-то Илья да таково слово:

75 — Да ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
Куда ударю — туды обручи железные.

Говорил-то Святогор да таково слово:

— Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
Видно, мне-ка туто бог и смерть судил.

80 Тут Святогор и помирать он стал,

Да пошла из его да пена вон,

Говорил Святогор да таково слово:

— Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
Да лижи ты возьми ведь пену мою,

85 Дак ты будешь ездить по Святым горам,
А не будешь ты бояться богатырей,
Никакого сильного могучего богатыря.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

4

Первая поездка Ильи Муромца в Киев

Как из славного города из Мурома,
Из того села Корочаева,
Как была-де поездка богатырская:
Наряжался Илья Муромец Иванович
5 Ко столичному городу ко Киеву,
Он тою дорогою прямоезжею,
Котора залегла ровно тридцать лет,
Чрез те леса Брынские,
Чрез черны грязи смоленские;
10 И залег ее, дорогу, Соловей-разбойник.
И кладет Илья заповедь велику:
Что проехать дорогу прямоезжую,
Котора залегла ровно тридцать лет,
Не вымать из налужна тугой лук,
15 Из колчана не вымать калену стрелу.
Берет благословение великое у отца с матерью,
А и только его, Илью, видели.
Прощался с отцом, с матерью,
И садился Илья на своего добра коня,
20 А и выехал Илья со двора своего
Во те ворота широкие;

Как стегнет он коня по тучным бедрам,
 А и конь под Ильею рассержается,
 Он перву скок ступил за пять верст,
 25 А другого ускока не могли найти.
 Поехал он чрез те леса Брынские,
 Через те грязи смоленские.
 Как бы будет Илья во темных лесах,
 Во темных лесах, во Брынских,
 30 Наезжал Илья на девяти дубах,
 И наехал он, Илья, Соловья-разбойника.
 И заслышал Соловей-разбойник
 Того ли топу кониного
 И тоя ли он поезки богатырские,
 35 Засвистал Соловей по-соловьиному,
 А в другой зашипел, разбойник, по-змеиному.
 А втрети зрявкает по-звериному:
 Под Ильею конь окорачился,
 И падал ведь на кукорачь.
 40 Говорит Илья Муромец Иванович:
 — А ты волчья съть, травяной мешок!
 Не бывал ты в пещерах белокаменных,
 Не бывал ты, конь, во темных лесах,
 Не слыхал ты свисту соловьиного,
 45 Не слыхал ты шипу змеиного,
 А того ли ты крику звериного,
 А звериного крику, туриного?
 Разрушает Илья заповедь великую.
 Вымаёт калену стрелу
 50 И стреляет в Соловья-разбойника.
 И попал Соловья да в правой глаз,
 Полетел Соловей с сырой дуба
 Комом ко сырой земли.
 Подхватил Илья Муромец Соловья на белы руки,
 55 Привязал Соловья ко той ко луке ко седельныя
 Проехал он воровску заставу крепкую.

Подъезжает ко подворью дворянскому:
 И завидела-де его молодая жена,
 Она хитрая была и мудрая,
 60 И збегала она на чердаки на вышние —
 Как бы двор у Соловья был на семи верстах,
 Как было около двора железной тын,
 А на всякой тынинке по маковке,
 И по той по голове богатырская —
 65 Наводила трубками немецкими
 Его, Соловьева, молодая жена,
 И увидела доброго молодца Илью Муромца,
 И бросалась с чердака во свои высокие терема,
 И будила она девять сыновей своих:
 70 — А встаньте, обудитесь, добры молодцы,
 А девять сынов, ясны соколы!
 Вы подите в подвалы глубокие,
 Берите мои золотые ключи,
 Отмыкайте мои вы окованны ларцы,
 75 А берите вы мою золоту казну,
 Выносите ее за широкой двор
 И встречайте удала доброго молодца:
 А наедет, молодцы, чужой мужик,
 Отца-то вашего в тороках везет!
 80 А и тут ее девять сыновей закорилися,
 И не берут у нее золотые ключи,
 Не походят в подвалы глубокие,
 Не берут ее золотой казны,
 А худым ведь свои думушки думают:
 85 Хочут обвернуться черными воронами.
 Со темя носы железными,
 Они хотят расклевать добра молодца,
 Того ли Илью Муромца Ивановича.
 Подъезжает он ко двору ко дворянскому.
 90 И бросалась молода жена Соловьева,
 А и молится, убивается.

— Гой еси ты, удалой доброй молодец!

Бери ты у нас золотой казны, сколько надобно,
Опусти Соловья-разбойника,

95 Не вози Соловья во Киев-град!

А его-то дети, Соловьевы,

Неучливо они поговаривают.

Они только Илью и видели,
Что стоял у двора дворянского.

100 И стегает Илья он добра коня,
А добра коня по тучным бедрам,
Как бы конь под ним осержается:
Побежал Илья, как сокол летит.

Приезжает Илья он во Киев-град,
105 Середи двора княженецкого,

И скочил он, Илья, со добра коня,
Привязал коня к дубову столбу,
Походил он во гридню во светлую
И молился он спасу со пречистою,

110 Поклонился князю со княгинею,
На все на четыре стороны.

У великого князя Владимира

У него, князя, почестной пир,

А и много на пиру было князей и бояр,

115 Много сильных могучих богатырей;
И поднесли ему, Илье, чару зеленой вина
В полтора ведра.

Принимает Илья единой рукой,

Выпивает чару единственным духом.

120 Говорил ему ласковой Владимир-князь:

— Ты скажись, молодец, как именем зовут,

А по имени тебе можно место дать,

По изотчству пожаловать.

И отвечает Илья Муромец Иванович:

125 — А ты ласковой столыней Владимир-князь!

А меня зовут Илья Муромец сын Иванович,

И проехал я дорогу прямоезжую
Из стольного города из Мурома,
Из того села Корочаева.

130 Говорят тут могучие богатыри:

— А ласково солнце, Владимир-князь!
В очах детина завирается,
А где ему проехать дорогою прямоезжею?
Залегла та дорога тридцать лет

135 От того Соловья-разбойника.

Говорит Илья Муромец:

— Гой еси ты, сударь, Владимир-князь!
Посмотри мою удачу богатырскую,
Вон я привез Соловья-разбойника

140 На двор к тебе.

И втапоры Илья Муромец

Пошел с великим князем на широкой двор
Смотреть его удачи богатырская.

Выходили туто князи, бояра,

145 Все русские могучие богатыри:

Самсон-богатырь Колыванович,
Сухан-богатырь сын Домантьевич,
Светогор-богатырь и Полкан другой,
И семь-то братов Збродовичи,

150 Еще мужики были Залешана,

А еще два брата Хапиловы —

Только было у князя их тридцать молодцов.

Выходил Илья на широкой двор

Ко тому Соловью-разбойнику,

155 Он стал Соловья уговаривать:

— Ты послушай меня, Соловей-разбойник млад!

Посвисти, Соловей, по-соловьиному,

Пошипи, змей, по-змеиному,

Зрявкай, зверь, по-туриному

160 И потешь князя Владимира.

Засвистал Соловей по-соловьиному,

Оглушил он в Киеве князей и бояр,
 Зашибел злодей по-змеиному,
 Он втретье зрявкает по-туриному;
 165 А князи и бояра испужалися,
 На корачках по двору наползалися,
 И все сильны богатыри могучие.
 И накурил он беды несносныя:
 Гостины кони с двора разбежалися,
 170 И Владимир-князь едва жив стоит
 Со душой княгиней Апраксевной.
 Говорил тут ласковой Владимир-князь:
 — А и ты гой еси, Илья Муромец сын Иванович!
 Уйми ты Соловья-разбойника,
 175 А и эта шутка нам не надобна!

5

[Первая поездка Ильи Муромца]

Не сырой дуб к земле клонится,
 Ни бумажный листочки расстилаются:
 Расстилается сын перед батюшком,
 Он и просит сее благословеньица:
 5 — Ох ты гой еси, родимой, милой батюшка!
 Дай ты мне свое благословеньице,
 Я поеду в славной стольной Кеев-град
 Помолиться чудотворцам кеевским,
 Заложиться за князя Володимира,
 10 Послужить ему верой-правдою,
 Постоять за веру хрисьянскую.
 Отвечат старой хресянин Иван Тимофеевич:
 — Я на добрые дела тее благословенье дам,
 А на худые дела благословленья нет.
 15 Поедешь ты путем и дорогою,

Ни помысли злом на татарина,
 Ни убей в чистым поле хресянина.
 Поклонился Илья Муромец отцу д^о-земли,
 Сам он сел на добра коня,
 20 Поехал он во чисто поле.
 Он и бьет коня по крутым бёдрам,
 Пробиват кожу до черна мяса;
 Ретивой ёго конь осержается,
 Прочь от земли отделяется,
 25 Он и скачет выше дерева стоячего,
 Чуть пониже оболока ходячего.
 Первой скок скочил на пятнадцать верст,
 В другой скочил, колодезь стал;
 У колодезя срубил сырой дуб,
 30 У колодезя поставил часовенку,
 На часовне подписал сво юмичко:
 «Ехал такой-то сильной, могучой богатырь,
 Илья Муромец сын Иванович»;
 В третий скочил — под Чернигов-град.
 35 Под Черниговым стоит сила — сметы нет;
 Под Черниговым стоят три царевича,
 С каждним силы сорок тысячей.
 Богатырско серд^о разгорчиво и неуёмчиво,
 Пушше огня-огничка серд^о разыграется,
 40 Пушше пляштово мороза разгорается.
 Тут возговорит Илья Муромец таково слово:
 — Не хотелось было батюшку супротивником быть.
 Ишша знать-та ёго заповедь переступить.
 Берет он в руки саблю боёвую,
 45 Учал по силушке погуливать:
 Где повернется, делал улицы,
 Поворотится — часты плошшади,
 Добиваетца до трех царёвичов.
 Тут возговорит Илья таково слово:
 50 — Ох вы гой есть, мое три царевича!

Во полон ли мне вас взять,
 Ай с вас буйны головы снять?
 Как в полон мне вас взять, —
 У меня дороги заезжие и хлебы завозные,
 55 А как головы снять, — царски сёмины погубить
 Вы поедьте по своим местам,
 Вы чините везде такову славу,
 Што святая Русь не пуста стоит,
 На святой Руси есть сильны-могучи богатыри.
 60 Увидал ёго воевода черниговской:
 — Што эта господь сослал нам за сослальника!
 Очистил наш славной Чернигов-град.
 Возговорит воевода своим князьям-боярам:
 — Подите, позовите добра молодца
 65 Ко мне хлеба-соли кушати.
 Пошли тут князи-бояря к Муромцу:
 — Ох ты гой еси, дородной доброй молодец.
 Как тяя честным именем зовут,
 Как тяя величают по отечеству?
 70 — Меня именем зовут — Илейкой,
 А величают — сын Иванович.
 Возговорят ему князи-бояря:
 — Ох ты гой еси, Илья Муромец!
 Ты пойдешь-ка к воеводе нашему,
 75 Ты изволь у него хлеба-соли кушати.
 — Нейду я к воеводе вашему,
 Не хочу у него хлеба-соли кушати;
 Укажите мне прямую дороженьку
 На славной столной Кеев-град.
 80 Ответ держат князи-бояря:
 — Ох ты гой еси, Илья Муромец!
 Пряма дорожка не проста стоит:
 Заросла дорога лесы Брынскими,
 Протекла тут река Самородина;
 85 Ишшо на дороге Соловейко-разбойничик

Сидит на тридевяты дубах, сидит тридцать лет,
Ни конному ни пешому пропуску нет.

Поклонился им Илья Муромец,
Поехал он лесами Брынскими.

90 Услыхал Соловейко богатырской топ
И свиснул он громким голосом.
Конь под Муромцом спотыкается.
Возговорит Илья своему коню добруму:
— Ох ты гой еси, мой богатырской конь!
95 Аль не езживаля ты по тёмным лесам,
Аль не слыхивала пташьего посвисту?

Берет Илья калёны стрелы:
Перво стрёлил, не дострелил,
А вдругорида — перестрелил,
100 В третыи стрёлил, попал в правой глаз,
И сошиб ёго с тридевяты дубов,
Привязал ёго к коню во караки;
Поехал Муромец в славной Кеев-град.
Возговорит Соловейко-разбойничик:
105 — Ох ты гой еси, Илья Муромец!
Мы заедем-ка с тобою ко мне в гости.
Увидала Соловейкина мала дочь:
— Ишка вон едет наш батюшка,
Ведет кривого мужика [у] коня в караках.
110 Взглянула Соловейкина большая дочь:
— Ах ты дура не повитая! Это едет доброй молодец,
И ведет нашего батюшка коня в караках.
И бросились они на Илью Муромца с дрёкольем.
Возговорит Соловейко-разбойничик:
115 — Не тумашайтесь, мое малы детушки,
Не взводите в задор доброго молодца.
Возговорит Илья Соловейке-разбойнику:
— Што у тяя дети во единой лик?
Отвечат Соловейко-разбойничик:
120 — Я сына-та выросшу, за нёго дочь отдам,

Дочь-ту выросшу, отда́м за сына,
Штобы Соловейкин род не перево́дился.

За досаду Илье Муромцу показалось,
Вынимал он саблю свою вост्रую,
125 Прирубил у Соловья всех детушок.

Приехал Илья Муромец во Кеев-град,
И вскричал он громким голосом:
— Уж ты батюшка Володимир-князь!
Тee нада ль нас, принимаешь ли
130 Сильных могучих богатырей,
Теé, батюшка, на почéсь-хвалу,
Твому граду стольному на изберечь.
А тата́ровьям на посéченье?

Отвечает батюшка Володимир-князь:
135 — Да как мне вас не нады-та!
Я везде вас ишшу, везде спрашиваю,
На приезде вас жалую по добру коню,
По добру коню, по латынскому, богатырскому.

Возговорит Илья Муромец таково слово:
140 — У меня свой конь латынской, богатырской;
Стоял я с родимым батюшком у заутрени,
Хотелось постоять с тобой у обеденки,
Да на дороге мне было три помешиньки:
Перва помеха — очистил я Чернигов-град;
145 Другá помеха — я мостила мосты на пятнадцать верст
Через ту реку, через Самородину;
Третья помеха — я сошиб Соловья-разбойника.

Возговорит сам батюшка Володимир-князь:
— Ох ты гой еси, Соловейко-разбойничик!
150 Ты взойди ко мне в полату белу-каменну.
Ответ держит Соловейко-разбойник:
— Не твоя слуга, не тее служу, не тея и слушаю,
Я служу и слушаю Илью Муромца.

Возговорит Володимир: — Ох ты гой еси, Муромец,
155 Илья Муромец сын Иванович!

Прикажи ёму взойти в полату белу-каменну.

Приказал ему взойти Илья Муромец.

Тут возговорит Володимир-князь:

— Ох ты гой еси, дородной доброй молодец,

160 Илья Муромец сын Иванович!

Прикажи ёму свиснуть громким голосом.

Возговорит Илья Муромец таково слово:

— Уж ты батюшка наш Володимир-князь!

Не во гнев бы тее, батюшка, показалось:

165 Я возьму тяя, батюшку, под пазушку,

А княиню-ту закрою под другою.

И говорит Илья Муромец таково слово:

— Свисни, Соловейко, в полсвиста.

Свиснул Соловейка во весь голос:

170 Сняло у палат веръх по оконички.

Разломало все связи железныя,

Попадали все сильны могучи богатыри,

Упали все знатны князи-бояря,

Один устоял Илья Муромец.

175 Выпушшал он князя со княиней из-под пазушок.

Возговорит сам батюшка Володимир-князь:

— Исполать тее, Соловейко-разбойничик!

Как тяя взял это Илья Муромец?

Ответ держит Соловейко-разбойничик:

180 — Видъ на ту пору больно пьян я был,

У меня большая дочь была именинница.

Это слово Илье Муромцу не показалось:

Взял он Соловейку за вершиночку,

Вывел ёго на княженецкой двор,

185 Кинул ёго выше дерева стойчего,

Чуть пониже оболока ходячего,

До сырой земли допускывал — ино подхватывал,

Расшиб Соловейко свое все тут косточки.

Пошли теперь к обеду княженецкому.

190 Возговорит сам батюшка Володимир-князь:

- Ох ты гой еси, Илья Муромецъ сын Иванович!
 Жалую тея трёмѧ я мѣстами:
 Перво место — подле меня ты сядь,
 Друго место — супрѣтъ меня,
 195 Третье — где ты хочешь, тут и сядь.
 Зашел Илья Муромецъ со коннicha,
 Пожал он всех князей и бояръ
 И сильных могучих богатырей:
 Учтился он супроти князя Володимира.
 200 За досаду Олеше Поповичу показалося:
 Взял Олеша булатной ножъ,
 Он и кинул ёго в Илью Муромца:
 Пытал на полету Илья булатный ножъ,
 Взоткнул ёго в дубовой стол.

6

Илья и Соловей-разбойник

- Из того ли-то из города из Муромля,
 Из того села да с Карабирова,
 Выезжал удаленькой дородний добрый молодецъ,
 Он стоял заутрену во Муромли,
 5 А ѿк обеденке поспеть хотел он в столинѣй Киев-градъ
 Да ѿк подъехал он ко славному ко городу к Чернилову.
 У того ли города Чернигова
 Нагнано-то силушки черным-черно,
 А ѿк черным-черно, как черна ворона;
 10 Так пехотою никто тут не прохаживатъ,
 На добром кони никто тут не проезживатъ
 Птица черной ворон не пролетыватъ,
 Серый зверь да не прорыскиватъ.
 А подъехал как ко силушке великоей,
 15 Он как стал-то эту силу великую,
 Стал конем топтать да стал копьем колоть,

А ѿ побил он эту силу всю великую.
 Ен подъехал-то под славный под Чернигов-град.
 Выходили мужички да тут черниговски
 20 И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
 А ѿ зовут его в Чернигов воеводою.
 Говорит-то им Илья да таковы слова:
 — Ай же, мужички да вы черниговски!
 А нейду к вам во Чернигов воеводою.
 25 Укажите мне дорожку прямоезжую,
 Прямоезжую да в стольний Киев-град.
 Говорили мужички ему черниговски:
 — Ты удаленькой дородний добрый молодец,
 Аї ты славныя богатырь святоруськии!
 30 Прямоезжая дорожка заколодела,
 Заколодела дорожка, замуравела,
 А ѿ по той ли по дорожке прямоезжюо
 Да ѿ пехотою никто да не прохаживал,
 На добром кони никто да не проезживал:
 35 Как у той ли-то у Грязи-то у Черноей,
 Да у той ли у березы у покляпья,
 Да у той ли речки у Смородины,
 У того креста у Левонидова,
 Сиди Соловей-разбойник во сырому дубу,
 40 Сиди Соловей-разбойник Одихмантьев сын,
 А то свищет Соловей до по-соловьевему,
 Ен кричит злодей разбойник по-звериному,
 И от него ли-то от посвисту соловьяго,
 И от него ли-то от покрику звериного,
 45 То все травушки-муравы уплетаются,
 Все лазуревы цветочки отсыпаются,
 Темны лесушки к земли вси приклоняются,
 А что есть людей, то вси мертвы лежат.
 Прямоезжею дороженькой пятьсот есть верст,
 50 А ѿ окольноёй дорожкой цела тысяща.
 Он спустил добра коня да ѿ богатырского,

Трофим Григорьевич Рябинин.
(Былины 6, 18, 26, 31).

- Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
 Его добрый конь да богатырский
 С горы на гору стал перескакивать,
 55 С холмы на холму стал перемахивать,
 Мелки реченки, озерка промеж ног спущдал.
 Подъезжает он ко речке по Смородинки,
 Да ко тоей он ко Грязи он ко Черноей,
 Да ко тою ко березы ко покляпья,
 60 К тому славному кресту ко Левонидову.
 Засвистал-то Соловей да й по-соловьевому,
 Закричал злодей разбойник по-звериному,
 Так все травушки-муравы уплеталися,
 Да й лазуревы цветочки отсыпалися,
 65 Темны лесушки к земле вси приклонилися,
 Его доброй конь да богатырский
 А он на корзни да потыкается;
 А й как старый-от казак да Илья Муромец
 Берет плеточку шелковую в белу руку,
 70 А он бил коня а по крутым ребрам;
 Говорил-то он, Илья, да таковы слова:
 — Ах ты волчья сыть да й травянной мешок!
 Али ты ити не хошь, али нести не мошь?
 Что ты на корзни, собака, потыкаешься?
 75 Не слыхал ли посвисту соловьяго,
 Не слыхал ли покрику звериного,
 Не видал ли ты ударов богатырских?
 А й тут старый казак да Илья Муромец
 Да берет-то он свой түгой лук розрывчатый,
 80 Во свои берет во белы он во ручушки,
 Ен тетивочку шелковенку натягивал,
 А он стрелочку каленую накладывал,
 То он стрелил в того Соловья-разбойника,
 Ему выбил право око со косичею.
 85 Ен спустил-то Соловья на сырь землю,
 Пристянул его ко правому ко стремечки булатнему,

Ён повез его по славну по чисту полю,
 Мимо гнездышко повез да Соловьиное.
 Во том гнездышке да Соловьиноем
 90 А случилось быть да и три дочери,
     А ѹи три дочери его любимых;
     Больша дочка эта смотрит во окошечко косявчато,
     Говорит ёна да таковы слова:
         — Едет-то наш батюшко чистым полем,
 95 А сидит-то на добром кони,
     Да везет ѿн мужицищо-деревенщину,
     Да у правого стремени прикована.
     Поглядела его друга дочь любимая,
     Говорила-то она да таковы слова:
 100 — Едет батюшко роздольицем чистым полем
     Да ѹи везет он мужицища-деревенщину,
     Да ѹи ко правому ко стремени прикована.
     Поглядела его меньша дочь любимая,
     Говорила-то она да таковы слова:
 105 — Едет мужицищо-деревенщина,
     Да ѹи сидит мужик он на добром кони,
     Да ѹи везет-то наша батюшка у стремени,
     У булатного у стремени прикована.
     Ему выбито-то право око со косичею.
 110   Говорила-то ѹи она да таковы слова:
     — Ай же, мужевъя наши любимы!
     Вы берите-тко рогатины зверинны,
     Да бежите-тко в роздольице чисто поле,
     Да вы бейте мужицища-деревенщину.
 115   Эти мужевъя да их любимы,
     Зятевъя-то есть да Соловинны,
     Похватали как рогатины зверинны,
     Да и бежали-то они да ѹи во чисто поле
     Ко тому ли к мужицищу-деревенщине,
 120   Да хотят убить-то мужицища-деревенщину.
     Говорит им Соловей-разбойник Одихмантьев сын:

- Ай же, зятевья мои любимыи,
Побросайте-тко рогатины зверинныи,
Вы зовите мужика да деревенщину,
- 125 В своё гнездышко зовите Соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы пойте ёго питьицем медвяным,
Да ѹ дарите ёму дары драгоценные.
- Эты зятевья да Соловинныи
- 130 Побросали-то рогатины зверинныи
А ѹ зовут-то мужика да ѹ деревенщину
Во то гнездышко да Соловьиное.
Да ѹ мужик-от деревенщина не слушатся,
А он едет-то по славному чисту полю,
- 135 Прямоезжею дорожкой в столней Киев-град.
Ён приехал-то во славный столней Киев-град
А ко славному ко князю на широкой двор.
А ѹ Владымир-князь он вышел со божьей церкви,
Он пришел в полату белокаменну,
- 140 Во столовую свою во горенку,
Оны сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
А ѹ тут старая казак да Илья Муромец
Становил коня да посерёд двора,
- 145 Сам идет он во полаты белокаменныи,
Проходил он во столовую во горенку,
На пяту он дверь-ту поразмахивал,
Крест-от клал ён по-писаному,
Вел поклоны по-учёному,
- 150 На все на три на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владымиру в особину,
Еще всим его князьям он подколенным.
Тут Владымир-князь стал молодца выспрашививать:
— Ты скажи-тко, ты откулешной, дородний добрый
- 155 Тобе как-то молодца да именем зовут,

Звеличают удалаго по отечеству?

— Говорил-то старая казак да Илья Муромец:

— Есть я с славнаго из города из Муромля,
Из того села да с Карабицова,

160 Есть я старая казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович!

Говорит ему Владымир таковы слова:

— Ай же, старая казак да Илья Муромец,
Да ѹ давно ли ты повыехал из Муромля

165 И которою дороженкой ты ехал в стольнёй Киев-град?

Говорил Илья он таковы слова:

— Ай ты славныя Владымир стольнё-киевской!

Я стоял заутрену христовскую во Муромли,
А ѹ к обеденки поспеть хотел я в стольнёй Киев-град.

170 То моя дорожка призамешкалась;

А я ехал-то дорожкой прямоезжею,

Прямоезжею дороженкой я ехал мимо-то Чернигов-град.
Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную,

Мимо славну реченку Смородину,

175 Мимо славную березу-то покляпую,

Мимо славный ехал Левонидов крест.

Говорил ёму Владымир таковы слова:

— Ай же, мужчищо-деревенщина,

Во глазах, мужик, да подлыгаешься,

180 Во глазах, мужик, да насмехаешься!

Как у славнаго у города Чернигова

Нагнано тут силы много-множество,

То пехотою никто да не прохаживал,

И на добром коне никто да не проезживал

185 Туды серый зверь да не прорыскивал,

Птица черный ворон не пролетывал;

А ѹ у той ли-то у Грязи-то у Черноей,

Да у славноёй у речки у Смородины,

А ѹ в той ли у березы у покляпою,

190 У того креста у Леванидова

Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын,
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей разбойник по-звериному,
То все травушки-муравы уплетаются,

195 А лазуревы цветки прочь отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертвъ лежат.

Говорил ему Илья да таковы слова:

— Ты Владымир-князъ да стольнѣ-киевской!
200 Соловей-разбойник на твоем двори,
Ему выбито ведь право око со косичею,
Й он ко стремени булатнему прикованной.

То Владымир-князъ-от стольнѣ-киевской
Он скорешенько ставал да на резвы ножки,
205 Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
То он шапочку соболю на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойника.

Говорил-то ведь Владымир-князъ да таковы слова:
210 — Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закрычи-тко, собака, по-звериному.

Говорил-то Соловей ему разбойник Одихмантьев сын:
— Не у вас-то я сегодня, князъ, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати,
215 Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати.

Говорил-то как Владымир-князъ да стольнѣ-киевский:
— Ай же, старый казак ты Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловью да й по-соловьему,
220 Прикажи-тко закрычать да по-звериному.

Говорил Илья да таковы слова:
— Ай же, Соловей-разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во пол-свисту соловьяго,
Закрычи-тко ты во пол-крыку зверинаго.
225 Говорил-то ёму Соловей-разбойник Одихмантьев сын:

- Ай же, старыя казак ты Илья Муромец!
 Мои раночки кровавы запечатались,
 Да не ходят-то мои уста сахарными,
 Не могу я засвистать да й по-соловьему,
 230 Закрычать-то не могу я по-звериному.
 А й вели-тко князю ты Владымиру
 Налить чару мни да зеленá вина,
 Я повыпью-то как чару зеленá вина,
 Мои раночки кровавы порозойдутся,
 235 Да й уста мои сахарни поросходятся,
 Да тогда я засвищу да по-соловьему,
 Да тогда я закрычу да по-звериному.
 Говорил Илья-тот князю он Владымиру:
 — Ты Владимир-князь да стольнё-киевской!
 240 Ты поди в свою столовую во горенку,
 Наливай-ко чару зеленá вина,
 Ты не малую стопу да полтора ведра,
 Подноси-тко к Соловью к разбойнику.
 То Владимир-князь да стольнё-киевской
 245 Он скоренько шел в столову свою горенку,
 Наливал он чару зеленá вина,
 Да не малу он стопу да полтора ведра,
 Разводил медами он стоялыми,
 Приносил-то ён ко Соловью-разбойнику.
 Соловей-разбойник Одихмантьев сын
 Принял чарочку от князя он одной ручкой,
 Выпил чарочку-ту Соловей одным духом,
 Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
 Закрычал разбойник по-звериному,
 255 Маковки на теремах покривились,
 А околенки во теремах рассыпались
 От него, от посвисту соловьяго,
 А что есть-то людюшок, так вси мертвы лежат;
 А Владимир-князь-от стольнё-киевской
 260 Куньей шубонькой он укрывается.

А ѿ тут старой-от казак да Илья Муромец
 Он скорешенько садился на добра коня,
 А ѿ он вез-то Соловья да во чисто поле,
 Й он срубил ему да буйну голову.

265 Говорил Илья да таковы слова:

— Тоби полно-тко свистать да по-соловьему,
 Тоби полно-тко крычать да по-звериному,
 Тоби полно-тко слезить да отцей-матерей,
 Тоби полно-тко вдовить да жен молодых,

270 Тоби полно-тко спущать-то сиротать да малых детушок.

А тут Соловью ему и славу поют,
 А ѿ славу поют ему век по веку.

7

Илья Муромец

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ЕГО В КИЕВ

Прежде всего Тупицын рассказал известное предание о том, как Илья Муромец сиднем сидел тридцать лет и потом получил силу богатырскую, как отец его купил ему жеребенка у попа за 300 рублей и как в первый раз отправился Илья Муромец поленичать.

Выводил Илья Муромец добра коня
 Из завозеньки из новыя,
 Накладывал он потнички бумажные,
 На потнички седельишко черкасское,
 5 Клал обет на палицу боевую
 И на саблю на острую,
 На копье мурзальцкое,
 Чтобы не увязывать до города до Киева,
 До солнышка до Сеславьева.
 10 И становил в стременышко гольяшное,
 И садился в седельишко черкасское.
 Не ясен сокол в перелет летал,

Не белый кречет перепархивал,
 Туто ехал удалой добрый молодец,
 15 Старый казак Илья Муромец.
 Он и едет ко городу ко Кидошу.
 Над Кидошом-градом по грехам учинилося:
 Подступала сила поганая.
 Бил, топтал он силу поганую,
 20 Бил, топтал трои суточки,
 Не пиваючи, не едаючи,
 Со добра коня не слезаючи.
 И во том во городе во Кидоше
 Выходили попы, отцы дьяконы,
 25 Выносили образа и иконы святы,
 И служили они службу молебную:
 — То ли город наш бог защитил,
 То ли ангел святой,
 И выбил, вытоптал силу поганую?
 30 И едет старый казак ко городу Кидошу,
 И едет мимо той церкви соборныя,
 И говорят попы, отцы дьяконы:
 — Ой ты гой еси, удалой добрый молодец!
 Садись за стол хлеб-соль кушати,
 35 Ты скажи нам свою отчину.
 Проговорил удалой добрый молодец:
 — Я по поездке Юриш-Мариш-Шишмаретин,
 По потехе Борис-королевич млад,
 Не изволю я хлеб-соль кушати,
 40 А скажите мне дорожку прямоезжую
 Ко стольному городу ко Киеву,
 Ко ласкову князю Владимиру,
 Ко солнышку ко Сеславьеву.
 И проговорят попы, отцы дьяконы:
 45 — Ой ты гой еси, удалой добрый молодец!
 Больша де дорожка прямоезжая
 Прямо шла во стольный Киев-град,

Дак залег Соловей-разбойник,
Не пропущат ни конного, ни пешего.

50 Проговорил удалой добрый молодец:
— Мне туда и дорога-путь.

И подъезжает он к батюшке Днепру-реке.
Не случилось ни мостов, ни переездичков:
И зачал удалой добрый молодец дубье рвать,

55 Зачал он через Днепр-реку мост мостить,

Переезжат через Днепр-реку на ту сторону.
И засыпал Соловей, вор-разбойничек,
И засыпал за пятнадцать верст,

И летит навстречу добру молодцу;

60 И садился он на сырой дуб кряковистой,
И приклонялся сырой дуб ко сырой земле.
Засвистал Соловей по-соловьиному,
Зашипел Соловей по-змеиному,

Заревел Соловей по-звериному.

65 Под Ильею конь пал на корач.

И выдергивал он шельгу подорожную,
Стягал коня по тучным бедрам,
Сам, молодец, приговаривал:

— Ах ты, волчья сыть, травянной мешок!

70 Не слыхал ты свисту богатырского,
Не слыхал ты шипу змеиного,
Не слыхал ты реву звериного?

Тут конь под Ильей рассержается:
Он скакал выше лесу стоячего,
75 Ниже облака ходячего.

И брал старой свой тугой лук,
И брал из колчана калену стрелу,
И клал он на тетивку шелковую,
Стрелял Соловья, вора-разбойника,

80 Попадал ему в правый глаз.

И падает Соловей на сырую землю,
И приковал его ко стремену,

Ведет его по чисту полю,

И ведет его ко высоку терему.

85 У Соловья, вора-разбойника,

Дочь была сдогадлива:

Отворяла она воротички широкие,

На ворота клала сабельку острую,

Хотела срезать старому буйну голову:

90 — Ой ты гой еси, удалой добрый молодец!

Заезжай ко мне ты на широкий двор!

А старый казак был сдогадливой,

Берет он ее на чинжалище острое,

Бросат ее на сырь землю.

95 И едет добрый молодец чистым полем,

И видит он в поле девять молодцов,

Девять молодцов в кулачки боятся,

И сами говорят таковы слова:

— Вон батюшко едет, мужика ведет.

100 Наответрот того други говорят:

— Нет, мужик-от ведет нашего батюшка.

И едет старый мимо молодцов;

Они хотят похитить добра молодца.

Проговорит старый казак Илья Муромец:

105 — Закликни ты своих малых детей,

Не закликнешь — самого смерти предам.

Проговорит Соловей, вор-разбойник:

— Не троньте вы удала добра молодца;

У меня силушки не с вашу есть,

110 Да старый казак в горсти зажал,

Насыпайте вы тележки златокованны,

Насыпайте золота, серебра,

Везите во стольный Киев-град,

И везите на царев кабак,

115 Пойте вы добра мслодца и чествуйте,

Чтобы он меня пустил в живности.

Едет Илья Муромец чистым полем

И видит опять девять сынов
Соловья, вора-разбойника,
 120 В кулачки бются.
 Опять напирают на Илью Муромца.
 Соловей им тут опять отказал:
 — Вы не троньте стара казака,
 Стара казака Илью Муромца,
 125 Вы не троньте, лучше кланяйтесь.
 Едет он опять чистым полем
 И завидел опять девять сынов в кулачки бются.
 И те опять напирают на стара казака,
 Стара казака Илью Муромца.
 130 Проговорит Соловей, вор-разбойник:
 — Не троньте вы молодца прямоезжего,
 У меня силы не с ваше, да старый в горсти зажал.
 И немного у него сынов — только двадцать семь.
 И едет старой ко городу ко Киеву,
 135 Ко ласковому князю Владимиру;
 И едет на улицу на широкую,
 Ко тому ко терему высокому,
 Ко тому окошечку стекольчату.
 Со добра коня старый соскакивал,
 140 Ни к чему коня он не привязывал,
 Никому коня он не приказывал,
 Идет к воротичкам решетчатым,
 И спросил он у ворот приворотников,
 И спросил он у дверей придверников,
 145 Отворял он двери помалешеньку.
 И ступал он в палату потихошеньку,
 Крест кладет по-писаному,
 Поклон ведет по-ученому,
 Кланяется на все стороны:
 150 — Здравствуешь, ласковый Владимир-князь
 И со душечкой со княгинею!
 Князьям-боярам — на-особицу.

Говорит ласковый Владимир-князь:

— Добро пожаловать, удалой добрый молодец!

155 Ты скажи нам, добрый молодец, свою отчину.

— Ой ты гой еси, ласковый Владимир-князь!

Из того я города из Мурома,

Старый казак Илья Муромец.

Ехал я мимо Днепра-реки,

160 Очистил вам дорожку прямоезжую.

Злые бояре подмолчивые

Говорят таковы слова:

— Мужик ты, мужик, деревенщина,

Хвастаешь не быльёй своей,

165 Чужим именем называешься:

Где тебе похитить Соловья, вора-разбойника!

Тут старому за беду стало,

За великую досаду показалось,

Говорит он таковы слова:

170 — Гой еси ты, ласковый Владимир-князь!

Скрой ты оконенку стеклянную,

Посмотри на улицу на широку,

Стоит ли мой добрый конь?

Послушал его ласковый Владимир-князь,

175 Скрыл оконенку стеклянную,

Посмотрел на улицу на широку

И увидел, что стоит добрый конь

С Соловьем, вором-разбойником.

Тут старому за беду стало,

180 За великую досаду показалось,

Надевал он черну шляпу, вон пошел.

Тут ласковый Владимир-князь

Наливает чару зелена вина

И бежит скоро на красно крыльцо:

185 — Ой ты гой еси, удалой добрый молодец,

Хоть выпей ты чару зелена вина.

И проговорит старый казак Илья Муромец:

- Ах ты гой еси, батюшка Владимир-князь!
 На приходе ты гостя не употчиваля,
 190 На походе ты гостя не учествуешь.
 И зашел старый на царев кабак,
 Пил-гулял трои суточки.
 Проговорит ласковый Владимир-князь:
 — Ой ты гой еси, мой верный клюшничек,
 195 Ты поди, позови Илью Муромца
 Ко ласкову князю Владимиру,
 Позови ты его на почестный пир,
 Позови ты его честнешенько,
 И кланяйся ему низешенько.
- 200 Тут клюшничек не ослушался,
 Зовет стара казака Илью Муромца:
 — Пожалуйте, старый казак Илья Муромец,
 И пожалуйте, тебя князь зовет,
 Князь зовет да на почестный пир.
- 205 Тут старый не ослушался:
 Надевает черну шляпу, вон идет,
 Идет он на улицу на широку,
 Ко тому ко терему высокому,
 Отворят он двери помалешеньку,
 210 Запират он двери потихошеньку,
 Крест кладет старый по-писаному,
 Поклон ведет по-ученому,
 Кланяется на все стороны:
 — Здравствуешь, ласковый Владимир-князь
 215 Со душечкою со княгинею!
 Князья, бояре, на-особицу!
 Проговорит ласковый Владимир-князь:
 — Добро жаловать, удалый добрый молодец,
 Ты старый казак, Илья Муромец!
 220 Ты садись-ко на лавочку булавую,
 За один стол хлеб-соль кушати.
 Наливает князь чару зеленаго вина,

Не малу чару — в полтора ведра,
Подает удалу добру молодцу.

- 225 Принимает молодец единой рукой,
Выпивает молодец единственным духом.
Проговорит ласковый Владимир-князь:
— Гой еси ты, старой казак,
Ты старой казак Илья Муромец!

- 230 Приведи ты Соловья, вора-разбойника,
Во мой во высок терем,
В мою палату белокаменну,
Заставь посвистать по-соловьеву,
Заставь пошипеть по-эмейному,
235 Заставь пореветь по-звериному.

- Тут старый казак встал на ноги,
Идет на улицу на широкую,
Ко своему коню доброму,
Отвязывает Соловья, вора-разбойника,
240 От того стременышка гольяшного,
Ведет в палату белокаменну,
Заставляет свистать в полсвиста,
Пошипеть помалешеньку,
Пореветь потихошеньку.

- 245 Берет старый казак князя под пазуху,
Молоду княгиню под другу руку.
Зачал Соловей свистать по-соловьеву;
Тут бояре оглушились,
Падают они на кирпищат пол.

- 250 Стал унимать Соловья Илья Муромец.
Тут Соловей прирассéрдился,
Хотел оглушить Илью Муромца, —
Все окошечки повылетели,
Новая палата вскрылася.

- 255 Тут старому за беду стало,
Схватил он саблю острую
И ссек Соловью буйну голову.

Первая поездка Ильи Муромца

А как первая была поездка Ильи Муромца
 А из Мурома до Киева.
 А как клал-то да промежь собой ведь заповедь
 Межь заутреней поспеть к обедни воскресеньских.

6 А пошел-то он да на широкой двор,
 А седлал, уздал своёго коня да лошадь добрую:
 Што накладывал на спину лошадиную-ту войлучок,
 А на войлучок накладывал седёлышко черкальское,
 Вот затёгивал-то он двенадцать отужинок,

10 А застегивал-то он двенадцать пряжочек;
 шше отужинки были шелковыя,
 А как пряжочки были да золочёныя,
 А как шпёнышки были булатныя,
 А того-то белого булата заморьского,—

15 Што не ради-то красы, да ради крепости,
 Ради тех-то пришпехов богатырских.
 Он приковывал-то палицу ко стремену булатному;
 А как клал-то он к палици заповедь великую,
 Штобы от Мурума до Киева-то палици-то не отковывать.

20 А как одевался добромолодец да в платьё богатырское,
 А проишался он с отцём да родной матушкой:
 — Ты прошай-ко-се, да мой родной батюшко!
 Он ведь лёкко скакал да на добра коня.
 А как видели тут молодца сряжаючись,

25 А не видели-то его поездки богатырская.
 Он поехал из города из Мурома,
 Из того же села да Карачаёва.
 А как подъезжает к городу к Черни-городу,—
 Тут стоит-то под Черни-городом сила великая,

30 А хотят-то разбить, розорить-то город Чиженец,
 А божьи церкви хотят да под конюшни взять.

А сидиг-то старой на добром кони да призадумалсε:

— А шьто клал-то я собе-то заповедь великую,

Шьто от Мурома до Киева да палечи-ты не отковывать;

35 Как прости меня господь да в таковой вины!

Я не буду боле-то класть заповеди великия.

Отковал-то он ведь паличу тяжелою,

Он ведь постёгал коня да по крутым бедрам,

А заехал во ту силу великую;

40 А да вперед махнет, дак сделат улицей,

А назад махнет — дак переулками;

Коё бьет, больше конем всё мнет.

Он прибил, притоптал всю силу великую.

Говорят-то мужики чернигорцы,

45 Они говорят да таковы речи:

— Уж как с нёба нам послал господь-от аньгела.

А други-ти: — Нет не аньгела господь послал,

А нам послал бог-то руського могучего богатыря.

А как стречают мужики-ти города Черни-города,

50 А стречеют, отпирают ёму ворота городовыя,

А стречеют, ёму низко кланяется:

— А приди ты к нам хошь князём живи в Черни-
городи, хошь боярином,

Хошь купцём у нас слови, гостем торговыима.

Мы ведь много дайм тебе золотой казны несчётныя.

55 Говорит-то старой таковы речи:

— Не хочу-то у вас-то жить не князём, не боярином,

Не купцём, гостем торговым жа;

Мне ненадобно-то ваша золота казна несчётная:

Золотой казной мне ведь не откупитисе!

60 Только вы скажите в красен-от Киев-град дорожку

прямоезжую:

Кольке времени ехать какой дорогою?

— Прямоезжой дорогой надоть ехать три месеца,

А окольною дорогой надоть ехать три года;

Заросла-то прямоезжая дорожка равно тридцать лет,

Гаврила Леонтьевич Крюков.
(Былина 8).

- 65 Заросла-то она лесым темным жа;
 А как есть на ей три заставушки великия:
 А как перва-та застава — лёсы тёмныя,
 А втора-та застава — грези чёрныя,
 А как третья-та застава есть ведь реченька Смородинка,
- 70 А у той-то у речки есть калинов мост;
 А тут есть-то, тут Соловьюшко живет Рохманьёвич;
 А сидит-то Соловьюшко да на девети дубах,
 А как ревет-то Соловьюшко да по-звериному,
 А свистит Соловейко по-соловыиному,
- 75 А сидит-то собака, шипит он по-змеиному.
 А не конному, не пешому проходу нет,
 А не серому волку прорыску нет,
 А не ясному соколу пролёту нет.
 — Ну, спасибо-те, мужики, за дорожку прямоезжую!
- 80 Он поехал по той дороге прямоезжю.
 А как он приехал к лесу тёмному,
 Соходил-то он да со добра коня,
 А левой рукой-то он коня ведет,
 А правой рукой дубье рвет да ведь с коринём,
- 85 С коринём рвет да ведь мост мостит:
 Он проехал-то лесы тёмныя,
 А проехал-то он да грези чёрныя,
 А доехал до той же речиньки Смородинки.
 Как увидял ёго Соловьюшко Рахманьевич,
- 90 Зашипел-то Соловьюшко по-соловыиному,
 Заревел-то Соловьюшко да по-звериному,
 Как ведь зашипел он Соловьюшко по-змеиному;
 Ише мать сыра земля да потрёсаласе,
 А сырь дубье да пошаталосе;
- 95 Как потнулся ёго конь, на колени пал
 А от того от свисту соловыиного,
 А от реву-ту он от звериного.
 А как был он коня да по крутым бедрам:
 — Уж ты волчья пасть да травянной мешок!

- 100 Не слыхал ты разе свисту соловьиного,
Не слыхал ли ты реву звериного,
А не слыхал шипотку-ту всё змеиного?
А как брал-то он да свой розрывчат лук,
Натягал-то он тетивоньку шолковую,
- 105 А накладывал-то он стрелочку каленую,
Сам ко стрелочки да приговаривал:
— А лети, моя стрела, да по-под-нёбёса,
А не падай не на воду, не на землю, не в сырой дуб,
А пади-тко-се Соловьюшку во правой глаз.
- 110 А как полетела стрелочка да по-под-нёбеса,
А как падала стрела не на воду, не на землю, не в сырой
дуб,
Она падала стрелочка Соловьюшку во правой глаз.
А как падал Соловьюшко да на сырой землю;
Подъезжал тут старая старинышина да под Соловьюшку,
- 115 А приковывал-то Соловьюшку да за белы руки,
Подымал Соловьюшку да на добра коня,
А приковывал ёго ко стремену булатному,
А подымал он Соловьюшку-то на добра коня;
А поехали они ко городу ко Киеву.
- 120 А как мимо ехали Соловьево высокое подворьицё,
А высокое-то дворьицё, высок терем;
Как увидели Соловьюшку да родны дочери,
А больша-то говорит: «Как батюшко-то едет, мужика
везет».
- Да втора-то сестра говорит: «То мужик-от едет, везет
батюшка».
- 125 А как едут они к Соловьюшку да к широку двору,
Да взяла ёго большая дочь да подворотину,
А хотела убить да Илью Муромца;
Подхватил-то старый казак да Илья Муромецъ да
подворотину,
- Ухватил-то ей да из белых-то рук;
- 130 Тут он хватил свое востро копье

А сколол-то его большую дочь.

Говорит Соловьюшко Рохманьевич:

— Уж вы гой еси, мои дочерья любимыя!

Не грубите, не гневите сердца богатырьского;

135 Выкупайте мяя да из неволюшки:

Насыпайте ёму три-то мисы красна золота,

А три-то мисы чиста сёребра,

Насыпайте три-то мисы меди, всё козарочки.

А поехал он ко городу ко Киеву.

140 А не зашел-то он к Соловьюшку в высок терем.

А приехал в славной Киев-град,

Ко ласкову приехал князю на широкой двор,

Как ведь соходил-то со добра коня,

А вязал-то коня да середи двора,

145 Середи двора к дубову столбу да к золоту кольчу;

Как заходит на крылечико косисчато,

Со красна крыльца в полаты княженецкия;

А он крест-ог кладет да по-писаному,

А поклон-эт ведет да по-учёному,

150 А как бьет челом-ту князю во рученьку во правую:

— Уж ты здраствуй, князь Владимир стольне-киевской!

— Уж ты здрастуй-то, дородней доброй молодецъ!

Я не знаю твоёго не имени, не отчины —

Величеть тебя по имени, называть по отечесьву.

155 А князям, боярам всё — во левую.

— Уж ты гой еси, дородней доброй молодецъ!

Ты садись-ко за ти столы окольния,

А за ти жа за скатерти за браныя,

А за кушанья за розноличния.

160 А как сел-то Илеюшка за столы за белодубовы.

Как-от пир идет навесели,

Красно-то соньё идет на ёсени,

А как красно-то соньё идет ко западу,

Ко западу идет, ко закату;

165 А как вси-то на пиру-ту сидят пьяны, веселы,

Пьяны, веселы сидят, хваствают:
А как все богатой-от хвастат золотой казной,
Иной-от хвастат широким двором,
Как иной-от хвастаёт добрым конем,
170 Сильн-ёт хвастат своей силою,
Умной-от-то хвастат родным батюшкой,
А разумной-от хвастат родной матушкой,
А неразумной-от ведь хвастает родной сестрой,
А как глупой-от хвастат молодой жоной.
175 Как Владимир-то по гридни-то похаживат,
А белыма-ти ручками розмахиват,
А желтыма-ти кудрями принатряхиват.
А как сам он говорил да таковы слова:
— Уж у меня вси-то на пиру пьяны, веселы,
180 Ишше вси у меня на честном хвастают,
А как приезжай-от гость сидит, нечым не хвастаёт.
Уж ты шьто жо, дородней молодецъ, нечым не хвастаёшь?
— А как чим-то я буду все ведь хвастати?
Ише тим рази ведь я похвастаю —
185 Промежду заутриней, обедней воскресеньских
Хотел-то я приехать из города из Мурома,
Из села-то приехать Карабеева.
А как ехал тут-то я путем-дорогою,
А стоит под городом Черни-городом сила великая,
190 А великая сила, немалая,
Я тут побил ту силушку великую;
А приехал я ко городу Чернигороду
А спросить у мужиков города Черни-города,
А спросить про дорожку прямоезжую.
195 Указали мне дорожку прямоезжую, —
Ишше тридцать лет по етой дорожочки не езжено;
Ишше было на ей три заставушки великия:
Как перва-та застава были лёсы тёмныя да грэзы
чёрныя;
Как приехал-то тут к двум заставушкам,

- 200 А сошел-то я со добра коня,
А левой рукой коня веду, правой рукой дубьё рву,
А как дубьё-то рву да со всим с коринём;
Как я проехал тут да грэзи чёрныя да лёсы тёмныя,
А приехал к третию заставушки,
205 Я приехал тутко к речинки Смородинки.
А сидит-то Соловьюшко Рохманович,
Да сидит-то вор-собака на девети дубах:
Я его сострэлил с девети дубов.
Тут-то закричели князи, бояра:
210 — Уж ты гой еси, мужичонко приехал задле́ньшина ты,
деревеньшина.
А как тут старому казаку за беду да показалося:
— Уж вы гой еси, бояра кособрюхия!
А сидит-то у меня Соловьюшко да на добром кони,
На добром кони, у князя середи двора,
215 А прикован у мя ко стремену булатному.
Говорил-то тут Владимир-князь:
— Уж ты гой еси, дородней доброй молодецъ!
Навеку я не видал Соловьюшка Рохманьёва,
Не слыхал я ёго свистокту соловьиного,
220 А не слыхал-то я реву звериного,
А не слыхал-та я да шипотку змеиного.
А покажи-тко-се мне Соловьюшка Рохманьёва,
А заставь ёго свистеть, реветь да по-звериному,
Шипеть ёго да по-змеиному.
225 Пошли они да на красно крыльцё;
Выходили тут бояра кособрюхия
А смотрить, слушать реву соловьиного-змеиного.
А как говорит-то старый казак да Илья Муромецъ:
— Уж ты гой еси, Соловьюшко Рохманович!
230 Ты свисти-тко-се пол-свисту соловьиного,
А реви-тко-се пол-реву ты звериного,
Ты шипи-тко-се пол-шипотку всё змеиного.
А не послушал он да Ильи Муромца,

Засвистел-то он во весь свист-от соловьиных,
235 Заревел во весь-то рев звериных,
Как зашипел он во весь-то шипоток змеиных.
Ише мать сыра земля да потрясаласе,
Полаты княженецьки зашаталисе,
А как у князя резвы ножки подломилисе,
240 Буйна голова с плеч да подкатиласе.
Захватил князя Илья Муромецъ во праву руку к себе
под пазуху,
А кнегину захватил под руку-ту всё под левую;
А как дёржит-то их в охапочки.
Как бояра-ти испопадали да вси ведь замертво.
245 А как закрычал старый да зычним голосом:
— Уж ты гой еси, вор-розвойник Соловей Рожманьёвич!
Тебе полно реветь да по-звериному,
Перестань свистеть по-соловьиному,
Перестань шипеть да по-змеиному.
250 А как тут бояришка поверили, забоéлисе.
А как соходил старый со красна крыльца,
А отковывал от стремена булатных,
А отсек Соловьюшку-ту буйну голову.
А как Соловьюшку у князя на двори да смерть кончаласе.

9

Илья Муромец и Соловей-разбойник

А ехал стáрой по чисту полю,
А по тому де раздолыцку широкому,
А наехал ле стáрой на росстаньюшки,
А наехал ле стáрой на широкия,
5 А подписана доска ли есть исподрезана,
А поставлены буквы да позолочены:
«А во перву ле дорожецьку — быть богатому,
А во втору е дорожку — быть женатому,

- А во третью дорожку — живому не быть».
- 10 А подумал ле старый во своей башкё:
- А на што мне-ка ле старому быти богатому,
А на што мне старому быть женатому?
- А я поеду то ли по дорожки — да живому мне-ка
не быть.
- А садился на коня, на коня да скоро-наскоро,
- 15 А бьет-то коня по тучным ребрам,
А под им карюшка россержаетца,
Да от земли-матушки отделяетца.
- А наезжает ле старый да на станичников,
А наезжает ле старый да-ко на разбойничков,
- 20 А хотят ле старого да бити ноне грабити,
А хотят и ле старого да розлучити с конем.
А говорил лишь старой да таковы слова:
— А бити ле вам старого вам не за што,
А взяти лё у старого нёчего,
- 25 А есть и ле у старого кунья шуба,
А стоит шубочка восемьсот рублей,
А пуговок и ле на ей да на три тысячи.
- А пуще станичницьки россержаютца,
А на старого крепче да поднимаютца.
- 30 А хотят и ле старого да бити нонь да грабиги,
А хотят и то старого да розлучити с конём,
А говорил и еще старый да таковы слова:
— А бити ли вам старого вам не за что,
А взяти-то у старого вам нечего.
- 35 А есть-то у старого как доброй конь,
А доброму ле конецку цены как нет,
А потому-то конь вздымаетце,
А высокие горушки перескакиват,
А мелкие речки промеж ног берет.
- 40 А пуще станичники россержаютца,
А на старого крепче да подымаютца,
А хотят и ле старого бить да нонь грабити,

А хотят и то старого да розлучить с конем.

А говорил ище старый во третий након:

45 — А есть у старого түгой лук,

А есть еще у старого десеть стрелочек.

(Прежде луками стреляли)

А говорил ище старый да таковы слова:

— А старому смерть страшным-страшно,

Страшным-страшно, смешным-смешно.

50 А у кого у вас ле есть дети малые,

У кого у вас ле есть да молодые жоны?

А закричал старый во всю голову,

А натягивал правой түгой лук,

А накладывал стрелочку заколёную,

55 А спустил стрелочку о сырой землю.

А эта стрелочка извивается,

А засыпал их желтым песком,

А закладывал сырой землей крепко-нажрекко.

А испугались станичнички-разбойнички,

60 А пали разбойнички на колени:

— Ой ты гой еси, Ильюша Муромец,

А не губи нас да недобрых людей,

А ты оставь нас при живности,

А оставь нас ты хоть на семена.

65 Бери сколько надо золотой казны,

А бери-ка цветное платьице,

А бери добрых коней сколько надобно.

А говорил и ле старой да таковы слова:

— А кабы брал я да ле ноны золотой казны —

70 А копали как мне бы погребы глубокия,

А кабы брал я да цветно платьице —

А везли ле бы возы великия,

А как брал бы я да все добрых коней —

Да гнали бы за мной да табунами же.

75 Да садился на добра коня,

Да засверкала его сабля ноны вострая,

Яков Евдокимович Гольчиков.
(Быдина 9).

- А косил их скоро-наскоро,
Да убил всех разбойницъков-станичницъков,
Да очистил дорожку прямоезжую.
- 80 А поехал старый ионь в передний путь,
Да наехал на разбойника Рахматыча.
А сидит разбойник на семи столбах,
На семи столбах да на семи дубах.
А засвистел Соловей по-соловьиному,
- 85 А закричал Соловей по-звериному,
А у старого-то конь на колени пал,
От того от свисту богатырского.
А натягивал старой правой рукой түгой лук,
А клал стрелочку раскаленную,
- 90 А спускал прямо в правой глаз,
А попал Соловья прямо в правой глаз,
А и пал Соловей да на сырь землю.
А подскочил Ильюша скоро-наскоро,
А схватил он Соловья-ка разбойника,
- 95 А схватил он Соловья на добра коня,
А пристегнул Соловья к седёлку черкаському.
А говорил Соловей да таковы слова:
— Да поедем, удалой доброй молодец,
А поедем ко мне на широкий двор,
- 100 А поедем ко мне да во гринюшки,
Да хлеба-соли есть, пива с медом пить!
А поехал старой скоро-наскоро,
А увидела да жена да ионь в окошечко:
А едет Соловей да ионь Рахматович,
- 105 А везет Соловей удалого молодца.
А взгленули ионь детушки в окошечко:
— Да не Соловей везет нынче, да Соловья везут.
— А отворяйте ворота ионь да крепко-накрепко,
А встречайте удалого доброго молодца,
- 110 А пойте-кормите ионь удалого!
А была дочь ионь полёница:

- Я встречу его под подворотницей,
 А не малая подворотница — в сорок пуд,
 А убью удалого крепко-накрепко.
- 115   А подъехал он к широку двору,
 А заглянул в подворотницу — стоит она,
 Заколол паленицу да приудалую.
 А поехал старый да в передний путь,
 А подъезжал к стольнему Киев-граду,
- 120   А ко тому ли князю ко Владимиру,
 Да заезжал ко князю на широкий двор.
 А то был день воскресеньской же,
 А собралась беседа да веселая,
 А наезжали купцы люди торговые,
- 125   А сидят здесь богатыри все удалые.
 А входит удалый в светлые гринюшки,
 А поклонился старый во все стороны,
 Князю Владимиру на-особицу.
 А садят как гостя да за дубовой стол,
- 130   А подносят кушанья сахарные,
 А наливают братыничку зеленая вина,
 А подносят старому крепко-накрепко.
 А берет старый единой рукой,
 А пьет старый единственным духом,
- 135   А заговорило у старого ретиво серьцё.
 А говорят-то старому таковы слова:
 — А ты откудь, удалый добрый молодец?
 А какой ехал дорожкой да окольноей,
 А окольней ехал ли прямоезжоей?
- 140   — А я ехал дорожкой прямоезжоей,
 А залегла та дорожка да нонеча тридцать лет.
 А не поверили ему да усмехнулисе:
 — Во очах детинушка да завирается,
 А пустяками детина да похваляется:
- 145   Да заросла та дорожка нонь тридцать лет,
 А птица на ней не пролётиала,

- А удалой добрый молодец не проезживаля,
 А заросла та дорожка Соловьем в тридцать лет,
 А Соловьем да всё Рохматовичем,
 150 А заросла та дорожка разбойни́цкими,
 Разбойни́цкими-станични́цкими.
 — Если хо́чите знать — да Соловей у меня,
 А Соловей да у меня сидит на добром коне.
 Они приказали:
 155 — Притащи-ка Соловья сюда в гринюшки светлые,
 Тогда и поверим.
*(Добрынюшка был догадлив, сказал, что не простой
 приехал. Тут ему приказали, он и привел).*
 Старый скочил скоро-наскоро,
 Побежал за Соловьем на широкой двор,
 Принес Соловья-то разбойни́цка.
 160 Все скочили здесь да ужахнулися
(Вроде как испугались),
 Принимают гостя дорогого,
 Жалуют, значит, гостя цветным платьицем,
 Дарят золотой казной.
 — Прикажи-ка Соловью нам песню спеть,
 165 Засвистеть в полусвиста.
 Поставил князя с княгиной наперед в середку
 Закрыл их полой по ту и другу сторону,
 Приказал Соловью запеть в полусвиста.
 Запел Соловей в полусвиста,
 170 Розвел Соловей во весь свист
(Хотел всех свистом убить),
 Все пали бояре кособрюхие на пол
(Без ума, значит),
 Хватил-то старый Соловья да Рохматовича,
 Вытащил старый на широкой двор
(За это непослушание, значит).
 Разорвал его крылья-пёрушки
(Два раза надвое),

175 Рассвистал по чисту полю.
 Тут старому низко кланяютца,
 Сделали старому великолепный пир,
 Тут старого стали жаловать:
 — Живи-ко, старый, в стольнем Киев-граде,
 180 Положим тебе жалованье не малое.
 Он тут уж остался в услуженье.

10

Илья Муромец

А во славноём во рымскоём царьси,
 А во той ли деревне Каракарове,
 У чесных у славных родителей, у матери
 Был спорожен тут сын Илья Иванович,
 5 А по прозванью он был славной Муромецъ.
 А не имел Илья во ногах хоженьиця,
 А во руках не имел Илья владеньиця;
 Тридцать лет его было веку долгого.
 Во етоё во летушко во красное
 10 А уходила родная матушка да батюшко
 А на ту ли да на работу на тяжелую,
 А оставался Илья да единешенек.
 А сидит-то Илья, да Илья Муромецъ;
 А приходили ко Ильи да три старчика:
 15 — А уж ты стань, Илья, да Илья Муромецъ,
 А ты напой-ка нас, да голоднешеньких,
 А ты накорми-ко нас да сытешенько!
 Ай говорил Илья да таковы слова:
 — А накормил бы вас да сытешенько.
 20 А напоил бы вас да пьянешенько,
 А тридцать лет веку долгого

А у меня нету в ногах ли хожденьиця,
 А во руках у меня нету ли влаженьиця.
 А говорили ли старцы прохожий:
 25 — А уж ты стань, Илья, да Илья Муромець!
 А ты стань-ко, напои да накорми нас ты, жаждущих.
 А отвечал Илья да таковы слова:
 — А уж я рад бы стать на белы ноги, —
 А у меня ноги есть, руки есть, —
 30 А у меня ноженьки не владеют ли,
 А у меня руценъки да не владеют ли,
 А в трётьей након говорили ему старцы ли:
 — А уж ты стань, Илья, да Илья Муромець!
 А во ногах есть хождёныцё,
 35 А во руках есть у тя влажёныцё.
 А тут ли стал Илья да на резвы ноги,
 А крестил глаза на икону святых оцей:
 — А слава да слава, слава господу!
 А дал господь-бог мни хожёныцё,
 40 А дал господь мни в руках ли влажёныцё.
 А опустился ён во подвалы глубоки,
 А принес ли он цяру полную:
 — А вы пейте-ко, стар(и)ци прохожий!
 А ёны попили стар(и)ци прохожий:
 45 А сходи-ко ты, Илья, в погреба славны глубокии,
 А принеси-ко ты цярушка полнешеньку,
 А ты выпьешь сам на здравиё!
 А ён принес ли цяру полнешеньку:
 — А ты пей-ко ли, Илья, да на здоровицё,
 50 А ты кушай-ко, Илья, да на сибе ли ты!
 А ён выпил ли цярушку полную.
 А спросили его стар(и)ци прохожий:
 — А уже что же ты, Ильюша, в сибе чувствуешь?
 — А я цюстую ли силу великую:
 55 А кабы было колечко во сырой земли,
 А повернул ли земёлышку на ребрышко.

- Ай говорили тут старцы таковы слова:
— А ты поди-ко в погреба славны глубокии,
А налей-ко ты цярушуку полнешеньку!
- 60   А принес ён цяру полнешеньку.
— Ай уж выпей-ко цяру единёшнёк!
    А уж выпил ён цяру единёшнёк.
— А топере, Илья, что ты цюствуешь?
— А нунь у меня силушка ли спала ли,
65   А с(ы)пала у мя сила в половинушки.
- Ай говорили стар(и)цы прохожий:
— А ведь и живи, Илья, да будешь воином!
А на зимли тибе ведь смерть буде не писана,
А во боях тибе ведь смерть буде не писана!
- 70   А благословили ёны да Илью Муромца,
А распостились с Ильей да пошли ёны.
А Илья как стал владеть рукамы, ножкамы,
А в избушки ли сидеть ему тоскливо ли,—
Ай ён пошел на ты поля-луга зеленый,
75   А где его были родители сердецнии.
- А пришел ён ко славной Непры-реки:
— Бог вам помошь, родная матушка,
А бог ти помошь, родной батюшко!
- А ёны да тут да удивилисе,
80   А ёны да тут да ужахнулисе:
— А уж ты, цядо, цядо милое,
А слава, слава да слава господу,
А господь-бог ти дал хожденьице,
А господь ти дал в руках влажденьице!
- 85   А ён и налез ли дубыки подергивать,
А во Непрү-реку стал покидывать,
А накидал Непрү-реку дубов ли он,
А вода в реки худо побежала.
А говорили тут отець с матушкой:
- 90   — Ай же ты, мое цядо милое,
Ай господь ти бог дал силу великую!

- А живи как ты да поскромнешеньку,
 А не давай ретиву серьцю волюшки!
- А пришли ли оны во деревеньку;
- 95 А говорил ли Илья да отцю-матушке:
 — А уж ты, батюшко да и матушка,
 А вы давайте-ко благословёньицё.
 А вы дайте-ко вы прощёньицё
 А мне-ка съездить во Киев-град
- 100 А ко солнышку ко князю ко Владимиру,
 А во тыи мне во церкви богомольными,
 А помолиться-ко той ли богородици!
- А отець и мать-то его уговаривать:
 — А уж ты, цядо, цядо да цядо милое,
- 105 А мы только видели свету, свету белого,
 А мы не видели свету щёлу полвеку.
- Ай говорил Илья да таковы слова:
 — А уж вы, мои сердечные родители,
 А уж дайте мне да благословёньицё,
 110 А уж вы дайте мне-ка покорёньицё!
- Говорила тут родна матушка:
 — А уж поедешь ты ли, цядо нашо милое,
 А ты во славной да во Киёв-град,
 А не кровав сабли кровавоей,
- 115 А не сироти-ко ты ли ты да малых детушек.
 А не бесчести-ко ты да молодых жон!
- Ай выводил он утром ранешенько
 А своего коня-то, коня сизобурого
 А на тую ли он денку¹ на ранную:
- 120 — А уж ты, Сивушко мой да белогривушко.
 А ты котайсе-ко на роске на ранноёй,
 Чтобы шерсть-та у тя сменяласе,
 Чтобы силушка в тебе прибавляласе,

¹ Обеденку. (Прим. сбираителя).

И ты служи-ко добру молодцу
 125 А на цистом поли разъезживать,
 А через стеноцьки городовыи перескакивать!
 А тут Илюшенка да спрямляйтсе,
 А он во путь снаряжайтсе:
 — Ах вы, мужицьки Черниговски,
 130 А где дорожка-то есть прямоезжая?
 — А уж ты, славной наш и молодой ли ты,
 А молодой Илья, да Илья Муромець!
 А тридцать лет, как дороги прямоезжей нет:
 А сидит там Соловей-то Рахмановичъ,
 135 А его гнездо да на семи дубах,
 А на семи дубах да на семи верстах.
 А что ль удалых добрых молодцев не ездило,
 А никакой оттуль не возвращается.
 А тут поехал Илья по дорожки прямоезжий;
 140 А рукой коня ведет, другой мостит дубовые
 А все ли ты мостики каленые,
 А идет все вперед, вперед двигается.
 А под(ы)жал тут Илья Муромець
 А ко тем мужицькам-карачающим;
 145 А ёны каютсе все да причащаются:
 — Ай же вы, мужицьки да карачаевци,
 Вы цого вы нуньче не чуликаетесь,
 А чего же каетесь-причащаитесь?
 — Ай заезжий славной молодець!
 150 Хоть приехал поганое Индбелишо
 А со своею силою великою:
 А у его силы сорок тысячей.
 А он кругом вобъехал стенки городовои,
 А у нас некому с им да заборонитьсে,
 155 А у нас некому с им да подратисе.
 Ай говорил Илья таковы слова:
 — А не велела мне да родна матушка
 А кровавить ли сабли ли востроей,

- А не сиротать мне-ка малых детушек, —
 160 А быти мне-ка посиротать малых детушек,
 А быги мне-ка — молодых жен.
 А ведь надо постояти за веру верную,
 А за тыи ли за церкви за соборныи!
 А тут взял ён, сел ён на добра коня,
 165 А поезжал к шатру да белополотняну.
 А с(ы)пит тут проклятоё Уделище.
 А говорил ён таковы слова:
 — А уж ты стань, проснись, да что ты есь такой!
 А ён спустил коня ко пшенице белояровой,
 170 А конь пришел отпихал ёго.
 А пошел ли конь по цисту полю.
 А тут стал и проклятоей Инделищо:
 — А уж ты, малый же [с]комаробина,
 А у шатра ты распорядися,
 175 А я сейчас, как стану, тебе вот покажу дружбу!
 А и говорил Илья да таковы слова:
 — А не изыман сокол, не тереби его,
 А не изыман, так не лови его!
 А ён стал ли ён на резвы ноги, —
 180 А у его ли да голова, да как котел большой,
 А меж глазами будто пивные бутылочки.
 А говорил ли ён да скоморошины:
 — А какой же ты поединщик мне?
 Как ты, на руку кладу да другой прижму —
 185 Да с тибя ведь и блин ы тут!
 Ой говорил Илья да таковы слова:
 — А не тереби-ко да впереди себя,
 А заседлывай-ко ты добра коня,
 А мы пойдем с тобой да на цисто полё,
 190 А ведь тут мы силушку узнаём ли!
 А тут сед(ы)лал коня, да коня доброго,
 А садился они да на добрых коней,
 А разъезжали да на т(ы)ри версты,

А на три версты, на три поприща.
 195 Поразъехались да добры молодцы.
 Как ударил его да в голову, —
 А раскокалась голова да у Удёлища;
 А тут ён и пал со добра коня,
 А зафатыл Удёлища ён за ноги.
 200 А поехал по силушке помахивать,
 А куды махнё — туда улушка,
 А перемахнёт — переуложёк.
 А не прошло ли времени ли три цяса, —
 А в поле-то слова-голоса нет цёловицьего.
 205 А подъезжал ён к мужицькам-караачевцам:
 — Ай вы, мужицьки-караачевцы,
 А вы живите-ко да нунь да со спокоюшком,
 А вы скажите-ко дорожку да прямоезжую!
 — Ах ты, доброй удалой, доброй молодецъ,
 210 А ведь нету т(ы)ридцать лет там;
 А сидит ли Соловей-то Рахмановицъ,
 А не пропус(и)тит прохожого,
 А не пропус(и)тит ли проезжего,
 А не пролётят ни вол(о)ки,
 215 А никаки з(и)вирья туды не проскочат.
 А тут поехал Илья той дорожкой прямоезжую;
 А ён дубы на мосты мостит.
 А подъезжал к гнезду да Соловыиному.
 Ай замуэгаль-застонул во целой голос, —
 220 А у Ильи ли конь да на колена пал:
 Ай говорил Илья да таковы слова:
 — А уж ты, волчья сыть да пеловой мешок,
 А видно ты ли не бывал на белом, на белу свету,
 А не слыхал ты рыбочки звериноёй,
 225 А не слыхал ты шипочки славной змейноёй!
 А говорил Илья да таковы слова:
 — Ай ты ли, проклятое Индёлище,
 А ты повыстроил широкохонькё,

- А ты опустился у меня да понизехонько.
- 230 Ай натянул ён лук, стрелу калéнью,
Ай ён спустил ему да [в] право ѿшко ли.
А вышла ли ему [в] глазушко, —
А слетел Соловей на сырь землю.
Ай захватил Соловия ён за ноженьки,
- 235 А привязал ко стремени славной кони́оей,
А привез ён к жилищу Соловыиному.
А подъезжал ён к жилищу Соловыиному,
А его там глядит семья в окну:
— А слава да слава, слава господу,
- 240 А наш-то батюшко идё, мужика везё!
А поглядела тут да родна матушка:
— А вы, детушки да мои родные,
А мужик-то идё да отця везё,
А везё отця да не по-путному.
- 245 А отворяйте-ко воротушка широкии,
А запускайте-ко гостя во славной терём!
Подъезжал ли ён ко гнезду да Соловыиному.
А ко воротам ко тым ко славным, —
А выходила его стар(ы)шая тут дочь.
- 250 А отворила ворота широкии,
А подынула подворотенку тяжелую,
А хотела Илью ударить по буйной да головы
А Илью-то было ли смерть не писана:
— Ах ты, проклятая ты Индóлишо,
- 255 Разве так гостей дожидают, Индóлишо!
А разве так и да стретают ли?
А схватил Илья да за резвы ноги,
Да бросил Илья да о кирпичят пол, —
А голова у ней вся да развалиласе.
- 260 А ён зашел в гнездо да Соловыиное.
А Соловыиное в его богатоё.
А ён руку жмет, дак руку и вон,
А за ногу — нога и прочь,

А ён всих их прибил и приломил тут.

265 А опять садилсε да на добра коня,

А привязал Соловья ён ко стремёнушке,

А ён поехал тут да во Киев-град.

А под(ы)ехал ён ко с(ы)лавному ко князю ко Владимиру:

— А уж ты, солнышко князь да стольнё-киеськой,

270 А пригласи-ко ты меня да на поцестен пир!

— А уж пожалуй-ко, дятинушка-засельщикна,

А уж пожалуй-ко, молодчик-деревеньщикна!

А ты какого есь роду-племени?

— А я из города славна из Мурома,

275 А с деревни есть с Карабаёвой,

А я — названой сын Илья Муромецъ.

— А пожалуй-ко, заезжий доброй молодецъ,

А во мои ли ты полаты белокаменны!

А ты каким нунь путем ехал, господь-то нес?

280 — А я ведь ехал ли дорожкой прямоёзжоей,

А я ведь ехал ли дорожкой прямохбжоей.

— Тридцать лет ли дороженьки ведь не было:

А ведь там сидит Соловей да Рахмановицъ,

А ведь сидит ён да на дубах да на семи ён верстах.

285 — А уж ты, солнышко князь стольнё-киёвской.

А поидим-ко, как я тебе скажу

А про Соловьюшку да про Рахманова.

А поили, попили, покушали,

Ай говорил сол(ы)нушку князю стольнё-киёсскому:

290 — Ай вести ли в палаты белокаменны

Ай этого проклятого Соловьюшку?

— А приведи в палаты белокаменны,

А покажи Соловья да ты Рахманова!

А приводили в палаты белокаменны.

295 Ай говорил и тут солнышко князь да стольнё-
киёсской:

Ай уж ты, Соловей да й Рахмановицъ,

А ты сидил ли всё да супротивником,
 А ты прибил ли сколько головушек безвинных,
 А ты бесчестил да и молодых жон.
 300 А попал ты, да Соловей, на добра молодца,
 А привез ли тебя да во Киёв-град.
 А засвищи-ко ты, а Соловьюшко!
 — А ты не можешь мной распоряжатисе,
 А не ты меня привез, не тебя слухать.
 305 А кто привез, дак доложён того!
 Ай говорил ту солнышко князь да стольнё-киёсской:
 — Ах ты, Илья, да Илья Муромець,
 А ты вели-ко ему да замузгать ему во целой свист!
 — А уж ты, солнышко князь стольнё-киёсской,
 310 А вы подвиньтесь ко мне да поблизехонько,
 А зафаю я вас да коротехонько,
 А прикажу ли я ёму да посвистать в полсвисту,
 А прикажу ли да славно-то помозгать в полмозгу.
 А говорил Илья да таковы слова:
 315 — А засвищи-ко ты, проклятое Индблище,
 А только в полмозгу да только полсвисту!
 Ай засвистал тута ли ён в полсвисту,
 Ай замызгал да ён да в полмызгу,
 А говорили — околенки посыпались,
 320 А князь с княгиной — да раскаракою,
 А Илья Муромець да поддярживат,
 А тут и много ума лишилосе.
 Ай говорил князь да таковы слова:
 — А уж ты, добрый удалый младець,
 325 А Илья ли ты с(ы)лавной ты Муромець.
 А ты казни ёго, проклятого Удблища,
 А чтобы не было памести,
 А чтобы не шла про его слава великая.
 А тут фатил Илья да за резвы ноги,
 330 А ударил ли его трупушку о корпитов пол, —
 А разлетелось на дребезги;

А ён собрал его ли в кучу великую,
А ён наклал ли дров ли огня горюющаго,
А сожгал его да на чистом полѣ.
335 А ведь тут слава прошла, —
А Илью-то Муромца прославили.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВИЕ

11

Калин-царь

Да из орды, Золотой земли,
Из той Могозеи богатыя,
Когда подымался злой Калин-царь,
Злой Калин-царь Калинович,
5 Ко столльному городу ко Киеву
Со своею силою с поганою.
Не дошед он до Киева за семь верст,
Становился Калин у быстра Непра.
Сбирался с ним силы на сто верст,
10 Во все те четыре стороны.
Зачем мать сыра земля не погнется?
Зачем не расступится?
А от пару было от кониного
А и месяц, солнце померкнуло,
15 Не видеть луча света белого;
А от духу татарского
Не можно крещеным нам живым быть.
Садился Калин на ременчат стул,
Писал ярлыки скорописчаты
20 Ко столльному городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру,

Что выбрал татарина выше всех:
 А мерою тот татарин трех сажен,
 Голова на татарине с пивной котел,
 25 Которой котел сорока ведер,
 Промеж плечами косая сажень.
 От мудрости слово написано:
 Что возмет Калин-царь стольной Киев-град,
 А Владимера-князя в полон полонит,
 30 Божьи церкви на дым пустит.
 Даёт тому татарину ерлыки скорописчаты,
 И послал его в Киев наскоро.
 Садился татарин на добра коня,
 Поехал ко городу ко Киеву,
 35 Ко ласкову князю Владимиру.
 А и будет он, татарин, в Киеве,
 Середи двора княженецкого,
 Скакал татарин с добра коня;
 Не вяжет коня, не приказывает,
 40 Бежит он в гридню во светлую,
 А спасову образу не молится,
 Владимериу-князю не кланется,
 И в Киеве людей ничем зовет.
 Бросал ерлыки на круглой стол
 45 Перед великого князя Владимира.
 Отшед татарин, слово выговорил:
 — Владимери-князь стольной киевской!
 А наскоре сдай ты нам Киев-град,
 Без бою, без драки великие,
 50 И без того кроволития напрасного.
 Владимир-князь запечалился,
 А наскоре ерлыки распечатывал
 И просматривал,
 Глядючи в ерлыки, заплакал, свет.
 55 По грехам над князем учинилося:
 Богатырей в Киеве не случилося.

- А Калин-царь под стеною стоит;
 А с Калином силы написано
 Не много, не мало — на сто верст.
 60 Во все четыре стороны.
 Еще со Калином сорок царей со царевичем,
 Сорок королей с королевичем,
 Под всяkim царем силы по три тмы, по три тысячи;
 По праву руку его зять сидит,
 65 А зята зовут у него Сартаком;
 А по леву руку сын сидит,
 Сына зовут Лоншеком.
 И то у них дело не окончено,
 Татарин из Киева не выехал.
 70 Втапоры Василей Пьяница
 Збежал на башню на стрельную,
 Берет он свой тугой лук разрывчатой,
 Калену стрелу переную,
 Наводил он трубками немецкими,
 75 А где-то сидит злодей Калин-царь.
 И тот-то Василей Пьяница
 Стрелял он тут во Калина-царя;
 Не попал во собаку Калина-царя,
 Что попал он в зята его Сартака:
 80 Угодила стрела ему в правый глаз,
 Ушиб его до смерти.
 И тут Калину-царю за беду стало,
 Что перву беду не утесили,
 А другую беду они загрэзили,
 85 Убили зята любимого
 С тоя башни со стрельныя.
 Посыпал другого татарина
 Ко тому князю Владимиру,
 Чтобы выдал того виноватого.
 90 А мало время замешкавши.
 С тое стороны полуденные.

Что ясной сокол в перелет летит,
 Как белой кречет перепорхивает.
 Бежит паленица удалая,
 95 Старой козак Илья Муромец.
 Приехал он во стольной Киев-град,
 Середи двора княженецкого
 Скочил Илья с добра коня,
 Не вяжет коня, не приказывает,
 100 Идет во гридню во светлую;
 Он молится спасу со пречистою,
 Бьет челом князю со княгинею,
 И на все четыре стороны,
 А сам Илья усмехается:
 105 — Гой еси, сударь Владимир-князь!
 Что у тебя за болван пришел?
 Что за дурак неотесаной?
 Владимир-князь стольной киевской
 Подает ерлыки скорописчаты.
 110 Принял Илья, сам прочитывал;
 Говорил тут ему Владимир-князь:
 — Гой еси, Илья Муромец!
 Пособи мне думушку подумати,
 Сдать ли мне, не сдать ли Киев-град,
 115 Без бою мне, без драки великие,
 Без того кроволития напрасного?
 Говорит Илья таково слово:
 — Владимир-князь стольной киевской!
 Ни о чем ты, осударь, не печалуйся:
 120 Божке-спас оборонит нас,
 А не что, пречистой, и всех сохранит!
 Насыпай ты мису чиста сёребра,
 Другую — красна золота,
 Третью мису — скатного земчуга;
 Поедем со мной ко Калину-царю,
 Со своими честными подарками,

Тот татарин-дурак нас прямо доведет.

Наряжался князь тут поваром,
Замарался сажею котельною.

130 Поехали они ко Калину-царю,
А прямо их татарин в лагери ведет.
Приехал Илья ко Калину-царю
В его лагери татарские.

Скочил Илья с добра коня,
135 Калину-царю поклоняется,
Сам говорит таково слово:
— А и Калин-царь, злодей Калинович!

Прими наши дороги подарочки
От великого князя Владимира:

140 Перву мису чиста серебра,
Другу — красна золата,
Третью мису — скатного земчуга;
А дай ты нам сроку на три дни,
В Киеве нам приуправиться,
145 Отслужить обедни с панафидами,
Как-де служат по усопшим душам,
Друг с дружкой проститися.

Говорит тут Калин таково слово:
— Гой еси ты, Илья Муромец!

150 Выдайте вы нам виноватого,
Который стрелял с башни со стрельныя,
Убил моего зятя любимого!

Говорит ему Илья таково слово:
— А ты слушай, Калин-царь, повеленое:

155 Прими наши дороги подарочки
От великого князя Владимира.
Где нам искать такого человека и вам отдать?

И тут Калин принял золоту казну
Нечестно у него, сам прибранивает.

160 И тут Илье за беду стало,
Что не дал сроку на три дни и на три часа.

Говорил таково слово:

— Собака, проклятой ты Калин-царь!

Отойди с татарами от Киева:

165 Охота ли вам, собака, живым быть?

И тут Калину-царю за беду стало,
Велел татарам сохватать Илью;
Связали ему руки белые
Во крепки чембуры шелковые.

170 Втапоры Илье за беду стало,

Говорил таково слово:

— Собака, проклятый ты Калин-царь!

Отойди прочь с татарами от Киева:

Охота ли вам, собака, живым быть?

175 И тут Калину за беду стало

И плюет Илье во ясны очи:

— А русской люд всегда хвастлив,

Опутан весь, будто лысой бес,

Еще ли стоит передо мною, сам хвастает.

180 И тут Илье за беду стало,

За великую досаду показалось,

Что плюет Калин в ясны очи,

Скочил в полдрева стоячего,

Изорвал чембуры на могучих плечах.

185 Не допустят Илью до добра коня,

И до его-то до палицы тяжкия,

До медны литы в три тысячи.

Схватил Илья татарина за ноги,

Которой ездил во Киев-град.

190 И зачал татарином помахивати:

Куда ли махнет — тут и улицы лежат,

Куды отвернет — с переулками;

А сам татарину приговаривает:

— А и крепок татарин, не ломится,

195 А жиловат, собака, не избрется.

И только Илья слово выговорил,

Оторвется глава его татарская,
Угодила та глава по силе вдоль,
И бьет их, ломит, вконец губит.

- 200 Достальные татара на побег пошли,
В болотах, в реках притонули все,
Оставили свои возы и лагери.
Воротился Илья он ко Калину-царю,
Схватил он Калина во белы руки,
205 Сам Калину приговаривает:
— Вас-то, царей, не бьют, не казнят,
Не бьют, не казнят и не вешают!

Согнет его корчагою,
Воздымал выше буйны головы своей,
210 Ударил его о горюч камень,
Расшиб его в крохи .....
Достальные татара на побег бегут.
Сами они заклинаются:
— Не дай бог нам бывать ко Киеву,
215 Не дай бог нам видать русских людей!
Неужто в Киеве все таковы,
Один человек всех татар прибил?

- Пошел Илья Муромец
Искать своего товарища,
220 Того ли Василья Пьяницу Игнатьева;
И скоро нашел его на кружалах петровскием:
Привел ко князю Владимиру.
А пьет Илья довольно зелена вина
С тем Василем со Пьяницей,
225 И называет Илья того Пьяницу
Василья братом названным.
То старина, то и деянье.

[Илья Муромец и Батый Батыевич]

Из-за моря, моря синего,
 Из-за синего моря, из-за Черного,
 Подымался Батый-царь, сын Батыевич,
 Со своим сыном, с Таракашком,

5 Со любимым зятем, со Ульюшком.
 Собрал собака силы трех годов,
 Силы трех годов и трех месяцев;
 За сыном было силы сорок тысячей,
 За зятем было силы сорок тысячей,
 10 Одних было сорок царей, царевичей,
 Сорок королей, королевичей.
 Подошел собака под стольный Киев-град,
 Сопущал собака якори булатные,
 Выпуштал шеймы шелковые,
 15 Выметывал сходенки дубовые,
 Выходил на крут-красен бережок,
 Раздернул бел-полотняный шатер,
 Поставил в шатер дубовый стол,
 Писал ярлыки скорописчие,
 20 Скрычал зычным голосом богатырским,
 Созывал своих мурзоб-бурзов, татаровей:
 — Кто умеет говорить русским языком, человеческим?
 Кто бы съездил ко тому городу ко Киеву,
 Ко ласкову князю ко Владимиру,
 25 Отвез бы ему посольный лист, ярлык скорописчай?
 Поголовно молчат бурзы-мурзы, татаровя.
 Закрычал он по второй након:
 — Ой вы гой еси, мурзы-бурзы, татаровя!
 Кто умеет говорить русским языком, человеческим?
 30 Кто бы съездил ко городу ко Киеву,
 Ко ласкову князю ко Владимиру,

Отвез бы ему посольный лист, ярлык скорописчай?

Тут выскочил бурза-мурза, татарович:

Стар, горбат, на перед покляп,

35 Синь кафтан, голубой карман,

Говорил сам таково слово:

— Уж ты гой еси, Батый-царь, сын Батыевич!

Умею я говорить русским языком, человеческим,

Отвезу ему посольный лист, ярлык скорописчай.

40 — Поезжай ты, бурза-мурза, татарович,

Поезжай не путем, не дорогою,

Через леса дремучие,

Через лузя дыбучие,

Поезжай ты ко Киеву,

45 Перескочи через стену городовую.

Через ту башню наугольную,

Брось своего коня середь двора

Не привязана, не приказана,

Иди во гридни княженецкия,

50 Двери грудью на пяту бери,

Положь ярлык на дубов стол,

Оборотясь, приступи крепко, вон поди,

Приступи, чтоб спели светлые оконницы!

Видели, как молодец коня седлал.

55 Двенадцать подпруг со подпругою натягал,

Не для басоты молодецкия, а для крепости богатырской.

Никто не видел поездочки богатырская;

Конь горы и долы промеж ноги брал,

А маленькие речки хвостом устипал.

60 Приехал ко городу ко Киеву,

Перескочил через стену городовую,

Через те башни наугольные.

Положил ярлык на дубов стол,

Оборотясь, приступил толь крепко, сам вон пошел.

- 65 Тут Владимир стольный киевский
Со своей женой Апраксией
Крычат сильных могучих богатырей:
— Уж вы гой есте, Добрыня Никитич и Алеша
Попович млад!
Вы примайте ярлыки, распечатывайте.
- 70 Поскорее того прочитывайте,
Не утайте вы слова ёдного!
Говорили Добрыня Никитич с Алешей Поповичем:
— Ярлык, князь батюшко, не радостный:
Из-за моря, моря синего,
- 75 Из-за синего моря, из-за Черного,
Подымался Батый-царь, сын Батыевич,
Со своим сыном, с Таракашком,
Со любимым зятем, со Ульюшком.
Собрал собака силы трех годов.
- 80 Силы трех годов и трех месяцев;
За сыном было силы сорок тысячей,
За зятем было силы сорок тысячей,
Одних было сорок царей, царевичей,
Сорок королей, королевичей.
- 85 Подошел собака под стольный Киев-град,
Просит Батый у нас трех сильных, могучих
богатырей:
Богатыря — старого казака Илейку Муромца,
Другого богатыря — Добрыню Никитича,
Третьего богатыря — Алешу Поповича.
- 90 Похваляется: «Дашь — не дашь, за боём возьму,
Сильных богатырей под меч склоню,
Князя со княгинею в полон возьму,
Божьи церкви на дым спущу,
Чудны иконы по плавь реки,
- 95 Добрых молодцев полоню станицами,
Красный девушек пленицами,
Добрых коней табунами».

- Надевал Владимир платье черное,
Черное платье, печальное.
- 100 Походил ко божьей церкви богу молитися;
В стрету идет нищая калика перехожая:
— Уж ты здравствуй, Владимир стольный киевский!
Ты зачем надел черное платье, печальное?
Что у вас во Киеве учинилося?
- 105 — Молчи, нищая калика перехожая.
Нехорошо у нас во Киеве учинилося:
Из-за моря, моря синего,
Из-за синего моря, из-за Черного,
Подымался Батый-царь, сын Батыевич,
- 110 Со своим сыном, с Таракашком,
Со любимым зятем, со Ульюшком.
Собрал собака силы трех годов,
Силы трех годов и трех месяцев;
За сыном было сорок тысячей,
- 115 За зятем было силы сорок тысячей.
Одних было сорок царей, царевичей,
Сорок королей, королевичей.
Подошел собака под стольный Киев-град.
Просит Батый у нас трех сильных, могучих
- богатырей:
- 120 Богатыря — старого казака Илейку Муромца.
Другого богатыря — Добрыню Никитича.
Третьего богатыря — Алешу Поповича.
Похваляется: «Дашь — не дашь, за боем возьму.
Сильных богатырей под меч склоню.
- 125 Князя со княгинею в полон возьму,
Божьи церкви на дым спущу,
Чудны иконы по плавь реки,
Добрых молодцев полоню станицами,
Красных девушек пленицами,
- 130 Добрых коней табунами».
— Не зови меня нищей каликой перехожею.

Назови меня старым казаком Ильей Муромцем

Бил челом Владимир до сырой земли:

— Уж ты здравствуй, стар казак Илья Муромец!

135 Постарайся за веру христианскую

Не для меня, князя Владимира,

Не для ради княгини Апраксии,

Не для церквей и монастырей,

А для бедных вдов и малых детей!

140 Говорит стар казак Илья Муромец:

— Уж давно нам от Киева отказано,

Отказано от Киева двенадцать лет.

— Не для меня ради, князя Владимира,

Не для ради княгини Апраксии,

145 А для бедных вдов и малых детей!

Проводил Владимир Илейка во гридни
княженецкия,

Посыпал его ко царю Батыю, сыну Батыевичу

Брал Илейко с собою Алешу Поповича и

Добрынюшку,

Брали они много золата-серебра,

150 Поезжали ко Батыю с подарками.

Увидали их бурзы-мурзы, татаровя,

Говорили сами таковы речи:

— Едет Владимир стольный киевский,

Везет нам Илейку во подарочки!

155 Подъезжает Владимир стольный киевский

Со старым казаком Ильей Муромцем

Ко Батыю-царю, сыну Батыевичу.

Подают ему они подарочки,

Сами просят сроку на три года.

160 На три года, на три месяца.

Дает Батый сроку только на три дня.

Наливает чару зеленá вина,

Не велику чару — в полтора ведра,

Подавал чару князю Владимиру:

165 Принимал Владимир чашу в обе-ручь,
Прикусал из чаши с пивной стакан;
Подает чару Илье Муромцу:

Принимает он чару единой рукой,
Выпивает он чару на единой дух;

170 Расходилися плечи могучия,
Раскипелося сердце богатырское:
— Ты прощай, Батый-царь Батыевич!

Отправлялися в путь-дороженьку
К своему ко граду стольну Киеву.

175 Говорил казак Илейко Муромец:
— Запирай, князь, ворота крепко-накрепко,
Засыпай их желтым песком, серым камешком;
Я поеду, добрый молодец, на Почай-реку.
Я поеду созывать сильных богатырей.

180 Приезжал он на Почай-реку,
На Почай-реке богатырей не наехал:
Поезжал Илейко на Дунай-реку.
Тут богатыри сидят во белом шатре:
— Поедемте, братцы, отстаивать Киев-град

185 Не для-ради князя Владимира,
Не для-ради княгини Апраксии,
А для бедных вдов и малых детей!
Добры молодцы собиралися,

Садилися по своим добрым коням,
190 Поезжали братаны за Дунай-реку.

Подъезжают братаны ко Дунай-реке:

Первый скочил племянник Самсон Колыванович,
Скочивши погряз посередь реки.

Расскочился дядюшка Самсона Колывановича,

195 Вытянул племянника и с лошадью.
Все богатыри переехали.

Подъезжали ко граду стольну Киеву,
Метали жеребей промеж себя:
Кому из них ехать в руку правую,

- 200 Кому из них ехать в руку левую,
   Кого поставить в середку силы, в материцу,
   Доставалася Самсону рука правая,
   Никите с Аleshей рука левая,
   Илейке доставалась середка силы, материца.
- 205 Бьются-рубятся двенадцать дней,
   Не пиваючи, не едаючи,
   Добрым коням вздоха не даваючи,
   Поехали добры молодцы опочив держать;
   Не поехал Илейко опочив держать.
- 210 Проговорил его добрый конь по-человечьему:
   — Уж ты, стар казак Илья Муромец!
   Есть у татар в поле накопаны рвы глубокия,
   Понатыканы в них копья мурзамецкия,
   Копья мурзамецкия, сабли вострыя;
- 215 Из первого подкопа я вылечу,
   Из другого подкопа я выскочу,
   А в третьем останемся ты и я!
   Бил Илья коня по крутым ребрам:
   — Ах ты, волчья сыть, травяной мешок!
- 220 Ты не хочешь служить за веру християнскую!
   Пала лошадь во третей подкоп,
   Остался Илейко во подкопе.
   Набежали злые татаровья,
   Оковали Илеюшку железами,
- 225 Ручными, ножными и заплечными,
   Проводили ко Батыю Батыевичу.
   Говорил ему Батый-царь, сын Батыевич:
   — Уж ты гой еси, стар казак Илья Муромец!
   Послужи мне-ка так же, как Владимиру,
- 230 Верою неизменною ровно три года!
   Отвечал стар казак Илья Муромец:
   — Нет у меня с собой сабли вострыя,
   Нет у меня копья мурзамецкого,
   Нет у меня палицы боёвых:

- 235 Послужил бы я по твоей по шее по татарски!
 Говорил Батый-царь, сын Батыевич:
 — Ой вы, слуги мои верные!
 Вы ведите Илейку на широкий луг,
 Вы стреляйте стрелами калеными!
- 240 То Илеюшке не поглянулося,
 Говорил он таково слово:
 — Ой ты гой еси, Батый-царь, сын Батыевич!
 Ты так казни, как на Руси казнят богатырей.
 У нас выведут на поле на Куликово,
- 245 Положат голову на плашку на липову,
 По плеч отсекут буйну голову:
 Не толь старику будет смерть страшина!
 То Батью слово показалося:
 — Выводите его на поле Куликово,
- 250 Положите голову на плаху на липову,
 По плеч срубите буйну голову!
 Возмолится стар казак Илья Муромец
 Тому угоднику божьему Николаю:
 — Погибаю я за веру християнскую!
- 255 У Илейки силы вдвое прибыло;
 Рвал он оковы железныя,
 Хватал он поганого татарина,
 Который покрепче, который на жиле не рвется.
 Взял татарином помахивать:
- 260 В которую сторону махнет — улица.
 Подбегает к Илеюшке добрый конь,
 Садился он на добра коня,
 Бил татар чуть не до единого.
 Убирался Батый-царь с большими убытками.
- 265 С большими убытками, с малыми прибытками,
 С малыми прибытками, со страмотою вечною,
 На мелких судах, на павозках.

Илья Муромец и Калин-царь

Как Владимир-князь да стольне-киевский
 С Ильей Муромцем да ѹ порассорился,
 Порассорился с козаком Ильей Муромцем,
 Засадил козака Илью Муромца

5 А на тыя лъ на погребы глубокии,
 А на тыя лъ на ледники холодныи,
 А за тыи за решетки за железныи,
 А на тыя на казени на смертныи.
 Не на мало поры-времени — на три году,

10 На три году ѹ на три месяца,
 Чтобы не был жив дородний добрый молодец..
 У ласкового князя у Владимира
 А любимая была дочка одинакая,
 Она видит — дело есть нехорошее:

15 Посадили дородня ѹ добра молодца
 А на тыя погребы глубокии,
 А на тыи лъ ледники холодныи,
 А за тыи за решетки железныи,
 А на тыя на казени на смертныи,

20 Не на мало поры-времени — на три году,
 На три году ѹ на три месяца,
 А который бы дородний добрый молодец
 Постоять бы мог за веру ѹ за отечество,
 Сохранить бы мог да ѹ стольней Киев-град,

25 А сберечь бы мог бы церкви божии,
 А сберечь бы мог князя Владимира
 Она сделала ключи поддельныи,
 Положила людѣй да ѹ потаённых,
 А снесла она ѹ ествушки сахарныи,

30 Да ѹ снесла она питьвица медъянии,
 Да ѹ перинушки-подушечки пуховыи,

А одъялышки снесла теплыи,
 На себя она шубоньку ведь ю куньею,
 Сапоженки на ноженки сафьянныи,
 35 На головушку шапку соболиную,
 В полону сидит дородний добрый молодец.
 В полону сидит да й под обидою,
 Он не старится да й лучше ставится.

А тут в ту ль пору, в тое ль времячко
 40 Да й на тот на славный стольний Киев-град,
 Воспыдал собака ли царь Калина.
 Посылает он послы да й в стольней Киев-град,
 Пословесно собака он наказывал,
 Говорит-то й собака таковы слова:
 45 — Поезжай-ка, мой посланник, в стольныи Киев-град,
 Заезжай-ка к князю й на широкий двор,
 Станови коня ты богатырьского,
 Выходи на матушку й сырну землю,
 Ты й спускай коня на двор да й не привязывай.
 50 Ты иди в палату белокаменну,
 На пяту ты дверь да й поразмахивай.
 Не запирай дверей в палату белокаменну,
 Не снимай-ка кивера ты со головушки,
 Не клади креста да й по-писанному,
 55 Не веди поклонов по-ученому,
 А ты князю Владимиру й не кланяйся,
 Яго всем князьям да й подколенным.
 Положи-тка грамоту на золот стол,
 Пословесно князю выговаривай:
 60 «Ты Владимир-князь да й стольне-киевский,
 А очисти-тка ты улицы стрелецкии,
 Все широки дворы княженецкии,
 А наставь-ка ты хмельных напиточёк,
 Чтобы бочекка о бочекчу й частехонько,
 65 А частехонько были, близехонько,
 Чтобы было б где стоять собаке царю Калине

Со своима й войсками со великими».

Тут поезжает посланник в стольней Киев-град,
 Он садился молодец да на добра коня,
 70 Приезжал во славный стольней Киев-град,
 Заезжал ко князю й на широкий двор,
 Становил коня да й богатырского,
 Выходил на матушку й сырую землю,
 Он спускал коня во двор да й не привязывал,
 75 Скоро шел в палату белокаменну,
 На пяту он дверь да й поразмахивал,
 Не запирал дверей в палату белокаменну,
 Не снимал он кивера да й со головушки,
 Не кладет креста он по-писанному,
 80 Не ведет поклонов по-учёному,
 А он князю Владимиру й не кланялся,
 Яго всем князьям да й подколенным,
 Положил он грамоту й на золот стол,
 Пословесно князю й выговаривал:
 85 — Ты Владимир-князь да й стольне-киевский,
 А очисти-тка ты улицы стрелецкии,
 Все широки дворы княженецкии,
 А наставь-ка ты хмельных напиточёк,
 Чтобы бочечка о бочечку й частехонько,
 90 А частехонько было, близехонько,
 Чтобы было б где стоять собаке царю Калине
 Со своима й войсками со великими

Тут Владимир-князь да й стольне-киевский
 А садился князь Владимир на ременчат стул,
 95 А писал он грамоту й посыльнико
 А тому ль собаки царю Калины,
 А просил он строку поры-времени,
 Не мало поры-времени — на три году,
 На три году и на три месяца:

100 — Ай же ты, собака ли царь Калина
 А дай-ка мни сроку поры-времени

Иван Герасимович Рябинин-Андреев.
(Былана 13).

- Не на мало поры-времени — на три году,
Приочистить улицы стрелецкия,
Все широки дворы княженецкии,
- 105 А наставить хмельных напиточек,
Чтобы бочечка о бочечку частехонько,
А частехонько были, близехонько,
Чтобы было б где стоять собаке царю Калине,
Со своима и войсками со великима.
- 110 Подает он грамоту послу да и во белы руки,
Тут пошел посланник на широкий двор,
А садился посланник на добра коня,
Приезжал посланник к собаке царю Калине,
Подавает он грамоту посыльнико
- 115 А тому ль собаке царю Калины.
Етот собака ли царь Калина
Прочитал он грамоту и посыльнико
От того ль от князя и от Владимира,
А дает он яму строку поры-времени,
- 120 Не на мало поры-времени — на три году.
На три году и на три месяца —
Приочистить улицки стрелецкии,
Все широки дворы княженецкии,
А наставить хмельных напиточек,
- 125 Чтобы бочечка о бочечку и частехонько,
А частехонько были, близехонько,
Чтобы было б где стоять собаке царю Калине
Со своима и войсками со великима.
Да и прошло тут времячки по год поры,
- 130 Да и прошло тут времени по два году,
Да и прошло тут времени по три году,
Ведь по три году и по три месяца.
Тут докладывают ко князю ко Владимиру:
— Ты Владимир-князь да и стольне-киевский,
- 135 Ты сидишь во тереме златом веръхи,
А ты ешь да и пьешь да и прохлаждаешься,

Над собой невзгодушки не ведаешь.
 А ведь твой-то славный стольней Киев-град
 В полону стоит да ѹ под обидою, —

140 Обошла его литва поганая
 А того лъ собаки царя Калины,
 Он хочет черных мужичков твоих повырубить,
 Хочет божья церкви все на дым спустить,
 А тебя, князя Владимира, в полон-то взять
 145 Со Опраксией да королевишной.
 А в полон-то взять да ѹ голову срубить.

Прикручинился Владимир, припечалился,
 Он ходил по горенке столовоей,
 Да ѹ погуливал о столики дубовыи,
 150 Да ѹ ронил Владимир горючи слезы.
 Говорил Владимир таковы слова:
 — А я глупость сделал князь да стольне-киевский —
 Засадил дородня ѹ добра молодца,
 Старого козака Илью Муромца
 155 А на тыя погребы глубокии,
 А на тыи ледники холодныи,
 А за тыя лъ решетки за железныи,
 Не на мало поры-времени — на три году,
 На три году ѹ на три месяца,
 160 А который бы дородней добрый молодец
 Постоять бы мог за веру ѹ за отечество,
 Сохранить бы мог наш Киев-град,
 А сберечь бы мог он церкви божии,
 Да ѹ сберечь бы мог меня, князя Владимира.
 165 Тут у славного у князя ѹ у Владимира
 А любима ѹ была дочь одинакая,
 Говорит она да ѹ таковы слова:
 — Ай же, батюшка да ѹ ты Владимир-князь,
 А прости-ка ты ѹ меня в вины великои,
 170 А я сделала ключи поддельныи,
 Положила людей потаённых

- На тьи погребы глубокии,
 Да ѹ снесли-та ѹ ествушки сахárни.
 Да ѹ снесли-та ѹ питьвица медъянныи.
- 175 Да ѹ перинушки-подушечки пуховыи.
 Одеялушки снесли да ѹ теплыи,
 А сапоженки на ноженки сафьянныи,
 На себя снесли да ѹ кунью шубоньку.
 А шапку на головушку ѹ соболиную
- 180 А тому лъ дородню добру молодца.
 Старому козаку Илье Муромцу.
 Он есть жив богатырь святорусский,
 В полону сидит да ѹ под обидою,
 Он не старится да ѹ лучше ставится.
- 185 Тут Владимир-князь да ѹ стольне-киевский
 А берет Владимир золоты ключи,
 А идет на погребы ѹ глубокии,
 Отмыкает погребы глубокии,
 Усмотрел он дородня добра молодца.
- 190 Старого козака Илью Муромца.
 На себе у него да ѹ кунья шубонька,
 А сапоженьки на ноженьках сафьянныи,
 На головке шапка соболиная,
 Да ѹ перинушки-подушечки пуховыи.
- 195 А одъялышки да ѹ еще теплыи,
 Перед ним стоит ествушка сахárни,
 Перед ним стоит питьвицо медъянныи,
 В полону сидит богатырь святорусський,
 Он не старится, да ѹ лучше ставится.
- 200 Тут Владимир-князь да ѹ стольне-киевский.
 Он берет ёго ѹ за ручушки за белыи,
 Да ѹ за перстни брал да ѹ за злачёныи,
 Целовал во устá да ѹ во сахárни,
 Да ѹ повел его в палату белокаменну.
- 205 Приводил его в палату белокаменну.
 Да ѹ во горенку он во столовую,

Да й садил за столики дубовыи,
 За тыи за скамеечки окольнии,
 Да й кормил яго ествушкой сахарноей,
 210 Да й поил яго питьвицем медъяным,
 Говорит Владимир таковы слова:
 — Ай же, старый козак ты Илья Муромец.
 Ты прости меня в вины великоей,
 На меня ты, князя, ведь не гневайся,
 215 А постой-ка ты за веру и за отечество,
 Да й за тот за славный стольней Киев-град,
 Да й за тыя ль за церкви да й за божии,
 За меня, за князя за Владимира:
 Наш ведь Киев-град да й в полону стоит,
 220 В полону стоит да й под обидою —
 Обошла ведь его литва поганая
 А того ль собаки царя Калины,
 Хочет черных мужичков он всех повырубить,
 Хочет божия церкви все на дым спустить,
 225 А меня, князя Владимира, в полон возьмет
 Со Opraksiей да й королевишной.

Так тут старый козак да Илья Муромец
 Он поел тут ествушёк сахарниих,
 Да й попил тут питьвицов медъяных,
 230 Выходил за столиков дубовых,
 Да й за тых скамеечек окольных,
 Выходил на славный на широкий двор,
 Да й на тот на славный стольне Киев-град,
 Он ходил-гулял по городу по Киеву,
 235 Цельный день гулял с утра и до вечера,
 Заходил в свою палату и белокаменну,
 Да й во тую ль горенку столовую,
 Он садился к столику дубовому,
 А за тыи скамеечки окольныи,
 240 Он поел тут ествушки сахарноей,
 Да й попил он питьвицов медъяных,

- Спать ложился ѹ на кроваточку тесовую,
 Да ѹ на тую ль на перинушку пуховую,
 А поутрушку вставал ранёшенько,
 245 Умывался он да до белёшенька,
 Одевался он да ѹ хорошёхонько,
 Он одел одёжу драгоценную,
 А снарядную одёжицу опальную,
 Манишечки-рубашечки шелковые,
 250 Да ѹ берет свой түгой лук разрывчатой,
 А набрал он много стрелочек каленых,
 А берет свою он саблю вост्रую,
 Свое вострое копье да ѹ муржамецкое,
 Выходил моло́дец тут на широкий двор,
 255 Заходил он в конюшню во стоялую,
 А берет тут моло́дец добра коня,
 А берет коня за поводы шелковые,
 Яго добрый конь да ѹ богатырский,
 Не в пример лучше он выпоен да ѹ выкормлен
 260 У его ли паробка любимого.
 Говорит тут старый козак Илья Муромец:
 — Ай же, верный мой слуга ты неизменный,
 Я люблю тебя за то и жалую,
 Что кормил, поил ты моего добра коня.
 265 Он берет коня за поводы ѹ шелковые.
 Выводил коня да ѹ на широкий двор,
 Становил коня он посреди двора,
 Стал добра коня моло́дец заседывать,
 Он заседывал коня да ѹ закольчуживал,
 270 Садился моло́дец да ѹ на добра коня,
 Да ѹ поехал моло́дец и с широка двора,
 С широка двора в раздольице чисто поле,
 Подъезжал ко рать-силы великой.
 Он вскочил на гору ѹ на высокую,
 275 Посмотрел на все четыре на сторонушки,
 Он не мог насмотреть конца ѹ краю силы татарской.

А скръзь пару-та ведь лошадиного,
Да скръзь того пару человечьего
Да ѹ не может пропекать да ѹ красно солнышко,
280 От ржания да ѹ лошадиного
А от покриков да ѹ человечецких
Ужахается сердечко ѹ молодецкое.
А тут старый козак Илья Муромец
Он спускался с той горы высокой,
285 Он тут ехал по раздольицу ѹ чисту полю
А об эту рать-силу великую.
А скочил на эту гору на высокую,
Посмотрел на все четыре на сторонушки,
Он не смог насмотреть конца ѹ краю силы татар-
ской;
290 От того ли пару лошадиного,
Скръзь того пару человечьего
Не может пропекать да ѹ красно солнышко.
От ржания да ѹ лошадиного,
От покриков да ѹ человечецких
295 Ужахается сердечко ѹ молодецкое.
Старый козак Илья Муромец
Он спускался с той горы высокой,
Он тут ехал по раздольицу ѹ чисту полю,
А об эту рать-силу великую.
300 Да ѹ скочил на гору ѹ на высокую,
Посмотрел на все четыре ѹ на сторонушки,
Посмотрел он в восточную сторонушку, —
А во той восточной сторонушки,
Во славном во раздольице чистом поли
305 Стоят добры кони богатырскии
У того ль они да ѹ у бела шатра,
Оны зоблют пшеницу белоярову.
Так тут старый козак да Илья Муромец
Он спускался с той горы высокой

- 310 А поехал в восточную сторонушку
 Ко тому он да й ко белу шатру.
 Приезжал молодец тут ко белу шатру,
 Становил коня он богатырского,
 Выходил на матушку й сыру землю,
 315 Принакинул коню й поводы шелковый,
 Он спустил коня к полотну белому.
 Яго й добрый конь да й богатырский
 Смелой грудью шел к полотну белому,
 А все добрыя кони расскочилиси.
- 320 Говорит старый козак тут Илья Муромец:
 — А ведь верно есть еще й во белом шатри
 А мне-то есть еще божъя помочь.
 Тут старый козак Илья Муромец
 Заходил тут он да й во белой шатер,
- 325 А во том во славном во белом шатри
 А его крестовый еще й батюшка,
 А Сампсон-то и есть да и Самойлович
 Со своей дружинушкой хороброей,
 Он садится хлеба-соли кушати.
- 330 Говорит Самсон да й таковы слова:
 — Ай же, крестничек да ты любимый мой,
 Старый козак да Илья Муромец,
 А садись-ка с намы за единый стол,
 А поешь-ка ествушки сахарнейей,
- 335 Ты попей-ка питьвицов медъяных.
 А тут старый козак да Илья Муромец
 А садился молодец тут за единый стол,
 Да й поел он ествушек сахарниих,
 Да й попил он питьвицов медъяных.
- 340 Тут удалия дородни добры молодцы
 А ложатся спать да й во белом шатри.
 Говорит Илья тут таковы слова:
 — Ай же ты, крестовый ты мой батюшка,
 А Сампсон же ты да и Самойлович!

345 А вы вся дружинушка хоробрая,
 Вот седлайте-тка коней богатырьских.
 Да ѹ поедемтя в раздольице в чисто поле,
 Постоимтя за веру ѹ за отечество,
 Сохранимте мы да ѹ стольний Киев-град.
 350 Сохранимте мы да ѹ церкви божии,
 Сберегёмте мы князя ѹ Владимира.

Говорит тут Самсон еще ѹ Самойлович:
 — Ай же ты, любимый мой крестничек,
 Старый козак да Илья Муромец,
 355 А не будем мы коней седлать,
 Не поедем в раздольице ѹ чисто поле
 В поле биться, больно ѹ раниться,
 А на тыи на удары ѹ на тяжелыи,
 А на тыи ль побоища на смёртныи:
 360 Много есть у князя ѹ у Владимира,
 Много есть господ да и бояринов,
 Он их кормит, пойт, да он их жалуёт,
 Ничего ведь мы от князя ѹ не предвидели.

Так тут старый козак да Илья Муромец
 365 Он ведь бьет челом еще-й на другой раз,
 Говорит тут молодец он таковы слова:
 — Ай же ты, крестовый ты мой батюшка,
 А Самсон же ты да и Самойлович,
 А вы вся дружинушка хоробрая.

370 А седлайте-тка коней богатырьских,
 Да ѹ поедемтя в раздольице в чисто поле,
 Постоимтя за веру ѹ за отечество,
 Сохранимте мы да ѹ стольний Киев-град,
 Сохранимте мы да ѹ церкви божии,
 375 Сберегёмте мы князя ѹ Владимира.

Говорит тут Самсон еще ѹ Самойлович:
 — Ай же ты, любимый мой крестничек,
 Старый козак да Илья Муромец,
 А не будем мы коней седлать,

380 Не поедем в раздольице ѹ чисто полё,
 В поле биться, больно ѹ раниться,
 А на тыи на удары ѹ на тяжелый,
 А на тыи ль побоища на смёртныи:
 Много есть у князя ѹ у Владимира,
 385 Много есть господ да и бояринов,
 Он их кормит, пойт да и жалуёт,
 Ничего ведь мы от князя ѹ не предвидели.

Старый козак да Илья Муромец

А он бьет челом еще ѹ по третий раз,
 390 Говорит молодец да ѹ таковы слова:
 — Ай же ты, крестовый мой батюшка,
 А Самсон же ты да и Самойлович,
 А седлай-тка коней богатырских,
 Мы поедемте в раздольице чисто полё,
 395 Постоимте за веру за отечество.

Сохранимте вы да ѹ церкви божии,
 Сберегёмте вы князя Владимира.

Так тут все молодцы на спокой легли.

А старый козак Илья да Муромец
 400 Выходил молодец да из бела шатра,
 Да ѹ садился молодец тут на добра коня,
 А выехал в раздольице ѹ чисто полё
 Да ѹ ко той ли рать-силе ко великоей.
 Подъезжал он ко рать-силе ко великоей,
 405 Он просил себе тут бога на помочь,
 Да ѹ пречистую пресвятую богородицу,
 Препускал коня он богатырского
 На етую на рать-силу великую.

А он стал как силы с крайчика потаптывать,
 410 Как куда проедет — падёт улицмы,
 Перевёрнется — дак переулкамы.
 Яго добрый конь тут богатырский
 Взлепетал языком человечецким:
 — Ай же, старый ты козак да Илья Муромец,

415 Напускаешь ты на рать-силу ѹ великую,
 А ведь сила есть тут очинь сильняя,
 А ведь воины-то есть могучии,
 Поляницы есть ведь разудалыи;
 Есть три подкопа подкóпаны глубокиих,
 420 Я прогрязну в первы ямы-подкóпы глубокии,
 Я оттуда с подкóпов повыскочу,
 А тебя Илью ѹ Муромца повыздыну;
 Я прогрязну в други ямы-подкóпы глубокии,
 А я с дру́гих ям-то ведь повыскочу,
 425 А тебя Илью Муромца ѹ повыздыну;
 Я ѹ прогрязну в третьи ямы-подкóпы глубокии,
 Я ведь с третьих ям да как-нибудь повыскочу,
 А тебя Ильи Муромца не выздыну.

Разгорелося сердце ѹ у богатыря
 430 А у старого ль козака Ильи Муромца,
 Говорит тут он да ѹ таковы слова:
 — Ах ты волчья сыть да ѹ травяной мешок,
 Ты оставить хочешь в ямах во глубокиих!
 Он берет тут в руки плеточку шелковую,
 435 Он тут бил коня да ѹ по тучной бедры,
 Первый раз он бил коня между ушей,
 Другой раз он между ноги между задний,
 А давал удары всё тяжелыи.
 Яго ѹ добрый конь тут богатырский
 440 По чисту полю он стал поскакивать,
 Не в пример он зло поехал по чисту полю.
 Он прогрязнул в первы ямы-подкóпы глубокии,
 А он с первых ям еще ѹ повыскочил
 Да ѹ козака Илью Муромца ѹ повыздынул.
 445 Он прогрязнул в други ямы-подкóпы глубокии,
 А он с дру́гих ям еще ѹ повыскочил
 Да ѹ козака Илью Муромца повыздынул.
 Он прогрязнул в третьи ямы-подкóпы глубокии,
 С третьих ям конь еще ѹ повыскочил,

- 450 А козака Ильи Муромца ѹ не выздынул,
 Он свернулся с седельышка черкальского,
 А упал в ямы-подкопы глубокии.
 Не могли захватить коня ѹ татарова.
 Тут нападали татарова ѹ поганыи
 455 На того лъ дородня добра молодца,
 Да ѹ сковали Ильи да ѹ ножки резвыйи,
 Да ѹ связали Ильи да ручки белыи,
 Да ѹ хотели срубить буйну ѹ головушку.
 Говорят тут татарова ѹ поганыи:
 460 — Не рубите-как ему буйной головушки,
 Это есть богатырь святорусський.
 Вы сведемте его к собаки царю Калину,
 Что он знает — над ним дак то пустъ и делаёт.
 Повели тут дородня добра молодца
 465 А к тому собаке царю Калину.
 Приводили к собаке царю Калину
 А вот оне да и во бел шатер.
 Говорит собака ли царь Калина: ✓
 — Ай же ты, стеръва ѹ молодой щенок,
 470 Напускаешь ты ѹ на рать-силу великую,
 А ведь сила есть тут очень сильния,
 Воины ведь есть могучии,
 Поляницы есть ведь разудалыи,
 Есть три подкопа подкопаны глубокии,
 475 Ай же, старый ты козак да Илья Муромец,
 Не служи-ка ты князю ведь Владимиру,
 Ничего ведь вы от князя не предвидите.
 А служи ты мне, собаке царю Калины,
 Положу я тёбе ествушку ѹ сахарнию,
 480 Положу я тёбе питьвица медъянныи,
 Я дарить буду ѹ дары драгоценныи.
 Говорит собака ли царь Калина:
 — А раскуйте-ка Ильи вы ножки резвыйи,
 Развяжите-ка Ильи да ручки белыи.

- 485 Расковали Ильи да ножки резвый,
 Развязали Ильи да ручки белы,
 Старый козак тут Илья Муромец
 А вставал молодец на резвы ноги,
 Говорит тут он да й таковы слова:
 490 — Ай же ты, собака ли царь Калина,
 Не могу я служить тебе, собаке царю Калины,
 У меня сделаны заповеди великий,
 Что служить мне князю-то Владимиру,
 Сохранить мне надо стольний Киев-град,
 495 Сберегать я й буду церкви божии,
 Сохранять буду веру православную,
 Сберегать буду князя Владимира.
 Так тут старый козак Илья Муромец
 Повернулся он тут в шатри белоем
 500 Да й пошел в раздольице в чисто полё.
 Говорит собака ли царь Калина:
 — Ай же, мои вы слуги верные,
 Вы скуйте-ка Ильи да й ножки резвый,
 Вы свяжите Ильи да й ручки белы.
 505 Тут нападали татарова поганый
 На того ль козака Илью Муромца,
 А тут старый козак да Илья Муромец
 Он схватил татарина как за ноги,
 Он как стал татарином помахивать,
 510 Он тут стал татар да й поколачивать,
 А татары от него да й стали бегати.
 А он бросил татарина тут в сторону
 Да й пошел в раздольице й чисто полё.
 Пригодились быть при себе свистки да й богатырскии,
 515 Засвистал в свистки он богатырский —
 Яго добрый конь тут богатырский
 Прибежал он из чиста поля
 А со всею сбруей богатырскоей.
 А тут старый козак да Илья Муромец

- 520 Он берет коня за поводы шелковые,
 Садился молодец тут на добра коня,
 Да и поехал по раздольицу и чисту полю.
 Он вскочил на гору и на высокую,
 Посмотрел в восточную сторонушку, —
- 525 А во той восточной сторонушки
 А стоят кони богатырскии
 У того ли они да и у бела шатра,
 Они зоблют пшеницу белоярову.
 Так тут старый козак да Илья Муромец
- 530 Выходил на матушку и сырь землю,
 Скоро и тугой лук разрывчатой отстегивал
 От правого ль стремечки булатного,
 Натянул тетивочку шелковую,
 Наложил он стрелочку каленую,
- 535 Говорил Илья да и таковы слова:
 — Ты просвистни, моя стрелочка и каленая,
 А во славное раздольице чисто полё,
 А пади-ка ты да и в етот бел шатер,
 А ты выхвати крышку со бела шатра,
- 540 Да и пади Самсону на белы груди,
 Выхвати цапеньку и немалую,
 А немалую цапенку невредимую.
 Да и спустил он тетивочку шелковую
 А во ету стрелочку каленую.
- 545 Тут просвистнула яго стрелочка каленая
 А во ето славныи во белой шатер,
 Она и выхватила крышку со бела шатра,
 Она пала Самсону на белы груди.
 У того ль Самсона у богатыря
- 550 Пригодился быть да крест на вороти,
 Крест на вороти да и ровно три пуда.
 Пробудился он от звону от крестового,
 Да и вскочил Самсон тут на резвы ноги,
 Говорит Самсон тут таковы слова:

- 555 — Ай же, мои братьица крестовыи,
 Вы богатыри да святорусскии,
 Вы вставайте, братцы, на резвы ноги.
 Да ѹ седлайте коней богатырских:
 Прилетели нам гостинички-подарочки
- 560 От моего крестничка любимого,
 А от старого козака Ильи Муромца,
 А его ведь стрелочка каленая
 Выхватила крышку ѹ со бела шатра,
 А пала мнѣ да ѹ на белы груди.
- 565 Вы поедемтъ в раздольице в чисто поле,
 Постоимтъ за веру за отечество,
 Верно мало ему в поле можется,
 Сохранимте мы да стольний Киев-град.
 Сохранимте мы да ѹ церкви божии,
- 570 Сберегомтъ мы князя ѹ Владимира.
 Тут удалия дородни добры молодцы
 Оседлали коней богатырских,
 А садились на коней богатырских,
 А поехали в раздольице ѹ чисто поле,
- 575 А ко етой ко рать-силе великоей.
 А старый козак тут Илья Муромец
 Он тут смотрит с горы высокоей,
 А куда поедут ети двенадцать да ѹ богатырей —
 А ко рать ли силе ко великоей,
- 580 Аль во тое во раздольице чисто полё.
 Тут поехали двенадцать-та ѹ богатырей
 А ко той ли рать-силе да ѹ великоей.
 А тут старый козак да Илья Муромец
 Он поехал наперелуч тринадцатый.
- 585 Оны съехались тут, поздоровались,
 Становили добрых коней богатырских,
 Оны делали словор между собой,
 Как же им побить литва поганая.
 Говорит старый козак да Илья Муромец:

590 — Ай же, мои братьица крестовыи,
 Вы богатыри да святорусскии,
 А ведь сила есть тут очень сильная,
 А ведь воины тут есть могучии,
 Поляни́цы тут есть разудалии.

595 Есть три подкопа подкопаны глубокии.

Тут удалый дородни добры молодцы
 А просили себе да й бога на помочь,
 Пречистую пресвятую богородицу.
 Припускали добрых коней богатырских
 600 А на етую па рать-силу великую,
 Стали силы с крайчика й потаптывать.
 А куда поедут — падёт улицмы,
 Переvernётся — дак переулкамы.
 Оны вытоптали силушку, повыкололи,
 605 А того ль собаку царя Калину
 А оне его да ведь и в плён брали.
 Говорят удалы добры молодцы:
 — А отрубимтя собаке буйну й голову.

Говорит старый козак да Илья Муромец:
 610 — Ай же, моя братьица крестовыи,
 Вы богатыри да й святорусскии.
 Не рубите ему буйноей головушки,
 А свеземте яго да й во стольний Киев-град
 А ко ласковому князю ко Владимиру,
 615 Что он знает над ним, так то пусть делает.

Привозили тут собаку Калина
 А во тот во стольний Киев-град
 А ко ласковому князю ко Владимиру.
 Говорят удалы добры молодцы:
 620 — Ты Владимир да й князь стольне-киевский.
 Привезли тиби царя Калину,
 Что ты знаешь над ним, да то и сделаешь.
 А яго мы рать-силу великую
 Мы разбили в раздолице чистом поли.

- 625 Говорит тут князь Владимир таковы слова:
— Благодарствуй вас, могучии богатыри,
Что стояли вы за славный столпний Киев-град.
Охраняли да и церкви божии,
Сберегли меня, князя Владимира.
- 630 А того собаку царя Калину
Отпустил во славну во темну Орду.
Да и тым былинушка и покончилась.

14

Илья Муромич и Калин-царь

Што из далеча да из чиста поля,
Из того роздолья широкого,
Тут не грузна туча подымаласе,
Тут не оболоко накаталосе,
5 Тут не оболоко обкаталосе, —
Подымался собака-злодей Калин-царь,
За ним сорок царей, сорок царевичей,
За ним сорок королей, королевичей,
За ним силы мелкой числу-смету нет,
10 Как по-русъкому на сороки верстах.
Тут и Киев-град знаменуетсе,
А и церькви соборны оказываются,
Становил собака тут бел шатер.
У его шатра золоченои верх.
15 Он садился на стул на ременьчатой,
А писал ерлык, скоро написывал,
Он скорей того запечатывал.
Отдает послу немилосливу
А-й тому Борису-королевичу:
20 — Уж ты ой еси, Борис, королевич сын!
Уж ты будешь в городи в Киеви
У великого князя Владимира, —

Не давай ты строку на малой час.

Ишо тут Борис, королевич сын,

25 Он берет ерлык, во корман кладет,

Он ведь скоро скачёт на добра коня.

Он ведь едёт к городу Киеву,

Ко великому князю, ко Владимеру.

Становил коня к дубову столбу,

30 Он вязал коня к золоту кольцу,

Он в гридню идет не с упадками, —

Отпираёт двери он на пяту;

Он в гридню идет, — богу не молитсе;

Через стол скочил, сам во место сел.

35 Он вымат ерлык, на стол кладет,

Ишша сам говорит таково слово:

— Ты Владимёр, князь стольне-киевской!

Ты бери ерлык, роспечатывай,

Ты скоре того прочитывай;

40 Ты меня, посла, не задерживай.

Как Владимёр, князь стольне-киевской.

Он берет ерлык во свой руки,

Отдает Добрынушки Микитичу.

Говорил Добрынушка Микигич сын:

45 — Я не знаю грамоты латыньской.

Ты отдай Олеши Поповичу.

Отдают Олеши Поповичу.

(У того было мозгу в головы, дак...).

Как Алешичка и Поповиць сын

Он ведь скоро ерлык роспечатывал,

50 Он скорее того же прочитывал,

Говорил как он таково слово:

— Ты Владимёр, князь стольне-киевской!

Хорошо в ерлычки написано

А написано со угрозою,

55 А су той угрозой великою:

Как стоит собака-царь середи поля;

За им сорок царей, сорок царевичей,
 За им сорок королей, королевичей,
 За им силы мелкой числу-смету нет,
 60 Как по-руському на сороки верстах.
 Он ведь просит города Киева
 Без бою, без драки, без сеченья
 (*Как нынешний ерманец*),
 Без того кроволитья великого.
 Запечалился наш Владимир-князь.
 65 Запечалился-закручинился:
 Он повесил буйную голову
 Што на ту на правую сторону,
 Потупил он очи в мать сыру землю.
 Как во ту пору, во то времечко
 70 Выходил как стар казак Илья Муромич,
 Говорил как он таково слово:
 — Ты Владимёр стольне-киевской!
 Ты бери свои золоты ключи,
 Отмыкай-ко погребы глубоки жа;
 75 Ты насыпь ларец чисту золота,
 Ты второй насыпь чиста сёребра,
 Ты третей ларец скатна земчуга;
 Ты дари-ко Бориса-королевича,
 Ты проси-ко строку на три месяца,
 80 Штобы всем во городи покаятьсе,
 Нам покаятьсе да исповедатьсе.
 Ишиша тут жа как Владимир-князь
 Он берет свои золоты ключи,
 Отмыкаёт погребы глубоки жа;
 85 Он насыпал ларец чисту золота,
 Он второй насыпал чиста сёребра,
 Он третей насыпал скатна земчуга,
 Он дарит Бориса-королевича.
 А просил ведь строку на три месяца,
 90 Штобы всем во городи покаятьсе,

Нам покаяться да исповедаться.
 Ишша тут Борис, королевич сын,
 Не дает ведь строку на три месяца.
 Он дает ведь строку только на три дня
 (*Всё ж-таки дал!*).

95 Спровожали Бориса-королевича,
 Спровожали князья и бояра;
 А во ту пору, во то времечко
 Запечалился наш Владимёр-князь.
 Запечалился-закручинился,
 100 Он повесил буйную голову
 Што на ту на праву сторону,
 Потупил он очи в мать сырь землю.
 Как во ту пору, во то времечко
 Выходил как стар казак Илья Муромич.
 105 Выходил на середу кирпичнею;
 Он ведь молится спасу пречистому,
 Он ведь божьей матери, богородице,
 Он ишел Илья на конюшон двор,
 Он берет своего добра коня,
 110 Он накладывает узды тасмянную.
 Он вуздат во уздилица булатные,
 Он накладывал тут ведь войлучёк.
 Он на войлучёк седельышко,
 Подпрягал двенадцать подпруженёк,
 115 А ишша две подпружки подпрягаюци
 Он не ради басы, ради крепости,
 А не сшиб бы богатыря доброй конь,
 А не сшиб бы богатыря в чистом поли
 Он ведь скоро скачёт на добра коня,
 120 У ворот приворотников не спрашивал.
 А махал через стену городовую,
 А и ехал он день до вечера,
 А и темну ночь до бела свету.
 Приезжает он ко меньшой реки.

125 Ко меньшой реки, ко синю морю;
Он нашел тут тридцать три богатыря.

Он с добра коня слезываючи,
Он низкой поклон им воздаваючи:
— Уж вы здрастуйте, доньски казаки!

130 — Уж ты здрасвуёшь, наш ведь батюшко,
Уж ты стар казак да Илья Мурович!
Ты давно ли из города Киева?
А и всё ли у нас там по-старому,

А и всё ли у нас там по-прежнему?

35 Говорит как тут да Илья Мурович:
— Уж вы ой еси, доньски казаки!

И во городи у нас, во Киеви
Не по-старому, не по-прежнему;
Как стоит царь-собака середи поля,

,40 За им сорок царей, сорок царевичей,
За им сорок королей, королевичей,
За им силы мелкой числу-сметы нет,
Как по-русъкому на сороки верстах.

Он ведь просит города Киева

145 Без бою, без драки, без сеченья,
Без того кровопролитья великого.

Говорил как тут да Илья Мурович:

— Уж вы ой еси, доньски казаки!

Уж вы будете стоять ле за Киёв-град.

150 Вы за те церькви соборные,

Вы за те монастыри церьковные,

За того за князя за Владимера?

Говорят как тут доньски казаки:

— Уж ты батюшко наш, стар казак!

155 Ишша как не стоять нам за Киёв-град,

Нам за те за церькви соборные,

Нам за те монастыри церьковные,

За того за князя за Владимера?

Они скоро скачут на добрых коней

- 160 И поехали к городу к Киеву,
 Ко великому князю ко Владимеру
 И поехало тридцать три богатыря,
 Затрясласе матушка сыра земля.
 Они будут в городи в Киеви,
 165 У великого князя у Владимера.
 Зрадовался тут Владимер-от,
 Он на радошах им и пир срядил.
 Он и пир срядил, пиравати стал.
 Ишше все на пиру напивалисе,
 170 Они все на чесном наедалисе.
 Как один на пиру не упивайтсѧ
 А и стар казак да Илья Мурович:
 Ишша сам говорил таково слово:
 — Уж вы ой еси, донъски казаки!
 175 Нынъ приходит времечко строчнее.
 А кому у нас нынче ехати
 На ту ли силу неверную?
 Говорят как донъски казаки:
 — Уж ты батюшко наш, стар казак!
 180 Ты останьсѧ в Киеви в городе
 Стерегчи-сберегчи кнезя Владимира!
 Говорил как тут да Илья Мурович:
 — Тут не честь-хвала молодецкая,
 Ой не выслуга богатырская
 185 Как Илейки в Киеви остатисе.
 Будут малы робята все смеятисе.
 Ишша тут Илья поезжаёт жа
 А на ту силу неверную.
 Он берет с собою только товарища.
 190 Он берет Добрынюшку Микитича:
 И берет ведь второго товарища.
 Он Тороп-слугу да мала паруха;
 Он троима тут поезжаёт въдъ
 Он на ту на силу неверную

- 195 А выходят на середу кирпичнею
 Они молятся спасу пречистому,
 Они божьей матери, богородици;
 Они скоро скачут на добрых коней,
 У ворот приворотников не спрашивали, —
 200 Они машут через стену городовую.
 Они едут как по чисту полю, —
 Во чистом поли курева стоят,
 В куревы богатырь не видети.
 Выезжают на поле чистое
 205 А на ту силу неверную.
 Ишша тут два братца испужалисе,
 Испужалисе-устрашилисе
 Они той ведь силы неверною;
 Говорят они таково слово:
 210 — Уж ты батюшко наш, стар казак!
 Ты поставь этта нам бел шатер.
 Дай ты нам опочин дёржать;
     Как поставил Илья тут им бел шатер.
 Ишша дал ведь им опочин дёржать.
 215 Сам он тут им ведь наказывал,
 А наказывал, наговаривал:
     — Ой еси, вы два братца родимые!
 Уж вы ой еси, доньски казаки!
 Как Елейки худо будё можитьсе, —
 220 Натяну я стрелочку каленую,
 Я спушшу этта вам во бел шатер;
 Уж вы гоните тогда во всю голову.
 Вы рубите старого и малого.
     Ишша сам Илья думу думаёт:
 225 Он не знает, котору да ехати;
 Он поехал силой середкою;
 Поворотитсе, — дак переулками!
 Он ведь день рубился до вечера.
 Он и темну ночь до бела свету,

- 230 Не пиваючи, не едаючи,
 А добру коню отдоху не даваючи.
 Как Илейки стало худо можиться,—
 Натянул он стрелочку каленую,
 Он спустил богатырям во бел шатер.
- 235 Ишша тут богатыри ото сну скочили,
 Они скоро скачут на добрых коней,
 Они гонят тут во всю голову.
 Они рубят старого и малого.
 Они день рубились до вечера,
- 240 Они темну ночь до бела свету,
 Не пиваючи, не едаючи,
 А добрым коням отдоху не даваючи;
 А прибили всех до единого.
 Ишша тут два братца не натешились,
- 245 Не натешились, приросхвастались.
 А один говорил таково слово:
 — А было б в матушки, в сырой земли,
 А было бы в ей золото кольцё,—
 Поворотил бы матушку сырь землю.
- 250 А другой говорил таково слово:
 А была бы на небо листвица,
 Я прибил бы там до единого.
 По грехам по их так ведь сделалось:
 А которой сечен был надвое,
- 255 А восстало тут два тотарина;
 А которой сечен был натрое,
 И восстало тут три тотарина.
 Говорит как тут да Илья Муромич:
 — Уж вы гой еси, два братёлка!
- 260 По грехам по нашим так сделалось.
 Они поехали силой середкой;
 Поворотятсе, — дак переулками!
 Они бились день да до вечера,
 Они тёмну ночь до бела свету,

- 265 Не пиваючи, не едаючи,
 А добрым коням отдоху не даваючи;
 И прибили всех до единого.
 Ишо тут два братця где девалисе,
 Я не знай, куда подевалисе
(За похвасны слова скрозвь землю прошли),
 270 А один Илья оставаитсе.
 Он поехал к городу ко Киеву,
 Ко великому князю ко Владимиру.
*(Дальше не поетца, а говоритца...
 Дедушко так...).*
- Становил коня к дубову столбу,
 Он вязал коня к золоту кольцю,
 275 Он в гридню идет не с упадками, —
 Отпираё двери он на пяту;
 Он ведь молитсе спасу пречистому,
 Он ведь божьей матери, богородицы,
 Он Владимиру-князю покланяйтсе:
 28 — Ты Владимёр-князь стольне-киевьской!
 Ишша то ведь дело у нас сделано,
 Ишша та роботушка сроблена.
 Только не знать, где два братця девалисе,
 И не знать, куда потерялисе.
- 285 Как перва они да испужалисе,
 А потом они не натешились,
 Не натешились, приросхвастались.
 А один говорил таково слово:
 «А было бы в матушки в сырой земли,
- 290 А было бы в ей золото кольцё, —
 Поворотил бы матушку сырую землю,
 Я прибил бы там до единого».
 А другой говорил таково слово:
 «А была бы на небо листвица,
- 295 Я прибил бы там до единого».
 По грехам по нашим так сделалось:

А которой сечен был надвое,
 А восстало тут два тотарина;
 А которой сечен был натрое,
 А восстало тут три тотарина.

300 Говорит как тут Владимёр-князь:

— Ишша нет как их, — дак не искать же стать.
 Он на радошах тут и пир срядил,
 Он и пир срядил, пиравати стал.

15

Илья Муромец и Калин

Ай во славном было городи во Киеви,
 Там ведь жил-был старая старыньшина да Илья
 Муромецъ.

Илья Муромецъ был да сын Ивановицъ.
 Ему придумалось-то съездить во цисто полё;

5 Как поехал он да позабавитьце
 Он тима-ти ведь дворяньскими забавами:
 Пострелять-то он поехал гусей, лебедей,
 Он пернясцатых-то мелких всё он утоцёк.
 Он наехал во цистом-то поли три мгущёго богатыря,

10 Три того ли он три братёлка Борисьевых:
 Во цистом-то поли они делят всё красно золото.
 Говорит-то Илья да таковы реци:
 — Уж вы гой еси, три брата три Борисьёва!
 Уж вы дайте-ко вы мне да красна золота.

15 Говорят-то ёму братьици Борисовы:
 — Тебя скоро разлуцим, стар, со белым светом.
 Говорит-то казак да Илья Муромецъ:
 — Шьто у старого, у бедного взять нецёго,
 Взять-то нецёго вам, всё живота ведь нет:
 20 Только есь у мяя, у старого всё у седатого,
 Що три есь у мяя три стрелки всё каленые;

Я стреляю эти стрелки по белым дням,
Собираю эти стрелки по тёмным ноцям:
По ноцям-то у меня стрелки как свечи горят.

- 25 Натягат скоро Илья да ведь он тугой лук,
Он спускаёт Илья Муромець всё калену стрелу;
Он застрелил тут трех братьицей Борисъёвых,
Обирал-то он ведь тут злато-сéребро,
А приехал-то ведь тут да в красён Киев-град,
30 В красён Киев-град приехал, ко князю на широкой двор.
Он дарил-то тут ети подароцьки,
Подарил-то злато-сéребро ведь ласковому князю
со княгиною,
Со княгиной с Опраксéей с королевисньей.
Ишие князю-ту Владимиру ети подароцьки ёму всё
полюбилисе;

35 Он отдаривал ведь князь да всё Владимир-от,
Подарил-то ёму шубоцьку-кошулёцьку;
Да потянута шуба всё камцяткой мелкотравцятой,
На Владимире-то шубка как огонь горит.
Тут ведь вси-ти бояра на его розгневались,
40 На того ли казака всё Илья Муромця;
Тут бояра насказали на Илью князю Владимиру:
— Що ж ты ой еси, ты красно наше солнышко Владимир-
князь!

Напилсе ведь Илья всё зелёна вина;
Он ведь ходит всё по городу по Киеву.

45 Он волоцит ету шубку за един рукав,
Он волоцит, сам ко шубки приговариват:
— Волоцí-тко-се ты шубку за един рукав.
Ай Владимира-та-князя за жёлты кудри!
Опраксю-королевисню я за себя возьму.

50 Ишие тут-то князь Владимир пообидилсе;
Приказал-то копать подкопы глубокия,
Що глубокия пещеры ёму смéртныя;
Засадил он Илью Муромця с добрым конем.

Тут узнала всё про ето цидо циудноё
 55 Молода-то ведь княгина Опраксия-королевицья,
 И сама она тому да приросплакалась:
 — Що неладно-то Владимир дело сделал-то,
 Занапрасно посадил да Илью Муромца:
 Насказали всё ёму бояра кособрюхия.

60 Подкопала она подкопы други́ ёму,
 Она вроди как пещер ёму спасёных,
 Уносила всё ему книгу евангельё,
 Присылала ёму свешш всё воскояровых;
Що сама-та пила, ела, она кушала,
 65 Она тем же кормила Илью Муромца;
 Она так ёго кормила, щобы князь не знал;
 Ай добра коня спускали в зелёны лужка,
 В зелёны лужка спускали, в шолкову траву.
 Ай с того-то всё горя, горя великого
 70 Тут уехал двенадцать всё богатырей:
 В первую голову уехал Самсон Сильния,
 Во вторых-то уехал Пересмия со племянницком,
 Тут ишшё-то как уехал всё Цюрило-свет всё Пленковиць,
 Да ишшё-то тут уехал всё Добрынюшка Никитиць млад,
 75 Да ишшё да тут уехал всё Олешенька Поповиць млад,
 Да ишшё да тут уехал всё ведь Дунаюшко Ивановиць;
 Тут уехали богатыри — не всё ведь мы их энам да как их
 именём-то звать

А ишшё-то с того горюшка великого
 Да убилсе тут Добрынюшка Никитиць млад
 80 Он о тот ли о горюцей о сер камешок:
 — Олишили токо Илью-то всё бела свету,
 А не буду без ёго да я на свети жить!
 Ай прошло-то тому времени не год, не два,
 Шьто не год, не два прошло ведь, братцы, да не три года.
 85 Шьто прошло-то тому времени, тому три месяца;
Що прошла-то скоро вестоцька по всей земли,
Що по всей прошла земли по Святоруською;

Да дошла-то ета вестоцька до земли-то до поганыя,
 Как до той ли до орды, до Золотой земли,
 90 Там ведь жил-то был да всё собака Кайн-царь.
 Собака Кайн-то царь да царь Калиновицъ.
 Он заслушал, що нет живого Ильи Муромца;
 Подымаетце собака ише Кайн-царь,
 Ише Кайн-от-царь да всё Калиновицъ,
 95 Он со тем ли со своим сыном с любимыим;
 За сыном-то всё идет силушки всё несчётно-то:
 Идет сорок-то цярей за им, царевицей,
 Идет сорок королей, всё королевицей;
 Ай за каждым за царем да за царевицём,
 100 Що за каждым королем, за королевицём
 Що идет-то ведь силушки по сороку всё тысяцей,
 Ай за зётём силы-то идет да цисла-смету нет,
 За самим же за собакой царем Кайном
 Идет силушки за им — да цисла-смету нет.
 105 Тут не вёшна всё вода да розливаласе,
 Всё тотарьска-та сила-та подвигаетце,
 Ко тому-то всё ко городу ко Киеву,
 Ко ласковому князю ко Владимиру,
 Що ко тем ли ко церьквам божым соборным,
 110 Що соборным, к церьквам всё богомольным,
 Що ко тем щудным крестам животворящим.
 Ай ко тем ли ко монастырям к спасённым.
 Сам выходит царь-собака из бела шатра,
 Що собака-та выходит ише Кайн-царь,
 115 Ише Кайн ведь царь да Калинович,
 Ай выходит собака, похваляетце.
 Подошла сила ведь за версту за мерную;
 Замоглі-то продувать да ветры буйныя,
 Замогло-то пропекать да красно солнышко
 120 От того ли всё от духу от поганого,
 От поганого от духу, от тотарьского,
 От того ли всё от пару лошадиного.

Говорит-то ведь соба́ка ишше Каин-царь,
Ишше Каин ведь царь да всё Калинович:

- 125 — Выходи-тко вы, всё да три тотарина,
Три тотарина вы всё да три поганого!
Вы пишите вы скбре-ко мне-ка грамотку,
Вы пишите мне-ка грамотку да всё вы руськую,
Не пером-то вы пишите, не щернилами,
130 Не по белой по ербовой по бумажоцьки, —
Вы по рыту-ту пишите всё по бархату,
Дорогим-то вы пишите сухим красным золотом.
Уж мы как ведь зайдем да в красен Киев-град.

Ишше тут ёму тотара отказалисе:

- 135 — Мы не знам, не знам писать-то, всё ты Каин-царь.
Всё ты Каин-царь да всё Калинович!
Не умем-то мы писать всё грамотки всё руською.

- Закрыцял-то тут собака по-звериному,
Засвистел-то тут собака всё по-соловьиному:
140 — Уж вы гой еси, тотарева-булановя,
Уж вы ти всё стихари всё получёвныя!

(Писаря, значит, по-ихному),

Вы пишите скоро грамоту тотарьскую,
Ай тотарьску вы грамоту, немецкую,
Ай пишите вы про князя про Владимира:

- 145 «Ай мы князя с Владимира мы кожу всё с жива сдерем.
Опраксею-королевисьню мы всё с собой возьмем.
Увезем-то мы всё ей да во свою землю».

- Они скоро написали ету грамотку;
Тут пошли-то ведь скоро всё три тотарина;
150 Ай приходят они ко князю на широкой двор.
С широка двора в полаты в белокаменны;
Принесли-то они грамотку тотарьскую.
Говорят-то они князю Владимиру
Всё не руським языком-то, своим они:
155 — Получай-ко, князь Владимир, скору грамотку
Ай от нашего царя, царя от Каина,

Що от Каина-царя да всё Калиновича.

Тут как стали скоро роспещать;

Как по ихной-то всё пало по уцести:

160 На ту пору-то приехал тут Олешенька всё из чиста поля,
Попроведать-то приехал всё он князя со княгиною.

Он ведь брал-то скоро грамотку, рассматривал,

Он рассматривал грамотку-ту, всё ведь он процитывал,
Ишше всё-то у тотарина написано:

165 — Мы зайдем-то ведь мы завтра в красён Киев-град.

В красён Киев мы град ко князю ко Владимиру;

Мы не будём у его отсекать да буйной головы,

Мы ведь будём ёго мучить-то мы муками:

У живá да мы ведь кожу-ту сдирать будём;

170 Опраксею-ту мы королевисьню мы с собой возьмем.

Они стали-то цитать, да все заплакали.

Говорит-то князь Владимир таковы слова:

— Уж вы гой еси, тотарява поганыя!

Вы мне дайте-ко мне строку да трой мне сутоцьки:

175 Отслужить-то мне обедни со молебнами,

Со молебнами мне да с панафидами.

— Не дайм-то тебе строку на три дёницька.

Тут заплакало-то нашо-то да солнышко,

Да по имени наш да всё Владимир-князь:

180 — У меня вси теперь в розъезди вси богатыри;

Теперь некому стоять будёт за веру православную.

Православну-ту веру, за божий царькви,

За божьи-ти за царькви, за золоты кресты,

За золоты-ти кресты-ти стоéть, за князя, за княгину-ту!

185 Говорит тут Опраксея таковы реци:

— Уж ты гой еси, ты красно мое солнышко,

Ишше князь ты всё, Владимир стольнё-киевской!

Уж ты дай-ко рассказать, мне всё поведать-то;

Я nozzleь мало спала, да много во сни видяла;

190 Как Илья-та ведь у нас будто живёхонёк,

Как живёхонёк у нас он, здоровёхонёк.

- Говорит-то князь Владимир таковы слова:
— Кабы был у нас Илья кабы живёхонёк,
Не боелись бы собаки царя Каина,
195 Не розорил бы у нас да красна града Киева,
Не погубил бы у нас да всё божьих церквей,
Не убил бы тогда меня, князя Владимира,
Он не вырубил тогда бы всё со старого до малого!
- Говорила Опраксия-королевицья:
200 — Я скажу-ту всё тебе, правду поведаю:
Занапрасно посадил ты Илью Муромца;
Сохранила я ёго от смерти от голодных;
Я поила-то ёго, корымла всё любым куском,
Я тайком-то от тебя только, Владимир-князь.
- 205 Ты простишь ли теперь меня в такой вины?
— Тебя бог простит, всё Опраксия-королевицья!
Да пойдем-ко мы Илью звать, низко кланитьце.
- Ай приходят в пещеры-ти спасёныя;
Ему кланеитце князь Владимир-от низкой поклон:
- 210 — Ты прости меня, старая старынишина,
Уж ты славной мой казак да Илья Муромець,
Илья Муромець да сын Ивановичь,
Ты прости, прости меня всё виноватого!
- Говорил-то тут Илья, да Илья Муромець:
215 — Тебя бог простит, да красно нашо солнышко,
Тебя бог простит, да всё Владимир-князь!
Не своим-то ты умом да дело здумал делати:
Насказали-то тебе бояря кособрюхия.
- Он ведь скоро выходит из подкопов — пещёр спасёных,
220 А служили всё обедни-то да со молебнами,
Со молебными всё, с панафидами,
Що во тих ли во божьих церквях соборных,
Во соборных церквях да богомольных,
Що у тих ли у попов, отцей соборных.
- 225 Ай приходят во полаты из божьей церкви,
Он садит-то всё Илью да всё за дубовой стол,

Наливает ему цярочку всё зелёна вина,
 Зелёна-та вина цяру полтора ведра;
 Он ишшё-то наливает пива пьяного,
 230 Пива пьяного ему да полтора ведра;
 Он ишшё-то наливает меду сладкого,
 Меду сладкого он да полтора ведра.
 Ишше стал-то тут Илья всё поговаривать;
 Сшевелились у ёго всё могуци плечи,
 235 Розыгралась-то в ём силушка великая,
 Всё велика-та сила богатырская;
 Он ведь скоро ведь стават всё на резвы ноги.
 Он ведь скоро тут выходит всё из-за дубова стола;
 Он молилс-то всё тут богу-господу,
 240 Всё царици-то небесной, божьей матери,
 Благословлялсё всё у князя со княгиною;
 Он как скоро выходил сам на широкой двор.
 Говорил скороб таки да реци горькия,
 Реци горьки говорил да всё обидилс:
 245 — Тебе бог тебе судья, ты нашо красно солнышко,
 Красно солнышко, Владимир славной киевской!
 Розлуцил ты всё меня да со добрым конем,
 Со добрым меня конем всё с Воронеюшком!
     Ай выходит на широку светлу уложку;
 250 Он понес тольки в руках одну востру саблю,
 Он ишше понес в руках всё палицию свою цяжолою,
 Он цяжолу-ту палицию всё сорока пудов;
 Он ишшё же понес копье всё брузаменьское.
 Недалёко отошел от города от Киева:
 255 Тут бежит-то всё ёго да бежит доброй конь,
 Бежит доброй ёго конь всё Воронеюшко;
 Обнимат своёго ножками любимого хозяина.
 Говорит своим языком целовеческим:
     — Я ходил-то, всё я бегал по зеленым лужкам.
 260 Всё я кушал-то траву, траву шолковую,
     Уж я пил-то всё свежу воду ключовую.

Я не мог забыть любимого хозяина,
 Я своёго-то всё старую старыньшину,
 Я того ли всё Илью, да Илью Муромца,
 265 Илью Муромца я, сына Ивановича,
 Во сегодёшной-он мне да во денёцек-от
 Приоткрылась мне дорожка токо к Киеву.

Тут садилсе добродой молодец всё на добра коня,
 Он поехал во те ли степны леса Саратовы,
 270 Из тёмных из тех лесов всё на круту гору,
 Що на ту-то на круту гору на Арависькую,
 Арависькую на гору на укатисту.
 Выезжал-то тут Илья, да Илья Муромець,
 Посмотрял с етой горы во трубоцьку подзорную;
 275 Хоть-то думат добродой молодец, роздумыват:
 — Этой силы на добром кони мне-ка будёт не объехать,
 Как серу-ту всё волку будёт не обёжать.

Помолился на восток всё богу-господу
 Он во ту ли во востоцьню всё в стороноцьку
 280 Ко тому ли ко манастырю спасёному,
 Ко тому ли ко Онтонию, Феодосею.
 Да поехал-то он тут да добродой молодець.
 Ишше конь-от у ёго да как сокол летит,
 Що Илья-та на кони да всё розмахиват
 285 Он своей-то всё он палицей тяжолоу;
 Он всё палицей-то бьет-то силу, всё саблём секет,
 Он копьем-то колет, больше конь топцет.
 Он ведь сутоцьки бил силу, други пошли,
 И други-ти пошли сутки, третий пришли;
 290 Он добралсе до самого царя Калина;
 Говорит-то он ёму да таковы слова:
 — Теперь буду у собаки я кожу с живя сдирать,
 Отмешшу разве тебе, собака, я слово похвальней;
 Да не нать бы тебе, собака, всё хвалитисе,
 295 Переди-то страшать князя Владимира!
 Ты пецелил всё у меня моёго красна солнышка,

Проливал ты ведь всё у ёго у князя горюю́й слёзы.

Ты тепере́це, собака, у меня в руках;

Я не буду-ту марать свои белы руки

300 О того я поганого тотарина,

О того ли о собаку царя Каина,

Я приму тебя, возьму я на вострō копье,

Ростопцю тебя за то, возьму своим добрым конем.

Он убил-то тут собаку царя Каина,

305 Он убил-то у ёго сына любимого;

Он убил-то у ёго зетя любимого;

Не оставил-то он силушки на сёмяна.

Богатыри-ти там ведь спят в шатрах, не ведают,

Они спят в шатрах да всё не знают-то.

310 Поехал Илья Муромец во Киев-град;

Приезжает он ко князю ко Владимиру,

Приезжает ведь он всё на широкой двор;

Он ведь бросил востру саблю, не повесил ей,

Говорит-то всё ведь он своёй вострой сабли:

315 — Полёжи ты, моя сабелька, немножо́цько,

И не служат у меня да руцьки белые,

Не могу тебя повесить-то на спичёцьку,

Я изъбилсо доброй молодець в чистом поли.

Не пивал ведь, не едал я трои сутоцьки.

320 Тут услышели скоро ведь всё придверницьки,

У ворот-то ведь да всё приворотницьки,

Донесли-то скоро они ласковому князю всё Владимиру,

Що приехал осударь наш Илья Муромець.

Говорили-то они князю Владимиру:

325 — Он приехал ведь у нас всё голоднёхонёк.

И идет-то скоро красно нашо солнышко,

На широком двори у нас россвётило,

Со своей-то со княгиной с Опраксею с королевиcьню

Как берут-то Илью да за белы руки,

330 Обнимает князь Владимир-от за шею за белу его,

Прижимает он к своёму к ретиву сердцю:

— А ведь цим теперь-то я тебя дарить буду,
 А дарить-то всё я буду, цим ударивать?
 Наградить надоть наградушкой тебя великою.

335 Говорит-то ведь старой казак Илья Муромець:

— Мне ненадобно твои-ти, князь, подароцьки;
 Заслужила мне-ка Опраксия-королевисьня,
 Що избавила меня от смерти всё от скорою,
 Що от смерти мне скорою от голодною.

340 Говорил-то князь Владимир таковы реци:

— Я могу сделать тебя князём, боярином.
 — Мне ненадобно на сём свети слава сосветная;
 Я не буду жить да на двори у тя,
 Я не буду слушать-то бояр всё кособрюхих,
 345 лучше буду я ездить по чисту полю.

Собирал-то для ёго-то нашо красно солнышко,
 Ишше ласковой князь да всё Владимир-свет,
 Собирал-то для ёго всё пир великой-от
 А ѹ на целую недельку поры-времени;

350 Щобы собрать-то всех могуцих богатырей,
 Щобы собрать-то всех князей да щобы бояров.
 Щобы всех простых хрисъян прожитоцьных,
 Щобы за здравье щобы ели, пили, кушали
 Не за князя щобы, не за княгину-ту,—
 Щобы за славного могуцього богатыря.

16

Про татарское нашествие

Подымалось чудище не малоё,
 Да как и не малоё да не великоё.
 Да голова у него да как пивной котел,
 Да как глаза у него да как пивны цяши,
 5 Да промежу ушами калена стрела,
 Да промежу глазами пядь бумажныя,
 Да уж и плечи у него да как коса сажень,

Да как и коса сажёнь ионче печатная.
 Набирал набор он ровна три года:
 10 У которого было ведь семь сынов,
 Он ведь шесть сынов ионьче себе берет,
 А шестого дома он оставлял,
 Да отцу-матушкі да на пропитанье.
 У которого было ведь шесть сынов,
 15 Он ведь пять сынов ионьче себе берет,
 А шестого дома он оставлял,
 Да отцу-матушки да на воспитание.
 У которого было ведь пять сынов,
 Он четыре ионьче ведь себе берет,
 20 А пятого дома оставлял
     (До одинака́ всё так).
 Он ведь набрал силы много-множество:
 Впереди его на сорок тысячей,
 По правой его руки да сорок тысячей,
 По левой руки да сорок тысячей,
 25 Да позади его да чыслу-смёты нет.
 Он пришел ко городу ко Киеву,
 Што под те под стены он ведь каменны,
 Он садился ионь да на ременчат стул,
 Он писал ерлык да скорописчатой,
 30 Он ведь просит у них да стольне Киев-град
 Без бою, без драку, ионь без сёценья,
 Без того кроволития великого.
 Он послал посла да скоро-наскоро:
     — Да ты поди, посол, да скоро-наскоро
 35 Церез стéнушку да городовую,
     Мимо башенки да наугольней.
     У ворот не спрашивай воротников,
     У дверей не спрашивай придверников,
     Ты уж в гридню иди и лица не чьти
     (Прежде у князей так комнаты те назывались —
         гридни),

40 Да лица не чьти, богу не кланейся,
 Да ерлык на стол клади да сам вон иди.
 Говори ты речь да не с упадкою,
 Не с упадкою да не с охваткою
 (*Это наказывал Идолищо-то*).

Пошел, пошел да скоро-наскоро

45 Через стенушку да городовую,
 Мимо башенки да наугольнея.
 У ворот не спрашивал воротников,
 У дверей не спрашивал придверников,
 В гридину идет и богу не кланеется,

50 Да ерлык на стол кладет да сам и вон идет,
 Говорит речь да не упадкою,
 Не с упадкою да не с охваткою.

Брал тут ноныце да Владимир-князь,
 Брал ерлык да он прочитывал:

55 — Как пришло нонь поганое Издолищо
 Ко тому ко городу ко Киеву,
 Он и нагнал силы он несметные,
 Он и просит нонь да стольне Киев-град
 Без бою, без драки он, без сёценья,
 60 Без того кроволития великого.

Тут-то князь и опечалился,

Да сам-то говорит да таково слово:

— Кабы был по-прежнему Илья-казак,
 Илья-казак, Илья Муромец

(Илья-то Муромец в погребе ведь засажён был).

65 Пособил-ка мне да думу думати,
 Думу думати да горе мыкати,
 Отдать или не отдать стольне Киев-град
 Без бою, без драки, нонь без сёценья,
 Без того кроволития великого.

Говорит кнегина тут Апраксей:

— Што батюшка нынь Владимир-князь.
 Сходи-тко ты во глубок погрёб,

Не жив ли там Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович?

75   Как Владимир-князь красно солнышко
Пошел-то он да во глубок погреб.
Открывали замки да всё немецкия,
Как снимали плеты железныя,
А сидит там стар, весь волосом оброс
(Книгу читат).

80   Падал тут князь на коленки
Перед старым Ильей Муромцем,
Да низко ему поклоняйтъ:
— Уж ты батюшко наш старый казак,
Старый казак Илья Муромец,
85   Илья Муромец сын Иванович!
Пособи-тко мне думу думати,
Думу думати да горе мыкати:
Как пришло ко городу ко Киеву
Да поганое Издолище,
90   Он нагнал силы много множества,
Он ведь просит у нас да стольне Киев-град
Без бою, без драки, ионь без сёценья,
Без того кроволития великого.

Тут сидит-то старый — очей низвёл.
95   Побежал-то он ко кнегине Апраксине:
— Уж ты матушка кнегина Апраксина,
Ты поди-тко во глубок погреб —
Там есь жив старый казак Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
100   Попроси да ты его уж милости!
(Она его всё содержала, всё кормила).

Пошла кнегина тут Апраксина,
Пала она на коленки перед погребом:
— Уж ты батюшко да наш старый казак,
Наш старый казак да Илья Муромец,
105   Илья Муромец да сын Иванович!

Максим Григорьевич Антонов.
(Былины 16, 41, напевы 6, 17).

Пособи-тко нам думу думати,
 Думу думати да горе мыкати,
 Как отдать-то не отдать да стольне Киев-град
 Без бою, без драки, нонь без сёценья,
 110 Без того кроволития великого.

Тут старый выскочил из погреба.

(Сорок сажен погреб был, выскочил *ещё выше*)

Пошел Илья по городу по Киеву.

Забегал-то князь да во первой након.

Да низко ему поклонитца:

115 — Уж ты батюшко да наш старый казак,
 Старый казак Илья Муромец!

Пособи-тко мне думу думати,

Думу думати да горе мыкати,

Отдать или не отдать да стольне Киев-град

120 Без бою, без драки, нонь без сёценья,
 Без того кроволития великого.

Идет-то старый, очей низвёл

(Не остановился, осерчал на его).

Забегал-то князь во второй након,

Ищо того ниже поклоняйтце:

125 — Уж ты батюшко да наш старый казак,
 Старый казак Илья Муромец,

Илья Муромец да сын Иванович!

Пособи-тко мне думу думати,

Думу думати да горе мыкати,

130 Отдать иль не отдать стольне Киев-град
 Без бою, без драки, нонь без сёценья,
 Без того кроволития великого.

Идет-то старый, очей низвёл.

Забегал-то князь во третей након,

135 Ищо того ниже поклоняйтце:

— Уж ты батюшко наш старый казак,
 Наш старый казак Илья Муромец,
 Илья Муромец сын Иванович!

Пособи-тко мне думу думати,

140 Думу думати да горе мыкати,

Отдать иль не отдать стольне Киев-град

Без бою, без драки, нонь без сёценья,

Без того кроволития великого.

Я тебе-то жалую

145 Пятьдесят бочек зеленà вина,

Пятьдесят-то бочек пива пьяного,

И пятьдесят боценков меду сладкого

(Жалует это князъ),

Плýсу-бархату да на белой шатер.

Тут-то стар остался,

150 Говорит-то он таково слово:

— Ты уж думу думай не со мною, а с боярами,

Со боярами да с толстобрюхими

(Бояра нажалили, прежде ведь было бояр!)

Попросите сроку на три года

(Илья-то Муромец сказал).

Попросили сроку на три года,—

155 Не дават поганый Издолищо на три месяца.

— Попросите сроку на три месяца!

Не дават ведь сроку на двенадцать дён

(Войско нет, где скоро завéрнешь?)

Ишь сколько чудовищ было!).

— Попросите сроку на двенадцать дён,

А на тринадцатый бою-драке быть.

160 Да призвал тут стар Добрыню Никитича:

— Ой еси, Добрыня Никитич млад,

Обседлавай ты своего добра коня,

Двенадцать дён объезжай всю вокруг землю,

Всю вокруг землю, повселенну всю,

165 Захватывай по украинам,

Забирай всё русских могущих богатырей.

Обседлал Добрыня добра коня,

Объеждял он в двенадцать дён всю вокруг землю,

Всю вокруг землю, повселенну всю,

170 Захватывал по украинам,

Забирал всё русских могущих богатырей.

Ну вот он объехал в двенадцать дён и набрал, тут был Олёша Попович, Саксон Колыбанович, братья Сузdalцы.

Как на утре-то было ранешенько,

На светлой зори раноутренней

(Сейчас у их тут будет бой),

На выкате солнышка красного,

175 Вставал-то старый со постелюшки,

Умывался он да ключевой водой,

Утирался полотёнышком беленьким,

Помолился спасу преображенскому,

Божьей матушки да богородицы,

180 Ходил на улицу широкую

Да смотрел и здрел да во чисто полё:

Как неверно собранье да скошевалось,

Да оно стоит да в боевых рядах.

Забегал-то стар да во белой шатер:

185 — Уж вы братьица мои да товарыщи!

Вы обседливайте нонь да добрых коней,

Надевайте латы вы булатные,

На шеи кольцуги позолочены,

Да берите палицы железные,

190 Да берите сабельки острые,

Да берите копья немецкие,

Да берите ножище-чинжалище.

Говорит тут стар да таково слово:

— Ой еси, Добрыня Никитич млад.

195 Ты останься во белом шатре,

Берегцй, стерегцй белой шатер,

Потому что конь твой приубегался,

А ты на кони приуездилси.

Помолились спасу превышнему,

200 Божьей матушке да богородицы.

Дружка с дружкой распрострилися
 (Бат, не один живой не приедет!)

Говорит тут стар да таково слово:
 — Я поеду середь матицы

(Это, вишь, середкой),

А вы поезжайте по украинам.

205 Если бог нам будет нынче на помощь,
 То рубите силу вы без вывету
 (Не щадит никого).

Поехал стар-то середь матицы,
 Остальня дружина по украинам.

Поганой Издолищо заметалосе,

210 Не знать оно засыпается,
 Не знать оно оглупается.
 Махнул-то стар да саблей вострою,
 Слетела голова, как пуговица
 (Того убил).

Они рубили силу ту без вывету,

215 Днем вырубили да рано,
 Приезжают они ко белу шатру.
 Было тут два братца да два Суздалъца.
 Их на дело не бывало и не видано.
 Они пора́то приросхвасталися:

220 — Кабы было во матушки во сырой земли золото
 кольцо,

Повернули мать сырую землю
 (Хвастливо-то слово, видишь, мимо живё).

А была бы на небо лесница,
 Присекли силу всю небесную!

Говорит-то стар да таково слово:

225 — За эти за реци за похвальные
 Всем завтра нам придетца лежать да во чистом полю.
 На утре-то было ранешенько,
 На светлой зори раноутренней,
 На выкате солнышка красного,

- 230 Стал-то старый со постелюшки.
 Умывался он да ключевой водой,
 Утирался полотёнышком беленьким,
 Помолился спасу преображенскому.
 Божьей матушки да богородицы.
- 235 Выходил на улицу широкую,
 Посмотрел и здрел да во чисто полё:
 Как неверно собранье скошевалосе,
 Которого секли они натрое,
 Тот втроем садится на одну лошадь;
- 240 Которого секли надвое,
 Тот вдвоем садится на одну лошадь.
 Забегал тут стар да во белой шатер:
 — Уж вы братица мои товарыщи,
 Не докуль вам спать — пора вставать!
- 245 Я ведь был на улице широкое,
 Я смотрел и здрел да во чисто полё,
 Там неверно собранье нынче ожило:
 Мы которого секли ведь натрое,
 Тот втроем садится на одну лошадь;
- 250 Которого секли мы надвое,
 Тот вдвоем садится на одну лошадь,
 А поганое Издолище о трех главах.
 За вчерашние за реци за похвальныя
 Всем нам будет лежать во чистом полі.
- 255 Говорит тут стар да таково слово:
 — Вы обсéдливайте нонече добрых коней,
 Не оставлю Добрыню во белом шатре
 Берегцý, стерегцý белой шатер.
- Помолились спасу ведь превышному,
- 260 Божьей матушки да богородицы,
 Дружка с дружкою распростилиси.
 Говорит тут стар да таково слово:
 — Я поеду по украину,
 А вы поезжайте середь матицы.

265 Если бог нам будет на помощь,
Вы рубите силу нунь без вывёту.
Стар поехал по украину,
А дружина поехала середь матицы,
Поганое Издолище заметалосе,
270 Не знать оно засыпается,
Не знать оно оглуpается.
Махнул-то стар да саблей вострою,
Слётели головы, как пуговицы
(*Три головы его отсекли*).

Они рубили силу нунь без вывёту,
275 Не мало не много — двенадцать дён
(*Ишь ведь дело!*),

Не пиваючи и не едаючи,
И опочив они не держали
(*Без отдыху без всякого. И ничего они не держали,*
не спали).

Приезжают они ко белу шатру,
Не приехало два братца, два Сузальца
(*Которы-то хвастались*).

Тем и кончилось.

17

Илья Муромец и Кудреванко

Из-за далé-далéё, да из чиста поля,
Да што из того же широкого раздолъица,
Да из проклятой орды,
Да поднимался-то вор-собака, злой неверной пан,
5 Злой неверной пан да молодой солтан да сын Солтанович,
Кудреван да царь да Кудреванович.
Де он со многою силой войска многа-множеством,
Де сорок королей, сорок королевичей,

Де сорок же князей, сорок князевичей.

- 10 Каженому королю и королевицу
Де как давал он войска-силушки тысяцей по сорок.
Де кажиному князю и князевицу
Де как давал же войска-силушки тысячеча по сорок,
Де под самим-то, под собакой, цисла-смету нету.

15 Де и как пошел вор-собака де он под Киев-град,
И не путем он шел да не дорогою,
Де как шел дорогами шел посторонима,
Посторонима да прямоезжима.
Де как полотном мать сыра земля от войска изгибалася

20 Да на зелёныя луга вода от грузу розливалосе,
Де солнышко и луна нонце померкла
Де что от духу человекаца,
Де светла месяцо как и померкло же
Де всё от пару от лошадиного.

25 Де подошел вор-собака де он под Киев-град,
И становился он да на чистом поли,
Де как и роскидывал он да тут белы шатры.
Де как белы шатры, тонки полотнины
Де становили они окольный стольницок,

30 Де тут писали они да скорый ерлык,
Де скорый ерлык да скорописцотый.
Не первом оне писали да не цернилами.
Де как писали-то красным золотом,
Красным золотом да всё ордынским.

35 Тут просили они у Владимера-та князя
От города от Киева да отступитеся
Без бою да без драки и без сечения,
Да без большого такого кроволитиця.
Тут и прираздвинется да мать сыра земля.

40 Де как приужжют она силушку Кудреванку
Де как посылали они ведь тут скора посла,
Де ехал и скорой посол на широкой двор.
Остановилсе он да у красна крыльца,

- Де тут привязывал да он резвá коня за колецушка
булатныя,
- 45 И де что за ту же он привязку богатырскую.
Де сам и некого он тут не спрашивал,
Де ни подворотников, ни придверников,
И заходил и он во светлу гриднюшку.
Ведь он, невежа, богу-то не молите,
- 50 Де со Владимиром-князём да не здороваете,
Он и тут целом не бьет.
И у Владимира-князя во светлой гридниюшке
Стоял окольный стольницок,
И подходил он ко стольницку,
- 55 Де как выбросил он де тут да скорый ерлык,
Де как сам назад он пётился,
Да ище скоро и вон пошел.
И у Владимира-князя в то времё никого не погодилосе,
Де погодился только как один Олешенька Поповиць блад.
- 60 — Уж и ты ой еси, Олешенька Поповиць блад!
Да ты бери-тко-ся скорый ерлык да скорописчатель,
Да ты скорей да распецятывай,
Да поскорей ищо да ты прочитывай,
Да и поскорей ищо Владимиру-ко вёстку дай.
- 65 И как брал он тут скорый ерлык,
И скоро он да распецятывал,
И скрёхонько он да тут процитывал,
И поскоре ищо Владимиру он вёстку дал:
— Уж вы ой еси, Владимир-князь,
- 70 Владимир-князь да стольнё-киевский!
Как во цистом-то поли-то у нас деется нехорошо:
Де подошел и к нам вор-собака да злой неверной пан,
Де злой неверной пан, да молодой солтан,
И молодой солтан да сын Солтановиць,
- 75 И Кудреванко-царь да Кудревановиць,
И он со многою войска многа-множеством,
И он и просит и у вас от города от Киева да отступитьца

Всё без драки и без сеченья,

И де без большого такого кроволитиця.

80 — А уж и ты ой еси, Олешенька Поповиць блад!

Ты поди-тко на конюшай двор.

Да ты оседлай-ка два резвых коня,

Да на поедом-ка с тобой смотреть да силу Кудреванкову.

Де тут пошел Олешенька на конюшай двор,

85 И выбирал и он да два резвых коня.

Де как накладывал и он да два седельышка,

Де два седельышка да всё черкальские,

Да тут и застегивал он двенадцати прядоцек серебреных

Да двенадцать же прядоцек жемчужных,

90 И ведь тринадцату прядоцку церез хребетунцу,

Де ту не для ради басы, а для ради крепости,

Де чтобы бродягами нам не набродитеся.

Де уж видели мы тут посёдку молодецкую.

Де не завидели мы поездки богатырские,

95 И де только в цистом поле-то пошла куревая столбом.

Де как отъехали от города от Киева,

Де тут завидели силушку Кудреванкову,

Де устрашились, поворота дали да и назад едут.

Де на красном крыльци стоит Опраксия да королевиця.

100 — Уж вы здорово ли, добрые молодцы, ездили?

— Уж ты ой еси, Опраксия-королевиця!

Де мы оступимся-ко с тобой города-то Киева,

Мы побежим-ко на горы на высокия,

Да што на те же мы горы на окатисты.

105 Де што на те же мы дорожки прямоезжия,

Де што на те же росстани богатырские.

— Де уж вы ой еси, Владимир-князь,

Да Владимир-князь да стольнё-киевский,

Как пошто же нам с тобой бежать до дельышка?

110 Де ты пойди-тко-сь во божью церьков,

И ты молись-ка богам нашим могущим:

Спасу да де прецистому.

Де пресвятой девы-то матери божьей богородице
Да не помилуёт ли нас господь?

115   Де тут пошел он во божью церьков,
Де как молился он спасу тут пречистому,
Де пресвятой девы-то матери божьей богородице,
Де помолился — из церкви-то вон пошел.
А де как настрецу ему идет старой-старенькой.

120   И старый-старенькой да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сын Ивановицъ:
— И уж вы здраствуйте и Владимир-князъ,
Владимир-князъ да стольнё-киевский!
— Уж и здрастуй же и старой-старенькой.

125   Старой-старенькой Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сын Ивановицъ!
— И уж вы что же, Владимир-князъ, у нас да не
по-старому?

Всё не по-старому да не по-прежнему?

— Уж ты ой еси, старой, старой-старенькой.

130   Старый-старенькой Илья Муромецъ,
Да Илья Муромецъ, сын Ивановицъ,
Как где же мне быть по-старому?
Де же мне быть ноне по-старопрежнему?
Как во чистом поле у нас деется нехорошо:

135   Как подошел к нам злой собака, злой неверной пан,
Да злой неверной пан, да молодой солтан.
И молодой солтан да сын Солтановицъ,
Кудреван-то царь да Кудревановицъ,
И он со многою войска многим-множества.

140   И просит и у нас-то города-то Киева,
Да отступиться да без драки да всё без сеченья.
Да без большого такого кроволитицъ.
— Уж вы ой еси, Владимир-князъ стольне-киевской!
Уж как ты про эфто да мне не сказывай:

145   Да ездил я смотрел силу Кудреванкову
Де из подзорной трубоцки да три дни я и три ноци,

И де как не мог я тут цифры-смету дать.
 Де как откати ты мне сорок бочек да зелена вина.
 Де как откати-ка де сорок бочек пива пьяного.

- 150 Де сорок бочек меда сладково.
 — А де уж ты ой еси, старой-старенькои.
 И старой-старенькой да Илья Муромецъ
 Илья Муромецъ да сын Ивановицъ!
 Как всё прежде от тебя было не заперто
 155 Так и ноне от тебя всё не замкнуто,
 То ты бери-тко-сь, сколько тебе надобно
 Тут он пошел старый-старенькой да ко розву коню.
 Де как поехал он де в цисто полё,
 Де он роскидывал да тут белой шатер,
 160 Белой шатер тонкой полотненой,
 Де откатил он сорок бочек да зелена вина
 Де сорок же бочек да пива пьяного,
 Де сорок же бочек да меда сладково,
 Де сам поехал он на горы да на высокия
 165 Де што на те же горы да на окатистые.
 Што на те же он дорожки прямоезжия.
 Де што на те же он росстани богатырьския
 Де как роскидывал он да тут скоры срлыцки
 Де собиралося добрых молодцов во белой шатер
 170 Де семьдесят без ёдного,—
 Де старый-старенькой семидесятой был.
 Де они 'де пили-ели, де тут и спать легли
 Де как у старого-то старенького
 Зазнобушка была на сердці.
 175 Де как ставал он поутру ранехонько:
 — Уж вы ой еси, братцы вы добрые молодцы!
 Де мы поедемьте-ко-ся сбить силу Кудреваныку
 Де поезжаете вы с фланку правого и левого,
 А я поеду в серединушку силушки Кудреванковой
 180 Де как засвистит моя вострая сабелька
 Де затальцят мои серебрены колечушка

Так уж вы бейте, секите, кто сколько можете,
 А как не засвистит моя вострая сабелька,
 Де как и не сбрякают мои серебрены колечушка,
 185 Так вы не задевати лучше силушки Кудреванковой.
 А поезжайте вы хыть хто куды знаите.
 Де как поехал старый-старенькой,
 К серединушки силушки Кудреванковой, —
 Де в то время было ему старенькому лет ста семидесяти.
 190 Как заехал в серединушку силушки Кудреванковой
 И одной рукой подал Кудреванку скорый ерлык,
 Де как другой рукой он успел Кудреванку снять и голову.
 Да засвистела тут вострая сабелька,
 Де затальцёли тут серебрены колечушка,
 195 Де бились они дрались три дня и три ноци,
 Де без пытенья да без ёденья,
 Да победили тут силушку Кудреванкову.
 Де собрались опять добры молодцы во белой шатер,
 Де опеть де пили де ели тут и спать легли.
 200 Де старой-старенькой он ставал да тут ранехонько,
 Де выходил и он да из бела шатра,
 Де тут смотрел он в подзорную трубоцку.
 Де увидал и он в цистом поле да два удалых,
 Два Ивана, да два Иванвица,
 205 Де потешаються они булатной палоцькой:
 Де как выбрасывают ей цють выше лесу дремучего,
 Де цють пониже облака ходéчего.
 Да похвалютца они да не больми словьми:
 Де как первой-то говорит:
 210 — Кабы был-стоял в матери сырой земли да
 колокольный столп,
 Де поворотил бы и я всю мать сырую землю.
 Де как другой-от говорит:
 — Кабы стояла бы на небо лестница,
 Да как там бы я залез и всех присек.
 215 — Да как за эфто нас господь да не помилует.

Да тут восстало опеть силушка Кудреванкова
Де кого били и секли надвоё, де тех двоё стало.
Де кого били, секли на троё, да тех троё стало.
Де опеть съехались добрые молодцы,
220 Де они бились и дрались шесть дней и шесть ноцей
И де без пытенья да всё без ёденья,
Да тут стали резвы кони бродить в крови до резва брюха
Де тут прираздвинулась и мать сыра земля,
Де как прожрала она всю силушку Кудреванкову
Ну больше конецъ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

18

Илья Муромец и Идолище

Приезжал Одолище поганое в стольно-Киев-град
Со грозою со страхом со великиим,
Ко тому ко князю ко Владимиру,
И становился он на княженецкий двор,
5 Посыпал послы ко князю ко Владимиру,
Чтобы князь Владимир стольно-киевский
Ладил бы он ему поединщика,
Супротив его силушки супротивника.
Приходил посланник ко Владимиру
10 И говорил посланник таковы слова:
— Ты Владимир-князь стольно-киевский!
Ладъ-ка ты поединщика во чисто поле,
Поединщика и супротивничка с силушкой великою,
Чтобы мог он с Идолищем поправиться.
15 Тут Владимир-князь ужахнулся.
Приужахнулся да и закручинился.
Говорит Илья таковы слова:
— Не кручинься, Владимир, не печалуйся:
На бою мне-ка смерть не написана,
20 Поеду я в раздольице чисто поле,
И убью-то я Идолища поганого.

Обул Илья лапотики шелковые.
 Подсумок одел он черна бархата,
 На головушку надел шляпку земли греческой.
 25 И пошел он ко Идолищу к поганому.
 И сделал он ошибочку не малую:
 Не взял с собой палицы булатния
 И не взял он с собой сабли вострыя;
 Идет-то дорожкой — пораздумался:
 — Хошь иду-то я к Идолищу поганому.
 Ежели будет не пора мне-ка не времячко,
 И с чим мне с Идолищем будет поправиться?
 На тую пору на то времячко
 Идет ему в стрету каличище Иванище.
 35 Несет в руках клюху девяноста пуд.
 Говорил ему Илья таковы слова:
 — Ай же ты, каличище Иванище!
 Уступи-тко мне клюхи на времячко, —
 Сходить мне к Идолищу к поганому.
 40 Не дает ему каличище Иванище,
 Не дает ему клюхи своей богатырской.
 Говорил ему Илья таковы слова:
 — Ай же ты, каличище Иванище!
 Сделаем мы бой рукопашечный:
 45 Мне на бою ведь смерть не написана,
 Я тебя убью, мне клюха и достанется.
 Рассердился каличище Иванище,
 Здынул эту клюху выше головы,
 Спустил он клюху во сырь землю,
 50 Пошел каличище — завбрьдал.
 Илья Муромец одва достал клюху из сырон
 земли.
 И пришел он во палату белокаменну
 Ко этому Идолищу поганому,
 Пришел к нему и проздравствовал.
 55 Говорил ему Идолище поганое:

— Ай же ты, калика перехожая!

Как велик у вас богатырь Илья Муромец?

Говорит ему Илья таковы слова:

— Толь велик Илья, как и я.

60 Говорит ему Идолище поганое:

— По многу ли Илья ваш хлеба ест,
По многу ли Илья ваш пива пьет?

Говорит Илья таковы слова:

— По стольку ест Илья, как и я.

65 По стольку пьет Илья, как и я.

Говорит ему Идолище поганое:

— Экой ваш богатырь Илья:

Я вот по семи ведр пива пью,
По семи пуд хлеба кушаю.

70 Говорил ему Илья таковы слова:

— У нашего Ильи Муромца батюшка был
крестьянин,

У ёго была корова едучая:

Она много пила-ела и лопнула.

Это Идолищу не слюбилося:

75 Схватил свое кинжалище булатнее

И махнул он в калику перехожую

Со всея со силушки великия.

И пристранился Илья Муромец в сторонушку
малешенько,

Пролетел его мимо-то булатний нож,

80 Пролетел он на вонную сторону с простеночком.

У Ильи Муромца разгорелось сердце богатырское.
Схватил с головушки шляпку земли греческой.

И ляпнул он в Идолище поганое,

И рассек он Идолище на полы.

85 Тут ему Идолищу славу поют.

Илья Муромец и Идолище

Как сильноё могучо-то Иванищо,
 Как он Иванищо справляется,
 Как он-то тут Иван да снаряжается
 Итти к городу еще Еросолиму,
 5 Как господу там богу помолитися,
 Во Ёрданъ там реченки купатися,
 В кипарисном деревци сушитися,
 Господнemu да гробу приложитися.
 А сильнё-то могучо Иванищо,
 10 У ёго лапотци на ножках семи шелков,
 Клюша-то у его ведь сорок пуд.
 Как ино тут промеж-то лапотци поплетены
 Каменья-то были самоцветныи.
 Как меженный день да шел он по красному солнышку,
 15 В осенну ночь он шел по дорожному каменю самоцветному
 Ино тут это сильноё могучеё Иванищо
 Сходил к городу еще Еросолиму,
 Там господу-то богу он молился есть.
 Во Ёрданъ-то реченки купался он,
 20 В кипарисном деревци сушился бы,
 Господнему-то гробу приложился да.
 Как тут-то он Иван поворот держал,
 Назад-то он тут шел мимо Царь-от град.
 Как тут было еще в Цары-гради
 25 Наехало погано тут Идолище,
 Одолели как поганы вси татарева,
 Как скоро тут святыи образа были поколоты
 Да в черны-то грязи были потоптаны,
 В божьих-то церквах он начал тут коней кормить.
 30 Как это сильно могуче тут Иванищо
 Хватил-то он татарина под пазуху.

Вытащил погана на чисто поле
 А начал у поганого допрашивать:
 — Ай же ты, татарин да неверный был!
 35 А ты скажи, татарин, не утай себя:
 Какой у вас погано есть Идолище,
 Велик ли-то он ростом собой да был?
 Говорит татарин таково слово:
 — Как есть у нас погано есть Идолище
 40 В долину две сажени печатных,
 А в ширину сажень была печатная.
 А головище что ведь люто лохалище,
 А глазища что пивный чашища,
 А нос-от на роже он с локоть был.
 45 Как хватил-то он татарина тут за руку.
 Бросил он ёго в чисто полё,
 А разлетелись у татарина тут косточки.
 Пошел-то тут Иванище вперед опять,
 Идет он путем да дорожкою,
 50 На стречу тут ему да стречается
 Старый казак Илья Муромец:
 — Здравствуй-ко ты, старый казак Илья Муромец!
 Как он ёго ведь тут еще здравствует:
 — Здравствуй, сильноё могучо ты Иванище!
 55 Ты откуль идешь, ты откуль бредешь,
 А ты откуль еще свой да путь держишь?
 — А я бреду, Илья еще Муромец,
 От того я города Еросолима.
 Я там был ино господу богу молился там.
 60 Во Ердань-то реченки купался там,
 А в кипарисном деревци сушился там,
 Ко господнему гробу приложился был.
 Как скоро я назад тут поворот держал.
 Шел-то я назад мимо Царь-от град.
 65 Как начал тут Ильюшенка допрашивать,
 Как начал тут Ильюшенка доведывать:

— Как всё ли-то в Царí-гради по-старому,
Как всё ли-то в Царí-гради по-прежнему?

А говорит тут Иван таково слово:

70 — Как в Цари-гради-то нуньчу не по-старому.

В Царí-гради-то нуньчу не по-прежнему.

Одолели есть поганыи татарева,

Наехал есть поганое Идолищо,

Святыи образа были поколоты,

75 В черныи грязи были потоптаны,

Да во божьих церквах там коней кормят.

— Дурак ты, сильноё могучо есть Иванищо!

Силы у тебя есте с два меня.

Смелости, ухватки половинки нет.

91 За первыя бы речи тебя жаловал,

За эти бы тебя й наказал

По тому-то телу по нагому!

Зачем же ты не выручил царя-то Костянтина

Боголюбова?

Как ино скоро розувай же с ног,
85 Лапотци розувай семи шелков,

А обувай мои башмачики сафьяныи.

Сокручуся я каликой перехожею.

Сокрутился е каликой перехожею,

Дават-то ему тут своего добра коня:

90 — На-ко, сильноё могучо ты Иванищо,

А на-ко ведь моего ты да добра коня!

Хотя ты езди ль, хоть водком води,

А столько еще, сильноё могучо ты Иванищо.

Живи-то ты на уловном этом mestечки.

95 А живи-тко ты еще, ожидай меня,

Назад-то сюды буду я обратно бы.

Давай сюды клюшу-то мне-ка сорок пуд.

Не дойдет тут Ивану розговаривать,

Скоро подават ему клюшу свою сорок пуд.

100 Взимат-то он от ёго тут добра коня.

Пошел тут Ильюшенка скорым-скоро
 Той ли-то каликой перехожею.
 Как приходил Ильюшенка во Царь-от град.
 Хватил он там татарина под пазуху.

105   Вытащил его он на чисто полё,
 Как начал у татарина доспрашивать:
 — Ты скажи, татарин, не утай себя,
 Какой у вас невежа есть поганый был,
 Поганый был поганое Идолище?

110   Как говорит татарин таково слово:
 — Есть у нас поганое Идолище
 А росту две сажёни печатных,
 В ширину сажёнь была печатная,
 А головище что ведь лютое лохалище.

115   Глазища что ведь пивные чашища.
 А нос-от ведь на рожи с локоть был.
 Хватил-то он татарина за руку,
 Бросил он ёго во чисто поле,
 Розлетелись у ёго тут косточки.

120   Как тут-то ведь еще Илья Муромец
 Заходит Ильюшенька во Царь-от град.
 Закрычал Илья тут во всю голову:
 — Ах ты царь да Костянтин Боголюбович!
 А дай-ка мне калики перехожий

125   Злато мне, милостицу спасёную.
 Как ино царь-он Костянтин-он Боголюбович
 Он-то ведь уж тут зрадовается.
 Как тут в Царй-гради от крыку еще каличьеого
 Теремы-то ведь тут пошаталися,
 130   Хрустальни оконнички посыпались,
 Как у поганого сердечко тут ужахнулось.
 Как говорит поганой таково слово:
 — А царь ты Костянтин Боголюбов был!
 Какой это калика перехожая?

135   Говорит тут Костянтин таково слово:

- Это есте русская калика зде.
 — Возьми-ко ты каликушку к себе его,
 Корми-ко ты каликушку да пой его,
 Надай-ко ему злата-серебра,
 140 Надай-ко ему злата ты долюби.
- Взимал он царь Константин Боголюбович,
 Взимал он тут каликушку к себе его
 В особой-то покой да в потайный,
 Кормил-поил калику, зрадовается,
 145 И сам-то он ему воспроговорит:
- Да не красное ль то солнышко пороспекло,
 Не млад ли зде светел месяц пороссветил?
 Как нунечку-топеречку зде еще
 Как нам еще сюда показался бы
 150 Как старый казак здесь Илья Муромец.
 Как нунь-то есть было топеречку
 От тыи беды он нас повыручит,
 От тыи от смерти безнапрасны!
- Как тут это поганое Идолищо
- 155 Взимает он калику на доспрос к себи:
 — Да ай же ты, калика было русская!
 Ты скажи, скажи, калика, не утай себя,
 Какой-то на Руси у вас богатырь есть,
 А старый казак есть Илья Муромец?
- 160 Велик ли он ростом, по многу ль хлеба ест,
 По многу ль еще пьет зеленая вина?
- Как тут эта калика было русская
 Начал он калика тут высказывать:
 — Да ай же ты, поганое Идолищо!
- 165 У нас-то есть во Киеви
 Илья-то ведь да Муромец
 А волосом да возрастом ровным с меня,
 А мы с им были братица крестовыи,
 А хлеба ест как по три-то колачика круповчатых,
 170 А пьет-то зеленая вина на три пятака на медных.

— Да чорт-то ведь во Киеви-то есть, не богатырь бы!
 А был бы-то ведь зде да богатырь тот.
 Как я бы тут его на долонь-ту клал,
 Другой рукой опять бы сверху прижал.

175 А тут бы еще да ведь блин-то стал,
 Дунул бы его во чисто поле!
 Как я-то еще ведь Идолищо
 А росту две сажени печатных,
 А в ширину-то ведь сажень была печатная.

180 Головищо у меня да что люто лохалищо,
 Глазища у меня да что пивный чашища,
 Нос-от ведь на рожи с локоть бы.
 Как я-то ведь да к выти хлеба ем
 А ведь по три-то печи пеконых.

185 Пью-то я еще зеленая вина
 А по три-то ведра я ведь мерных,
 Как штей-то я хлебаю — по яловицы есте русский.

Говорит Илья тут таково слово:
 — У нас как у попа было ростовского

190 Как была что корова обжориста,
 А много она ела, пила, тут и трёснула.
 Тебе-то бы поганому да так же быть!

Как этии тут речи не слюбилися,
 Поганому ему не к лицу пришли,

195 Хватил как он ножищо тут кинжалищо
 Со того стола со дубова,
 Как бросил ён во Илью-то Муромца.
 Что в эту калику переходжу.

Как тут-то ведь Ильи не дойдет сидеть.

200 Как скоро ён от ножика отскакивал.
 Колпаком тот ножик приотваживал.
 Как пролетел тут ножик да мимо-то.
 Ударил он во дверь во дубовую,
 Как выскочила дверь тут с ободверинон.

205 Улетела тая дверь да во сини-ты,

Двенадцать там своих да татаровей
На мертвъ убило, друго ранило.

Как остальни татара проклинают тут:
— Буди трою проклят, наш татарин ты!

210 Как тут опять Ильюше не дойдет сидеть,

Скоро он к поганому подскакивал,
Ударил как клюшой ёго в голову,
Как тут-то он поганый да захамкал есть.

Хватил затым поганого он за ноги,

215 Как начал он поганым тут помахивать,

Помахиват Ильюша, выговаривает:
Вот мне-ка, братцы, нуньчу оружъё по плечу пришло.

А бѣт-то, сам Ильюша выговаривает:

— Крепок-то поганый сам на жилочках,

220 А тянется поганый, сам не рвется.

Начал он поганых тут охаживать
Как этыим поганым Идолищом.

Прибил-то он поганых всих в три часу,

А не оставил тут поганаго на симена.

225 Как царь тут Костянтин-он Боголюбович

Благодарствует его, Илью Муромца:

— Благодарим тебя, ты старыи казак Илья Муромец!

Ноны ты нас еще да повыручили.

А ноны ты нас еще да повыклишил

230 От тыи от смерти безнапрасныи.

Ах ты старыи казак да Илья Муромец!

Живи-тко ты здесь у нас на жительстве.

Пожалую тебя я воеводою.

Как говорит Илья ёму Муромец:

235 Спасибо, царь ты Костянтин Боголюбович!

А послужил у тя стольки я три часу,

А выслужил у тя хлеб-соль мягкую,

Да я у тя еще слово гладкое,

Да еще уветливо да приветливо.

240 Служил-то я у князя Володимера.

Служил я у его ровно тридцать лет,
Не выслужил-то я хлеба-соли там мягкий,
А не выслужил-то я слова там гладкаго,
Слова у его я уветлива есть приветлива.

245 Да ах ты, царь Костянтин Боголюбович!
Нельзя-то ведь еще мне зде-ка жить,
Нельзя-то ведь-то было, невозможно есть:
Оставлен есть оставеш на дороженки.

Как царь-тот Костянтин Боголюбович
250 Насыпал ему чашу красна золата,
А другую-ту чашу скачна жемчугу,
Третьюю еще чиста сёребра.
Как принимал Ильюшенка, взимал к себе,
Высыпал-то в карман злато-сёребро,
255 Тот ли-то этот скачный жемчужок,
Благодарил-то он тут царя Костянтина Боголюбова:
— Это ведь мое-то зарабочее.

Как тут-то с царём Костянтином распостилиси,
Тут скоро Ильюша поворот держал.
260 Придет он на уловно это мистечко,
Ажно тут Иванищо притаскано,
Да ажно тут Иванищо придерзано.
Как и приходит тут Илья Муромец,
Скидывал он с себя платья-ты каличии,
265 Розувал лапотьцы семи шелков,
Обувал на ножки-то саложки сафьянныи,
Надевал на ся платьица цветные,
Взимал тут он к себе своего добра коня.
Садился тут Илья на добра коня.
270 Тут-то он с Иванищом еще рас прощается:
— Прощай-ко нунь ты, сильное могучо Иванищо!
Впредь ты так да больше не делай-ко,
А выручай-ко ты Русию от поганых.
Да поехал тут Ильюшенка во Киев-град.

20

Илья Муромич и чудище

Было у нас во Царé-градí
 Наехало проклятоё чудишо.
 Да сам ведь как он семи аршин,
 Голова у его да как пивной котел,
 5 А ножиша как-быть лыжиша,
 Да ручиша да как-быть граблиша,
 Да глазиша да как-быть чашиша.
 У царя Костянтина Атаульевича
 Сковали у его да ноги резвые
 10 Тема же жалезами немецкими,
 А связали его да руки белые
 Тема же опутьями шолковыми,
 Кнегину Опраксею в полон взяли.
 Во ту пору да во то времечко
 15 Перепахнула вестка за реку-Москву,
 Во тот же как ведь Киёв-град
 К тому же ведь да к Ильи Муромичу:
 — Да ой еси ты, Илья Муромич!
 Уж ты знаёшь ли, про то ведаёшь?
 20 Помёркло у нас да соньцо красное,
 Потухла звезда да поднебесная:
 И нынче у нас во Царе-граде
 Наехало проклятое чудишо;
 А сам как он из семи аршин,
 25 Голова его да как пивной котел,
 А ножиша как-быть лыжиша.
 А ручиша как-быть граблиша.
 А глазища как-быть чашиша.
 У царя Костянтина Атаульевича
 30 Сковали у его да ноги резвые же
 Тема же жалезами немецкими,

Связали его руки белые
 Тема же опутьями шолковыми,
 Кнегину Опраксею в полон взяли.

35 Да тут же ведь да Илья Муромич

Надеваёт он тут платьё цветное,
 Выходит на середу кирпищнею,
 Молитсε спасу пречистому,
 Да божьей матери, богородице.

40 Пошел Илья на конюшон двор

И берет как своего добра коня,
 Добра коня со семи цепей;
 Накладыват уздицу тасмяною,
 Уздат во уэдилица булатные,

45 Накладыват тут ведь войлучек,

На войлучек он седельшко;
 Подпрягал он двенадцать подпруженёк,
 Ишша две подпружки подпрягаютсι
 Не ради басы, да ради крепости,

50 Не сшиб бы богатыря доброй конь,

Не оставил бы богатыря в чистом поли.
 Да скоро он скачёт на добра коня;
 У ворот приворотников не спрашивал
(Они думали, поедет воротами),

Да он машот через стену городову жа.

55 Едёт он по чисту полю, —

Во чистом-то поли да куревы стоят,
 В куревы-то богатыря не видети.
 Да ехал он день до вечера,
 А темну-то ночь до бела свету,

60 Не пиваочи он да не едаочи,

Добру коню отдоху не даваочи.

Конь-от под им как подпинатьсε стал.

Бьет он коня и по тучным ребрам:

— А волчья сыть, травяной мешок!

65 А что тако подпинаишьсε,

Мария Дмитриевна Кровополенова.

(Былины 14, 20, напевы 5, 8).

Надо мной, над богатырём надсмехаишьсе?

А конь скочил, — за реку перескочил.

А прошло три дороги широких-е,

А не знат Илья, да куда ехати.

70 А во ту пору, во то времечко

Идет как калика да перехожая,

Перехожа калика безымянная.

Говорит как тут да Илья Муромич:

— Уж ты здравствуёшь, калика перехожая,

75 Перехожа калика безымянная!

А где ты был, да ты куда пошел?

Отвечает калика да перехожая,

Перехожа калика да безымянная:

— Я иду ведь тут из Царя-града,

80 Я пошел ведь тут во Киёв-град.

Говорил как тут да Илья Муромич:

— Уж ты ой еси, калика перехожая,

Перехожа калика безымянная!

А что у вас да во Царé-гради?

85 Ишка все ли у вас там по-старому,

Ишка все ли у вас там по-прежнему?

Говорит как калика перехожая,

Перехожа калика безымянная:

— Уж ты ой еси, да Илья Муромич!

90 А у нас ведь нынь во Царé-гради

Не по-старому, не по-прежнему;

А потухло у нас сонцё красноё,

А помёркла звезда поднебесная:

Как наехало проклятоё чудищо;

95 Ишка сам как он семи аршин,

Голова его как пивной котел,

А и ножища как-быть лыжища,

А и ручища как-быть граблища,

А и глазища как-быть чашища.

100 У царя Константина Атаульевича

Ишша скованы ноги резвые
 А тема жа жалезами немецкима,
 Ишша связаны руки белые
 А-й тема опутьями шолковыми.

- 105 Говорит как тут Илья Муромич:
 — Уж ты ой еси, калика перехожая,
 Перехожа калика безымянная!
 Ишша платьем с тобой мы поменяимсе:
 Ты возьми у мяя платье богатырское,
 110 А отдаи мне платьё калицкое.

- Говорит как калика перехожая:
 — Я бы не взял платья богатырского,
 Я бы не отдал платья калицкого,
 А едино у нас солнышко на неби,
 115 А един у нас могут богатырь—
 А старо казак да Илья Муромич;
 А с тобой с Ильей дак и слова нет.

- Они платьём тут да поменялисе,
 Ишше тут же ведь Илья Муромич
 120 Он ведь скинул платьё богатырской,
 А одел себе платье калицкое
 И оставил калики добра коня.
 Он ведь сам пошел тут каликою:
 Ишша клюцкой идё подпираитse,

- 125 Ишша клюцка под им изгибаетse.
 Говорит тут Илья Муромич:
 — Не по мне ета клюцка и кована,
 Ишша мало жалеза ей складено,
 Ишша сорок пуд во единий фунт.

(Не худой, видно, сам был).

- 130 А идет как калика да по Царю-граду;
 А скрыцял как он да по-калицкому,
 Засвистел как он по-богатырскому,—
 А проклятоё тут чудишишо
 Оно чуть сидит на лавици.

135 И та же калика перехожая

А идет ведь к чудишу в светлую гридню.

Он ведь молитсе спасу пречистому,
Он ведь божьей матери, богородицы,

А сидит проклятоё чудишко,

140 А сидит оно ведь на лавици,

Ишиша сам как он семи аршин,

Голова его как пивной котел,

Ишиша ножища как-быть лыжища,

Ишиша ручища как-быть граблища,

145 Ишиша глазища как-быть чашища.

Говорит как проклятое чудишко:

— Уж ты ой еси, калика перехожая!

Уж ты где ты был, куды ходил?

— Уж я был во городи во Киеви

150 У стара казака да Ильи Муромича.

Говорит как тут ведь иише чудишко:

— А каков у вас и могут богатырь,

Ишиша стар казак да Илья Муромич?

Говорит калика перехожая,

155 Переходжа калика безымянная:

— А таков у нас могут богатырь,

Ишиша стар казак да Илья Муромич:

А в один мы день с им родилисе,

А в одной мы школы грамоты училисе,

160 А и ростом он такой, как я.

Говорит проклятоё чудишко:

— Ишиша много ли он хлеба к выти съес^т?

Говорит калика перехожая:

— От ковриги краюшечку отрушаёт,

165 А и той краюшкой троё сутки живет.

Говорит проклятое чудишко:

— По сторублевому быку да я ведь к выти ем!

Говорит как калика перехожая,

Переходжа калика да безымянная:

- 170 — У нас у попа была коровушка обжориста.
Да много жорила, ей и розорвало!
Говорит проклятое чудищо:
— Я и буду в городе в Киеви,
Ишше буду я как баран тусён,
175 Как баран тусён, как сокол есён;
Стару казака да Илью Муровича
На долонь посажу, другой росхлопну,—
У его только и мокро пойдё.
Стоит как калика перехожая,
180 Он сымай щляпочку воскрынцату,
Он и взгрел чудища по буйной главы.
Покатилась голова, как пивной котел.
Тут ведь павелы и юлавелы,
Ишше та его сила неверна жа,
185 И схватили тут да Илья Муровича,
А сковали его ноги резвы жа
А-й тема жалезами немецкими,
А связали его руки белы жа
Тема же опутьями шолковыми.
190 Говорит как тут да Илья Мурович:
— Уж ты спас, уж ты спас многомилослив,
Уж ты божья мать, богородица!
Уж вы что на меня да ек прогневались?
Приломал все жалеза немецкие,
195 Он прирвал опутьни шолковые;
Он ведь стал по силы тут похаживать,
Он ведь стал ту силу поколачивать,
Он прибил их всех до единого.
Ишша ихны те ведь турова
200 Он выкидыват окошечком на уложку,
Ишша сам он им приговаривает:
— А пушшай ваши те ведь турова
А-й серым волкам на разрыванье,
А черным воронам на росклёванье,

205 Ишша малым робятам на изрыганьё.
 У царя Константина Атаульевича
 Росковал у его да ноги резвые,
 Розвязал у его руки белые,
 А кнегину Опраксею назад ведь взял,
 210 Посадил он их тут на царство жа.
 А пошел как тут да Илья Мурович,
 А приходит он ко меньшой реки
 Ко тому калики перехожоё.
 Ишша тут калика перехожая,
 215 Перехожа калика безымянная
 И не может он его конем владать,
 А его коня в поводу водит.
 Они платьём тут разменялисес:
 Ишша тот ведь да Илья Мурович
 220 Он ведь скинул платьё калицкоё.
 Он одел ведь платье богатырское.
 Ишша тут они разъезжалисес,
 Ишша они тут роспрошалисес;
 А Илья поехал домой ведь тут,
 225 А калика пошел, куды надомно.

21

Илья Муромец в изгнании и Идолище

Ай во славном было городе во Киеве,
 Ай у ласкового князя у Владимира,
 Ишше были-жили тут бояра кособрюхие;
 Насказали на Илью-ту всё на Муромца, —
 5 Ай такима он словами похваляйтце:
 — Я ведь князя-та Владимира повыживу.
 Сам я седу-ту во Киев на ево место,
 Сам я буду у его да всё князём княжить.
 Ай об этом они с князём приросспорили;

- 10 Говорит-то князь Владимир таковы реци:
— Прогоню тебя, Илья, да Илья Муромецъ,
Прогоню тебя из славного из города из Киёва;
Не ходи ты, Илья Муромецъ, да в красён Киёв-град.
- Говорил-то тут Илья всё таковы слова:
- 15 — А ведь придет под тебя кака сила неверная,
Хоть неверна-та сила бусурманьская, —
Я тебя тогда хошь из неволюшки не выруцю.
- Ай поехал Илья Муромеч в цисто полё,
Из циста поля отправилс во город-от во Муром-то,
- 20 Ай во то ли во село, село Качарово,
Как он жить-то ко своёму к отцю, матушки;
Он ведь у отца живет, у матушки,
Он немало и немного живет, три года.
- Тут заслыше' ли Идблишшо проклятое,
- 25 Ище тот ли царышшо всё неверноё —
Нету, нет Ильи-та Муромця жива три годицька.
Ай как тут стал-то Идблишшо подумывать,
Он подумывать стал да собираТЬце тут;
- Насьбирал-то он силы всё татарьскою,
- 30 Он татарьскою силы, бусурманьчкою,
Насьбирал-то он ведь силу, сам отправилс.
Подошла сила татарьска-бусурманьчкая,
Подошла же эта силушка близёхонько
Ко тому она ко городу ко Киеву.
- 35 Тут выходит татарин-от Идблишшо всё из бела
шатра.
- Он писал-то ёрлычкі всё скорописчаты,
Посылает он татарина поганого.
- Написал он в ёрлычках всё скорописцятых:
- Я зайду, зайду, Идблишшо, во Киев-град,
- 40 Я ведь выжгу-ту ведь Киев-град, божий церькви;
Выбиралс-то штобы князь из полатушок:
Я займу, займу полаты белокамянны,
Тольки я пушшу в полаты белокамянны —

Опраксéюшку возьму всё королевисью;
Я Владимира-та князя я поставлю-ту на кухню-ту,
Я на кухню-ту поставлю на меня варить.
Он тут скоро, тотарин-от, приходит к им,
Он приходит тут-то, тотарин, на широкой двор,
С широка двора в полаты княженецъки;
50 Он ведь рубит, кáznит у придверицъков всё буйны
головы,
Отдавает ёрлычкý-то скорописчаты.
Прочитали ёрлыки скоро, заплакали;
Говорят-то — в ёрлычках да всё описано:
«Выбирайсе, удаляйсе, князь, ты из полатушок,
55 Наряжайсе ты на кухню варить поваром».
Выбиралсе князь Владимир стольнё-киечькой
Из своих же из полатушек крутёшенько;
Ай скорёшенько Владимир выбираитце,
Выбираитце Владимир — сам слезами уливаетце.
60 Занимает¹ княженевськи всё полатушки,
Хочет взять он Опраксéюшку собе в полатушку;
Говорит-то Опраксeюшка таки речи:
— Уж ты гой еси, Идолищо, неверной царь!
Ты поспешь ты меня взять да во свой руки.
65 Говорит-то ей ведь царь да таковы слова:
— Я уважу, Опраксéюшка, ешшё два дёницъка,
Церез два-то церез дня как будёшь не кнегиной ты,
Не кнегиной будёшь жить, — да всё царицю.
Рознемогсе-то во ту пору казак да Илья Муромец
70 Он не мог-то за обедом пообедати;
Розболелось у ево всё ретиво серыцо,
Закипела у ево всё кровь горячая.
Говорит-то всё Илья сам таковы слова:
— Я не знаю, отцево да незамог совсим.
75 Не могу терпеть жить-то у себя в доми;

¹ Идолище. (Прим. собирателя).

Надоть съездить, попроведать во чисто полё,
 Надоть съездить, попроведать в красён Киёв-град.
 Он сядлал, сбирал своёго всё Белёушка,
 Нарядил скоро своёго коня доброго;
 80 Сам садилсѧ-то он скоро на добра коня,
 Он садилсѧ во седельшко чиркальскоë,
 Он ведь резвы свои ноги в стремёна всё клал,
 Тут поехал-то Илья наш, Илья Муромец,
 Илья Муромеч поехал свет-Иванович.
 85 Он приехал тут да во чисто полё,
 Из чиста поля поехал в красён Киёв-град.
 Он оставил-то добра коня на широком двори,
 Он пошел скоро по городу по Киеву,
 Он нашел, нашел калику перехожую,
 90 Перехожую калику, переброжую,
 Попросил-то у калики всё платья каличъёго;
 Он ведь дал-то ёму платье всё от радости,
 От радости скинивал калика платьицё,
 Он от радости платьё от великою.
 95 Ай пошел скоро Илья тут под окошоцъко,
 Под окошоцъко пришел, к полатам белокамянным;
 Закрыцял же он, Илья-та, во всю голову,
 Ишше тем ли он ведь крыком богатырским тут;
 Говорил-то Илья да Илья Муромеч,
 100 Илья Муромецъ да сам Ивановицъ:
 — Ай подай-ко, князь Владимир, мне-ка милостинку,
 Ай подай-ко, подай милостинку мне спасённую,
 Ты подай, подай мне ради-то Христа, царя небесного,
 Ради матери божьей, царицы-богородицы.
 105 Говорит-то Илья да Илья Муромецъ,
 Говорит-то он, крыцит всё во второй након:
 — Ай подай ты, подай милостину спасённую,
 Ай подай-ко-се ты, красно моё солнышко,
 Уж ты ласковой, подай, да мой Владимир-князъ!
 110 Ай не для-ради подай ты для ково-нибудь,

Ты подай-ко для Ильи ты, Ильи Муромца,
Ильи Муромча, подай, сына Ивановича.

- Тут скорехонько к окошоцьку подходит князь,
Отпирает ёму окошоцько косысцято,
- 115 Говорит-то князь да таковы реци:
— Уж ты гой еси, калика перехожая,
Перехожа ты калика, переброжая!
Я живу-то все, калика, не по-прежнему,
Не по-прежнему живу, не по-досельнёму:
120 Я не смею подать милостинки все спасёною;
Не дават-то ведь царишо все Идёлишо
Поминать-то он христа, царя небесного,
Во вторых-то поминать да Илью Муромца.
Я живу-то князь — лишилсе я полат все белокамянных;
- 125 Ай живет у меня поганоё Идёлишо
Во моих-то во полатах белокамянных;
Я варю-то на ево, все живу поваром,
Подношу-ту я тотарину все кушаньё.
- Закрыцял-то тут Илья да во третей након:
130 — Ты поди-ко, князь Владимир, ты ко мне выйди,
Не увидели щобы царища повара ево:
Я скажу тебе два тайного словецюшка.
- Он скорехонько выходит, князь Владимир наш,
Он выходит на широку светлу улоцьку.
- 135 — Що ты, красно наше солнышко, похудело,
Що ты, ласков наш Владимир-князь ты стольнё-
киевской?
- Я ведь чуть топерь тебя признать могу.
- Говорит-то князь Владимир стольнё-киевской:
- Я варю-ту, все живу за повара;
- 140 Похудела-то кнегина Опраксéя-королевsця,
Она день-от ото дня да все ищé хуже.
- Уж ты гой еси, мое ты красно солнышко,
Ище ласков князь Владимир стольнё-киевской!
Ты не мог узнать Ильи да Ильи Муромца?

- Говорит-то калика-та Илья Муромець:
 180 — Илья Муромеч-то будёт он во мой же рост.
     Говорит-то тут Идолишишо, выспрашиват:
     — Э по многу ли ест хлеба Илья Муромеч?
     Говорит-то калика перехожая:
     — Он ведь кушат-то хлеба по единому,
 185 По единому-единому он по ломтю к выти.
     — Он по многу ли ведь пьет да пива пьяного?
     — Он ведь пьет пива пьяного всёво один пивной стакан.
     Росьсмехнулсе тут Идолишишо поганоё:
     — Що же, почему вы этым Ильею на Руси-то хваствают?
 190 На долонь его положу, я другой прижму:
     Остаетце меж руками що одно мокро.
     Говорит-то тут калика перехожая:
     — Ище ты ведь по многу ли, царь, пьешь и ешь,
     Ты ведь пьешь, ты и ешь, да всё ведь кушаёшь?
 195 — Я-то пью-ту, я всё цяроцьку пью пива полтора ведра,
     Я всё кушаю хлеба по семи пудов,
     Я ведь мяса-та ем — к выти всё быка я съем.
     Говорит-то на те речи Илья Муромеч,
     Илья Муромеч да сын Ивановицъ:
 200 — У моево всё у батюшки родимого
     Там была-то всё корова-та обжорьцива,
     Она много пила да много ела тут —
     У ей скоро ведь брюшина-та тут треснула.
     Показалось-то царищу всё не в удовольствии;
 205 Он хватал-то из нагалища булатен нож,
     Он кинал-то ведь в калику перехожую.
     Ай помиловал калику спас пречистой наш:
     Отвернулсе-то калика в другу сторону.
     Скинывал-то Илья шляпу со головушки,
 210 Он ведь ту-ту скинывал всё шляпу сорочиньскую,
     Он кинал, кинал в Идолишиша всё шляпою,
     Он ведь кинул — угодил в тотарьску саму голову;
     Улетел же тут тотарин из простенка вон,

Да ведь вылетел тотарин всё на улицю.

²¹⁵ Побежал-то Илья Муромец скрёшенько

Он на ту ли па широ́ку, свéту улицю,

Он рубил-то всё он тут силу татарскую,

Он татарьску-ту силу, бусурманьчкую;

Он избил-то, изрубил силу великую.

220 Приказал-то князь Владимир-от звонить всё в **большой колокол.**

За Илью-то петь обедни-ти с молебнами:

— Не за меня-то молите, — за Илью за Муромца.

Собирал-то он почесен пир,

Ай почёсен собирал для Ильи да всё для Муромча.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЧУЖЕЗЕМНЫЙ БОГАТЫРЬ-НАХВАЛЬЩИК

22

[Илья Муромец на заставе богатырской]

Под славным городом под Киевом,
На тех на степях на Цицарских,
Стояла застава богатырская.
На заставе атаман был Илья Муромец,
5 Податаманье был Добрыня Никитич млад,
Есаул Алеша Поповский сын,
Еще был у них Гришка Боярский сын,
Был у них Васька Долгополой.
Все были братцы в разъездьице:
10 Гришка Боярский в те-пор кравчим жил,
Алеша Попович ездил в Киев-град,
Илья Муромец был в чистом поле,
Спал в белом шатре,
Добрыня Никитич ездил ко синю морю,
15 Ко синю морю ездил за охотою,
За той ли за охотой за молодецкою,
На охоте стрелять гусей, лебедей.
Едет Добрыня из чиста поля,
В чистом поле увидел ископоть великую,
20 Ископоть велика — полпечи.
Учал он ископоть досматривать:

- Еще что же то за богатырь ехал?
 Из этой земли из Жидовский
 Проехал Жидовин могуч богатырь
 25 На эти степи Цицарский!
- Приехал Добрыня в стольный Киев-град,
 Прибирал свою братию приборную:
 — Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!
 Мы что на заставушке устояли.
 30 Что на заставушке углядели?
 Мимо нашу заставу богатырь ехал!
 Собирались они на заставу богатырскую.
 Стали думу крепкую думати:
 Кому ехать за нахвальщиком?
 35 Положили на Ваську Долгополого.
 Говорит большой богатырь Илья Муромец,
 Свет атаман сын Иванович:
 — Не ладно, ребятушки, положили;
 У Васьки полы долгия,
 40 По земле ходит Васька — заплется,
 На бою — на драке заплется,
 Погинёт Васька по-напрасному.
- Положились на Гришку на Боярского:
 Гришке ехать за нахвальщиком,
 45 Настигать нахвальщика в чистом поле.
 Говорит большой богатырь Илья Муромец,
 Свет атаман сын Иванович:
 — Не ладно, ребятушки, удумали,
 Гришка рода боярского:
 50 Боярские роды хвастливые,
 На бою-драке призахвастается,
 Погинёт Гришка по-напрасному.
 Положились на Алешу на Поповича:
 Алешке ехать за нахвальщиком,
 55 Настигать нахвальщика в чистом поле.
 Побить нахвальщика на чистом поле.

Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Иванович:
— Не ладно, ребятушки, положили:
60 Алешинька рода поповского,
Поповские глаза завидущие,
Поповские руки загребущие,
Увидит Алеша на нахвальщике
Много злата, серебра, —
65 Злату Алеша позавидует,
Погинёт Алеша по-напрасному.
Положили на Добрыню Никитича:
Добрынюшке ехать за нахвальщиком,
Настигать нахвальщика в чистом поле,
70 Побить нахвальщика на чистом поле,
По плеч отсечь буйну голову,
Привезти на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается.
Походит Добрыня на конюший двор,
75 Имеет Добрыня добра коня,
Уздает в уздечку тесмянную.
Седлает в седельышко черкасское,
В торок вяжет палицу боевую,
Она свесом та палица девяносто пуд,
80 На бедры берет саблю вострую,
В руки берет плеть шелковую,
Поезжает на гору Сорочинскую.
Посмотрел из трубочки серебряной:
Увидел на поле чернйину;
85 Поехал прямо на чернйину,
Кричал зычным, звонким голосом:
— Вор, собака, нахвальщина!
Зачем нашу заставу проезжаешь, —
Атаману Илье Муромцу не бъешь челом?
90 Податаману Добрыне Никитичу?
Есаулу Алеше в казну не кладешь

На всю нашу братию наборную?

Учул нахвальщина зычен голос,
Поворачивал нахвальщина добра коня,
95 Попущал на Добрыню Никитича.

Сыра мать-земля всколебалася,
Из озер вода выливалася,
Под Добрыней конь на коленца пал.
Добрыня Никитич млад

100 Господу богу возмолялся
И матери пресвятой богородице:
— Унеси, господи, от нахвальщика.

Под Добрыней конь посправился,
Уехал на заставу богатырскую.

105 Илья Муромец встречает его
Со братией со приборною.
Сказывает Добрыня Никитич млад:
— Как выехал на гору Сорочинскую,
Посмотрел из трубочки серебряной,

110 Увидел на поле чернозину,
Поехал прямо на чернозину,
Кричал громким, зычным голосом:
«Вор, собака, нахвальщина!
Зачем ты нашу заставу проезжаешь, —

115 Атаману Илье Муромцу не бьешь челом?
Податаманью Добрыне Никитичу?
Есаулу Алеше в казну не кладешь
На всю нашу братию на приборную?»
Услышал вор-нахвальщина зычен голос,

120 Поворачивал нахвальщина добра коня,
Попущал на меня, ~~добра~~ молодца:
Сыра мать-земля всколебалася,
Из озер вода выливалася,
Подо мною конь на коленца пал.

125 Тут я господу богу возмолялся:
«Унеси меня, господи, от нахвальщика!»

Подо мной тут конь посправился,
Уехал я от нахвальщика
И приехал сюда, на заставу богатырскую.

130 Говорит Илья Муромец:

— Больше некем заменитися,
Видно ехать атаману самому!

Походит Илья на конюший двор,

Имет Илья добра коня,

135 Уздает в уздечку тесмянную,

Седлает в седельшко черкасское,

В торока вяжет палицу боевую,

Она свесом та палица девяноста пуд,

На бедры берет саблю вострую,

140 Во руки берет плеть шелковую,

Поезжает на гору Сорочинскую;

Посмотрел из кулака молодецкого,

Увидел на поле чернйзину,

Поехал прямо на чернйзину,

145 Вскричал зычным, громким голосом:

— Вор, собака, нахвальщина!

Зачем нашу заставу проезжаешь,—

Мне, атаману Илье Муромцу, челом не бьешь?

Податаманью Добрыне Никитичу?

150 Есаулу Алеше в казну не кладешь

На всю нашу братью наборную?

Услышал вор-нахвальщина зычен голос,

Поворачивал нахвальщина добра коня,

Попущал на Илью Муромца.

155 Илья Муромец не удробился.

Съехался Илья с нахвальщиком:

Впервые палками ударились,—

У палок цевья отломалися,

Друг дружку не ранили;

160 Саблями острыми ударились,—

Остры сабли приломалися,

Друг дружку не ранили;
 Вострыми копьями кололись, —
 Друг дружку не ранили;

165 Бились, дрались рукопашным боем,
 Бились, дрались день до вечера,
 С вечера боятся до полуночи,
 Со полуночи боятся до бела света.
 Махнет Илейко ручкой правою, —

170 Поскользит у Илейка ножка левая,
 Пал Илья на сырь землю;
 Сел нахвальщина на белы груди,
 Вынимал чинжалишё булатное,
 Хочет вспороть груди белые,
 175 Хочет закрыть очи ясные,
 По плеч отсечь буйну голову.
 Еще стал нахвальщина наговаривать:
 — Старый ты старик, старый, матёрый!
 Зачем ты ездишь на чисто поле?

180 Будто некем тебе, старику, заменитися?
 Ты поставил бы себе келейку
 При той путé — при дороженьке,
 Сбираял бы ты, стариик, во келейку,
 Тут бы, стариик, съят-пýтанён был.

185 Лежит Илья под богатырём,
 Говорит Илья таково слово:
 — Да не ладно у святых отцёв написано,
 Не ладно у апостолов удумано,
 Написано было у святых отцёв,

190 Удумано было у апостолов:
 «Не бывать Илье в чистом поле убитому»,
 А теперь Илья под богатырём!
 Лежучий у Ильи втрое силы прибыло:
 Махнёт нахвальщину в белы груди,

195 Вышибал выше дерева жарового,
 Пал нахвальщина на сырь землю,

В сыр' землю ушел до-пояс,
Вскочил Илья на резвы ноги,
Сел нахвальшине на белы груди.

200 Недосуг Илюхе много спрашивать, —

Скоро спорол груди белыя,
Скоро затымил очи ясныя,
По плеч отсек буйну голову,
Воткнул на копье на булатное,

205 Повез на заставу богатырскую.

Добрыня Никитич встречает Илью Муромца
Со своей братьей приборною.

Илья бросил голову о сыр' землю,
При своей братье похваляется:

210 — Ездил во поле тридцать лет, —

Экого чуда не наёживал!

23

Рождение Сокольника, отъезд и бой его с Ильей Муромцем

А да ко тому было ко морю, морю синёму,

А ко синёму как морюшку студёному,

Ко тому было ко камешку-то ко латырю,

А ко той как бабы да ко Златыгорки

5 А к ней гулял-ходил удалой ведь доброй молодецъ,

А по имени старой казак Илья Муромецъ.

Он ходил-гулял Илеюшка к ней двенадцать лет,

Он ведь прижил ей чадышко любимое.

Он задумал стары ехать во чисто полё;

10 Он ведь стал где Златыгорки наговарывать,

Наговарывать, как крепко ей наказывать,

Оставлял он ведь ей ноньче свой чудён крес^т,

Он ище оставлял с руки злачён перстень:

— Уж ты ой еси, баба да всё Златыгорка!

15 Если сын у тя родитсе, отдан чудён крест;

Если дочь у тя родитсε, отдай злачён перстень.
 А поехал тут старой казак во чисто полё,
 Много-мало тому времени минуитсε,
 А от той-де от бабы от Златыгорки
 20 От ней рожаитсε молоденькой Сокольницок.
 Он не по годам ростет Сокольник, по часам;
 Каковы-то люди в людях во сёмнадцать лет,
 А у нас был Сокольницеёк семи годов.
 Ишше стало Сокольнику двенадцать лет,
 25 А тут стал выходить да на красно крыльцо,
 Он зритъ-смотреть стал в трубочку подзорную:
 Во-первы-ти он смотрел нонь по чисту полю,
 Во-вторы-ти он смотрел нонь по синю морю,
 Во-треты-ти он смотрел на соломя¹ окатисто,
 30 Во-последни он смотрел на стольне-Киев-град.
 Он задумал съездить взять ведь крашен Киев-град.
 Он ведь стал просить у маменьки благословленыциѧ:
 — Уж ты дай мне-ка, мать, благословленыциѣ
 Мне-ка съездить, добру молодцу, на чисто полё.
 35 А дает ёму маменька благословленыциё,
 А дает ёму родима, наговориват:
 — А поедешь, мое дитятко, во чисто полё,
 А наедешь ты в чистом поли на старого:
 А борода-та у старого седым-седа,
 40 А голова-та у старого белым-бела,
 А под старым-то конь был наубел он бел,
 Хвост-от, грива у коня была черным-черна;
 До того ты до старого не доезживай,
 Не доезживай до старого, с коня скачи;
 45 До того до старого ты не дохаживай,
 А тому где старому низко кланейсе;
 А ведь тот тибе старой казак — родной батюшко.
 А ведь тут ето Сокольнику за беду пришло,

¹ Шоломя.

За велику за досаду показалосе.

- 50 А снарежалсे тут Сокольник в платье в цветное,
Одевал он на себя сбрую богатырскую,
Выводил тут Сокольничок добра коня;
Он седлал-уздал Сокольничок добра коня:
55 Он на коничка накладывал сам потнички,
Он на потнички накладывал всё войлучки,
Он на войлучки седельшко черкальской
О двенадцати подпруженьках шелковых-е,
Он тринадцату подпругу через хребетну кость,
Через ту через стень лошадиную.
- 60 Тут заскакивал Сокольник на добра коня.
А не видели, Сокольник как на коня скочил,
Только видели, Сокольник как в стремена ступил;
А не видели поезки богатырское,
Только видели: во полюшки курева стоит,
65 Курева где стоит, да дым столбом валит.
А тут выехал Сокольник на чисто поле,
Он и стал по чисту полю розъезживать:
Он и ездит во поли, потешаитсе,
Он тотарьскими утехами забавляится:
- 70 Он и свищот копье свое по поднебесью,
Он и правой рукой бросит, левой подхватит,
Он ведь сам ко копейцу приговарыват:
— Уж я коль лёкко владею ноны тобой, копье,
Столь лёкко мне повладеть старым казаком.
- 75 А по утрицьку-утру было ранному,
По восхожому солнышку как было красному
Выходил тут стары казак из бела шатра.
Он зрил-смотрел во трубочку в подзорную:
Он первы-ти смотрел на стольне-Киев-град,
- 80 Во-вторы-ти он смотрел да по чисту полю;
Он завидял во чистом поли неприятеля.
А да заходил тут старой казак во белой шатре:
— Уж вы ой еси, удалы добры молодцы,

А готово те спать, да вам пора ставать,
 85 А пора вам ставать, дак время ехати,
 Уж нам ехать ведь надо во чисто полё:
 В поли ездит есь удаленькой доброй молодецъ.
 У нас ехати Ивашку Долгополому,—
 У нас то было дитятко едреноё,
 90 А едрено оно дитятко, непроборноё,
 Понарасно погубит свою буйну голову;
 У нас ехать Олешеньки Поповичу,—
 У нас то было дитятко несильнёё,
 Умом-разумом дитятко заплычиво,
 95 Понарасно погубит свою буйну голову;
 У нас ехать Добрыни сыну Микитичу,—
 У нас то было дитятко едреноё,
 А едрено было дитятко то, вежливо,
 Было вежливо дитятко, очесливо,
 100 Он и может добра молодца принаехати,
 Он и может ёго да приобъехати,
 Он и может добру молодцу и честь воздать.

Тут и стал где Добрынишка снарежатисе:
 Надевал он на себя латы кольцюжныя,
 105 Надевал он где платьицё-то цветнёё,
 Надевал он на себя сбrouю богатырскую.
 А пошел тут Добрынишка из бела шатра,
 Выходил тут Добрыня из бела шатра,
 Он седлал-уздал Добрынишка добра коня,
 110 А заскакивал Добрынишка на добра коня,
 Он поехал Добрыня во чисто полё.
 Выезжал тут Добрынишка на чисто полё,
 Он наехал Сокольника во чистом поли.
 Он наехал ёго да приобъехал же,
 115 Он соскакивал Добрынишка со добра коня,
 Он тому где молодцу сам низко кланялся:
 — Уж ты здраствой, удаленькой доброй молодецъ!
 А которого ты города, коей земли?

- А которого отца ты, коей матери?
 120 Тибя как, молодец, ноны именем зовут,
 Тибя как величают по извотчины?
 А куда ты ноны едёшь, куда путь дёржись?
 Отвечал тут удалой добродушный молодец:
 — Уж я еду к вам на славной крашен Киев-град,
 125 Уж я русских богатырей повысмотрю,
 Я на сабельку богатырей повырублю,
 На бумажечку богатырей вас повыпишу,
 Я на быстру на реченьку повысвищу,
 Уж я старого казака конем стопчу,
 130 Я Владимеру-князю голову срублю,
 А кнегину-то Oprаксею за себя возьму,
 Уж я Киев-от город весь огнем сожгу,
 Уж я церкви-ти божки все под дым спущу.
 А тут заскакивал Добрынишка на добру коня,
 135 А поехал Добрыня ко белым шатрам.
 А приехал Добрынишка ко белым шатрам,
 Заходил тут Добрынишка в белой шатер,
 Говорил тут Добрыня таково слово:
 — Уж ты ой еси, старой казак Илья Муромец.
 140 Уж там ездит в поли молодец, не моя чёта,
 Не моя чёта ездит, не моя ровня;
 А да от того-ле он от моря да моря синёго,
 Он от синёго ведь морюшка студёного,
 От того он от камешка от латыря,
 145 Да от той он от бабы от Златыгорки,
 А зовут его молоденьким Сокольником;
 Он ведь едет к нам на славен крашен Киев-град,
 Он и хотят нас, богатырей, повысмотреть,
 Он на сабельку богатырей нас повырубить,
 150 На бумажечку богатырей повыписать,
 Он на быстру на реченьку повыметать,
 Тибя, старого казака, конем стоптать,
 А Владимеру-князю голову срубить,

А кнегину-ту Опраксею за себя взамуж взять,
 155   Хочот Киев-от город весь огнем сжечь,
 А как церкви-ти божьи все под дым спустить.
 А тут де старому за беду пришло,
 За велику за досаду показалося.
 Тут и стал где стары казак снарежатисе,
 160   Поскоре того Илеюшка сподоблятисе:
 Надевал он на себя латы кольцюжныя,
 Надевал на себя он платьё цвётноё,
 Он и брал с собой сброву всю богатырскую.
 А пошел тут старой казак из бела шатра,
 165   А седла-уздал стары казак добра коня,
 Он поехал старой казак в чисто полё,
 Он наехал Сокольника на чистом поли.
 Заревел тут Сокольник по-звериному,
 Засвистел тут Сокольник по-соловьёму,
 170   Зашипел тут Сокольник по-эмениному.
 Тут и матушка сыра земля потряхаласе,
 А сыры-ти тут дубы погибалисе,
 А вёршиной за комель заплёталисе,
 А сухи-ти ведь дубы поломалисе,
 175   У Илеюшки добром конь пал накарапч.
 Он и был стар коня ноны по крутым бедрам,
 Он и сам ко коню стар приговарыват:
 — Уж ты ой еси, конь мой, травяной мешок!
 Не слыхал-ле ты порёву звериного,
 180   Не слыхал-ле ты пошипу эмениного,
 А того где ты свисту соловьиного?
 У Илеюшки конь тут осержаитсе,
 От сырой земли конь дак отделяйтсе,
 Он наехал Сокольника на чистом поли,
 185   Он наехал ёго и приобъехал же,
 Он и сам говорил стар таково слово:
 — Уж ты ой еси, удалой добром молодец!
 Не застрелил ясна сокола, теребиши же;

Не убил добра молодца, ездишь-хвастаёшь.

190 А не две тут грозных тучи сокаталосе, —
А два сильных богатыря соезжалосе.
Они съехались на сабельки-ти вострыя,
У них востры-ти сабли пощорбалисе,
Они тем боём друг друга не ранили.

195 Они съехались на копья брусаменьчаты,
По насадочкам копья повертелисе,
Они тем боём друг друга не ранили.
Они съехались на палици боёвыя,
А боёвы у их палици поломалисе,

200 Они тем боём друг друга не ранили.
А скакали молодчи тут со добрых коней,
А схватились крепким боём, рукопашкою,
А боролись они с утра день до вечора,
А со вечора боролись до полуночи,

205 Со полуночи боролись до бела свету;
А всёго они боролись трои суточки.
А по счастью тут было по Сокольникову,
По несчастью было по Илеюшкину
Подкатилась у старого ножка правая,

210 Промахнулась у старого нога левая,
А тут падал да старой казак на сырь землю.
А заскакивал Сокольник на белы груди;
Он не спрашивал не имени, не вотчины,
Не отечства не спрашивал, не молодечства,

215 Вынимат из-за налучья свой вострой нож,
Он ростегиват пуговки вольячныя,
Он и хотот пороть ёго груди белыя,
Он и хотот смотреть да ретиво серцо.
А ведь тут де старому за беду пришло,

220 За великую досаду показалосе;
А змолился тут старой казак Илья Муромець:
— Уж ты ой еси, спас да многомилослив,
Присвята мати божья, богородича!

- Не стоял-ле я за веру православную?
 225 Не стоял-ле я за черкви-ти за божия?
 Не стоял-ле за намастыри покрашоны?
 Не стоял-ле я за славен крашен Киев-град?
 А сказали, що старому в поле смерть не писана,
 А теперече старому, верно, смерть прыдет;
 230 Ты не выдай меня, восподи, на чистом поли
 А поганому татарину на поруганье.
 А у старого силочки где прыбыло,
 А тут прыбыло силочки вдвоем-втроем,
 А вдвоем-втроем прибыло ровно впетером.
 235 Он смахнул-свернул Сокольника со белых грудей,
 Он заскакивал Сокольнику на белы груди,
 Он и сам говорил да таково слово:
 — Уж ты ой еси, удалой доброй молодеч!
 А которого ты города, коей земли,
 240 А которого отца, которой матери?
 Тибя как, молодецъ, именем зовут,
 Тибя как величают по отечеству?
 Отвечат тут удалой доброй молодецъ:
 — Уж ты ой еси, старая старэльшина!
 245 Я когда был у тибя ведь на белых грудях, —
 Я не имени, не вотчины не спрашивал,
 Не отечества не спрашивал, не молодечесьва,
 Вынимал из-за налучья свой вострой нож,
 Я хотел у тя пороть да груди белые,
 250 Я хотел у тя смотреть ведь ретиво серъцо.
 Говорит ёму старой казак во второй раз:
 — Скажи, молодецъ, как тя именем зовут?
 Отвечал ему удаленькой доброй молодецъ:
 — Когда был я у тебя ведь на белых грудях, —
 255 Я не спрашивал не имени, не вотчины,
 Я хотел твои пороть ведь груди белые.
 Говорил ёму старой казак Илья Муромецъ:
 — А скажи ты, молодецъ, как тя именем зовут,

Тибя как величают из отечесьва?

260   Отвечал тут молоденькой Сокольничок:

— От того же я от моря, моря синёго,

От синёго я морюшка студеного,

От того я ведь от камешка-та латыря,

Да от той я бабы от Златыгорки,

265   А зовут меня молоденьким Сокольником.

А ставал тут стары казак на резвы ноги,

Он ведь брал где Сокольника за белы руки,

Становил он Сокольника на резвы ноги,

Целовал его в уста он во сахарные,

270   Он и сам говорил таково слово:

— Уж как я тебе ведь нонь родной батюшко.

Тут скакали молодци на добрых коней,

А поехали они тут ко белым шатрам.

А приехали они ко белым шатрам,

275   Соходили молодци тут во белой шатер,

Они пили во белом шатри трои сutoчки.

А поехал тут Сокольник во чисто полё

Ко тому же он ко морюшку ко синёму,

Ко своей он к родимой-то ко матушки.

280   А завидяла ёго ведь мать родимая,

Выходила она ведь на красно крыльце

А стречала как Сокольника из чиста поля,

Она стретила Сокольника у краснá крыльца.

Тут соскакивал Сокольницеk со добра коня,

285   Он сказнил ведь, срубил ей буйну голову.

Много-мало тому времени минуитсе;

Он поехал опять ведь во чисто полё,

Он наехал во чистом поли белой шатер.

Тут и сплит в шатре стары казак Илья Муромец.

290   Не зашел тут Сокольничок во белой шатер,

Он и брал копье свое-то ноне востроё,

Он кинал его старому во белы груди.

И прилетело копье старому ноньче в чудён крест.

И спробудился тут старой казак Илья Муромец,
 295 Он выскакивал стары казак из бела шатра,
 Он хватал где Сокольника за чесны кудри,
 Он метал ёго над вышину небесную,
 Он метал где Сокольника, не подхватывал.
 Тут и падал Сокольник на сырь землю.
 300 Да и тут де Сокольнику славы поют,
 А славы поют Сокольнику, старины поют.

24

Бой Ильи Муромца с сыном

А во далечи, далече во чистом поли
 Там ведь стоял-то шатер белой полотьняной;
 Да во том во шатру новом полотьняном
 Было-жило пять могущих богатырей:
 5 Шьто первой-от богатырь Ванюшко, боярьской сын,
 Да второй-от Ванька, енеральской сын,
 Да третей-от Олешенька, поповьской сын,
 Да четвертой Добрынюшка Никитиць млад,
 Ишше пятой-от — старая старыньшина,
 10 Ишше старая старыньшина Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ был, да свет-Ивановицъ.
 Пробужайтце Илья да от крепкого сну;
 Он свежой водой ключевой умывайтце,
 Тонким белым полотеньцом утирайтце,
 15 Он ведь молитце всё спасу пречистому
 Да царици небесной богородицы;
 Ен выходит на широбу светлу улицю,
 Он берет свою трубочку подзорную,
 Он ведь смотрит на цётыре во вси стороны:
 20 Шьто во далечи, далече во чистом поли
 Там ведь ездит богатырь по чисту полю,
 Ишше ездит по чисту полю, полякуёт;

Он ведь мёцёт всё палицу тяжелую,
 Он ведь мёцёт-то палицу сорока пудов,
 25 Он берет-то одной рукой, с коня нейдет,
 Не становйт он своёго коня доброго;
 На кони-то сидит, будто сильней бугор.
 Ишше тут-то Илья Муромец приужахнулся,
 Приужахнулся, со страху приорозумался:
 30 — Мне кого бы послать-то во чисто полё,
 Во чисто полё послать мне, попроведати?
 Мне послать ведь разве Ванюшу боярьского, —
 Не простых-то родов — роду боярьского;
 Утеряёт в цистом поли буйну голову.
 35 Мне послать ведь разве Ваньку енеральского, —
 Енеральцкого рода пришел, нежного,
 Утеряет-то в чистом поли буйну голову;
 Да послать разве Олешеньку Поповиця;
 Он ведь роду как всё поповського, —
 40 Потеряет в чистом поли буйну голову;
 Мне послать разве всё брателка крестового,
 Как того ли Добрынюшку Никитича.
 Услыхает Добрынюшка таковы реци;
 Он ведь скоро выходит из бела шатра,
 45 Он ведь скоро седлат-то своёго коня доброго,
 Он седлат, всё убирает коня богатырьского;
 Он двенадцать шолковых упружинок застегивает;
 Ише сам он коню да приговаривает:
 — Уж ты, шолк, всё не рвись, да ты, убор, не гнись!
 50 Що не ради красы, да ради крепости,
 Ради силы своей да богатырскихия.
 Как поехал Добрынюшка во чисто полё,
 Не наехал богатыря в чистом поли,
 Он поехал Добрынюшка поближе ко синю морю
 55 И увидал богатыря всё присильнёго;
 Он скрыцял ведь богатыря во всю голову:
 — Ты постой-ко, богатырь, сам ты мне скажись,

Ты скажись-ко мне, богатырь ты могуцей жа;
Подъезжай ко мне поближе, мы как съедемсе.

- 60   Как услышал богатырь таку похвальбу,
Поворачивал своёго коня доброго;
Как зарыснула у коничка правая нога, —
Мать сыра-то земля да потрясаласе,
Ише синёё море зволновалосе,
65   Из озер, из рек вода да поливаласе.
Ишише тут ведь Добрыньюшка испугаитце,
Подломились у Добрыньюшки ножки резвыя,
Приупали у Добрыньюшки руцьки белыя,
Приудрого у Добрыньюшки ретиво серцо,
70   Помутились у его-то оци ясныя,
Прокатились у ёго жо горюций слёзы:
— Уж я скольки по цисту полю не езживаал, —
Уж я эдакого богатыря не видывал.

Поворачивал Добрыньюшка добра коня
75   Ко своёму-то он да ко белу шатру,
Ён поехал-то всё проць ко белу шатру.
Как стрецят-то старынишина Илья Муромець;
Недосуг Ильи коня учасывать-углаживать,
Недосуг ему двенадцать шелковых опружинок
застегивать.

- 80   Ище сам говорит да таковы реци:
— Ище мне-ка во чистом поли смерть не писана;
Я поеду с богатырем побратайюсь,
Я поеду с могуцим поздороваюсь.
Приезжает Илья да во чисто полё,
85   Он наехал богатыря в чистом поли;
А богатырь-то ездит, забавляйтце
Он как детскими-боярскими забавами;
Ишише сам-то он палици приговаривает:
— Приклоню-ту свою палицу тяжолую,
90   Приклоню-ту я тибя прямо на красён Киев-град,
Как на матушку тибя, да каменную Москву.

Аграфена Матвеевна Крюкова.

(Былины 15, 21, 24).

Ишше те слова ведь старой ведь старыньшины
 За беду-то ёму стали за великую,
 Приезжает к богатырю близехонько.

95 Он ударил своей-то ведь палицей тяжелою,
 Он ударил богатырю по буйной головы,
 Как богатырь сидит, сидит не думаёт,
 Он не думаёт сидит-то, сам не обёрните.
 Не обёрните сидит, да не зглёнёт же,
 100 Ишше тут ведь Илья да призадумалс:
 — Разве силушка у меня уж не по-прежнему,
 Не по-прежнему сила, не по-старому?

Он отъехал всё за вёрсту за мерную,
 Он нашел в полй горюцей серой камешок,
 105 Он ударил по камешку палицей тяжелою, —
 Разлетелся-то камень на мелки куски.
 Подъезжат опять к богатырю во второй након,
 Он ударил его по буйной головы;
 Ай богатырь-то сидит, всё не думаёт.

110 Ище тут опять Илья да отъезжает прочь;
 Он ударил ведь в камень во второй након, —
 Разлетелс ведь камешок в мелки куски.
 Приезжает к богатырю во третей након,
 Он ударил-то палицей по буйной головы;

115 Да тогда-то богатырь усмехнулся-то.
 Тут не лютоё зельё разгорелосе,
 Богатырьско-то серцё роскипелосе;
 Говорит-то Илья Муромець таковы слова:
 — Уж ты гой еси, богатырь ты могуцей же!

120 Уж мы съедемсе с тобой разве, ударимсе.
 Они съехались с им да всё ударились;
 Востры сабельки у их да поломалисе,
 Востры копьица у их всё потупилисе
 Всё от ихных же лат да богатырьских,
 125 Ишше стали они да рукопашкою;
 Ишше мастер Илья-то да был боротисе,

Подкорюцил богатыря правой ножоцькой,
Ище пал-то богатырь на сыру землю,
Мать сыра земля-то потрясаласе.

130 Он ведь хочет пороть да груди белыя;
Ище сам он Илья-то ведь Муромец пороздумалсѧ:
— Я спрошу ведь у богатыря, росспрошую про то,
Уж ты гой еси, дороднѣй ты доброй молодецъ!
Тебе много ли от роду-ту тебе есь годов?

135 — А годов-то мне от роду-ту всѣ двенадцать лет.
— Ты ведь цѣй же земли да цѣго города,
Ты цѣго же отца, сѣдишь, да цѣй матушки?

Говорит-то дороднѣй-от доброй молодецъ:
— Кабы сидел-то я у тебя да на белых грудях,
140 Не спросил бы я у тебя не роду, не племени,
Не спросил бы не города, отца-матушки, —
Я колол бы твои-ти да всѣ белы груди,
Посмотрял бы твоё-то ретиво сердцо.

Говорит-то Илья Муромецъ во второй након,
145 Говорит-то ёму да во третей након:
— Уж ты цѣй же земли да цѣго города,
Ты какого отца, какой матушки?

Говорит-то дороднѣй доброй молодецъ:
— Уж я города всѣ ведь я неверного,
150 Уж я сын-то Маринки всѣ Кайдаловки,
Да которая живет во земли неверныя,
Получаёт она пошлину великую
Как с того ли со князя-то со Владимира
Шьто за ти ли за черны-ти его карабли;
155 А меня она послала всѣ на святую Рѹсь,
На святую меня Рѹсь-ту, всѣ в каменну Москву
Отыскать тибя, старого, седатого;
Не дошод, она велела, всѣ низко кланитъце,
Называть тибя велела всѣ родным батюшком.
160 Да дала она перстень на праву руку.

Как увидял-то старая стариньшина,

Он ведь свой ведь увидел всё именной перстень
 Он со той ли со 'ставоцкой драгоценною,
 Он ведь брал-то его да за праву руку,

165 Целовал он его в уста сахарныя:

— Как мое ты, мое цядо милоё,

Цядо милоё мое ты, всё любимое,

Ты ведь младенькой мой всё Подсокольницёк!

Целовал он в уста-то его в сахарныя,

170 Он ведь стал-то ёму скоро рассказывать:

— Я ведь был-то ходил-то да по синю морю,

Замётало-то меня погодушкой великою,

Я тогда подарил перстень твоей родной матушки:

«Какого ты родишь, да тому отдавай,

175 Хощь ты сына родишь, быват, ясна сокола,

Хощь ты доцьку родишь, ты красну девицу».

А поехали они тогда во белой шатер;

Как на радости пили да трои сутоцьки.

Подсокольницёк-то ведь на ёго зло думает,

180 Зло-то думает он, штобы зло бы сделало:

— Не послушаю я матушки наказаньца,—

Ухожу я своего-то родна батюшка!

Как ведь тут же Илья всё как заспал же,

Как крепким-то сном заспал богатырским же;

185 Ишше взял Подсокольницёк-от востро копье,

Как направил ёму всё в ретиво серьцё;

Сохранил ёго господь-от, всё помиловал:

Розлетелось копье-то Ильи-то в белы груди;

Ище был-то у ёго на шеи навешан золотой же крест.

190 Золотой-от ведь крест был во вси груди;

Он ведь тем же крестом от смерти всё избавилссе,

Он ведь взял Подсокольницька за жолты кудри,

Он бросал-то его-то ведь высоко же,

Он ведь выше его-то лесу стоящёго,

195 Он пониже всё облака ходёщёго;

Он ведь тут-то его же не убил вовсё;

Привязал он к своёму к добру коню:

— Ты беги-ко, ступай-ко, конь-лошадь добрая,
Увези Подсокольницька во свое место,

200 Щёбы не ездил к нам больше во чисто полё,
Во чисто к нам полё, щёбы в красён Киев-град;
Не допушшу ёго до матушки славной каменной Москвы.

Побежал-поступал-то тут ведь доброй конь,
Прибегал-то к родимой его матушки.

205 Ен крыцял-то скоро ведь да зысьним голосом:
— Уж ты гой еси, матушка родимая!

Ты родима моя матушка любимая!

Ты отворь-ко мне косисцято окошечко,
Посмотри-тко на своего цяда милого;

210 Ты велела ведь мие-ка старому низко кланетьце;
Ише стар-от ведь надо мной как надругалс-то:
Привязал-то миня взял ко добру коню;
Розвяжи ты миня, маменька, скорешенько.

Розвязала она его скорешенько,

215 Ише стала сама про то выспрашивать:

— Уж ты было ли, цядышко, на святой Руси?

Он ведь взял свое-то всё востро копье,

Он ведь матушки-то ударил всё ведь в белу грудь,
Ишше тут ведь она-то скоро представилась.

220 Ише сам-то собака похваляйтце:

— Уходил-то тепереще родну матушку.

Как тепереще мне будет воля вольняя.

Заполоню-ту все я руськия чёрны карабли,
Изберу-ту, изымаю со караблей многих людей;
225 Разышшу-то тогда жа Илью Муромця,
Отсеку я по плечу ёму буйну голову.

Как пришло-то об одну пору, прикатилосе,

Уж и сотня цериёных-то пришло караблей;

Захватил-то он, вси-то забрал-то,

230 Заполонил он народу всего да православного.
Как приходят ёрлычки скоро скорописцяты,

Да приходят-то скоро всё во Киев-град,
 Шьто во матушку приходят в каменну Москву:
 — Захватил-то Подсокольнициёк черны карабли,
 235 Заполонил-то Подсокольнициёк людей добрыих,
 Да матросицьков он да всіх карабельшицьков.

Как недолго тут Илья, немного он раздумыват,
 Он скорехонько-скоро да собираитце,
 Он ведь скоро поехал тут к Подсокольницику,
 240 Он прибил всех со старого до малого,
 Он отсек у Подсокольницика буйну голову,
 Пригонил вси чернёны-ти свои карабли
 Он ведь в гавань ко князю ко Владимиру.

25

Недалеко от Киева

Недалёко от города от Киева
 А стоит ле тридцать три богатыря.
 А пасли-стерегли они да столиней Киев-град.
 Во первых-от у их был да стар козак,
 5 Во вторых у их Добрынюшка Микитич блад.
 Во третьих у ех Дунай да сын Иванович,
 Во четвертых-то Самсон да сын Колыбанович,
 А во пятых Олешенька Попович блад,
 Во шестых два брата да Долгополых,
 10 Долгополы два брата полонённые,
 Как ина братъя вся была схожея.
 Отаманом да был стар козак,
 Податаманьём Добрынюшка Микитич блад,
 А во писарях был Дунай да сын Иванович,
 15 А во поварах Самсон был да Колыбанович,
 А во конюках Олешенька Попович блад.
 Поутру-то ле утру ле было раному,
 На зачине тут было да свету белого,
 На подъеме тут было да красна солнышка,

- 20 А старой-то козак пробуждаетца,
 Ключевой водой да старой умываетца,
 Полотёнушком старой обтираетце.
 Одеваёт ступеньца на босу ногу,
 Надеваёт кунью шубу на онно плечо,
- 25 Надеваёт ле колпак на онно ухо,
 А выходит старой да вон на улещю.
 Как глядел ле смотрел на все стороны,
 В мороку в тумани нынъ худо видитце:
 То ле летит блад ясэн сокол,
- 30 То ле едет там удалой доброй молодец.
 Едет винно собака потешаетце:
 Впереди его, собаки, да бежит серый волк,
 Посади его, собаки, да звери всякии,
 На правом-то плече сидит ясэн сокол,
- 35 На левом-то плече да сидит бел кренчэт.
 Едет винно собака да потешаетце:
 Подверьх он стрелочку постреливат,
 Кабы на пол ту стрелку не ураниват,
 Он в руки возьмет — пламё мечетца,
- 40 А вокруг-то повернет — искры сыплютце.
 Кабы едёт собака да потешаетце:
 На правом-то колени держит гумажечку,
 Он гумажечку держит да гербовой гист,
 На левом-то колени держит чернильницю,
- 45 Во руках-то держит перо ёрлиное,
 Не того же орла да сизокрылого,
 Да того ли орла сизокамского,
 А не тот был орел — на лесу сидит,
 А бы тот орел — на корню сидит,
- 50 А гнездо-то он вьет да на сёр камень.
 Он бы пищу достават из синя моря.
 Он бы пишет ёрлык да скорограмку:
 — Я поеду молодец да в стольней Киев-град,
 Я поеду молодец да там поздороватьце.

- 55 Я силушку всю во грезь стопчу,
   Я бы князя там Владимира под меч склоню,
   Я бы матушку кнегиню с собой возьму.
     А помéтыват ерлык ко заставы,
     А старой-от берет, во шатер пошел,
 60 Кабы будит дружину всю заговорыною:
      — Вы встаньте-ко, дружина заговорыная!
     А будёт спать — стáла пора вставать,
     Ты вставай-ко, Добрынюшка Микитич блад,
     Ты вставай-ко, Дунай сын Иванович,
 65 А цитай етот ерлык да скорограмотку,
     Ка' да щё у собаки есь написано,
     Ка' да щё у собаки напечатано.
     Как цитает Дунай, сам рассказыват:
      — Я поеду молодецъ да в стольней Киев-град,
 70 Я поеду молодецъ там да поздороватъце,
     Я бы силушку хочу да всё во грезь стопчу,
     Я кнезя ле Владимира под меч склоню,
     Кабы матушку кнегину да то с собой возьму.
     А на ето старой да осержаетце,
 75 Выбирать он стал кого в сугон послать:
      — А послать нам Олешу Поповиця —
     А Олеша Попович роду невежлива,
     А невежлива сам роду да не оцеслива,
     Кабы роду-то Олеша поповъского.
 80 А послать-то ле двух-от братьев Долгополых,
     Долгополых-то братов полонёных же,
     А от не нашей земли они, неверные,
     А доспейт бы изменушку великую.
     А послать ведь Добрынюшку Микитича —
 85 Кабы тот ле детинка роду вежлива,
     Да вежлива детинка роду, оцеслива.
     А не видели поездки да молодецъкое,
     А увидели Добрынюшка на коня скочил,
     На коня-то он скочил да в струмена ступил,

- 90 А увидели да во поле куревá стоит,
Куревá стоит да дым столбом валит.
Нагонíл-натоптал скоро-наскоро:
— А какой же ты ле едёшь богатырь же?
Есле русьской богатырь, то поворот даю,
95 Есле не русьской богатырь, да я напус держу
(Сзади хочет ехать).
- А на третье раз да как ругатьце стал:
— Ты кака́ летиши ворона да пустопёрая,
Да кака́ же сорока позагубиста?
- А оттуль ле молодец поворот дает.
- 100 Кабы даёт Добрынюшке потяпышу,
А прибавил бы Добрыни по алабышу,
А едва ле Добрыня на коне сидит,
А оттуле Добрынюшка поворот дает.
А увидел старой козак Илья Муромец —
- 105 А бы едет Добрыня да не по-старому.
А сидит он на коне да не по-прежнему.
Осержаетце старой да сам сряжаетце:
— Не сварить вам без меня пивна котла,
Привезу вам голову вам татарскую.
- 110 Как отправился старой козак Илья Муромец,
Нагонíл-натоптал скоро-наскоро:
— Ты какой же нонь едёшь за богатырь же?
Есле русьской богатырь, да поворот даю,
А не русьской богатырь, да я напус возьму.
- 115 А на третье ле раз ругатьце стал:
— Ты кака́ летиши ворона да пустопёрая,
Да кака́ летиши сорока да позагубиста?
Ты ницем зовешь нас тридцать богатырей.
- А оттуль молодец да поворот дает.
- 120 Кабы съехались два удалых добрых молодца,
Кабы секлись сабельками вострыми,
А сабельки те у их прищербалисе,
А тыкались копейками бурзамеческими,

- А копейца у их да извихалисе,
 125 А соскачивали робята да со добрых коней,
     А хватались робята да в охабоцьку,
     Кабы бились-боролись да трое суточки,
     А пробили они до колени землю.
     По бесчесью тут да по великому
 130 У старого-то права рука да промахнулась,
     А левая-то нога да прокатилась.
     Кабы пал старой на матушку сырь землю.
     А садился Соколик на белы груди,
     Он и хоцёт пороть да груди белые,
 135 Он и хоцёт смотреть его ретиво серъё.
     А взмолился старой дак да господу богу:
     — Пресвята ти ли мати богородица!
     А стоял я за веру за христовую,
     Я держался того креста распятого,
 140 А повыдала поганому Издолищу,
     Ты повыдала ему дак на руганьицё.
     У старого вдвоё да силы прибыло,
     Он скакал со матушки сырой земли,
     А взметал-то Сокольника на матушку,
 145 А на матушку метал его на сырь землю,
     А садился ему он да на черны груди.
     Замахнулся пороть его черны груди,
     Посмотреть он хоцёт его ретиво серъё.
     Застоялась у старого во плече рука.
 150 — А скажи е то удалай, добрый молодець,
     Откуль идёшь да откуль едёшь же,
     Ты какого отца да какой матери?
     Говорил е удалой да доброй молодець:
     — Не роздражай меня удалого,
 155 Ты пори скоре мои да груди чёрные,
     Посмотри мое ты ретиво серъё.
     Замахнулся старой дак во второй након,
     Застоелась его дак во локти рука.

— Ты скажи-ко, удалой да доброй молодецъ!

160 Ты какого отца да какой матери?

— Я сидел когда у тя на белых грудях,

Я не спрашивал роду у тя не племени,

Я отца не спрашивал не матере,

Ты пори скоре да груди чёрные,

165 Ты смотри мое да ретиво серьцё.

Замахнулсε старой да во третей након —

Застоелась у старого да в заведи рука.

— Ты скажи-ко, удалой доброй молодецъ,

Ты какого отца да какой матери,

170 Ты откуль нонь идешь да откуль правишься?

— Я иду молодецъ да от синя моря.

Кабы матушка моя да Златыгорка,

А Златыгорка она да поленица же,

Поленица она да преудалая.

175 А соскакиват старой да со черных грудей,

А хватил его молодца за белы руки,

Целовал бы его в уста сахарные:

— А твоя ле матерь б. . . . .

А бы то молодецъ есь ты выб. . . . .

180 А любимой ты мой ноньце сын же ведь.

Ты поедь-ко, удалой да доброй молодецъ,

Привези матушку родимую,

Окрестим-приведем в веру христовую,

А не будёт тебе в поле поединника.

185 А разъехались удалы да добры молодцы,

А приехал как молодецъ ноньце к матушке:

— А ты ой еси, матушка родимая!

А бы ездил-ходил во чистом поле.

Я бы видил собаку серу седатую,

190 Он зовет тебе да право б. . . . .

А меня-то кличет да выб. . . . .

Говорит его ле матушка родимая:

— Не пустым-то молодецъ похваляетце.

Он хватил ле тут матушку родимую,
 195 Он хватил ле за косы женьски долгия,
 А метал-то он ей о кирпищет пол,
 А давал он ей тут да скору смёрточку.
 Погонил на тот право белой шатер,
 А бы ткнул копьем да во белой шатер,
 200 Он бы ткнул старому во белы груди.
 У старого на груди был бы чуден крест,
 А попало ему право в чуден крест.
 Просыпаетце старой да как скоро-наскоро,
 Выбегаёт старой да вон на улецю.
 205 Он хватил Сокольника за буйну главу,
 Он оторвал да тут буйну главу.
 А бы туловище отвез он во чисто поле,
 А бы воронам да на граёныциё,
 А зверем бы его да на тасканьициё.

26

Илья Муромец и дочь его

А ѿ на славноей московской на заставы
 Стояло двенадцать богатырей их святорусских,
 А по ней по славной по московской по заставы
 А ѿ пехотою никто да не прохаживал,
 5 На добром кони никто тут не проезживал,
 Птица черный ворон не пролетывал,
 А ѿ серый зверь да не прорыкивал.
 А ѿ то через эту славную московскую-то застану
 Едет поляничища удалая,
 10 А ѿ удалы поляничища великая,
 Конь под нейю как сильня гора,
 Поляница на кони будто сенна копна,
 У ней шапочка надета на головушку
 А ѿ пушистая сама завесиста,

- 15 Спереду-то не видать личка румяного
И сзаду не видеть шеи белоей.
Ена ехала собака, насмеялася,
Не сказала божьей помочи богатырям,
Ена едет прямоезжею дорожкой к столыне-Киеву.
- 20 Говорит тут старыя казак да Илья Муромец:
— Ай же, братица мои крестовыи,
Ай богатыря вы святоруський,
Ай вы славная дружинушка хоробрая!
Кому ехать нам в роздольице чисто поле?
- 25 Поотведать надо силушки великою
Да ѹ у той у поляници у удалою.
- Говорил-то тут Олешенка Григорьевич:
— Я поеду во роздольицо чисто поле,
Посмотрю на поляницу на удалую.
- 30 Как садился-то Олеша на добра коня.
А он выехал в роздольицо чисто поле,
Посмотрел на поляницу з-за сырা дуба,
Да не смел он к полянице той подъехати.
Да ѹ не мог у ней он силушки отведати.
- 35 Поскорешенько Олеша поворот держал,
Приезжал на заставу московскую,
Говорил-то и Олеша таковы слова:
— Ай вы славныи богатыри да святоруський!
Хоть-то был я во роздольице чистом поли,
- 40 Да ѹ не смел я к поляницищу подъехати,
А ѹ не мог я у ней силушки отведати.
- Говорит-то тут молоденькой Добрынюшке:
— Я поеду во роздольицо чисто поле,
Посмотрю на поляницу на удалую.
- 45 Тут Добрынюшка садился на добра коня
Да ѹ поехал во роздольицо чисто поле,
Он наехал поляницу во чистом поли,
Так не смел он к поляницищу подъехати,
Да не мог у ней он силушки отведати.

- 50 Ездит поляница по чисту полю
На добром кони на богатырскоём,
Ёна ездит в поли, сама тешится,
На правой руки у ней-то соловей сидит,
На левой руки да жавролёночек.
- 55 Ай тут молодой Добрыньшка Микитинец
Да не смел он к полянице той подъехати,
Да не мог у ней он силы поотведати;
Поскорешенько назад он поворот держал.
Приезжал на заставу московскую.
- 60 Говорил Добрыня таковы слова:
— Ай же, братица мои да вы крестовыи,
Да богатыря вы славны святорусьскии!
То хоть был я во роздольице чистом поли,
Посмотрел на поляницу на удалую,
- 65 Она езди в поли, сама тешится.
На правой руки у ней-то соловей сидит,
На левой руки да жавролёночек.
Да не смел я к полянице той подъехати
И не мог-то у ней силушки отведати.
- 70 Ёна едет-то ко городу ко Киеву,
Ёна кличет-выкликает поединщика,
Супротив себя да супротивника,
Из чиста поля да и наездника,
Поляница говорит да таковы слова:
- 75 «Как Владимир князь-от стольнё-киевской
Как не дает мне-ка он да супротивника,
Из чиста поля да и наездника,
Ай приеду я тогда во славной стольнии Киев-град,
Розорю-то славный стольнии Киев-град,
- 80 А я чернедь мужиков-тых всих повырублю
А божьи церкви я все на дым спущу,
Самому князю Владимиру я голову срублю
Со Опраксией да с королевичной!»
- Говорит им старый казак да Илья Муромец:

85 — А ѹ богатыря вы святоруськии,
Славная дружинушка хоробрая!
Я поеду во роздольицо чисто поле,
На бою-то мне-ка смерть да не написана;
Поотведаю я силушки великою
90 Да у той у поляницы у удалою.

Говорил ему Добрынушка Микитинец:
— Ай же, старыя казак да Илья Муромец!
Ты поедешь во роздольицо чисто поле
Да на тыя на удары на тяжелыи,
95 Да ѹ на тыя на побоища на смёртныи,
Нам куда велишь итти да ѹ куды ехати?

Говорил-то им Илья да таковы слова:
— Ай же, братица мои да вы крестовыи!
Поезжайте-тко роздольицом чистым полем,
100 Заезжайте вы на гору на высокую,
Посмотрите вы на драку богатырскую:
Надо мною будет, братци, безвремёньице,
Так поспейте ко мни, братица, на выруку.

Да ѹ садился тут Илья да на добра коня,
105 Ен поехал по роздольицу чисту полю,
Ен повыскочил на гору на высокую,
А ѹ сходил Илья он со добра коня,
Посмотрел на поляницу на удалую,
Как-то ездит поляничющо в чистом поли;

110 И она ездит поляница по чисту полю
На добром кони на богатырскоём,
Она шуточки-ты шутит не великий,
А ѹ кидает она палицу булатнюю
А ѹ под облаку да под ходячую,
115 На добром кони она да ведь подъезживат,
А ѹ одною рукой палицу подхватыват,
Как пером-то лебединым поигрывают,
А ѹ так эту палицу булатнюю покидывают.
И подходил-то как Илья он ко добру коню,

- 120 Да он пал на бéдра лошадины,
Говорил-то как Илья он таковы слова:
— Ай же, бурушко мой маленькой косматенькой!
Послужи-тко мне да верой-правдою,
Верой-правдой послужи-тко неизменною,
125 А ѿ по-старому служи еще по-прежнему,
Не отдав меня татарину в чистом поли,
Чтоб срубил мне-ка татарин буйну голову!
А ѿ садился тут Илья он на добра коня,
То он ехал по роздолью по чисту полю
130 И он наехал поляницу во чистом поли,
Поляници он подъехал со бела лица,
Поляницу становил он супротив собя,
Говорил ён поляници таковы слова:
— Ай же, поляница ты удалая!
135 Надобно друг у друга нам силушки отведати.
Порозъедемся с роздольица с чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Да приударим-ко во палици булатни,
А ѿ тут силушки друг у друга ѿтведаём.
140 Порозъехались оне да на добрых конях
Да ѿ по славну по роздольицу чисту полю,
И оны съехались с чиста поля да со роздольица
На своих-то конях богатырских,
То приударили во палици булатни,
145 Ёны друг друга-то били по белым грудям.
Ёны били друг друга да не жалухою,
Да со всёю своей силы с богатырскою,
У них палицы в руках да ѿ погибалися
А ѿ по маковкам да ѿтломилися.
150 А под нима-то доспехи были крепкии,
Ёны друг друга не сшибли со добрых коней.
А не были оны друг друга, не ранили,
И никоторого mestечка не кровавили.
Становили добрых коней богатырских,

- 155 Говорили-то оны да промежду собой:
— Как нам силушка друг у друга отведати?
Порозъехаться с роздольица с чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударить надо в копья в муржамецкий,
- 160 Тут мы силушка друг у друга и отведаём.
Порозъехались оны да на добрых конях
А и во славноё в роздольицо чисто поле,
Припустили оны друг к другу добрых коней,
Порозъехались с роздольица с чиста поля,
- 165 Приударили во копья в муржамецкий,
Ены друг друга-то били не жалухою,
Не жалухою-то били по белым грудям,
Так у них в руках-то копья погибалися
А и по маковкам да и отломилися.
- 170 Так доспехи-то под нима были крепкие,
Ены друг друга не сшибли со добрых коней,
Да и не били, друг друга не ранили,
Никоторого mestечка не кровавили.
Становили добрых коней богатырских,
- 175 Говорили-то оны да промежду собой:
— А ще как-то нам у друг друга-то силушка отведати?
Надо биться-то им боем-рукопашкою,
Тут у друг друга мы силушка отведаем.
Тут сходили молодцы с добрых коней,
- 180 Опустились на матушку сырь землю,
Пошли-то оны биться боем-рукопашкою.
Еще эта поляничища удалая
А и весьма была она да зла-догадлива
Й учена была бороться об одной ручке;
- 185 Подходила-то ко старому казаке к Илье Муромцу,
Подхватила-то Илью да на косу бодру,
Да спустила-то на матушку сырь землю,
Да ступила Илье Муромцу на белу грудь,
Она брала-то рогатину звериную,

- 190 Заносила-то свою да руку правую,
 Заносила руку выше головы,
 Опустить хотела ниже пояса.
 На бою-то Илье смерть и не написана,
 У ней правая рука в плечи да застоялася,
 195 Во ясных очах да ѿ помутился свет,
 Она стала у богатыря выспрашивать:
 — Ай скажи-тко ты, богатырь святорусский,
 Тебе как-то молодца да именем зовут,
 Звеличают удалого по отечеству?
- 200 А 'ще старый казак-то Илья Муромец,
 Розгорелось ёго сердце богатырское,
 Й он смахнул своей да правой ручушкой,
 Да он сшиб-то ведь богатыря с белой груди,
 Ён скорешенько скочил-то на резвы ножки,
 205 Он хватил как поляницу на косу бодру,
 Да спустил он ю на матушку сырь землю,
 Да ступил он поляници на белы груди,
 А ѿ берет-то в руки свой булатный нож,
 Заносил свою он ручку правую,
 210 Заносил он выше головы,
 Опустить он хочет ручку ниже пояса;
 А ѿ по божьему ли по велению
 Права ручушка в плечи-то остоялася,
 В ясных очушках-то помутился свет.
- 215 То он стал у поляниччища выспрашивать:
 — Да ѿ скажи-тко, поляница, попроведай-ко,
 Ты коей земли да ты коей Литвы,
 Еще как-то поляничку именем зовут,
 Удалую звеличают по отечеству?
- 220 Говорила поляница ѿ горько плакала:
 Ай ты, старая базыка новодревная!
 Тоби просто надо мною насмехатися,
 Как стоишь-то на моей да на белой груди,
 Во руки ты держишь свой булатний нож,

225 Роспластать хотиšь мои да груди белыи!

Я стояла на твоей как на белой груди,
Я пластала бы твои да груди белыи,
Доставала бы твое сердце со печенью,
Не спросила бы отца твоего и матери,

230 Твоего ни роду я ни племени.

И розгорелось сердце у богатыря
Да и у старого казака Ильи Муромца,
Заносил-то он свою да ручку правую,
Заздынул он ручку выше головы,

235 Опустить хотит ю ниже пояса;

Тут по божему да по велению
Права ручушка в плечи да остоялася,
В ясных очушках да и помутился свет,
Так он стал у поляницы-то высматривать:

240 — Ты скажи-тко, поляница, мни, проведай-ко,

Ты коей земли да ты коей Литвы,
Тобя как-то поляничку именем зовут,
Звеличают удалую по отечеству?

Говорила поляница и горько плакала:

245 — Ай ты, старая базыка новодревная!

Тоби просто надо мною насмехатися,
Как стоишь ты на моей да на белой груди,
Во руки ты держиши свой булатний нож,
Роспластать ты мни хотиšь да груди белыи!

250 Как стояла бы да на твоей белой груди,

Я пластала бы твои да груди белыи,
Доставала бы твое сердце со печенью,
Не спросила бы ни батюшка, ни матушки,
Твоего-то я ни роду да ни племени.

255 Тут у старого казака Илья Муромца

Розгорелось его сердце богатырское,
Ен еще занес да руку правую,
А и заздынул-то ручку выше головы,
А спустить хотел ён ниже пояса.

- 260 По господнему тут по велению
 Права ручушка в плечи-то остоялася,
 В ясных очушках-то помутился свет.
 Ен еще-то стал у поляницы повыспрашивать:
 — Ты скажи-то, поляница, попроведай-ко,
- 265 Ты коёй земли да ты коёй Литвы,
 Тоби как мне поляницу именём назвать
 И удалую звеличати по отечеству?
 Говорила поляница таковы слова:
 — Ты, удаленькой дородний добрый молодец,
- 270 Ай ты славныя богатырь святорусьский!
 Когда стал ты у меня да и выспрашивать,
 Я про то стану теби высказывать.
 Есть я родом из земли да из Тальянскою,
 У меня есть родна матушка честна вдова,
- 275 Да честна вдова она колачница,
 Колачи пекла да тым меня воспитала
 Ай до полнаго да ведь до возрасту;
 Тогда стала я иметь в плечах да силушку великую,
 Избирала мне-ка матушка добра коня,
- 280 Ай добра коня да богатырского,
 И отпустила меня ехать на святую Русь
 Поискать соби да родна батюшка,
 Поответдать мне да роду племени,
 Ай тут старый-от казак да Илья Муромец
- 285 Ен скоренько соскочил да со белой груди,
 Брал-то ю за ручушки за белыи,
 Брал за перстни за злаченыеи,
 Он эзынул-то ю со матушки сырой земли,
 Становил-то он ю на резвы ножки,
- 290 На резвы он ножки ставил супротив себя,
 Целовал ю во уста ён во сахарнии,
 Называл ю соби дочерью любимою:
 — А когда я был во той земли во Тальянскою,
 Три году служил у короля тальянского,

- 295 Да я жил тогда да ѹ у честной вдовы,
 У честной вдовы да ѹ у колачницы,
 У ней спал я на кроватке на тесовой
 Да на той перинке на пуховоей,
 У самой ли у ней на белой груди.
- 300 И оны сели на добрых коней да порозъехались
 Да по славну по роздольицу чисту полю.
 Еще старый-от казак да Илья Муромец
 Пороздернул он свой шатер белый,
 Да он лег-то спать да ѹ проклаждатися
- 305 А после бою он да после драки;
 А ѹ как эта поляничища удалая
 Она ехала роздольицем чистым полем,
 На кони она сидела, порозумалась:
 — Хоть-то съездила на славну на святую Русь,
- 310 Так я нажила себе посмѣх великий:
 Этот славныи богатырь святорусский
 А ѹ он назвал тую мою матку б . . . . .,
 Меня назвал выб . . . . .
 Я поеду во роздольице в чисто поле
- 315 Да убью-то я в полѣ богатыря,
 Не спущу этой посмешки на святую Русь,
 На святую Русь да и на белый свет.
- Ена ехала роздольицем чистым полем,
 Насмотрела-то она да бел шатер,
- 320 Подъезжала-то она да ко белу шатру,
 Она била-то рогатиной звериною
 А во этот-то во славный бел шатер,
 Улетел-то шатер белый с Ильи Муромца.
 Его добрый конь да богатырский
- 325 А он ржет-то конь да ѹ во всю голову,
 Бьет ногами в матушку в сырь землю;
 Илья Муромец он спит там, не пробудится
 От того от крепка сна от богатырского.
 Эта поляничища удалая

- 330 Ена бьет его рогатиной звериною,
 Ена бьет его да по белой груди,
 Еще спит Илья да ѹ не пробудится
 А от крепка сна от богатырского.
 Погодился у Ильи да крест на вороти,
- 335 Крест на вороти да полтора пуда:
 Пробудился он звону от крестового,
 А ѹ он скинул-то свои да ясны очушки,
 Как над верхом-тым стоит ведь поляничища удалая,
 На добром кони на богатырском,
- 340 Бьет рогатиной звериной по белой груди.
 Тут скочил-то как Илья он на резвы ноги,
 А схватил как поляницу за желты кудри,
 Да спустил ен поляницу на сырую земля,
 Да ступил ен поляницы на праву ногу,
- 345 Да он дернул поляницу за леву ногу
 А он надвое да ю порозорвал,
 А ѹ рубил он поляницу по мелким кускам.
 Да садился-то Илья да на добра коня,
 Да он рыл-то ты кусочки по чисту полю,
- 350 Да он первую половинку-то кормил серым волкам.
 А другую половину черным воронам.
 А ѹ тут поляницы ѿ славу поют,
 Славу поют век по веку.

27

[Илья Муромец и татарченок]

Ох вы люди, люди добрые,
 Шабры мои приближенные!
 Вы прийдите посидеть ко мне,
 Вы скажите мне про старое,
 5 Про старое про бывалое,
 Про того ли Илью Муромца,

Илью Муромца сын Ивановича.

Он в сиднях сидел ровно тридцать лет,
Тридцать лет и три года;

10 Он пошел гулять по Салфе-реке.

По Салфецкому круту бережку.

Выезжал Илья на высок бугор,

На высок бугор на раскатистый.

Расставлял шатер — полы белые,

15 Расставя шатер, стал огонь сечи;

Высечь огонь, стал раскладывать,

Разложя огонь, стал кашу варить,

Сваря кашу, расхлебывать;

Расхлебав кашу, стал почив держать.

20 Богатырский сон на двенадцать дён,

На двенадцать дён, на двое суточки.

Где не взялся... татарченок.

Татарченок-бусурманченок;

Он взошел в шатер, сам дивуется:

25 — Еще быть это Илья Муромец,

Илья Муромец сын Иванович.

Сонного мне убить — не честь не хвала,

А разбудить его — не сладити.

Цап-царап его во белую грудь.

30 Он не попал, злодей, во белую грудь,

Он попал, злодей, в чуден зборот крест;

От креста копье загибалося.

Ото сна Илья пробуждается,

Злу татарченку издивляется:

35 — Еще что это... за татарченок!

В вышину он злодей пять аршин,

А в ширину злодей коса сажень,

Голова на нем как пивной котел,

Во лбу глаза по большой чаше.

40 Он и снес с него злодея буйну голову

По его могучи плечи.

Илья Муромец и богатырь турок

Как из далеча, из чиста поля,
 Из раздольица из широкова,
 Выезжает тут старый казак,
 Стар-старый казак, Илья Муромец.
 5 На своем он на добром коне.
 На левой бедре сабля вострая,
 Во правой руке тупо копье.
 Он тупым копьем подпирается,
 Своей храбростью похваляется:
 10 — Что велит ли бог в Царе-граде быть.
 Я старых турков всех повырублю,
 Молодых турчат во полон возьму.
 Не откуль взялся богатырь турок;
 С Ильей съехался, не здоровался,
 15 Приразъехались, приударились.
 Он и бьет Илью вострым концом,
 Илья Муромец бьет тупым копьем.
 Он сшибает турка с добра коня,
 Ух как пал турок на сырь землю;
 20 Он поддел турка на тупо копье,
 Он понес турка во чисто поле,
 Во чисто поле, к морю синему,
 Он бросал турка во синé море:
 Как синé море всколыбалося,
 25 На пески вода разливалася.

БОЙ ДОБРЫНИ С ИЛЬЕЙ МУРОМЦЕМ

29

Бой Добрыни с Ильей Муромцем

Ай во том во городи во Рязанюшки.
Доселева Рязань-то слободой слыла,
Нонече Рязань-то словё городом.
В той-то Рязанушки во городи
5 Жил был Микитушка Романович.
Живучись, братцы, Микитушка состарился,
Состарился Микитушка, сам представилсѧ.
Ище жил-то Микита шестьдесят годов,
Снес де Микита шестьдесят боёв,
10 Ишише срывающих, урывосных числа-смёту нет.
Оставалась у Микиты любима семья,
Ай любима семья-та — молода жена,
Молодая Омельфа Тимофеевна;
Оставалось у Микиты чадо милое,
15 Милоё чадышко любимое,
Молодая Добрынюшка Никитицъ сын.
Осталсѧ Добрыня не на возрости,
Ка-быть ясной-от сокол не на взлети,
И осталсѧ Добрынюшка пяти-шти лет.
20 Да возрос де Добрыня-та двенадцать лет.
Изучилсѧ Добрынюшка вострой грамоте,

Научилсε Добрынюшка да боротисε,
 Ишшо мастёр Микитич а крутой метать,
 На белы-ти ручки не прихватывать.

25 Шьто пошла про ёго слава великая,
 Великая эта славушка немалая
 По всим городам, по всим украинам,
 По тем-то ордам по татаровям;
 Доходила эта славушка великая

30 Ай до славного города до Мурома,
 До стары казака-то Ильи Муромца, —
 Што мастёр Добрынюшка боротисε,
 А крутой де метать на сыру землю;
 Ишше нету такова борца по всей земли.

35 Стал тогда Илеюшка собиратисε,
 Ишше стал тогда Илеюшка собрунятисе
 Ай на ту-эту на славушку великую,
 На того же на борьца на приудалово.
 Он седлал, уздал тогда коня доброго,

40 Ай накладывал уздыю-ту тесмянью,
 Ай наметывал седельышко чиркальскоё,
 Да застегивал двенадцать вси подпружины,
 Застёгивал двенадцать вси спенёчки;
 Ай подпружяны-ти были чиста сёребра,

45 Да спенёчки-ти были красного золота.
 И сам тогда стал сбруды приговаривать:
 — Булат-железо не погнитце,
 Самохиньской-о шолк сам не порвите,
 Ише красно-то золото в грязи не ржавеёт.

50 Только видели Илеюшку собираючись,
 Не видели поездочки Илья Муромца;
 Только видели — во поли куревушка вьёт.
 Он здраво-то ехал полё чистое,
 И здраво-то ехал лесы тёмные,

55 И здраво-то ехал грязи чёрные.
 Ишше еде ко Рязанюшки ко городу;

Ко городу ехал не дорогою,
 Во город заезжал не воротами, —
 Конь скакал же через стену городовую,
 60 Мимо ту же круглу башню наугольнюю,
 Ишше сам жа говорил тогда таково слово:
 — Ай доселева Рязань-то слободой слыла,
 И нонече Рязань-то слывет городом.
 Увидал-то он маленьких ребятушек
 65 И сам говорил им таково слово:
 — И скажите вы, живет где-ка Добрынушка?
 Доводили до Добрынина широка двора:
 У Добрынушки двор был неогромистой,
 Ай подворьицо-то было необширное,
 70 Да кричал-то он, зычным голосом,
 Ай во всю жа богатырску буйну головушку;
 Ишше мать сыра земля под им потрясаласе,
 Ай Добрынина избушка пошатиласе,
 Ставники в его окошках помитуились,
 75 Стёколенки в окошках пошорбалисе.
 — Эли в доми Добрынушка Микитиц сын?
 Услыхала де Омельфа Тимофеевна,
 Отпирала де окошечко косисчато
 И рець готовила потихошеньку,
 80 Да сама жа говорила таково слово:
 — Уж и здравствуй, восударь ты да Илья Муромецъ!
 Добро жаловать ко мне-ка хлеба-соли ес^{тъ},
 Хлеба, соли ко мне есть, вина с медом пить.
 Говорил восударь тогда Илья Муромецъ:
 85 — Ише как меня знашь, вдова, ты именём зовешь,
 Почему же ты меня знашь из отечесъства?
 Говорила Омельфа Тимофеевна.
 — И знать-то ведь сокола по вылету,
 Ишше знать-то богатыря по выезду,
 90 Ище знать молодца ли по поступочки.
 Да немножко де Илеюшка разговаривал;

Федор Тимофеевич Пономарев.
(Былина 29).

Ишше речь говорит — коня поворачиват.

Говорила де Омельфа Тимофеевна:

— Уж ты гой есь, восударь ты Илья Муромец!

95 Ты не буди ты спальчив, буди мilosлив:

Ты наедёшь как Добрынюшку на чистом поли,

Не сруби-тко Добрынюшки буйной головушки;

Добрынюшка у миня ведь молодёшенёк,

На речах у мя Добрынюшка зашибчивой,

100 На делах у мя Добрыня неуступчивой.

Да поехал восударь тогда во чисто полё.

Он выехал на шоломя на окатисто,

На окатисто-то шоломя, на угристо,

Да увидел под восточней под стороночкой —

105 Ише ездит дородней доброй молодецъ,

Потехантце потехами веселыма:

Ише мечот свою палею боёвую,

Да на белы-ти рученьки прихватывал,

Ай ко палеци своей сам приговаривал:

110 — Уж ты палеца, палеца боёвая!

Ишше нету мне топере поединшика,

Ишше руського могучого богатыря.

Говорил восударь тогда Илья Муромецъ:

— Уж те полно, молодецъ, ездить, потехатисе.

115 Небылымы словами похвалятисе!

Ум мы съедимсе с тобой на поли, побратаемсе,

Ай кому-то де на поли будё божъя помошь.

Услыхал-то Добрынюшка Микитицъ сын,

Ото сна будто Добрынюшка пробуждайтце,

120 Поворачивал своёго коня доброво.

А как съехались богатыри на чистом поли,

Ай ударились они палецими боёвыма,

И друг дружки сами они не ранили

И не дали раны к ретиву сердцу.

125 Как тут съехались во второй након,

Ай ударились они саблеми-ти вострыма,

Они друг дружки сами не ранили,
Ишше нё дали раны к ретиву сердцу.
А как съехались богатыри во третью након,
130 Удалились ведь копьеми бурзомецькима,
Ище друг-то дружки сами не ранили,
Ишше нё дали раны к ретиву сердцу,
Только сабли у их в руках поломалисе.
Да скакали через гривы-ти лошадиныя,
135 Ай схватилисе богатыри большим боём,
Ай большим-то боём да рукопашосним,
Да водилисе богатыри по первой час,
Да водилисе богатыри по второй час,
Ай водилисе богатыри ровно три часа.
140 Да по божью было всё по милости,
По Добрыньюшиной было да по участи:
Подвернулась у Илеюшки права ножичка,
Ослабла у Илеюшки лева ручушка;
Ишше пал-то Илеюшка на сырь землю;
145 Ишше сел тогда Добрыня на белы груди,
Сам он говорил ёму таково слово:
— Уж ты вой еси, дородней добрый молодецъ!
Уж ты кбёго города, какой земли,
Какого сын отца ты, какой матери,
150 И как молодца тибя именём зовут,
Ишше как звеличают из отечесъства?
Говорит восударь-о Илья Муромецъ:
— Ай сидел-от кабы я у тя на белых грудях,
Не спросил бы я не родины, не вотчины,
155 А спорол бы я твои да груди белые.
Досмотрел бы я твоёго ретива сердца,—
Говорил де Добрынушка во второй након;
Говорил тогда Микитич во третей након;
Говорил же восударь тогда Илья Муромецъ:
160 — Уж как езжу я из города из Киева,
Ай старый де я казак-тот Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ я ведь сын Иванович.

Да скакал тогда Добрынушка со белых грудей,
Берё де Илеюшку за белы руки,
165 Ай чёлүё в уста-ти во сахárныя:

— Ты прости миня, Илеюшка, в такової вины,
Шьто сидел у тебя да на белых грудях!

Ишше тут де братаны-ти поназванелись;
Ай крестами-ти сами они покрестовались;
170 Ай Илеюшка-то был тогда ведь больший браг
Ай Добрынушка-то был тогда а меньший браг.
Да скакали ведь они на добрых коней,
Ай поехали братаны они в Рязань-город
Ай ко той они ко Добрыниной родной матушки.

175 Да стречеёт их Омельфа Тимофеевна.
Приехали братаны из чиста поля,
Они пьют-то тогда сами, проклаждаютце.
Говорил жа государь тогда Илья Муромеч:
— Уж ты вой еси, Омельфа Тимофеевна!
180 Ты спусти-тко-се Добрынушку Микитица.
Ты спусти-тко ёго ты да в красен Киев-град.
Да поехали братаны в красён Киев-град,
А к тому же де князю ко Владимёру.

БУНТ ИЛЬИ МУРОМЦА ПРОТИВ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

30

Никита Заолешанин

Ездит Илья во чистом поле.
Говорит себе таково слово:
— Побывал я, Илья, во всех городах,
Не бывал я давно во Киеве;
5 Я пойду в Киев, попроведаю,
Что такое деется во Киеве.
Приходил Илья в стольный Киев-град.
У князя Владимира пир на весело.
Походит Илейко во княжой терем,
10 Остоялся Илейко у ободверины.
Не опознал его Владимир-князь,
Князь Владимир стольный киевский:
— Ты откуль родом, откуль племенем,
Как тебя именем величать,
15 Именем величать, отцем чевствовать?
Отвечает Илья Муромец:
— Свет Владимир, красное солнышко!
Я Никита Заолешанин.
Не садил его Владимир со боярами,
20 Садил его Владимир с детьми боярскими.
Говорит Илья таково слово:

- Уж ты батюшко, Владимир-князь,
 Князь Владимир стольный киевский!
 Не по чину место, не по силе честь:
 25 Сам ты, князь, сидишь со воронами.
 А меня садишь с воронятами.
- Князю Владимиру *за* беду пало:
 — Есть у меня, Никита, три богатыря;
 Выходите-ко вы, самолучшие,
 30 Возьмите Никиту Заолешанина,
 Выкиньте вон из гридницы!
- Выходили три богатыря,
 Стали Никитушку попёхивать,
 Стали Никитушку поталкивать:
 35 Никита стоит — не шатнется,
 На буйной главе колпак не тряхнется.
 — Ежели хошь, князь Владимир, позабавиться,
 Подавай еще трех богатырей!
- Выходило еще три богатыря.
- 40 Стали они Никитушку попёхивать.
 Стали они Никитушку поталкивать.
 Никита стоит — не шатнется,
 На буйной главе колпак не тряхнется.
 — Ежели хошь, князь Владимир, потешиться.
- 45 Посылай еще трех богатырей!
- Выходили третья три богатыря:
 Ничего не могли упахать с Никитушкой.
 При том пиру при беседушке
 Тут сидел да посидел Добрынюшка,
 50 Добрынюшка Никитич млад;
 Говорил он князю Владимиру:
 — Князь Владимир, красное солнышко!
 Не умел ты гостя на приезде учёвствовать,
 На отъезде гостя не учёвствуешь;
- 55 Не Никитушка пришел Заолешанин,
 Пришел стар казак Илья Муромец!

Говорит Илья таково слово:
— Князь Владимир, стольный киевский!
Тебе охота попотешиться?
60 Ты теперь на меня гляди:
Глядючи, снимешь охоту тешиться!
Стал он, Илейко, потешиться.
Стал он богатырей попихивать.
Сильных-могучих уchal попинывать:
65 Богатыри по гриднице ползают,
Ни один на ноги не может встать.
Говорит Владимир стольный киевский:
— Ой ты гой еси, стар казак Илья Муромец!
Вот тебе место подле меня,
70 Хоть по правую руку, аль по левую.
А третью тебе место — куда хошь садись!
Отвечает Илья Муромец:
— Володимир, князь земли святоруссия!
Правду сказывал Добрынушка,
75 Добрынушка Никитич млад:
Не умел ты гостя на приезде учёвствовать,
На отъезде гостя не учёвствуешь!
Сам ты сидел со воронами,
А меня садил с воронятами!

Илья Муромец в ссоре со Владимиром

Славныя Владимир стольне-киевской
Собирал-то он славный почестен пир
На многих князей он и бояров,
Славных сильных могучих богатырей;
5 А на пир ли-то он не позвал
Старого казака Ильи Муромца.
Старому казаку Илье Муромцу

За досаду показалось-то великую,
 И он не знает, что ведь сделати
 10 Супротив тому князю Владымиру.
 И он берет-то как свой тугой лук розрывчатой,
 А он стрелочки берет каленые,
 Выходил Илья он да на Киев-град
 И по граду Киеву стал он похаживать
 15 И на матушки божьи церкви погуливать.
 На церквах-то он кресты вси да повыломал,
 Маковки он золочены вси повыстрелял.
 Да кричал Илья он во всю голову,
 Во всю голову кричал он громким голосом:
 20 — Ай же, пьяницы вы, голюшки кабацкие!
 Да и выходите с кабаков, домов питейных
 И обирайте-тко вы маковки да золоченые,
 То несите в кабаки, в дома питейные,
 Да вы пейте-тко да вина досыта.

25 Там доносят-то ведь князю да Владымиру:
 — Ай Владимир-князь да стольнё-киевской!
 А ты ешь да пьешь да на честном пиру,
 А как старой-от казак да Илья Муромец
 Ен по городу по Киеву похаживает,
 30 Ен на матушки божьи церкви погуливает,
 На божьих церквях кресты повыломил,
 А все маковки он золоченые повыстрелял;
 А й кричит-то ведь Илья он во всю голову,
 Во всю голову кричит он громким голосом:
 35 — Ай же, пьяницы вы, голюшки кабацкие!
 И выходите с кабаков, домов питейных
 И обирайте-тко вы маковки да золоченые,
 То несите в кабаки, в дома питейные
 Да вы пейте-тко да вина досыта.

40 Тут Владимир-князь да стольнё-киевской
 И он стал Владимир дума думати,
 Ему как-то надобно с Ильей помиритися.

И завел Владымир-князь да стольнё-киевской,
 Он завел почестен пир да и на другой день
 45 Тут Владымир-князь да стольнё-киевской
 Да ще он стал да и дума думати:
 — Мне кого послать будет на пир позвать
 Того старого казака Илью Муромца?
 Самому пойти мне-то, Владымиру, не хочется,
 50 А Опраксию послать, то не к лицу идет.
 Й он как шел-то по столовой своей горенке,
 Шел-то он о столики дубовыи,
 Становился супротив молодого Добрынишки.
 Говорил Добрыни таковы слова:
 55 — Ты молоденькой Добрынишка, сходи-тко ты
 К старому казаке к Ильи Муромцу,
 Да зайди в полаты белокаменны,
 Да пройди-тко во столовую во горенку,
 На пяту-то дверь ты порозмахивай,
 60 Еще крест клади да й по-писаному,
 Да й поклон веди-тко по-ученому,
 А й ты бей челом да низко кланяйся
 А й до тых полов и до кирпичных,
 А й до самой матушки сырой земли
 65 Старому казаке Ильи Муромцу,
 Говори-тко Ильи ты да таковы слова:
 «Ай ты старыя казак да Илья Муромец!
 Я пришел к тебе от князя от Владымира
 И от Опраксии от королевичной,
 70 Да пришел тебе позвать я на почестен пир».
 Молодой-то Добрынишка Микитинец
 Ен скорешенько-то стал да на резвы ноги,
 Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
 Да он шапочку соболью на одно ушко,
 75 Выходил он со столовою со горенки,
 Да й прошел полатой белокаменной,
 Выходил Добрыня он на Киев-град,

Ен пошел-то как по городу по Киеву,
Пришел к старому казаке к Илье Муромцу
80 Да в его полаты белокаменны.

Ен пришел как во столовую во горенку,
На пяту-то он дверь да порозмахивал,
Да он крест-от клал да по-писаному,
Да ѹ поклоны вел да по-ученому,
85 А ѿще бил-то он челом да низко кланялся
А ѹ до тых полов и до кирпичных,
Да ѹ до самой матушки сырой земли,
Говорил-то ѿн Илье да таковы слова:

— Ай же, братец ты мой да крестовыи,
90 Старая казак да Илья Муромец!

Я к тоби послан от князя от Владимира,
От Опраксы-королевичной,
А ѹ позвать тебя да ѹ на почестен пир.

Еще старый-от казак да Илья Муромец
95 Скорешенько ставал он на резвы ножки,

Кунью шубоньку накинул на одно плечко
Да он шапоньку соболью на одно ушко,
Выходили со столовыи со горенки,

Да прошли они полатой белокаменной,
100 Выходили-то они на стольний Киев-град,
Пошли оны ко князю к Владимиру

Да ѹ на славный-от почестен пир.

Там Владимир-князь да стольнё-киевской
Он во горенки да ведь похаживал,

105 Да в окошечко он, князь, посматривал,
Говорит-то со Опраксой-королевичной:

— Подойдут-ли ко мне как два русских богатыря
Да на мой-от славный на почестен пир?

И прошли они в полату в белокаменну,

110 И взошли они в столовую во горенку.

Тут Владимир-князь да стольнё-киевской
Со Опраксией да королевичной

Подошли-то они к старому казаку к Илье Муромцу,
 Они брали-то за ручушки за белые,
 115 Говорили-то они да таковы слова:
 — Ай же, старый казак ты, Илья Муромец!
 Твое местечко было да ведь пониже всех,
 Топерь местечко за столиком повыше всех!
 Ты садись-ко да за столик за дубовый.
 120 Тут кормили его ествушкой сахарнею,
 А и поили питьцем медвяным.
 Они тут с Ильей и помирилися.

32

Илья в ссоре с Владимиром

А тот ли-то князь да стольнё-киевской
 А и сделал как задёрнул свой почестной пир
 Для князей, для бояр да для богатырей,
 А для тых богатырей да русских,
 5 Чтобы всяко званиё да шло туды
 А на тот, на тот да на почестный пир
 А к стольнему князю ко Владимиру.
 Да забыл он позвать да что лучшаго,
 А что лучшаго да лучшаго богатыря,:
 10 А старого казака Илью Муромца.
 Да тут-то ведь к Ильюше не к лицу пришло,
 А не к лицу пришло, стало похабно есть,
 И тут-то Илья да роззадорился,
 А тут-то Илья да розретивился.
 15 Как скоро натянул он свой тугой лук
 А клал он тут стрелочку каленую,
 А тут-то сам Ильюшенка роздумался:
 — А что мне, молодцу, будё поделати?
 А я нынь молодец е розгневанной,
 20 А я нынь молодец есть роздраженной.

- Как он-то за тым тут повыдумал,
 А стрелы́л-то он тут по божьим церквам,
 А по тым стрелы́л по чудным крестам
 А по тым маковкам золоченым.
- 25 Да пали тут тыи маковки,
 Да пали тут, отпали на сыру землю,
 Да сам он закрычал тут во всю голову:
 — Да ай же вы были го́ли мои,
 А го́ли мои вы кабацкие,
 30 А доброхоты-то вы еще царский!
 А собираетесь-ко вы да сюда-то вси,
 А обирайте маковки вси золочёныи.
 А подёмте-ко вы да со мной еще
 А тот-то на тот да на царев кабак.
- 35 Как станем нунь пить да зеленá вина,
 Да станем-то пить да заодно со мной.
 Да как тут-то эти да го́ли были,
 А го́ли были оны кабацкие,
 А доброхоты всё были царский,
 40 Обирали маковки тыи золочёныи,
 Самы оны к ему да прибегают все:
 — А батюшко ты да отец наш был!
 А пили тут оны да зелено вино,
 Как пили тут оны да заоднёшенько.
- 45 Да как видит-то князь, что беда пришла,
 А беда-то пришла да неминучая,
 Да как тут-то он да е скорым-скоро́,
 А скорым-скоро́, скоро-скорёшенько,
 А сделал он задернул тут почостный пир
 50 А для старого казака Ильи Муромца.
 Да тут-то ведь князь да стольнё-киевской,
 Да тут-то ведь он еще думал есть
 Со князьями со бояры со русийскими,
 А со тыма со могучими богатырьми:
 55 — А думайте-тко, братцы, вы нунь думушку,

А думайтэ-тко, братцы, думу крепкую,

А думайте думу, не продумайте:

А нам кого будёт послать да Илью позвать,

А позвать сюды к нам на почестной пир,

60 А старого казака Илью Муромца?

А как тут-то они да думу думали:

— А нам-то есть кого послать Илью позвать?

А пошлем-ко мы Добрынюшку Микитича,

Он ёму да ведь брат крестовыи,

65 А крестовыи-то братец да названыи.

Дак он-то, быват, его послушает.

Как тут-то Добрынюшка Микитинич

А приходит-то он братцу до крестовому,

Да как здравствует он братца да крестоваго:

70 — А здравствуй-ко, братец мой крестовыи,

А крестовыи братец мой названыи!

Да как старый казак Илья Муромец

Да как он-то его да также здравствует:

— Ай здравствуй-ко, брат мой крестовыи,

75 А молодой Добрынюшка Микитинич!

Ты зачем же пришел да загулял сюда?

— А пришел-то я, братец, загулял к тебе,

А о деле-то пришел да пе о малоем.

Да у нас-то с тобой было раньше того.

80 А раньше того дело поделано:

А пописи были пописаныи,

А заповеди да поположоныи,

А слушать-то брату да мénьшому,

А мénьшому слушать брата большого.

85 А еще-то как у нас да єсте с тобой

А слушать-то брату ведь большому,

А й большому слушать брата мénьшаго.

Да тут говорят Илья таково слово:

Ах ты братец да мой да был крестовыи!

90 Да как нунечку топеречку у нас с тобой

А все-то пописи да были ведь пописаны,
 А заповеди были положены,
 А слушать-то брату ведь мénьшому,
 А мénьшому слушать да большаго,
 95 А большому слушать брата мénьшаго.
 Кабы не братец ты крестовый был,
 А некого бы я не послушал зде!
 Так послушаю я братца нунь крестоваго,
 А крестоваго братца я названаго.
 100 А тот ли-то князь стольне-киевской
     А знал-то послать меня кого позвать?
     Когда ты меня, Добрынюшка Микитинич,
     Меня позвал туды да на почестной пир,
     Да я тебя, братец, же послушаю.
 105   Да приходит он к князю к Володимеру
     Да тот старыи казак да Илья Муромец
     А со тым с Добрынюшком с Микитичем,
     А со братом со своим да со крестовыми.
     А давают ему тут место не мénьшое,
 110   А не мénьшое место было — большое,
     А садят-то их во большии угол,
     А во большои угол да за большои-от стол.
     Да как налили тут чару заленá вина,
     А несли эту чару рядом к ему,
 115   А к старому казаку к Ильи к Муромцу.
     Да как принял он чару единой рукой,
     А выпил он чару во единой здох.
     А другу наливали пива пьянаго,
     А несли эту чару рядом к ему,
 120   А принял тут Ильюша единой рукой,
     Еще выпил он опять тут во единой здох.
     Как третью наливали меду сладкаго,
     Да принял молодец тут единой рукой,
     Еще выпил он опять тут во единой здох.
 125   Тут наелиси, напились вси, накушались,

Да стали тут оны да вси пьянёшеньки
 А стали тут оны вси веселешеньки.
 Как говорит Илья тут таково слово:
 — Ай же ты, князь столинё-киевской!

- 130 А знал-то послать кого меня позвать,
 Послал-то братца ко мне ты крестоваго,
 А того-то мни Добрынюшка Никитича.
 Кабы-то мни да ведь не братец был,
 А некого-то я бы не послухал зде,
 135 А скоро натянул бы я свой тугой лук,
 Да клал бы я стрелочку каленую,
 Да стрелил бы ты в гридину во столовую,
 А я убил бы тя князя со княгиною.
 За это я тебе-то нунь прощу
 140 А этую вину да ту великую.

33

Про Илью и голи кабацкие

- А как во стольном во городи во Киеви,
 А ведь у князя да у Владимира,
 А велся-продолжалсе княжецкий пер,¹
 А с сильными могучима богатырьма,
 5 А Ильюшеньки на пер да не позвали.
 Открывал Ильюша свой почесной пер,
 Позабрал mestецъко што не лучшее,
 Што не лучшее место, самолучшее,
 Среди города да среди Киева,
 10 На удобной да ён на площади,
 Да у князя-то да у Владимира,
 У теремов-то он да златоверхих.
 Крикнул Ильюша голосом своим богатырским:
 — Уж вы голи, голи кабацкие,
 15 Городские голи вы, посацкие,

¹ Пир.

Собирайтесь-ко вы да приходите-тко,
Ко Ильюшеньки да на чесной пер!

- Как у Ильюшеньки ведется свой почестный пер,
Среди города да среди Киева,
20 На удобной-то да на площади,
Как у князя-то да у Владимира,
Как у теремов да златоверхиих,
Тут же Ильюшенька как натягивал
Как тетивку он шолковую,
25 Как натягивал тетивку потугёшенько,
Направлял он стрелоцьки каленые прямёшенько,
А спускал Ильюша стрелоцьки каленые
В тугой лук ръянёшенько,
А спускал он князю-то Владимиру
30 По теремам ему-то златоверхиим.
Как у князя-то да у Владимира,
Как по городу да по Киеву,
А на теремах да златоверхиих
Были маковки шелковые подвешены.
35 Спускал Ильюша стрелоцьки да каленые,
А ён по маковкам спускал да по шолковым,
Да как золоченыи маковки-то шолковые
Скатилисе оне да на сырь землю,
Как ведь мелкии-то воробушки.
40 Дороги гости да Ильюшины
Собирали оны маковки шелковые,
Носили в лавоцьки оны торговыи,
Оттуль таскали напитоцьки спиртовыи.
А сидят пируют-то оны да прохлаждаютце,
45 А поют ёны песенки да разные,
Поют оны песни разные разважные,
Как не днем-то не ночью да утиха нет.
Как у князя-то да Владимира
Пер с богатырьма да прекращаетце,
50 А у Ильюши вперед да продолжаетце.

Тут Владимир-князь скручинилсε,
 Тут Владимир-князь да спечалилсε:
 — Разобьет Илья по городу по Києву.

Все он терема разобьет златоверхий,
 55 Вышиблет все маковки золоченыи,
 Золоченыи маковки да шелковые!

Стал просить Владимир-князь
 Сильных могущих богатырей:
 — Как сходите-тко Ильюшеньку проводите-тко,
 60 Чтобы не спускал Илья стрелоцек каленых,
 Не щипал бы Илья маковок шелковых.

А как богатыри от князя отказалисε:
 — Мы не смеем итти Ильюшу уговаривать,
 Спустит Илья в нас стрелоцьки каленый.

65 Стал Владимир-князь просить-то Добрынюшку,
 Как Добрыня был-то посильнее всих.
 Как пошел Добрыня Ильюшу уговаривать,
 А идет Добрынюшка да думает:
 — Если мне-то мне-ко-ва спереду зайти,
 70 То спустит Илья в меня стрелоцьку каленую.

Вот зашел Добрынюшка сзади ведь,
 А пал Добрыня Ильюше на плечи на могущии:
 — Здравствуй же, мой да крестовый брат,
 Владимир-князь меня да **за** тобой послал.

75 Стал Добрыня Ильюшу уговаривать,
 А говорил-то вить Ильюшенька:
 — Ай же ты, да мой крестовый брат,
 Знал же ты да откуль зайти:
 Если зашел-то бы спереду —
 80 То спустил бы в тебя стрелоцьку каленую!

Уговорил-то Добрыня да Ильюшеньку,
 Да повел Добрыня Илью к князю ко Владимиру,
 Дороги гости Ильюшеньки недовольныи-то ведь
 осталисε,

Так былина и поконцилась.

Федор Андреевич Конашкон
(Былина 33, напев 16).

Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром

Во том во городе во Киеве
У ласкового князя у Владимира
Пированьицо да был почестен пир,
Зазывал Владимир стольне-киевский
5 А князей-бояр он киевских,
Да всех русских могучиих богатырей,
Поляницъ-то он всех удалых,
Не позвал Владимир стольно-киевский
А старого казака Ильи Муромца
10 А на тот ли на почестен пир.
Рассердился Илья да поразгневался,
Выходил он на широкий двор,
Тугой лук разрывчатый натягивал,
Калены стрёлы да он налаживал,
15 Он начал по городу похаживать,
Он начал по Киеву похаживать,
На божий церкви да он постреливать.
А с церквей-то он кресты повыломал,
Золоты он маковки повыстрелял,
20 С колоколов языки-то он повыдергал.
Заходил Илья в дома питейные,
Говорил Илья да таковы слова:
— Выходите-ко, голи кабацкие,
А на ту на площадь на стрелецкую,
25 Подбирайте маковки да золоченые,
Подбирайте вы кресты серебряны,
А несите-ко в дома питейные,
Продавайте вы да сребро-золото,
Покупайте бочки зелена вина,
30 А другие бочки пива пьяного,
А третьи бочки меда сладкого.

А тута голюшки кабацкие
 Скорым-скоро с домов питейных,
 Подбирали они да сребра-золота,
 35 Продавали да во дома питейные,
 А выкатали бочки зеленá вина,
 Да другие бочки пива пьяного,
 А и третьи бочки меда сладкого.
 А Илья Муромец да сын Иванович
 40 Закричал-то он да громким голосом:
 — Уж вы пьяницы да вы пропоицы,
 Собирайтесь-ко на площе́дь на стрелецкую,
 Собирайтесь, мещане вы стрелецкия,
 Мужички собирайтесь деревенския,
 45 Вы лапотники да балахонники,
 Что мужчины, то и женщины,
 Приходите-тко к Ильи да на почестный пир,
 Кормить-то буду я вас досыта,
 А поить-то буду я вас допьяна.
 50 Тут съезжалися да собиралися
 А все пьяницы да все пропоицы,
 Все мещане тут да стрелецкии,
 Мужички-то все да деревенскии,
 Все лапотники да балахонники,
 55 Что мужчины, то и женщины
 К Ильи Муромцу да на почестен пир.
 Илья Муромец да сын Иванович
 Он ковшом стоит вино размиряет.
 Услыхали слуги княженецкие,
 60 Они бежат в палаты белокаменны,
 Говорят князю да Владимиру:
 — Уж ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
 Уж ты ешь да пьешь да наслаждаешься,
 А над Киевом невзгодушки да не ведаешь:
 65 А старой казак да Илья Муромец
 Расходился он да роскуражился,

С церквей кресты да он повыломал,
 Золотые маковки да он повыстрелял,
 С колоколов языки да он повыдергал,
 70 А на площадь бочки с вином выкатил,
 Угощает он да голь кабацкую,
 Бедноту он всю да деревенскую.

Тут Владимир-князь да стольно-киевский
 Кунью шубоньку накинул на одно плечо,
 75 А соболью шапочку да на одно ушко,
 Брал он трубочку да и подзорную,
 Выходил на выходы высокие,
 Посмотрел на площадь на стрелецкую,
 Там Илья с беднотой да угощается.

80 Говорит Владимир стольно-киевский:
 — Вы, князья мои да бояровья,
 Думу думайте, совет советуйте,
 Как унять Илью да усостить,
 Как позвать его на почестен пир,
 85 Самому-то мне итти да не хочется,
 А княгиню послать да не пристойно есть,
 Нам кого послать да зазывальщиком?

Говорят князья да и бояровья:
 — А пошлем мы Ваську Долгополого.
 90 Скочил тут Васька с-за стола дубового
 И побежал к казаку Ильи Муромцу,
 Говорит Васька таковы слова:
 — Илья Муромец да сын Иванович,
 Я от князя ли да от Владимира
 95 Пришел посланником да зазывальщиком.
 А пойдем-ка ты да на почестен пир.

Говорит казак да Илья Муромец:
 — Уж ты, Васька Долгополый есь,
 А выпивай-ко чару зелена вина.
 100 А Долгополый Васька того же рад.
 Илья Муромец да сын Иванович

Наливает ему чару зеленá вина,
А не малу стóпу, полтора ведра.
Она весит весом полтора пуда.

- 105 А берет-то Васька единой рукой,
Выпивает чару на единый дух.
Тут-то Васька раскуражился,
К Илье Муромцу да он подлашился:
— Илья Муромец да сын Иванович,
110 У тебя есть вино хорошоё,
Я выпил чарочку, по другой душа горит.

Наливал тут Илья Муромец
Другу чару зеленá вина,
Разводил медами он стоялыми,
115 Подносил Ваське Долгополому.
Берет тут Васька единой рукой,
Выпивает чару на единый дух.
Как он выпил чару, тут он встать не мог.
Говорит Илья да таковы слова:

- 120 — Ах вы гой еси, голи кабацкие,
Вы возьмите Ваську за белы руки,
За белы руки да вы под пазухи,
Проводите Ваську вы по Киеву,
Доведите до двора да княженецкого,
125 Чтобы киевляне над Васькой не смеялися.

Тута голюшки кабацкии
Подхватили Ваську под руки,
Провели Василья да по Киеву
Ко тому двору ли княженецкому,
130 Отпустили Ваську и в обрат пошли.
А то Васька ль да Долгополый есь,
За длинны полы запинается,
По княженецкому двору да он валяется,
Не может он пойти в палаты белокаменны.
135 Говорит Владимир стольно-киевский:
— А пошлем-ко мы да зазывальщика,

Анна Михайловна Пашкова.
(Былина 34).

Того Олешеньку да Поповича.

Тут Олешенька да одевается.

Зазывальщиком да отправляется,

140 На почестен пир да ко Владимиру

Зазывать он русского богатыря,

Старого казака Илью Муромца.

Говорит Олешенька Поповский сын:

— А не честь-хвала да молодецкая

145 Сидеть русскому могучему богатырю

С голь кабацкою да с нищетой бедняцкою,

А пойдем-ко ты да на почестный пир

Ко солнышку ко князю ко Владимиру.

Рассердился Илья да поразгневался,

150 Скочил Илья да на резвы ноги:

— Ах ты гой еси, нахал, собака поповская,

Не тебе меня учить да указывать.

Как ударил его в плечи богатырские

Да и раз, другой да и во третих,

155 Присогнулся Олеша, поскоробился,

Будто пьяный напился на честном пиру.

Как приходит он ко князю ко Владимиру,

Говорит ему да таковы слова:

— Угостили меня Илья да на испашечку,

160 До двора да княженецкого едва допутался.

Говорит Владимир стольно-киевский:

— Ах ты гой еси, Чурилушка да Пленкович,

Сослужи-ко князю службу верную,

Сходит-ко ты да зазывальщиком,

165 Зови того казака Илью Муромца

А на мой ли княженецкий пир.

Тут Чурилушко скорым-скорёшенько

Одевается да снаряжается,

Одевал рубашечки-манишечки,

170 Надушился он да напомадился,

В дороженьку да он отправился.

Как идет Чурило он по Киеву,
 Завернул в переулок Мариинский,
 Со девицами да призабавился,
 175 С попадьицами да призабавился,
 Позабыл про князя про Владимира.
 А Владимир-князь да стольно-киевский
 По палаты ходит, поджимается,
 Он Илью с Чурилой дожидается.
 180 День ко вечеру да двигается,
 А Чурила с Ильей не возвращается.
 Говорит Владимир стольно-киевский:
 — Ах ты гой еси, Добрынюшка Никитинич,
 Сослужи-тко ты мне службу верную,
 185 Службу верную да неизменную,
 А сходи-тко да зазывальщиком
 Ты к старому казаку Ильи Муромцу,
 Зови-тко ты его да на почестен пир.
 Тут Добрынюшка свет Никитинич
 190 Не одел он шубоньку соболию.
 Не одел он шапоньку пуховую,
 Он скорым-скоро да поскорёхоньку
 Бежит по городу по Киеву
 Как на ту на площадь на стрелецкую,
 195 Отстоялся он да пораздумался:
 — Мне с коей зайти да сторонушки
 К своему ли братцу подкрестовому,
 К старому казаку Ильи Муромцу?
 Сидит Илья Муромец да сын Иванович,
 200 За столом сидит да за дощатым,
 За дощатым столом да скородельным,
 А сидят тута да кругом около,
 Сидят пьяницы да и пропоицы,
 Сидят голюшки да все кабацкие,
 205 А крестьяне сидят да деревенский,
 На столах-то их да скородельных

Много явствушек у них сахарных,
Наедаются да они досыта,
Напиваются да они допьяна.

210 Тут Добрынушка да свет Никитинич
Подходил к столам да поскорёшенько,
Говорил он речь да потихошенько:
— А здравствуешь ли, братец подкрестовый,
Ты мой старший брат да Илья Муромец,
215 Я к тебе пришел от князя от Владимира,
Пойдем-ко ты да на почестен пир.

Говорит тут Илья Муромец да сын Иванович:
— Если бы был ты не братец подкрестовый,
Угостил бы я тебя, как Олешку Поповича.
220 А садись-ко с нами за столы скородельные,
А во-первый сделал я почестен пир,
Не зазывал на пир я не князей-бояр,
А собрал-то всех да бедноту-крестьян,
Всё голей-то я кабацких.

225 Тут садился Добрынушка Никитинич
А за те столы да скородельные,
Досыта они да наедаются,
Допьяна они да напиваются,
Ко Владимиру итти да не торопятся.
Говорит тут старой казак да Илья Муромец:
— Двор мне княженецкий не нужен,
Не пиров держусь,
Я мужик не прихотливый,
Был бы хлеба кус.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ

35

Илья Муромец и голи кабацкие

Ото стольного города Киева
Ко славному городу Чернигову
Пролегала дорога-путь широкая.
В ширину та дорожка двадцати сажён,
5 А в долину та дороженка не бывана,
А боем та дороженка не выбита.
И по той дорожке прямоезжия
Идет тут калика перехожая.
ЕН волосом бел, а бородой седат,
10 А гуны на калики сорочинская,
А трунь на калики трипетова,
И шляпа у калики шестьдесят пудов.
И костыль у калики девяти сажён,
И клюхой идёт калика подпирается,
15 И под им мать-земля вся колубается.
И заходит калика на царев кабак,
А по кабаку калика-та похаживал,
С ноги на ногу калика переступыват,
Все дубовые половки подгибаются.
20 Говорит чумакам он целовальникам:
— Отпустите вина мне полтора ведра.
Говорят чумаки-де целовальники:

- Как не во что старому те верити,
Муницая на тебе ведь веретном тряхнуть.
- 25 — А берите в заклад у мя чуден крест,
Золотого крест червонного золота,
А весуто крест тяне полсема пуда.
Не смеют за крёст оны принятися,
Не смеют ему дати зелена вина.
- 30 Как он вышел на площадь на торговую,
И скрыкнул-де калика зычным голосом:
— Собирайтесь-ко все голи до единого,
А купите вина мне полтора ведра,
А опохмельте калику перехожего.
- 35 Собиралися голи до единого.
Как собрали калики да по денежки,
И мало того — по копеечке,
И купили калики полтора ведра.
И принял калика единой рукой,
- 40 И выпил калика на единой вздох,
И уже сам говорит ён таково слово:
— Не напоили старика, лишь роззадорили.
Как шел ён ко погребу княженецкому,
Ён ведь замочки руками-то отщалкивал,
- 45 А двери-колоды вон выпинывал.
И заходит во погребы княженецкие
И берё бочку сороковку под пазуху,
Другу сороковку брал под другую,
А третью-ту бочку ён ногой катил.
- 50 И выходил на площадь на торговую
И скрыкнул-де сам он зычным голосом:
— Собирайтесь вы, голи, до единого!
Пейте-тко, голи, зелено вино,
Зеленого вина вы пейте допьяна.
- 55 Собиралися голи на площадь торговую,
Пили-де голи зелено вино,
Зелено вино да пили допьяна.

Туто все голи напивалисе,
Напивались голи, упивалисе.

36

Илья Муромец и голи кабацкие

А и собирал-то князь Владимир он почесён пир,
А вот почесен он пир да он на весь мир,
А и как ведь и начали тут ведь и гости-ти съезжатисе,
А и вот съезжаться-то начали, скоплятисе;

5 А и скоро-скоро княженецьки-то светлы гривены
А они народом-то ведь и были принаполнены;
А и как стречал-то князь гостей да всех усаживал
А и как за те ли всё за столичики окольние,
Э и как за те садил скамеечки окольние,

10 А и как на те садил скамеечки-ти рыта бархата,
А и как за ёсты садил за всё за разные,
А и за напиточки садил же он заморьские.
А и тут все были на пиру у князя съехались,
А и как со старого до малого в Киёви-то созваны,

15 А и заиграли тут во струны-то в золоченые,
А вот во те ли всё во гусли-то во веселые,
А и как запели-то все люди за столом они,
А и вот запели-то старинушку стару-прежнюю,
А и все заслушались богатыри славны киевьски.

20 А когда пропелись народ, проговорилисе,
А и как тогда же все гости-ти призамолкли,
А ёны сидели-то гости-ти тут ведь кушали
И ешше белую лебедушку они рушали.
А и красно солнышко пекло у нас на ясени

25 А и как веселой-то пир шел навеселе;
А и как красно солнышко пошло у нас ко западу,
А и все на пиру-ту у князя как у Владимира
А как досыта-та сыто наедалисе,
А и вот допьяна-то пьяно напивалисе,

30 А и во хмелюшечки они все приросхвастались.
А ешше умной-то захвастал родным батюшком,
А и вот разумной-то захвастал родной матушкой,
А и как богатыри захвастали всё они своей силой
богатырьскою,
А и ешше рыцари захвастали они подвигами славными
рыцарьскими,

35 А и князья-бояра захвастали науками,
А и вот науками захвастали премудрыма,
А и как купцы-гости торговые захвастали,
А и они захвастали своей же золотой казной.
А и как ведь и один сидел дородней добрый молодец,

40 А и он нечым сидел всё же он не хвастал-то,
А и подошел к нему ведь и князь же Владимир столынёй
киевьской:
— А и уж ты что же, доброй младеъ, не хвастаешь?
А и нечего-то мне как, князю, не говоришь-то?
А и тебе есть же чем ведь и всё же вот похвастати:

45 А и много-много ты бывал же везде, езживаля,
А и много-много ты везде да всего видывал,
А и ешше много-то всего да ты же слыхивал.
А и отвечал тогда ведь и князю-ту Илья Муромець:
— А я хошь и много, князь Благодимер-то, везде бывал,

50 А и много-много я на свете всего слыхивал,
А уж я и слыхивал всего же, много видывал,
А и стань ведь сказывать, Владимир-князь,
А и не поверят-то как и мне-ка же, добру молодцу,
А и лучше же мне сидеть ничем не хвастати.

55 А и тут боярам-то, дворянам за беду пришло,
А и за великую насмешечку показалосе,
А и говорили они тогда князю Владимиру:
— А и он ведь и с нами-ти на пиру у тя говорить да
никогда не хотот-то,

60 А и розговор-от ведет да всё веселой-от

А и когда сидит-то он в твоих во княженесъких во кабаках,
 А и когда пьет-то много он же зеленá вина,
 А и зеленá вина дак и пьет-то пива пьяного.

А и ишише-то тут Ильи-то Муромцю ети речи-ти не слюбилисе,

- 65 А и тут разгневалсε на их же Илья Муромеч,
 А и нечего-то Илья Муромецъ не разговаривал,
 А и замолчал сидел дородней доброй молодецъ.
 А и долго шел пир-от княжесъкой-то, длилсε он,
 А и красно солнышко за горушки закатилосе,
- 70 А и княженесъкой-от ведь и пир да он прошел же весь,
 А и стали гости-ти ведь и тут из-за столов вставать,
 А и стали гости-ти ведь и тут богу молитисε,
 А и как со князем тут, со кнегиной распрошшатисε,
 А и благодарили-то ведь и князя вот со кнегиною
- 75 А и как за ихны за пиры-столы веселые,
 А и все же гости ведь и тут же розъезжалисе,
 А и тут ведь и гости-ти скоро расходилисе.
 А ѹ как пошел тогда с пиру Илья Муромецъ,
 А и он пошел тогда не в полаты-ти княженесъкие.
- 80 А и он пошел, пошел тогда-то в больши кабаки,
 А и больши кабаки пошел он княженесъкие.
 А и как пришел когда во княженесъкой кабак же он,
 А и тут сидело-то, сидело народу разного.
 А и тут стояло-то у порогу-ту голь кабацъкая,
- 85 А и голь кабацъка-та стояла вся невесела.
 А и поздоровалсε с нима же Илья Муромецъ:
 — А и уж вы здраствуйте, ведь и всё народ приходяши-
 шой-от!
- А и во первых-то ведь и здраствуйте-ко, все ведь славные
 хрестьянушки!
- А и во первых-то здраствуйте, черные-ти пахари!
- 90 А и уж вы здраствуйте-ко, люди-народ посадьские!
 А уж вы здраствуйте, народ-люди, голь кабацъкая!
 А и вы уж что же ведь, ребята, невеселые,

Э и невеселые, повесили буйны головы?

А и что же вам, ребятушка, нездоровится?

95 А и отвечала-то тогда же голь кабацкая,

А и первы́-ти говорили же: «голова болит!»,

А други́-то говорили, что «исть, пить хочется!»,

А как трети́-то говорили: «нам ведь и нет у нас
одежды-то!»

А и говорил тогда Илья же им Иванович:

100 — А я некогда́ с вами, ребятушка, не сиживал,

Э и некогда́-то с вами, ребята, не говаривал,

Э и некогда́ с вами, ребята, я не говаривал.

А и тут ведь и брал-то Илья Муромец золотой казны,

А и вынимал-то он тогда же чиста сребра,

105 А и он давал, давал ведь и голи-то кабацкойо,

А и вот кабацкой-то ведь и голи-то, посадьской-то.

А и накупили тут ребята жо зеленá вина,

А и вот набрали тут ребята пива пьяного,

А и тут пошло у голи кабацкой-то пированыцио,

110 А развеселилась-то ведь и тут же голь кабацкая,

А и голь кабацкая развеселилась вся посадьская.

Как Илья-то у нас Ивановицъ не кушал-то,

Он не пил, не пил со голю-ту со кабацкою разную.

Он распрошталс-то со голю со кабацкою,

115 Говорил тогда премладому кабацкому:

— Когда мало будёт того им на опохмёлюшку,

Ты возьми у меня еще же да золотой казны,

Ты ведь и дай-ко им тогда на опохмёлюшку.

Роспростилс-то Илья Муромец же он,

120 Не пошел-то он ко князю-ту ко Владимиру,

Как пошел, пошел на подворыцио Добрынино,

Ко Добрынюшки пошел он ко Никитицио.

Как Добрынюшки Никитиця в доми не было,

Шшо Добрынюшки при домицки не пригодилосе;

125 Стречала-то Добрынюшина рóдна матушка,

Пречесна вдова Омельфа-та Тимофеевна,

Она стречала-то его же, низко кланелась:

— Уж ты здрастуй, здрастуй, дородней ты доброй
молодець,

Ишши на имя Илья же сын Иванович!

130 Как, какима же ветрами занесло тебя?

А и как, какима же судьбами приволокло тебя?

Добро жаловать, любимой мой племенничок,

Как и на имя Илья же сын Иванович!

Приходи-ко в мои полаты во вдовиные,

135 Вот поешь у меня, попей же ты, покушай-ко!

Тут садился Илья Муромець с Добрынькиной с родной
матушкой,

Тут всего они тут всего и переговорили-то.

Рассказал-то Илья Муромець про князя про Владимира,

Как сидел же он у князя на пиру же всеё,

140 Насмеялись-то над ним же всеё дворяна-то,

Вот дворяна насмеялись, всеё бояра-ти:

— Будто я сижу ведь и да пью с голюю-ту кабацькою,

Я сижу-то с има будто прохлаждаюсе

В княженецьких-то будто больших кабаках.

145 Я ведь со такого-то с великого ударику

Как ушел сёгодни из княженецького дворца же вон,

Был же, был во княженецьких больших кабаках,

Напоил же всю я голь же всю кабацькую,

Напоил же всеё я голь посадьскую.

150 Они все у меня сегодня есть веселье;

Если мало ведь и дал я человальничку,

Если мало дал я золотой казны,

Тогда добавит-то ему же человальничок.

Он ведь жил-то у Добрынюшки Никитича,

155 Жил у Добрынюшкиной матушки трои суточки.

Как прошла-то ета славушка по городу,

Вот по городу прошла же всеё по Киеву,

Илья Муромець-от будто всеё с ума сошел,

Он с ума сошел, да всеё неумный стал:

- 160 Он ведь и пьет ходит со голью-то со кабацькою.
 Услыхал-то всё про то да сам Владимир-князь,
 Сам Владимир-от князь да ведь и славной киевской,
 Посылат-то он своих же слуг-то верных тут;
 Приходили скоро тут слуги-ти княженеские,
 165 Они спрашивали у младого человальника:
 — Ишше не был ли Илия, да Илья Муромеч,
 Илья Муромец-от не был ли сын Иванович,
 Его звал-то Владимир скоро к себе во дворец.
 Во свой-от дворец да пред себя к себе.
- 170 Отвечал-то тут премладой человальничок:
 — У меня был-то Илья Муромец ненадолго он,
 Он не пил у меня сидел да всё не кушал-то.
 Только дал же он на выпивку голи-то кабацькою,
 Вот кабацькой-то голи да всё посадькою.
- 175 Образумилась тут ведь и голь же всё кабацкая,
 Приоделись они сегодня скоро платьём-то,
 Розошлись-то от меня они по тихому.
- Приходили тут к князю тут слуги верные,
 Рассказали князю-ту, как же они слышали;
- 180 Услыхали тут дворяна-ти, бояра-ти,
 Приходили-то они ко князю-ту, низко кланелись:
 — Ты прости-ко нас, князь Владимир, вины виноватою
 Нам без той ли всё без казни без скорою,
 Нам без той ли всё насмешечки великою,
 185 Нам без той ли всё ссылочки без дальние!
 — Говорите-тко, бояра, что вам надобно,
 Говорите-тко, дворяна, что вам нужно-то.
 — Уж ты, ласковой Владимир-князь столиц-киевской,
 Это что тако за чудо у нас чудное,
 190 Это что у нас за диво есть ведь дивное?
 Какой-то богатырь у нас во Киеви
 Как на больших-то сидит за старшого?
 Он ведь и ходит-то по городу уродует
 Как со той ли всё со голью-ту со кабацькою,

195 Со кабацькою-ту ходит он со посадькою,
 Он ведь и пьет и пьет и с има-то зелено вино,
 Во хмелюшечки-то с има разговариват:
 «Я возьму себе в дружину голь кабацькую,
 Голь кабацькую возьму же я, посадьскую,
 200 Отберем у князя Владимира славной Киев-град,
 Всех богатырей из Киева повыведем,
 Вот повыведём ведь их, велим ведь выехать».

Тут ведь князю-ту Владимиру за беду пришло,
 За великую обидушку показалося:

205 — Когда придет ко мне Илья же, Илья Муромець,
 Илья Муромець-от придет сын Иванович,
 Засадите-тко его вы в тёмну тёмницу,
 Вот запутайте во путани шелковыя,
 Вот задерните во органы-ти во железные,
 210 Засадите-ко добра молодца в неволюшку.

На четверты-ти ведь суточки поры-времени
 Роспрошалс-то Илья с Добрынишкой родной матушкой,
 Пречестной вдовой Омельфой-то Тимофеевной,
 Во слёзах-то его матушка Добрынина спросила тут,
 215 Провожала-то она же, слезно плакала,
 Унимала его: — Почему же не живешь у нас?
 — Уж ты ой еси, Добрынишка родна матушка,
 Мне-ка надобно итти ко князю-ту ко Владимиру,
 Мне итти как ведь и нужно попроведати.

220 Распрошалась тут Добрынина родна матушка,
 Вот пошел, пошел Илья же сын Иванович,
 Он пришел, пришел ведь и скоро на княженеской двор,
 С широка двора зашел в столовыя во гривины,
 Он молилс тогда спасу пречистому,
 225 Вот здоровалс со князем-то со Владимиром,
 Со Владимиром со князем-то, со кнегиною.
 Как по ту пору, во то время бояре-ти
 Вот схватили дородна добра молодца,
 Его запутали во путани шелковыя,

- 230 Вот задернули в органы-ти во железные,
Уводили добра молодца из дворца же вон,
Засадили добра молодца во темную во тёмницу,
Заключили его в злодейку-ту заключённую.
Как сидел-то Илья Иванович трои суточки,
235 Вот узнала скоро же всё и голь же всё кабацкая,
Тут скоплялась голь кабацкая во единый круг,
Говорила голь кабацкая во единъ слово;
— Нам ведь надоть выручать-то, ребята, своего-то великого
добродетеля,
Добродетеля Илию же, Илию Муромца,
240 Как его надоть ведь и сына свет Ивановича.
Подошла-то туть ведь и голь же, голь кабацкая,
Ко княженецкой-то она же темной тёмницы,
Они немного тут ведь и стали разговаривать,
Приломали-то замки-ти заморьские,
245 Притоптали все ведь и двери-ти дубовые,
Розвязали тут ведь и путани шелковые,
Разрубили тут органы-ти тяжолы-ти железныя.
Вышел, вышел тут Илья же сын Иванович,
А бояра-ти, дворяна не показалис.
250 Как пошел тогда Илья же Муромец,
Как пошел тогда же с ними в княженецкы больши кабаки,
Как без расчету дал им тут же золотой казны,
Много брал-то ведь покупал им зеленая вина,
Напилась-тут дружиночка кабацкая,
255 Ишишо та ли голь кабацкая, посадьская.
Поутру-то всё по ранному дружиночка пробуждаласе,
Илья Муромец давал им на опохмелитисе,
Как давал-то им ведь и он на пропитаньицо,
Вот давал-то он их на одеваньицо,
260 Роспрошшалсе тут со голью со кабацкою:
— Ешше я-то вам, ребятушка, скажу же всё:
Приоденьтесь-ко, ребятушка, всё по одёжи-то,
Уж я куплю-то вам, ребята, по добру коню,

- Я куплю-то вам, ребята, латы булатные,
 265 Я куплю-то вам ведь саблю богатырьскую,
 Я куплю-то вам ведь и копьё-то богатырьское,
 Я куплю-то вам ведь и паличи тяжелые.
 Как сказал-то Илья Муромець, исполнил он,—
 Как купил-то им по коничку богатырскому,
 270 Выдавал-то им ведь и латы Богатырские,
 Выдавал-то им ведь сабли богатырские,
 Выдавал-то им ведь копьё Богатырское,
 Выдавал-то он по палици тяжелою,—
 Снарядил-то он дружиночку сделал тут хоробрую.
 275 Как во ту пору, во то само-то во време́цька
 Как богатырей-ти некого во городе не случилосе,
 Подошла-то тогда сила неверная,
 Вот неверна-та сила всё арабская,
 Подошла-то тут ведь и силушка азовская,
 280 Подошла-то тут ведь и силушка пересийская,
 Много-много силы подошло силы неверною.
 Как от той ли всё от силушки от многою,
 От того ли всё от пару-ту лошадиного
 Не замогли-то продувать же ветры буйные,
 285 Не замогло-то пропекать же красно солнышко,
 Как народ-то ведь и люди разболелисе,
 Разболелисе во Киеви, расхворалисе.
 Как Илья-та жил ведь Муромець во Киеви,
 Вот во Киеве же жил, только не у князя он,
 290 Он ведь жил-то у Пересмыкина племянника;
 Как узнал про то Владимир-князь стольнё-киевской,
 Посыпал-то слуг своих да он просил его,
 Вот просил его на пир да на веселой стол;
 Отвечал-то князь Владимир стольнё-киевской:¹
 295 — Уж вы ой еси, слуги-ти княженесъкис,
 Вам спасибо-то и ведь, слуги, за приглашенъци.

---

¹ Обмолвка; следует: Илья Муромец.

Меня нечого-то звать да звать ведь, чистовать,
Потюремны-ти ведь и люди невеликие,
Невеликие-те люди, непочтотные.

300 Как ведь и есть кому у князя на пиру сидеть,
На пиру кому сидеть да все дела вести.

Как ведь ты послы уходили от Ильи же вон,
Как други послы-ти приходили-то, низко кланелись, —
Не пошел-то Илья Муромец на почесен пир,

305 Как поехал Илья Муромец ко своей же ко кабацькою к
дружиночке:

— Поезжайте-тко, дружиночка кабацкая,
Вот кабацкая дружиночка посадская,
Поезжайте-ко со мной вы ко Добрынюшкай родной
матушке,

Поедим у ней же мы все у ей, покушаем,

310 После пированьца поедем во чисто поле,
Нам ведь надо все побитьсе, поборотисе.

Я побью, быват, ведь и силушку неверную,
Вы, ребята, помогайте силу хоронить же мне.

Тут дружиночка его же все посадская
315 Скоро-скоро ведь ребята приоделися,
Вот садилисе они же на добрых коней,
Вот приехали к Добрынюшкай к матушки,
Вот приехали-то к матушке на широкой двор,
Привязали коней-то к дубовым столбам,

320 К дубовым они столбам, да к золотым кольцам;
Как выдавала тут Добрынюшкина матушка
Им пшеницы ведь и все же белояровой,
Она насыпала-та много, чтобы покушали,
Наливала им воды она медовою.

325 Как пошли тут ребята во палатушки,
Пировали-то сидели три часа они,
Три часа они сидели проклаждалисе,
На четвертой-от они еще осталисе,
Илья Муромец пошел же за добрым конем.

- 330 Не заходил же он во гривины княженеские,
 Заходил-то только он же на широкой двор,
 Он ведь и брал с собой видь и скоро вот добра коня,
 Убирал он коня в золотой убор,
 Накладывал двенадцать туших подругов,
- 335 А тринадцато-то клал он ради крепости,
 Ради той ли всё поездки-то богатырьскою.
 Он ведь и брал-то брал с собой же платьё богатырьскоё,
 Он ведь и брал с собой ведь и латы-ти богатырьские,
 Он ведь и брал с собой ведь и саблю-ту, саблю вострую.
- 340 Он ведь и брал с собой ведь палицу тяжелую,
 Съезжал скоро ведь и он да со двора же вон.
 А и он поехал скоро по городу по Киеву,
 Э и приезжал-то он к Добрынишки Никитицу,
 А и под передней приехал он окошечко,
- 345 А и как крычал, крычал своим же громким голосом:
 — А и ай дружиночка моя славна посадьская,
 А и ешшо та ли всё ведь и голь, да голь кабацкая,
 А и как пора же, добры молодцы, собирастисе,
 А и за работушку-ту нам же приниматисе!
- 350 А и услыхала-то дружиночка, голь кабацкая,
 А и выходили-то из-за столичков, из-за кушанья,
 А они благодарили-то Добрынишку родну матушку,
 А и вот распрошались со Добрынишкой матушкой,
 А и вот пошли, пошли вот они же на широкой двор,
- 355 А и вот отвязывали они же всё добрых коней,
 А и вот выехали ребятушки на улочку,
 А и вот поехали ребята-те во чисто полё,
 А и переехали они же славну Непрь-реку,
 А и вот приехали ребята во чисто полё.
- 360 А и как ведь и силушки неверной очёнь много есть,
 А и ясну соколу-ту будет не облететь ему,
 Как богатырю-то не объехать на добром кони.
 А и тут ведь и начал-то смотрять-то же Илья Муромець
 А во свою ли он во трубочку подзорную,

- 365 А и усмотрял-то, где-ка силушка-та густая,
 А и где-ка силушка-та есть да всё же средняя,
 А где-ка силушка стоит да всё же редкая.
 А и он немного тут ведь и стал же разговаривать.
 А и он начал тут Илеюшка поезживать,
 370 А и начал силушку рубить немилосливо:
 Он вправо-то махнёт, — валилась уличка,
 А и влево-то махнёт, — так переулочки.
 А и помогала-то ему дружиночка хоробрая,
 А и ишше-та ли всё ведь и голь, да голь кабацкая,
 375 А и вот кабацкая-та ведь и голь была, посадьская;
 А и увидали тут ребята, голь кабацкая,
 А и голь кабацкая-та увидали тут, посадьска-та,
 А Илья Муромецъ воюет сын Иванович,
 А и скоро-скоро голь кабацкая-та привыкнула,
 380 А и они начали-то ездить, помогать ему:
 С пра́ву руку-то рубил же Илья Муромецъ,
 В леву руку-ту рубила голь кабацкая.
 А они рубили-то бились три-то месяца,
 А и пособил господь Ильи же тут ведь Муромцу
 385 А и за его ли всё за многое терпеньцио, —
 Много-много был засажён раз в тёмну тёмницу,
 А и засажён-то был всё он ведь и по-напрасному.
 А и вот прибили-то ведь и силу всю неверную,
 А и шшо очистили славной Киёв-град от гибели;
 390 А прирывали скоро трупы-ти видь мертвяя,
 Голь кабацкая-та была на его очунь работная,
 Призарыли скоро ведь и их-то скоро всех сырой землей.
 Становили тут ребятушка белы шатры,
 Они попили-поели, отдохнули тут,
 395 Отыхал-то тоже Илья же, Илья Муромецъ,
 Отыхали с такой работушки неделёчку.
 Как Илья-то, Илья Муромецъ, говорил-то:
 — Уж вы нате-ка, ребятушка-дружиночка,
 Вы возьмите-тко у меня же дам я золотой казны,

- 400 Вы возьмите-ка дам я вам чиста серебра,
 Это в войске осталось, мне не надобно,
 Вы возьмите, добры молодцы, себе на пропитаньецо,
 На пропитаньецо себе вот, на разживаньецо,
 Вы послушайте-ко, ребята, наказаньецо:
 405 Вы не пейте боле зря да зеленая вина,
 Вы не пейте-то же пива, да пива пьяного, —
 Вам пора, пора, ребятушка, обдуматься,
 Из вас будет же богатыри, славни рыцари.
 Как тепере поезжайте с богом в красной Киев-град,
 410 Хошь немного-то испейте зеленая вина,
 Вы попейте-ко, ребята, разных водочек,
 А потом же вы приорудумайтесь,
 Сами-ти себя сделайте хорошима,
 Шшо дружиночка была у меня неплохая.
 415 Тут клянулись они, дружиночка, божились:
 — Будем верно мы тебе служить до гробика!
 Тут ребята-ти с Илеюшкой роспросрочалисе,
 В славной Киев-от ведь и город уезжали-то.
 Илья Муромецъ поехал в город Муром-то,
 420 Он немного в городи-то прожил же там,
 Как поехал во село свое Качарово,
 Как на свое же он поехал на подворьицо,
 К своему-то он поехал к отцу, к матушке.
 Как приехал-то Илья вот на свиданьецо,
 425 Тут отец-то родный батюшко веселой стал,
 Родна матушка его была ведь здоровенька,
 Она от радости стречала чадо милого.
 Тут остался Илья Муромецъ жить в Качарове.
 Как ведь той нашей старинушке конец и пришел.
 430 Как Качаровской-то все же вот славной реченьке
 На тишину-ту ей же на великою,
 Как ведь и городу-ту Муромьску на чесь-славушку великую,
 Вам, премладые ведь и люди, на прописаньецо,
 От вас младым-то пойдет на рассказаньецо.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И РАЗБОЙНИКИ

37

Встреча Ильи Муромца со станичниками

Середи было царства Московского,
И середи государства Российского,
И середи Москвы, в Кремле-городи
Що удеялось-учинилосе?

- 5 Тут пролегала дорога широкая.
Ширина той дороги широкое —
Три косые сажени печатные;
Глубина той дороги глубокое —
Доброму коню до черёва кониного,
10 Доброму молодцу до стремени булатного.
Тут ехал-проехал стар матёр человек:
Голова бела да борода седа.
Тут навстрету старому станишнику,
Тут не много, не мало — восемьсот человек.
15 Как хотят они старого ограбити,
Полиши́ти свету белого,
Укоротать века долгого.
Тут спрого́ворил стар матёр человек:
— Уж вы ой еси, млады станишники!
20 Уж вам бить старого не по що
И взять у старого нечего:

Золотой казны да не случилосе.
 Тут есь под старым доброй конь:
 Он уносит у ветра, у вехоря,
 25 Утягиват у пули свинцовое,
 Он ускакиват у ядра каленого.
 Только есь на старом кунья шуба,
 На кормане у старого пятьдесят рублей
 Тут старому на чару винную,
 30 Що на винну чару опохмельную.
Що у той шубы три пуговки:
 Ишше перва пуговка пятьсот рублей,
 И вторая пуговка о тысячю,
 И третьей пуговки цены здесь нет,
 35 И только есь она да у царя в Москвы,
 У царя в Москвы, да в золотой казны.
     Уж тут млады станишнички обзарились
 И приступают к старому накрепко,
 Хотят старого ограбити
 40 И полишити свету белого,
 Укоротать веку долгого.
 И с плечь снимал он тугой лук,
 Он намётывал стрелу каленую,
 Он ударил да в сырой дуб.
 45 Уж тутrossыпался сырой дуб
 На мелко череньё ножовоё.
 Уж тут млады станишницики ужахнулись:
 — Уж нам бить, ребята, старого не по що
 И взять у старого нечего.

Как ездил стар

Как ездил стар по чисту полю
 Ото младости и до старости,
 У его-то был конь туце-падушко,

И да уж он реки-озера через скакал,
 5 А мхи-болота между ног метал,
 А синё морё на круг бежал.
 А как поехал стар во чисто полё,
 Да во чистом поли стоит сер камешёк,
 А как на камешке три подписи подписаны:
 10 — Во дорожку ехать — богату быть,
 * А в другу дорогу — женату быть,
   в третью дорогу — убиту быть,
 А убиту быть, а пострелёну быть,
 Пострелёну быть да погублену.

15 А стоит стар — выдумывает,
 Головой качат, сам выговариваёт:
 — А на што мне старому богату быть?
 У меня нету молодой жёны,
 Да у меня нету малых деточёк,
 20 Как некому держать цветных платьицев,
 Да некому тощить золотой казны.
 А на што мне старому жёнату быть?
 Мне стара взять — не заменщица,
 А молодая взять — чужа корысть,
 25 А поеду в ту дороженьку,
 Да во которой убиту быть,
 Ай убиту быть да пострелёному,
 А пострелёному, погублёному.
 Да попроехал стар Индею богатую,

30 Да не доехал Корелу проклятую,
 Да ему встретилось разбойников,
 Да сорок тысяч подорожников.
 Тут спроговорили разбойники:
 — Да мы убьем стара, погубим-ко,

35 А со конем-животом его разлучим-ко.
 Да тут стоит стар — выдумывает,
 Головой качат, сам выговаривает:
 — Ишо старого бить вам некого,

Да у старого взять нечего.

40 Ай казны с собой не случилосе,
А стольки пригодилосе
Конёжки на ножкам семи шёлков,
А семи шёлков — семи рядков,
Да во ногах в пятаках драго каменье,
45 Ценой стоят семьсот рублей.

А тут спрограммият разбойники:

— Да мы убьем стара, погубим-ко,
А со конем-животом его разлучим-ко.

Да тут стоит стар — выдумывает,

50 Головой качат, сам выговариваёт:

— Ишо старого бить вам некого,
Да у старого взять нечего.

Ай казны с собой не случилосе,
Тольки с собой пригодилосе

55 Да один чуден крест полтора пуда,
Он ценою стоит ровно тысячу.

Тут спрограммият разбойники:

— Да мы убьем стара, погубим-ко,
А со конем-животом его разлучим-ко.

60 А стоит стар — выдумывает,
Головой качат, сам выговариваёт:

— Ишо старого бить вам некого,
Да у старого взять нечего,

Ай казны с собой не случилосе,

65 Тольки с собой пригодилосе
Конь туця-падушко.

Он уж реки-озеры через скакал,
Мхи-болота между ног метал,

Синё морё на круг бежал.

70 Да как маёнт старый улками,
Да как перемахнет переулками,
Да он убил всех разбойников,
Да сорок тысяч подорожников,

Ай как приехал стар во чисто поле,
 75 Да написал на серы камешки:
 — Да поejдайт в ту дороженьку
 Без боязни, без опасности:
 Да я убил всех разбойников,
 Сорок тысяч подорожников.

39

Илья Муромец и казна монастырская

Ехал старый казак Илья Муромец по чисту полю,
 Наехал стар на разбойников.
 Сидят у куста разбойники
 И делят казну монастырскую,
 5 Того же монастыря вселенского
 Святителя Николая Моженского.
 Попросил он у их хоть пяти рублей:
 — Поделят казны мне.
 Не дают ему пяти рублей,
 10 Отказали ему совсем.
 Ретивое серце у его разгорелося:
 Не дали ему пяти рублей опохмелиться,
 Могучие плечи расходились,
 Выдергал он ракитов куст
 15 И бросал и разбойников всех розогнал,
 А казну всю отобрал и роздал по миру.

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЫ МУРОМЦА

40

[Три поездки Ильи Муромца]

Из того ли из города из Мурома,
Из того ли села да Карачаева,
Была тут поездка богатырская,
Выезжает оттуль да доброй молодец,
5 Старый казак да Илья Муромец,
На своем ли выезжает на добром кони,
И во том ли выезжает во кованом седле,
И он ходил-гулял да добрый молодец,
Ото младости гулял да он до старости.
10 Едет добрый молодец да во чистом поли,
И увидел добрый молодец да латырь-камешок,
И от камешка лежит три росстани,
И на камешки было подписано:
— В первую дороженку ехати — убиту быть,
15 Во другую дороженку ехать — женату быть.
Третьюю дороженку ехать — богату быть.
Стоит старенькой да издивляется:
Головой качат, сам выговаривает:
— Сколько лет я во чистом поли гулял да езживаля,
20 А еще такового чуда не нахаживал.
Но на что поеду в ту дороженку да где богату быть?

- Нету у меня да молодой жены,
 И молодой жены да любимой семьи,
 Некому держать-тощить да золотой казны,
 25 Некому держать да платья цветного.
 Но на что мне в ту дорожку ехать, где женату быть?
 Ведь прошла моя теперь вся молодость.
 Как молодинка ведь взять, да то чужа корысть,
 А как старая-та взять, так на печи лежать,
 30 На печи лежать да киселем кормить.
 Разве поеду я ведь, добрый молодец,
 А ѹ во тую дороженку, где убиту быть?
 А ѹ пожил я ведь, добрый молодец, на сем свети,
 И походил-погулял ведь, добрый молодец, во чистом
 35 поли.
 Но поехал добрый молодец в ту дорожку, где убиту
 быть.
 Только видели добра молодца ведь сядучи,
 Как не видели добра молодца поедучи.
 Во чистом поли да курева стоит,
 Курева стоит да пыль столбом летит.
 40 С горы на гору добрый молодец поскакивал,
 С холмы на холму добрый молодец попрыгивал,
 Он ведь реки-ты озёра меж ног спущал,
 Он синий моря-ты на околь скакал.
 Лишь проехал добрый молодец Корелу проклятую,
 45 Не доехал добрый молодец до Индии до богатыи,
 И наехал добрый молодец на грязи на смоленский,
 Где стоят ведь сорок тысячей разбойников
 И те ли ночные тати-подорожники.
 И увидели разбойники да добра молодца,
 50 Старого казаку Илью Муромца.
 Закричал разбойнический атаман большой:
 — А гой же вы, мои братцы-товарищи,
 И розудаленькии вы, да добры молодцы!
 Принимайтесь-ко за добра молодца,

55 Отбирайте от него да платье цветное,
   Отбирайте от него да что ли добра коня.
     Видит тут старый казак да Илья Муромец.
     Видит он тут, что да беда пришла,
     Да беда пришла да неминуема.
     Испроговорит тут добрый молодец да таково слово:
      — А гой же вы, сорок тысяч разбойников,
      И тех ли татей ночных да подорожников!
      Ведь как бить-трепать вам будет стара некого,
      Но ведь взять-то будет вам со старого да нечего:
 55 Нет у старого да золотой казны,
      Нет у старого да платья цветного,
      А и нет у старого да камня драгоценного.
      Столько есть у старого один ведь добрый конь,
      Добрый конь у старого да богатырский,
     И на добром коне ведь есть у старого седельышко,
      Есть седельышко да богатырское,
      То не для красы, братцы, и не для басы,
      Ради крепости да богатырский,
      И что можно было сидеть да добру молодцу,
 75 Биться-ратиться добру молодцу да во чистом поле.
      Но еще есть у старого на кони уздечка тесмяная,
      И во той ли во уздечки да во тесмяны
      Как зашито есть по камешку по яфанту.
      То не для красы, братцы, не для басы,
 80 Ради крепости богатырский.
      И где ходит ведь, гулят мой добрый конь,
      И среди ведь ходит ночи темныи,
      И видно его да за пятнадцать верст да равномерных.
      Но еще у старого на головушке да шеломчат колпак,
 85 Шеломчат колпак да сорока пудов.
      То не для красы, братцы, не для басы,
      Ради крепости да богатырский.
      Скричал-сзычал да громким голосом
      Разбойнический да атаман большой:

90 — Ну что ж вы долго дали старому да выговаривать,
Принимайтесь-ко вы, ребятушка, за дело ратное.
А ѿ тут ведь старому да за беду стало,
И за великую досаду показалось.
Снимал тут старый со буйной главы да шеломчат колпак.
95 И он начал старенький тут шеломом помахивать.
Как в сторону махнет — так тут и улица,
А ѿ в другу отмахнет — дак переулочек.
А видят тут разбойники, да что беда пришла,
И как беда пришла и неминуема,
100 Скричали тут разбойники да зычным голосом:
— Ты оставь-ка, добрый молодец, да хоть на семена.
Он прибил-прирубил всю силу неверную
И не оставил разбойников на семена.
Обращается ко камешку ко латырю
105 И на камешки подпись подписывал:
— И что ли очищена тая дорожка прямоезжая.
И поехал старенький во ту дорожку, где женату быть.
Выезжает старенькой да во чисто поле,
Увидал тут старенькой полаты белокаменны,
110 Приезжает тут старенькой к полатам белокаменным.
Увидала тут да красна девица,
Сильная поляница удалая,
И выходила встречать да добра молодца:
— И пожалуй-ко-сь ко мне, да добрый молодец!
115 И она бьет челом ему, да низко кланяйтся,
И берет она добра молодца да за белы руки.
За белы руки да за златы перстни.
И ведет ведь добра молодца да во полаты белокаменны,
Посадила добра молодца да за дубовый стол,
120 Стала добра молодца она угашивать,
Стала у добра молодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, скажи мне, добрый молодец.
Ты какой земли есть, да какой орды,
И ты чьего же отца есть, да чьей матери.

125 Еще как же тебя именем зовут,
А звеличают тебя по отчеству?

Ай тут ответ-то держал да добрый молодец:

— И ты почто спрашивашь об том, да красна девица?

А я теперь устал да добрый молодец,

130 А я теперь устал да отдохнуть хочу.

Как берет тут красна девица да добра молодца,

И как берет его да за белы руки,

За белы руки да за златы перстни,

Как ведет тут добра молодца

135 Во тую ли во спальню богатоубрану

И ложит тут добра молодца на ту кроваточку обмансливу.

Испроговорит тут молодец да таково слово:

— Ай же ты, душечка, да красна девица!

Ты сама ложись да на ту кроватку на тисовую.

140 И как схватил тут добрый молодец да красну девицу,

И хватил он ей да подпазушки,

И бросил на тую на кроваточку.

Как кроваточка-то подвернуласи,

И улетела красна девица во тот да во глубок погреб.

145 Закричал тут ведь старый казак да зычным голосом:

— А гой же вы, братцы мои да вси товарищи,

И разудалые да добры молодцы!

Но имай, хватай, вот и сама идет!

Отворяет погреба глубокия,

150 Выпущает двенадцать да добрых молодцев,

И всё сильниих могучих богатырей,

Едину оставил саму да во погребе глубокоём.

Бьют-то челом да низко кланяются

И удалому да добру молодцу,

155 И старому казаку Ильи Муромцу.

И приезжает старенькой ко камешку ко латырю,

И на камешки-то он подпись подписывал:

— И как очищена эта дороженка да прямоезжая.

Но направляет добрый молодец да своего коня

- 160 И во тую ли дороженьку, да где богату быть.
 Во чистом поли наехали на три погреба глубоких,
 И которыи насыпаны погреба златым-сéребром,
 Златым-сéребром, каменем драгоценным.
 И обирал тут добрый молодец всё злато это сéребро
 165 И роздавал это злато-сéребро по нищей по братии,
 И роздал он злато-сéребро по сиротам да бесприютным.
 Но обращался добрый молодец ко камешку ко латырю
 И на камешки он подпись подписывал:
 — И как очищена эта дорожка прямоезжая.

41

Поездки Ильи Муромца

- Ехал стар по чисту полю,
 По тому роздолью широкому.
 Голова бела, борода седа,
 По белым грудям росстилается,
 5 Как скатён жемчуг россыпается.
 Да под старым конь наюбел-белой,
 Да ведь хвост и грив' науцёр-чёрна.
 Как наехал стар на станичников,
 Наочных уж он подорожников,
 10 На дёных он подколодников.
 Да хотят стара бýти-грабити,
 Да с конем-животом розлучить хотят.
 Как сидит тут стар, призадумался,
 Он умом гадат, головой качат.
 15 Принадумалсы слово вымолвит:
 — Уж вы станички мои, станичники,
 Люди вольны да всё разбойнички,
 Вы ночных уж нонь подорожнички,
 Вы дёных уж нонь подколоднички!
 20 Вам ведь старого бить уж некого,

- А у старого взять вам нéцего:
 Золотой казны много нé взято,
 Злата-серебра не пригодилоse,
 Скатна жемчугу не прилучилосе.
- 25 Тольки есь под старым доброй конь,
 Да ведь конь под ним наубел-белой,
 Да хвост и грива научёр-черна.
 Как уж езжу на конь ровно тридцать лет,
 За рекой на коне не сиживал,
- 30 Перевоз на кони я не вапливал.
 Как станишников всё приманивал,
 Как велят они слезыват с коня.
 Как сидит тут стар, призадумался,
 Он умом гадат, головой качат,
- 35 Принадумался слово вымолвить:
 — Уж вы станички мои, станицники,
 Люди вольные всё разбойники,
 Вы ночны уж ноны подорожники,
 Вы дённы уж ноны подколодники!
- 40 Вам у старого бить уж некого,
 А у старого взять вам нéцего:
 Золотой казны много нé взято.
 Злата-сéребра не пригодилоse,
 Скатна жемчугу не прилучилосе.
- 45 Тольки есь на старом кунья шуба,
 Дешевой цены стоит — семьсот рублей,
 Как на шубы подтяжка позолочена.
 Ожерелье у шубы чёрна соболя,
 Не того де соболя сибирьского,
- 50 Не сибирьского соболя — заморьского
 (*С Камчатки, верно*).
 Как уж пуговки были вальячныя,
 Того ле вальяку красна золота,
 Да ведь петелки были шёлковы,
 Да того де шолку, шолку белого,

55 Да белого шолку шемахильского.

Как станицников пуще приманиват,
И велят слезыват со добра коня,
Скидыват велят кунью шубоцку.
Как сидит тут стар, призадумался.

60 Умом гадат да головой качат,

Принадумался слово вымолвить:
— Уж вы станицки мои, станичники,
Люди вольные все разбойники,
Вы ночные уж нонь подорожники,

65 Вы дённые уж нонь подколодники!

Вам у старого бить вам некого,

А у старого взять вам нецего:
Золотой казны много не взято,
Злата-серебра не пригодилосе,

70 Скатна жемчуга не прилучилосе.

Только есь у старого уж түгой лук,
Золота колчанка калёных стрел,
Да ведь ровно тридцать три стрелоцки.

Да ведь всем стрелам цена обложена,

75 Да ведь каждна стрела по пяти рублей,

Трем стрелам цены нету уж:

Перены перьям орловым же,

Не того орла, орла сизого,

А того орла сизомладого,

80 Тот живет орел на синём мори,

На синём мори на сером камни.

Он пьет и ест у синяя моря.

Как станицников пуще заманиват,

И велят, слезыват с добра коня,

85 Скидыват велят кунью шубоцку,

Отдавать колчянку калёных стрел.

Как сидит тут стар, призадумался,

Он умом гадат, головой качат.

Он вытегиват из-за пазушья түгой лук,

- 90 Из кольцяночки да калену стрелу,
 Он кладет стрелу нонь на түгой лук,
 Да ведь сам стрелы да приговаривают:
 — Калена стрела ты муравлена,
 Полети же ты во чисто полё,
 95 Полети ты повыше разбойников,
 Не задешь ты их ни едйного,
 Ты не старого и не малого,
 Не холостого, не женатого,
 Полети-тко ты во чисто полё,
 100 Да во сырьо дубищо крековищо,
 Ты розбей сырьо дубищо крековищо
 Ты на мелко церенье ножовое.
 Не городовы ворота отпиралисе,
 Не лютая змея извиваласе,
 105 Заскрипел у старого түгой лук,
 Калена стрела со туга лука
 Полетела она да во чисто полё,
 Да во сырьо дубищо крековищо.
 Как розбила сырьо дубищо крековищо
 110 Да на мелко церенье ножовое.
 Как станицинки испужалися,
 По под-кустикам как разбежалиси.
 Как туман-то в поле приобдроло,
 Как станицники идут да поклоняютца:
 115 — Уж ты батюшко да наш старый казак,
 Наш старый казак да Илья Муромец,
 Илья Муромец да сын Иванович,
 Да возьми-тко нас да во товарыщи.
 Говорит тут стар таково слово:
 120 — Не возьму я вас во товарыщи,
 Я не старого и не малого,
 Не холостого, не женатого.
 Как я уж езжу по полю тридцать лет,
 Да никто на меня не нахаживал,

- 125 Да никто на меня не наезжал,
 Да как вы нашли, поганые, наехали.
     Как поехал стар по чисту полю,
     По тому роздолью широкому.
     Голова бела, борода седа,
 130 По белым грудям росстилается,
     Как скацён жемчуг да рассыпается.
     Приезжает к росстаням ко широким же,
     Как лежит тут сер горючь камень,
     Да на камешке подпись подписана,
 135 Да подписана подпись, подрезана:
     — Как во первую дорожку ехать — богату быть,
     А ко вторую дорожку — женату быть,
     А в третью дорожку — живому не быть.
     Как сидит тут стар да призадумался,
 140 Призадумался да приросплакался:
     — Как поеду я в дорожку во первую,
     Да ведь где мне старому богату быть.
     А опеть же сам и одумался:
     — Да на что мне старому богату быть?
 145 У меня нет ноны молодой жены
     Берегцй, стерегцй золота казна.
     Как поеду в дорожку во вторую,
     Да ведь 'де мне старому женату быть.
     А опеть же сам и одумался:
 150 — Да на что мне старому женату быть?
     Не владеть мне старому молодой женой,
     Не кормить мне старому малых детей,
     Как поеду в дорожку во третью же,
     'де мне старому живому не быть.
 155   Как поехал стар по чисту полю,
     По тому роздолью широкому,
     Голова бела, борода седа,
     По белым грудям росстилается,
     Как скацён жемчуг да рассыпается.

- 160 Приезжает ко двору ко широкому,
 Теремом назвать — очень мал будет,
 Городом назвать — так велик будет.
 Как выходит девушка чернавушка,
 Она берет коня за шелков повод,
- 165 Она ведет коня да ко красну крыльцу,
 Насыпят пшена да белоярова,
 Как снимат стара со добра коня,
 Она ведет стара да на красно крыльцо.
 На красно крыльцо да по новым сеням,
- 170 По новым сеням в нову горницю.
 Скидыват его да распоясывают,
 Да сама говорит таковы слова:
 — Пожилой удалой добрый молодец,
 Ты уж едешь дорожкой очень дальнею,
- 175 Тебе пить ли есть ныньче хочется,
 Опочинуться со мной ле хочется?
 Говорит тут стар таково слово:
 — Хошь я еду дорогой очень дальнею,
 Мне не пить не есть мне не хочется,
- 180 Опочинуться с тобой хочится.
 Она старому кроват да уж указывают,
 А сама от кровати дале пётитсе.
 Говорит-то стар да таково слово:
 — Хороша кровать изукрашена,
- 185 Должно бы кроваточки подложной быть.
 Она старому кровать уж указывает,
 А сама от кроваты далечно стоит.
 Как могущи плечи расходилисе,
 Ретиво серцем розъярилосе,
- 190 Он хватал-то он за белы руки,
 Он бросал он на кровать ле тесовую —
 Полетела кровать да тесовая
 Да во те во погреба глубокия.
 Как спущался стар да во глубок погреб —

- 195 Там находится двадцать девять молодцев,
А тридцатый был сам старый казак,
Сам старый казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.
Он ведь начал плетью их наказывает,
200 Наказывать да наговаривать:
— Я уж езжу по полю ровно тридцать лет,
Не сдаваюсь на реци я на бабы же,
Не утекаюсь на гу́зна их на мягкие.
Вот они тут из погреба вышли,
205 Красное золото телегами катили,
А добрых коней табунами гнали,
Молодых молодок толпицями,
Красных девушек стайцями,
А старых старушек коробицами.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ

42

Илья Муромец с Добрыней на Соколе-корабле

По морю, морю синему,
По синему, по Хвалинскому,
Ходил-гулял Сокол-корабль
Немного-немало двенадцать лет.
На якорях Сокол-корабль не стаивал,
Ко крутым берегам не приваливал,
Желтых песков не хватывал.

Хорошо Сокол-корабль изукрашен был:
Нос, корма — по-звериному,
А бока зведены по-эмеиному.

Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо очей было вставлено
Два камня, два яхонта;
Да еще было на Соколе на корабле:

Еще вместо бровей было повешено
Два соболя, два борзы;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо очей было повешено
Две куницы мамурские;

Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три церкви соборные;

Да еще было на Соколе на корабле:
 Еще три монастыря, три почесные;
 Да еще было на Соколе на корабле:
 25 Три торговоища немецкие;
 Да еще было на Соколе на корабле:
 Еще три кабака государевы;
 Да еще было на Соколе на корабле:
 Три люди незнаемые,
 30 Незнаемые, незнакомые,
 Промежду собою языка не ведали.
 Хозяин-от был Илья Муромец,
 Илья Муромец, сын Иванов,
 Его верный слуга — Добрынюшка,
 35 Добрынюшка Никитин сын,
 Пятьсот гребцов, удалых молодцов.
 Как издалече-далёче, из чиста поля
 Зазрил, засмотрел турецкой пан,
 Турецкой пан, большой Салтан,
 40 Большой Салтан Салтанович.
 Он сам говорит таково слово:
 — Ах вы гой еси, ребята, добры молодцы,
 Добры молодцы, донские казаки!
 Что у вас на синем море деется?
 45 Что чернеется, что белеется?
 Чернеется Сокол-корабль,
 Белеются тонки парусы.
 Вы бежите-ко, ребята, ко синю морю,
 Вы садитесь, ребята, во легкий струги,
 50 Нагребайте поскорее на Сокол-корабль,
 Илью Муромца в полон бери;
 Добрынюшку под меч клони!
 Таки слова заслыпал Илья Муромец,
 Тако слово Добрыне выговаривал:
 55 — Ты, Добрынюшка Никитин сын,
 Скоро-борзо походи во Сокол-корабль,

Скоро-борзо выноси мой түгой лук,
Мой түгой лук в двенадцать пуд,
Калену стрелу в косу сажень!

60 Илья Муромец по кораблю похаживает.

Свой түгой лук натягивает,
Калену стрелу накладывает,
Ко стрелочке приговаривает:

— Полети, моя каленая стрела,

65 Выше лесу, выше лесу по поднебесью,

Не пади, моя каленая стрела,

Не на воду, не на землю,

А пади, моя каленая стрела

В турецкой град, в зелен сад,

70 В зеленой сад, во бел шатер,

Во бел шатер, за золот стол,

За золот стол, на ременчат стул,

Самому Салтану в белу грудь,

Распори ему турецкую грудь,

75 Ращиби ему ретиво сердце!

Ах, тут Салтан покаялся:

— Не подай, боже, водиться с Ильей Муромцем,

Не детям нашим, не внучатам,

Не внучатам, не правнучатам,

80 Не правнучатам, не пращурятам!

О Соколе-корабле

Ай по мору же по синему Хвалынскому
Туды бегал-то Сокол-корабль по тридцать лет,
Он по три года на якоре не стаивал,
Ко крутому бережечку не пришативался,
5 Ко морским желтым песочкам не присачивался,
Краю желтого песочка [в] глазах не видал.

Еще всем-то Сокол-корабль изукрашен был,
 Еще нос ли корма по-туриному,
 Ну бока були¹ взведены по-лашиному,²
 10 Ну на Соколе на корабле немного людей,
 И только три удалы добры молодцы.
 Ну что носом-то владал млад Полкан-богатырь,
 Ну кормою-то владал млад Алеша Попов,
 На середочке сидел Илья Муромец,
 15 На середочке сидит, всем он кораблем владат.
 На Полкане-то шапка железная,
 На Алешиньке сапожки зелен сафьян,
 На Ильюшеньке каftанчик рудожелтой камке,
 На каftане-те петельки шелковые,
 20 Во петельках пуговки золочены,
 Во каждой во пуговке по камушку,
 Ну по дорогу по камушку по яхонту,
 Во каждом во камушке по льву-зверу.
 Нападали на Сокол-корабль черны вороны,
 25 Ну крымские татара со калмыгами,
 Ну хотели-то Сокол-корабль разбить, разгромить..
 Ну разбить, разгромить и живком задавить.
 Тут Ильюшенька по кораблю похаживает,
 Он тросточкой по пуговкам поваживает
 30 Ну во пуговках камушки разгоралися,
 Его лютые звери рассержалися,
 И что крымские татары испуждалися,
 А калмыги в сине море побросалися,
 А удалы добры молодцы оставалися,
 35 От Киева до Чернигова добиралися.

¹ Були — были.

² По-лашиному — по лосиному.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА ВОЛГЕ

44

[Илья Муромец на Волге]

- Ох вы, рощи, рощи зеленые, липушки цветные!
Кустарнички молодые, орешнички густые!
Разростились, расплодились по крутым берегам,
По крутым берегам, всё по быстрым рекам,
5 Коло Волги, 'коло Камы, 'коло Дона-реки!
Обтекают эти речки славны русски города;
Протекает река Волга 'коло Муромских лесов,
Как плывут-то воспзывают красны лодочки на ней:
Красны лодочки краснеются, на гребцах шляпы
чerneются,
10 На самом-то ясауле чёрна соболя колпак.
Они едут — воспевают всё про Муромски леса,
Они хвалят-величают ясаула молодца,
Ясаула молодца, Илью Муромца!

КАЗАЦКИЕ БЫЛИННЫЕ ПЕСНИ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

Илья Муромец выезжает в поле

- 1 Ай, во городе что не стук стучит,
Ай, что не стук-то стучит, что не гром-то гремит —
Илья Муромец,
- 2 Ай, пертирает свою сбрую, сбрую ратную;
Ай, что копье об копье сам позвякивает,
Свет Илюшунька.
- 3 А он и стремечко он о стремечко,
Ай, сам пощелкивает, свет Илюшунька,
Илья Муромец:
- 4 — Ай, государь ты родимый, родной батюшка!
Ой, государыня ты родимая,
Моя матушка!
- 5 Ой, вы дозвольте мне всё коня седлать,
Ой, мне коня оседлать, мне буланого,
Черногривого,
- 6 Ой, вы дозво... вы дозвольте мне во чисто поле,
Ой, во чисто-то поле мне проехати
Богатырское,
- 7 Ай, богатырскую силушку испробовать,
Ай, мне испробовать! — Да заплакала
Его матушка:

- 8 — Ай, да ты, чада моя, чада, чада милая,
 Ай, ты поедешь, Илья, чада милая,
 В чужу сторону,
- 9 Ай, потеряешь свою буйну голову.
 Ой, да и кто жа нас допойт, докормит
 Всё при старости?
- 10 — Ай, ты не плачь, ты не плачь, моя матушка!
 Ой, я побью, погромлю всех боготырей,
 Илья Муромец;
- 11 Ай, я побью, погромлю всех боготырей,
 Ой, я свернусь, ворочусь, Илья Муромец,
 К своей матушке;
- 12 Ой, я свернусь, ворочусь к своей матушке,
 Ой, я довéк-то буду и поить, и кормить
 Свою родную.
- 13 Ай, допою, докормлю свою матушку,
 Ой, да родимого свово батюшку —
 Свет Илюшунька!

46

Илья Муромец-Кузютушка собирается во дики степя

1 Ай, да не горы-то сы горами
 Сыходилися,
 Да не лесы-то сы лесочками
 Сыклонялися, —

2 Ай, да и кланялся сын Кузютушка
 Своему батюшке,

Государыне да родимой своей
Родной матушке:

3 — Ай, государь ты мой да родимый,
Родный батюшка,
Государыня ты родимая,
Моя матушка!

4 Ай, да купите вы мне, Кузютушке,
Коня доброго,
Коня доброго мне, Кузютушке,
Неученого,

5 Ай, неученого мне конёчика,
Уражоного,—
Да я сам-то его, ведь конёчика,
Я сам выезжу,

6 Ай, да я сам его, что-й конёчика,
Я сам выезжу,
По каraphтеру всё конёчика
Свому выучу!

7 — Ай, да не вмеешь ты, моя чадушка,
Ты коня седлать,
Что коня-то седлать, моя чадушка,
Из ружья стрелять,

8 Ай, из ружья стрелять, моя чадушка,
Из винтовочки!
— Да позвольте жа мне, что-й батюношка,
Ехать в полюшка,

9 Ай, сы донскими-то казачёчками
Показаковать,
Мне добра-то коня, вот Кузютушке,
Попроезживать!

10 Ай, залился-то он, что-й Кузютушка,
Горючой слезой,
Да-й подался бы он во дикий-то степя,
Во заказаны.

11 Ай, поджидал-то он, все Кузютушка,
Все диких табунов,
Поимал-то себе коня буйного,
Золотистого,

12 Ай, надевал-то он, сын Кузютушка,
Узду шёлковую,
Накидал-то он да-й седелица
Все черкесская,

13 Ай, застягáл жа он все двенадцать подпруг
Сы подпружечкою,
Ну не для красы-то красы вот подпружечки,
Да для крепости.

14 Ай, вот садился жа сын Кузютушка
На конёчика,
Да стрелял жа он, сын Кузютушка,
Из ружелица.

15 Ай, что не стук стучит, ну, во городе,
Да не гром-то гремит, —
Вот Кузютушка на буйном коне,
Как сокол, летит.

Разбойники нападают на Илью Муромца

Воздалече, воздалече было во чистом поле,
Пролегала там дороженька не широкая,

- Долиню она конца-краю нет,
Шириною дорожечка не широкая,
5 Заповедала дороженька ровно тридцать лет,
Никто по той дороженьке не хаживал,
Ни конного, ни пешего следу не было,
Только шел-прошел старой стариик,
Старой стариик — Илья Муромец,
- 10 На старому шубеночка худым-худа,
Худым-худа, вся излатана.
Левая пола стоит пятьсот рублей,
А правая пола стоит тысячу,
А стан с рукавами и цены нет.
- 15 На правой руке держит он тугой лук.
Пристигала старика темная ноченька.
Сыворачивал он сы дороженьки,
Выходил старичик на высок курган,
На восход солнца богу молится,
- 20 На все стороны покланяется,
Помолемши он богу, ложился спать,
Левую полу под себя стелил,
Свой тугой лук в голова кладет,
А правою полой одевается.
- 25 Середи-то ночи, середь полночи
Наезжали на старика охотнички,
Сорок четыре разбойничка,
Хотели со старова шубенку снять,
Шубенку снять да сагайдак отнять.
- 30 Ото сна стариик пробуждается,
Он за тугой свой лук хватается,
Накладывает калену стрелу.
Его тугой лук, как лев, ревет,
Каленые его стрелы, как змеи, свищут.
- 35 Как и тут-то охотнички попужалися,
По темным лесам разбежалися.

На Илью Муромца нападают разбойники

- 1 Ой, воздалέче было, воздалέченъко
Было во чистом поле,
- 2 Ой, во чистом поле,
Пролегала бы там шлях-дорожунька,
Она не широкая,
- 3 Ой, не широкая:
Шириною она, шлях-дорожунька,
Она всего семь пядей,
- 4 Ай, всего семь пядей,
Длинниною она, шлях-дорожунька,
Она конца-краю нет,
- 5 Ай, конца-краю нет.
Заповедана была вот дорожунька,
Она ровно тридцать лет,
- 6 Ай, ровно тридцать лет, —
Ну, никто-то по ней, по дорожуньке,
Вот никто не хаживал,
- 7 Ай, ну, не хаживал,
Ну, ни конного да ни пешего
По ней следу не было,
- 8 Ай, следу не было.
Ну, ишел там, прошел по дорожуньке,
Вот прошел старой старик,
- 9 Ай, вот старой старик,
Ну, старой-то старик, по дорожуньке
Ишел Илья Муро́вец.

- 10 Ай, Илья Муро́вец.
На нем шубочка, на старинушке,
Шубочка худым-худа,
- 11 Ай, ну, худым-худа,
Ну, худым-то худа вот шубеночка.
Она вся излатана,
- 12 Ай, вся излатана:
Ее левая, вот шубеночки,
Полочка — пятьсот рублей,
- 13 Ай, ну, пятьсот рублей,
А и правая вот и полочка
Стоит усю тысячу,
- 14 Ай, усю тысячу,
Ну, станочику да рукавчикам
Шубочки цены-то нет.
- 15 Ай, ну, цены-то нет.
Во правой-то руке, ну, Илюшунька
Держит копье длинное,
- 16 Ай, копье длинное,
А во левой руке вот Илюшунька
Он держит тугой сагайдак.
- 17 Аи, тугой сагайдак.
Настигала его, да Илюшуньку,
Вот темная ночушка,
- 18 Ай, темна ночушка.
Сыворачивал наш Илюшунька
Сы путя-дорожуньки,
- 19 Ай, сы дорожуньки,
Восходил старичок Илья Муро́вец
Вот он на висок курган,

- 20 Ай, на висок курган.
 Под себе подстипал вот Илюшунька
 Он левую полочку,
- 21 Ай, леву полочку,
 Ну, и правою, вот бы, полочкой
 Илья одевается,
- 22 Ай, одевается,
 В головашечки вот Илюшунька
 Кладет свой тугой сагайдак,
- 23 Ай, тугой сагайдак.
 Середи-то ночи, середи полу...
 Середи полуночи,
- 24 Ай, ну, полуночи,
 Наезжали-то на старинушку
 Вот сорок охотников,
- 25 Ай, ну, охотников,
 Ну, охотничков на старинушку,
 Вот сорок разбойничков,
- 26 Ай, вот разбойничков;
 Ну, хотели они, вот разбойнички,
 Они снять шубеночку,
- 27 Ай, снять шубеночку,
 Ну, шубеночку снять, вот разбойнички,
 Вот и сагайдак отнять,
- 28 Ай, сагайдак отнять.
 Как и тут-то было, наш Илюшунька
 От сна пробуждается,
- 29 Ай, пробуждается,
 За тугой сагайдак вот Илюшунька
 Он скоро хватается,

- 30 Ай, вот хватается,
Да накладывает на тятивушку
Вот он калян^у стрелу,
- 31 Ай, калян^у стрелу:
Вот тугой сагайдак у Илюшуньки
Будто ровно лев ревет,
- 32 Ай, ровно лев ревет,
Каляны-то стрелы вот у Муровца
Они ровно змеи свищут,
- 33 Ай, змеи свищут.
Как и тут-то бы, тут, вот охотнички
Они попужалися,
- 34 Ай, попужалися,
По тямным-то лесам, вот разбойнички,
Они разбежалися.

49

Илья Муромец на речке Смородинке

- 1 Ай-да, как во славном было,
Братцы, да во городе,
Во славном во Кеиве,
Ой-да, там пролёгивала
Вот-бы степь-дорожунька,
Она не широкая,
- 2 Ай, она не широкая,
Вот и дылиною она,
Эта степь-дорожунька,
У ней конца-краю нет,
- 3 Ай, у ней конца-краю нет.
Ой-да, ну никто-то по ней,

По этой по дорожуньке,
Никто пеш не хаживал,

- 4 Ай, никто пеш не хаживал, —
Ой-да, там ишел да прошел
По этой дорожуньке,
Прошел сильный богатырь,
- 5 Ай, прошел сильный богатырь.
Ой-да, сильный богатырь прошел
По этой дорожуньке,
Прошел Илья Мурович,
- 6 Ай, прошел Илья Мурович.
Ой-да, как подходит-то он,
Будто Илья Мурович,
Кы быстрой кы речушке,
- 7 Ай, кы быстрой кы речушке:
— Ой-да, ну бо-помочь тебе,
Вот быстрая речушка,
Речка Самародинка,
- 8 Ай, речка Самародинка!
Ой-да, ну, скажи мне, скажи,
Вот-и быстра речушка,
Скажи всею правду мне,
- 9 Ай, скажи всею правду мне:
Ой-да, ну-и, есть ли в тебе,
У быстрой у речушки,
Есть ли броды мелкие,
- 10 Ай, есть ли броды мелкие,
Ой-да, броды мелкие,
У быстрой у речушки,
Есть броды песчаные,
- 11 Ай, есть броды песчаные?
— Ой-да, ну-и, есть-то в мене,

У быстрой у речушки,
Есть броды песчаные,

- 12 Ай, есть броды песчаные,
Ой-да, еще есть-то в мене.
У быстрой у речушки,
Есть сормы опасные,

- 13 Ай, есть сормы опасные,
Ой-да, есть опасные,
У быстрой у речушки
Есть места пропащие!

50

Илья Муромец у ворот Киева

1 Ой-да, пролегала, было,
Эта шлях-дорожунька,
Она не широкая,

2 Она не широкая,
Ой-да, ширину она,
Эта шлях-дорожунька,
Она на пятнадцать верст,

3 Она на пятнадцать верст,
Ой-да, долиною она,
Вот эта дорожунька,
Она конца-краю нет,

4 Она конца-краю нет.
Ой-да, ну никто-то по ней,
По этой дорожуньке,
Никто не проезживал,

5 Никто не проезживал, —
Ой-да, проезжал-то по ней,

По этой дорожуньке,
Удал добрый молодец,

6 Удал добрый молодец:
Ой-да, проезжал-то по ней
Разудалый молодец —
Только Илья Муро́вец,

7 Только Илья Муро́вец,
Ой-да, вот на душечке-то
На своем добру коню,
Конёчку игренему,

8 Вот коню игренему.
Ой-да, подъезжает-то он
Кы славному городу —
Кы стольному Киеву,

9 Кы стольному Киеву,
Ой-да, ну в городе-то,
В этом во стольном-то
Воротица заперты,

10 Воротица заперты,
Ой-да, ну железными-то
Крепкими задвижками
Они позадвинуты,

11 Они позадвинуты,
Ой-да, ну булатными-то
Крепкими решотками
Были позадернуты,

12 Были позадернуты,
Ой-да, ну железными-то
Вот они замочками
Были позамкнутые,

- 13 Были позамкнутые, —
Ой-да, часовые у них,
Будто каравульные,
Да они жа крепко спят,
- 14 Вот они все крепко спят.
Ой-да, он и голосом-то
Кричал добрый молодец, —
Так и не докликался.
- 15 Так и не докликался.
Ой-да, он и бьет-то свово
Раздушечку коничку,
Его по крутым ребрам,
- 16 Его по крутым ребрам.
Ой-да, пробивает-то он
Коню мяса черная,
Ему до белой костé,
- 17 Ему до белой костé:
Ой-да, как и тут-то бы тут
Его душа добрый конь
Крепко возвивается,
- 18 Крепко возвивается,
Ой-да, пробивает-то он
Своей грудью белою
Вот бы стену каменну.

Илья Муромец и целовальнички

Ой да, воздалéче было, было воздалéченъко,
Братцы, во чистом поле,
Там лежала, было, братцы, шлях-дорожичка,

Она не широкая, —
 5 Шириную, было, эта шлях-дорожичка,
 Она всею три ступня,
 Долиною, было, эта шлях-дорожичка,
 Она конца-краю нет.
 Ну, никто-то по ней, по этой дорожичке,
 10 Никто пеш не хаживал,
 Что ни коннова, ни коннова, пешева,
 Пеша следа не было.
 Как ишел-то, прошел, прошел добрый молодец,
 Вот бы Илья Муромец,
 15 Заходил-то бы он, удал добрый молодец,
 Заходил в царёв кабак,
 Закричал, ускричал удал добрый молодец
 Своим громким голосом:
 — Уж вы, други мои, вы, други любезнаи,
 20 Слуги цаловальнички!
 Наливайтъ жа мне, други цаловальнички,
 Вот пойлица пьянова,
 Наливайтъ вы мне, други цаловальнички,
 Только на пятьсот рублей,
 25 Ну, с напитками да еще с наедками,
 Вот бы на всю тысячу.
 Как и все-то бы, все братцы цаловальнички,
 Они перпужалися.
 По темным то лесам братцы цаловальнички
 30 Они разбежалися.
 Как на третий-то день братцы цаловальнички
 Они собиралися,
 За единова все братцы цаловальнички
 Они думу думали:
 35 — Ну, и что ж то была будто за ярыга у нас,
 Ярыга кабацкая?
 На нем шубочка, на этой ярыге-то,
 Она вся худым-худа,

Вся худым-то худа на нем эта шубочка,
 40 Она вся изорвана,
 Поизорваная уся эта шубочка,
 Она поизлатана,
 Одна полачка у этой у шубушки
 Стоит всё пятьсот рублей,
 45 Ну, и вся-то она, вот бы эта шубочка,
 Стоит на всю тысячу.

Подходил, подъезжал вот бы Илья Муромец
 Кы быстрой кы речушке:
 — Ну, и речка-река, скажи жа мне, речушка,
 50 Где мне переправиться,
 Ты скажи-расскажи, расскажи мне, быстрая,
 Где тут броды мелкие,
 Броды мелкие у тебя, у речушки,
 Да где сормы плоские?

52

Илья Муромец

Ты старинушка ли, старинушка,
 Ты старой казак, Илья Муромец!
 У старины головушка ровно лунь бела,
 На старины шубеночкa худым-худа,
 Худым-худа, вся изорвана;
 Как левая его полушка — во пятьсот рублей,
 А правая полушка — во всю тысячу,
 Как всей-то шубеночке и сметы нет.
 Как задумал старины чисто поле ехать.
 10 Во чисто поле ехать показаковать,
 На своем-то он на добром коне
 Свою силушку богатырскую он испробовать.
 Как левой рученькой махнет — сделает переулочек,

- Как правой рученькой махнет — целую улицу.
 15 Как его-то сивый добрый конь сильной грудушкой,
     Сильной грудушкой топчет рать поганую.

53

Илья Муромич и татары

- Ты малютка, ты малютка, Илья Муравич душа!
 Выезжает он, малютка, из того ли города из Киева.
 Што малютка на коне, как соколик на руке,
 Под малюткою конь, ровно лютый зверь.
 5 Подъезжает он, малютка, ко сырому ко дубу.
     На сыром дубу сидит млад черной воран,
     Млад черной воран сидит, да сам докучничек.
     Как хотит ево малюточка застрелити.
     — Да как застрелишь ты меня, не утишишь сам себя.
 10 Я скажу тебе, малютка, всио правду:
     Обладали вас татары своёй силою,
     Ай, своёй силою, силою неверною, богатырскою.
     Покопали собаки шанцы глубокии.
     Как на первою-то яму конь перепрядывал.
 15 Как на другую яму конь обрушился.
     Как поймали малютку сила неверная,
     Как связали малютки назад руки белые,
     Как сковали малютки ноги резвыйи.
     Где повёрнитца малютка, там и улица,
 20 Где поворотитца малютка, там широка плошадь.

54

Богатыри на заставе

- Не во матушке было во Расеюшке,
 Не во матушке было в каменной Москве,
     Как стояла там русская заставушка

- Не маленькая не большенькая,
 5 На все-та была на четыре стороны.
 А на всех-та их было семеро:
 Как первый был Илья Муравич,
 А второй был Дюк Степанович,
 А третий был сын Иванович,
 10 А четвёртый был Алеша, сын Попов,
 А пятый был Добрынушка,
 А с ними там были два боярничка,
 Во пиру-беседе они люди первыи,
 А на бою на драке — всё последнии.
 15 — Ну кому-та, братцы, на часах стоять?
 — Как стоять-та стоять Ильи Муравичу:
 Илья Муравич — он старой стариик;
 Стоят-та не стоять Добрынушке:
 На Добрынушку мы не надеемся.
 20 Со полу-та ночи во первым часу
 Не ясён сокол во пролёт пролетел,
 Добрый молодец на коне проскакал.
 — Кому-то из нас во погонь за ним гнать?
 — Гнать-та не гнать Ильи Муравичу:
 25 Илья Муравич — он старой стариик;
 А гнать-та не гнать двум боярничкам:
 Они на пиру-беседе первыи,
 Во бою во драке всё последнии.

[Илья Муромич со Степаном Разиным на Соколе-корабле]

Что ни по морю по морюшку,
 По синю морю по Хвалынскому
 Там плывет на Соколик-корабль.
 Двадцать лет корабль на якоре не ставил,
 К бережку круту не причаливал,

И он желтого песку в глаза не видывал.
 Что бока-то его сведены по-туриному,
 А нос да корма — они по-змеиному.
 Атаман был на нем Стенька Разин он сын,
 10 Есаулом был Илья Мурович-душа;
 На Илюшинъке кафтан белый бархатный,
 На кафтане пуговки они злаченые,
 А на каждой-то пуговке по лютому льву.
 Напали на корабль они разбойнички,
 15 Что и те-то они татары с персианами.
 Как хотят они этот корабль
 Всё разбить его разгромить,
 Илья Муровича во полон его взять.
 Как наш Мурович по кораблику похаживает,
 20 Свои пуговицы злаченые поглаживает,
 Его пуговки злаченые разгорелися,
 Его лютые-то львы разревелися,
 Уж злые-то татары испугались,
 Во сине море они побросалися.

56

[Илья Муромец на Дону]

Как у нас, братцы, было на тихом Дону,
 Не здорово, братцы, учинилося,
 Помутился весь наш тихий Дон,
 Помешался весь наш козачий круг:
 5 Что не стало у нас атамана,
 Что старого козака Илья Муромца.
 Уж вы, братцы, товарищи!
 Убирайте вы легкий стружка
 Вы сукном багрецовым;
 10 Увивайте вы весельчики
 Аравитским красным золотом;

Увивайте вы укрученъки
Алиентарским крупным жемчугом:
Чтоб по ночам они не буркали,
.5 Не подавали бы они ясоку
Что ко злым людям ко татарам.

С К А З К И
О Б ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

Сказка-былина про Илью Муромца

Это было в городе Муроме, селе Караваеве. Жил-был один крестьянин, по прозванью Иван-свет Тимофеевич, со своей супругой Ефросиньей Яковлевной. Жили они пятьдесят лет, а детей у них не было.

Часто старики горевали, что под старость прокормить их будет некому. Наконец дарован был им сын. Имя ему дали Илья.

И вот, живут они с сыном Ильей, живут, не нарадуются. Растет он быстро. Прошел год, прошел второй. Тут и увидели старики большое горе: сыну нужно начинать ходить, а он сидит, как столб. Ноги у него — как плети; руками действует, а ногами никак не шевелит.

Прошел третий год, а Илье ничуть не легче. Ноги — как плети, никак не шевелятся.

Еще пуще старики стали плакать: есть сын, да никуда не годящий, — приходится кормить его.

И жил Илья долгое время всё таким же столбом, никак не мог ногой шевельнуть.

Прожил он тридцать лет в таком виде. И вот в одно прекрасное время надо было Ивану Тимофеевичу выкорчевать пни, чтобы сеять пшеницу.

Ушли старики в леса и оставили Илью одного в доме. Илья был уже привычный — сидеть дом караулить.

День оказался очень жаркий. Сидит Илья, потом обливается. И вдруг слышит — кто-то подошел к их окошку и в окошко застукался. Кое-как Илья Муромец потянулся, открыл окошко, видит — стоят два странника, очень старые.

Посмотрел Илья на них и говорит:

— Чего вам, страннички, надо?'

А они говорят:

— Дай-ка нам испить пива хмельного. Мы знаем, у тебя есть в подвале пиво хмельное. Да принеси нам чашу в полтора ведра.

Илья им в ответ:

— И рад бы я принести вам пива хмельного, да не могу никак идти: у меня ноги не ходят.

— Попробуй, Илья, сперва, тогда и говори, — отвечают старцы

— Что вы, дорогие старцы, тридцать лет я сижу сиднем и знаю — ноги у меня не ходят.

А они говорят:

— Брось ты, Илья, нас обманывать! Сперва попробуй, а после и говори.

Пошевелил Илья одной ногой — шевелится. Другой пошевелил — шевелится. Соскочил с лавки, схватил чашу в полтора ведра и побежал, будто всё время бегал, в отцов подвал глубокий. Нацедил из бочонка чашу полную, приносит к старцам, говорит им:

— Нате, кушайте на доброе здоровье, страннички. Уж очень я рад, — научили вы меня ходить.

А те говорят:

— А ну-ка, Илья, выкушай сперва сам.

Илья Муромец не прекословил, схватывает чашу в полтора ведра и выпивает на месте единым духом.

— А ну-ка теперь, добрый молодец, Илья Муромец, скажи, сколь чувствуешь в себе силушки?

— Чувствую я в себе силушки очень много, — отвечает Илья. — Силы хватит.

Посоветовались старцы и говорят:

— Нет, еще, должно быть, силушки очень мало. Иди-ка, Илья, да принеси вторую чашу.

Схватил Илья чашу в полтора ведра и бросился в свой погреб. Нацедил втору чашу, приносит к старцам. Стал им подавать, они говорят:

— А ну, выкушай, добрый молодец, сам.

Илья Муромец не стал прекословить, берет чашу и выпивает единым духом.

— А ну-ка, удалой богатырь Илья, скажи, много ли чувствуешь в себе силушки?

А он отвечает странникам:

— Эх, много чувствую силушки!

— А как определишь силушку?

— Вот, был бы столб на небе, а на том столбе было бы кольцо, — взялся бы я за это кольцо, перевернул бы всю Русску землю.

Посоветовались странники и говорят:

— Эх, нет, много мы ему дали силушки. Не мешало бы поубавить. Илья! Сходи в подвал, принеси еще чашу в полтора ведра.

Илья не стал прекословить, тут же побежал в погреб. Когда привнес чашу, старцы и говорят:

— А ну, Илья Муромец, выкушай сперва сам.

Илья Муромец не прекословит, и выпивает чашу сам.

Когда выпил, странники обратно начинают спрашивать:

— Ну-ка, удалой богатырь, скажи, много ли чувствуешь в себе силушки?

Тогда Илья Муромец отвечает так:

— Чувствую — силушки моей убавилось на половинушку.

Посоветовались тогда странники и говорят:

— Хватит, Илья Муромец, тебе силушки.

И не стали больше посыпать его за пивом хмельным, а стали говорить ему так:

— Слушай, добрый молодец, Илья Муромец! Дали мы тебе ноги, дали силу богатырскую, — ничто не мешает тебе поездить по русской земле. Но помни: не обижай беззащитных, а бей вора-разбойника, не борись с родом Миколовым: его мать сыра земля любит. Да еще не борись со Святогором-богатырем: его мать сыра земля через силу носит. А теперь, Илья Муромец, тебе нужен богатырский конь. Но бо-

гатырского коня тебе придется выхаживать самому, потому — кони тебя не вынесут.

— А где мне взять такого коня, чтоб меня вынес? — говорит Илья Муромец.

— А вот мы тебя сейчас научим. Мимо вашего дома в один прекрасный день поведет крестьянин жеребенка шелудивого, плохонького, поведет на обрати пришибать его. Но ты не отпусти его из виду, выпроси у мужичка этого жеребеночка, поставь его в стойло и корми пшеницей. И каждое утро выводи его на росу, пускай он по росе катается. А когда минует ему три года, то выводи на поле и обучай его скакать через большие канавы, через высокие тыны.

Илья Муромец слушал всё это внимательно, не хотел потерять ни одного слова.

— Ну вот, — говорят странники, — что мы знали, всё сказали Смотри же, беззащитных не обижай, вора-разбойника не пропускай. Да смотри, тебе на роду написано — убитому не быть. Помрешь ты своей собственной смертью.

Илья Муромец поблагодарил их, звал чего-нибудь покушать, но они от всего отказались и ушли.

Остался он один-одинешенек и захотел идти посмотреть на отца с матерью, им помочь в работе. Приходит к отцу, а там после трудовой работы все уснули. Захотел он попробовать свой топор и стал рубить. Как тяпнет топором, так он по самый обух уйдет. Сила в Илье огромная. Порубил лес Илья Муромец и воткнул топор в пень. И ушел топор по самый обух. Повтыкал он так все топоры в пни, а сам склонился за дерево. Когда пришли, отдохнувши, помочане, хотели взяться за топоры, но сколь ни дергали — не могли вытащить из дубьев. Он, может, щуткой повтыкал топоры-то, да уж сила была у негоально велика.

Видит Илья, не выходит у них дело, вышел из-под прикрытия и подходит к отцу с матерью. А те и глазам своим не верят: был Муромец калека, а стал здоровым.

Вынул Илья Муромец все топоры и стал родителям подсоблять. Отец не нарадуется, глядя на работу его.

Михаил Ананьевич Сказкин.
(Текст 57).

Кончили работу, пришли домой и стали жить-поживать.

А Илья Муромец всё стал посматривать, когда мужичок поведет паршивеньского жеребеночка. И вот видит — точно, идет мужичок.

Выбегает Илья, спрашивает:

— Куда ведешь жеребеночка?

А тот отвечает:

— Очень плох получился, пришибить надо.

Тогда Илья Муромец стал просить мужичка убедительно, чтобы он уступил ему жеребеночка, не пришибал его. А крестьянин и спрашивает:

— Куда тебе такой жеребеночек, такому сильному? Он и крестьянину не годится.

Илья Муромец стал настаивать на своем, стал опять просить:

— Продай мне жеребеночка.

Уступил мужичок Илье жеребеночка и даже не взял с Ильи никакой платы.

Привел домой Илья Муромец жеребенка, поставил его в стойло и стал поить и кормить, как учили странники.

В скором времени на жеребеночка подействовал Ильи Муромца уход, и стал он расти очень быстро. А когда минуло ему три года, стал он сильным конем. Илья Муромец стал выводить его в чисто поле и учил скакать через широкие канавы, расщелины, тыны. И сам дивился, каким сильным, хорошим оказался его конь.

Стал он подыскивать себе латы, также колчан со стрелами, тугой лук и меч. К чему стремился, всё разыскал по своей силе. А когда было всё готово, пришел Илья Муромец к отцу-матери, говорит:

— Дражайший мой родитель, Иван Тимофеевич, дражайшая моя мамынька, Ефросинья Яковлевна! Давно мне хотелось по белу свету погулять, людей посмотреть, себя показать! Благословите меня, я поеду.

— А куда ты поедешь? — спрашивает его отец.

— В стольный град Киев, послужить царю Владимиру Краснушке Солнышку.

Отец и мать заплакали:

— Ах, ты, милый наш сын, мы думали выкормить тебя себе на утешенье. А видим — не удержиши сокола в тесной клетке. Делать нечего, поезжай к князю Владимиру, да смотри заступайся за слабых, не обижай беззащитных, бей вора-разбойника.

Илья Муромец надел на себя латы богатырские, шлем пернатый, опоясался мечом. Потом оседлал коня, сел на него и поехал.

Ехал он, ехал, доехал до города Чернигова. И смотрит — глазам своим не верит. Вокруг города Чернигова стоит войск тьма-тьмущая. Подступили к городу Чернигову три царевича басурманских и у каждого царевича войска по триста тысяч.

Посмотрел Илья Муромец — город заперт, а черниговских мужичков томят басурманы голодной смертью. Жалко сделалось Илье мужичков черниговских. Подвязал он потуже седельце свое, взял меч булатный и полетел, как вихрь, на врагов басурманских. Начал рубить он, да так быстро, как всё равно траву косить. Видят они — силы неравны — и пустились в бегство. Кто куда мог — бросились врассыпную.

С крепости видят черниговски мужички — какой-то богатырь стал на их сторону. А Илье быть стало некого. Подъехал он к бело-полотняным шатрам, смотрит — стоят три царевича басурманских, ни живы ни мертвы, побелели, как полотно, как осиновый лист трясутся. Поровнялся с ними Илья, — упали они на колени и стали просить щады. Тогда Илья Муромец говорит им так:

— Зачем вы обижаете мужичков? Были бы постарше вы, — снял бы я ваши буйны головы. Да больно вы молоды! Вертайтесь-ка домой и скажите своим родителям: есть еще на Руси кому постоять за землю Русскую.

Взял он с них клятву, чтобы больше не ездили на Русскую землю. А они были рады, что их помиловали, сели на коней и стали удирать за своим войском.

Видели это все с городских стен мужички черниговски. Видят — они свободны. Открыли ворота, подносят богатырю ключи на золотом блюде, и стали предлагать ему, что он хочет.

Но Илья Муромец был не падок на разные сокровища: от всего этого отказался.

Черниговски мужички стали просить его заехать к ним поговорить. Но и тут Илья Муромец стал отказываться, потому — душа его рвалась на простор.

Тогда мужички черниговски спрашивают:

— Куда ты, удалой богатырь, едешь?

— Еду я в стольный Киев-град, — говорит Илья Муромец, — к князю Владимиру Красно Солнышко.

А черниговски мужички говорят:

— Смотри, не езди прямоезжей дорогой.

— А почему нельзя ездить прямоезжей дорогой? — спрашивает их Илья Муромец.

— Потому — здесь засел давно Соловей-разбойник. И бьет он не силой-оружием, а своим молодецким посвистом. Как заревет по-звериному, зашипит по-змеиному, — так все люди наземь падают.

Тогда Илья Муромец простился с мужичками и поехал прямоезжей дорогой, не посмотрел, что ему говорили. Едет путем-дорогой и всё смотрит, где Соловья-разбойника помещеньице.

Видит вдруг — стоят двенадцать дубов, верхушками свились в одно место. А корни их скованы толстым железом. Не доехал Илья три поприща и вдруг услышал свист соловьиный, рев звериный, и покрыпалось всё это шипом змеиным. И от того свиста соловьиного, рева звериного, шипа змеиного конь спотыкнулся у Ильи Муромца на передние ноги.

Говорит тут Илья Муромец своему коню:

— Что ты, конь ретивый, спотыкаешься? Разве ты не ездил по лесам дремучим? Разве не слыхал реву звериного? Разве не слыхал шипу змеиного? Разве не слыхал свисту соловьиного?

Сконфужен был конь своим хозяином, встал на ретивы ноги. А Илья Муромец снимает свой каленый лук с плеч, накладывает на тетиву калену стрелу и пускает в Соловья-разбойника. Взвилась стрела и ударила Соловью-разбойнику прямо в правый глаз, да так, что вылетел Соловей-разбойник из своего гнезда, как сноп овсяный.

Подъехал Илья Муромец к Соловью-разбойнику, схватил его, привязал к своему стремени. И поехал дальше.

Ехать ему пришлось как раз мимо поместья Соловья-разбойника, где жили дочери разбойника со мужьями. Вышли они на балкон и смотрят — кто-то едет.

Старша дочь и говорит:

— Смотрите, сестры милые, наш батюшка едет, да еще богатыря везет, привязанного к стремени.

Посмотрела младшая дочь, тут же сразу и заплакала:

— Эх, сестры милые, это не батюшка едет, а какой-то богатырь нашего батюшка у стремени везет.

Сестры заплакали, и все бросились отцу на помощь.

Сбежали они с балкона вниз, а зятья вооружились и пошли на выручку своего тестя.

Как только Соловей-разбойник увидел своих зятьев, закричал им:

— Спасибо, зятья милые, что хотите меня выручить, но лучше не сердите богатыря — вам не одолеть его. А просите его в горницу, потчуйте его вином и яствами и спросите — не возьмет ли с вас за меня выкуп.

Но Илья Муромец, заслышиав всё это, подумал: «Заманят меня еще». От всего отказался, повернулся влево и поехал в столиный Киевград.

Когда приехал он, взошел в белокаменные палаты, видит — князь Владимир Красно Солнышко со своей княгинею сидит с богатырями, угожает богатырей.

Илья Муромец поклонился низехонько князю Владимиру. А княгиня говорит:

— Вижу я еще одного гостя.

Повернулись все и увидели сильного богатыря Илью Муромца.

А князь Владимир спрашивает:

— Что вы за добрый человек? Откуда вы едете и куда путь держите?

Отвечает Илья Муромец:

— Я еду из города Мурома, из села Карабарова в столиный град Киев, ко Владимиру Красно Солнышко.

А Владимир-князь спрашивает:

— А какими дорогами вы ехали и сколько времени затратили?

А Илья Муромец говорит таковы слова:

— Заутреню я слушал в селе Караварове, а обедню — у вас, в граде Киеве.

— А какой вы дорогой ехали?

— Ехал я прямоезжей дорогой.

Как только услыхали это богатыри, говорят они князю Владимиру:

— Не верь ты, князь, этому детине; уж больно он завирается. Разве можно ехать этой дорогой? Ведь тут уже тридцать лет залег Соловей-разбойник, не пропускает ни конного, ни пешего. Тут ни зверь не пробегает, ни птица не пролетает. Как же мог он проехать мимо Соловья-разбойника?

Князь Красно Солнышко обращается к Илье Муромцу и говорит таковы слова:

— Эх, нельзя тебе верить, добрый богатырь! Уже тридцать лет как здесь засел Соловей-разбойник, никому ни пройти, ни проехать. Явственно видно, что ты соврал.

Тут Илья Муромец не стал долго разговаривать и сказал только:

— А не хочешь ли ты посмотреть сейчас на Соловья-разбойника?

Я привез его на наш двор, и висит он сейчас привязан у моего стремени.

Услышали это богатыри, сразу все ужахнулись. Что сумел этот богатырь привезти такого разбойника, — им не верилось.

Тут Красно Солнышко говорит Илье Муромцу:

— А скажи, удалой богатырь, как тебя звать?

— А зовут меня Ильей Муромцем.

А князь опять говорит:

— А нельзя ли нам посмотреть Соловья-разбойника?

— С почтением, — согласился Илья Муромец и повел их всех на широкий белый двор, где пасся его конь ретивый. А к стремени коня была привязана переметная сумка, в которой находился Соловей-разбойник.

Выходит Илья Муромец со всей свитой, со всеми богатырями, отзывает сумку от стремени и вытаскивает оттуда Соловья-разбойника.

Как только глянули на него богатыри, так ужахнулись; как глянул князь со своей супругой, так удивились.

И говорят князь Владимир таковы слова:

— А ну-ка, вор Рахматович, Соловей-разбойник, засвисти по-соловьевому, потешь меня с мою женой, потешь моих богатырей могучих.

Тут Соловей-разбойник заговорил таковы слова:

— Не тебе служу, князь Владимир, а есть у меня богатырь, — больше я никого не признаю.

Тогда князь Владимир обращается к Илье Муромцу и говорит:

— А ну-ка, удалой богатырь, заставь этого разбойника засвистеть по-соловьевому, потешить меня с моей княгиницей, моих богатырей могучих.

Илья Муромец приказывает Соловью-разбойнику свистнуть в полсвиста соловьевого, прореветь в подрева звериного, прошипеть в полшипа змеиного, а сам подхватывает под руки князя и княгиницу.

Попатужился Соловей-разбойник и свистнул, да не в полсвиста соловьевого, а в целый свист. И от этого свиста соловьевого повисли князь с княгиницей на руках у Ильи; из богатырей же — ни один на ногах не остался, попадали все, а с белокаменных палат от этого свиста соловьевого покатились все золотые маковки. Тут закричал князь Красно Солнышко:

— А ну, Илья Муромец, уйми ты этого вора-разбойника! Уж нам эта шуточка не надобна.

Схватил тогда Илья Соловья-разбойника и подбросил его кверху своей могучей рукой так, что Соловей-разбойник взлетел чуть пониже облака ходячего и ударился о белый двор и дух испустил.

А Илья Муромец приказал зажечь костер, Соловья-разбойника сожечь, а пепел развеять по ветру.

Всходят все опять в палаты белокаменны, садятся за столы дубовы, принимаются за яства сахарные, за пирта медвяные.

Илья Муромец сел на лавочку на самый кончик. Да как подвигнула плечом, сильно нажал, — все богатыри попадали на пол, а Илья

очутился посреди стола. Все богатыри видят, что у Ильи Муромца силы множество, ни один не вздумал ему противиться.

Подвыпили богатыри, начали хвастаться, кто чем сумел. И опять Илье Муромцу не по нраву то было. Стал он думать крепкую думушку — поездить по белу свету. И надумал он повидаться со Святогором-богатырем.

Простился Илья со князем Владимиром и богатырями и поехал по белу свету искать Святогора-богатыря.

Ездил он долго. Едет и присматривается — не увидит ли где Святогора-богатыря. И видит он вдруг гнедого большого коня. Подъезжает ближе — лежит спящий богатырь. А был то Святогор-богатырь. Слез Илья с коня, прошел к Святогору и стал около его головы. И казался он против этого богатыря, как малый ребенок.

Спал богатырь крепким сном, и не мог Илья дождаться, чтобы Святогор проснулся. Тогда Илья ударил легонько его. Богатырь проснулся и говорит:

— Кто это в меня камешками кидается?

Тут Илья Муромец подступил еще ближе и говорит:

— Приехал я из города Мурома, из села Каракарова. Зовут меня Илья Муромец. Захотел я увидеть вас, но не мог дождаться. Вот и разбудил вас.

Святогор-богатырь и говорит:

— Зачем я тебе так спонадобился?

А Илья отвечает:

— Слыхал я про вашу силу великую — вот и хотел посмотреть на вас.

— А может быть тебе охота со мной силами померяться? — Святогор спрашивает.

— Нет, — отвечает Илья, — я хорошо знаю, что силами меряться мне с вами никак невозможно.

— Коли так, — говорит Святогор, — поедем на гулянье по Святым горам.

Свистнул он своего коня, прибежал конь и встал перед ним, как вкопанный.

Илья Муромец подозвал тоже коня, и они поехали вместе.

Рассказал Илья, как проживал он в столичном городе Киеве. Внимательно слушал Святогор этот рассказ. А после Илья Муромец спрашивает Святогора:

— Почему это искал я вас по всей Руси, но доискаться не мог?

— Да потому, — говорит Святогор, — что по Руси я не стал ездить с тех пор, как съехал со Святых гор. Вижу — земля гнется подо мной, как повинна. А люди разбегаются от меня, как от зверя страшного. Очень мне было не по мысли, что меня так боятся. Ехал я, ехал и пораздумался: «Эх, много во мне силушки неизбывной! Кабы был столб, да в столбе кольцо, завернул бы я кольцо и повернул всю Русскую землю!» Только подумал — конь стал. Смотрю — у меня, у самой головы, лежит сумочка переметная, така маленька и плюнуть некуда. Соскочил я с коня, хотел поднять эту сумочку, взялся правой рукой, как дернул — она не пошевелилась. Взял левой рукой, дернул — она не пошевелилась. Взял я обеими руками ее, как дернул, — увяз в землю по колени. Тогда стало мне понятно: не хочет мать сыра земля носить меня на себе. Потому не езжу я по Русской земле, а езжу по Святым горам.

Поехали они оба на эти горы, Илья и Святогор. Ехали они, видят — на самой вершине горы стоит огромный гроб. Подъехали они к гробу, Святогор и говорит:

— А ну, Илья Муромец, померяй этот гроб. Может, он сделан для тебя?

Лег Илья Муромец в этот гроб, и оказался он там, как мушка маленька.

Тогда Святогор говорит:

— Нет, Илья, этот гроб, видно, не про тебя построен.

Слезаст тут с коня Святогор и сам хочет померять этот гроб.

Он в гробу потянулся, — гроб точно по нем был сделанный. Захотел встать Святогор-богатырь из гроба. Но вдруг ослаб весь, и взмолился он Илье Муромцу:

— А пу, Илья Муромец, меньшой братец мой, помоги мне вылезти из гроба. А то я совсем ослаб.

Илья Муромец подскочил, только хотел Святогора-богатыря поднять, как крышка гроба накрылась глухо-наглухо. Схватил Илья

Муромец крышку, хотел ее сорвать своей силой могучей, но сколь ни дергал — крышка и с места не пошевелилась. С досады Илья Муромец схватил свой меч, зачал этот гроб рубить. Как первый раз тяпнул — появился обруч железный, обхватил гроб в круге. Второй раз тяпнул — появился второй обруч железный. Сколько раз он ни тяпал, появлялись все обручи железные. И слышит Илья Муромец — из гроба доносятся глухие слова:

— Прощай, Илья Муромец, видно, в последний раз я с тобой по Святым горам погулял.

Жалко сделалось Илье Муромцу Святогора, видит он — нельзя старшего брата выручить. И слышит, как в последний раз Святогор легко вздохнул и больше уже не откликнулся.

Прослезился Илья, поехал прочь со Святых гор опять в стольный Киев-град. Побыл там немного. И вот приезжает басурманин с грамотой и вручает ту грамоту князю Владимиру. Понял князь — тут что-то нерадостное. Сорвал печать, начинает читать грамоту, а в грамоте писано: «Идет Батый со своими полчищами великими, Золотой ордой, а с ним идет Идолище Поганое — сильный богатырь».

Вот тут у всех богатырей пропал весь хмелюшко, не знают, что и делать. Как поехать, как встретить им такие великие войска вражеские?

Говорит тогда Илья Муромец:

— Эх, богатыри могучие, трусливы вы, как зайцы! Вам бы только пировать да бражничать. Что толку в вас? А как приходят силы вражии, так вы трясетесь, как листы на осине. Айдате со мной, едемте встречать силу татарску!

Напугались богатыри, но делать было нечего: приходилось ехать за Ильей Муромцем. Приехали они на свою границу. А на границе стоит заставушка. А в этой заставушке были богатыри-границники. Тут был и старший Самсон Самсонович, тут был и его помощник Добрыня Никитич, а еще был есаул Алеша Попович...

Приехал Илья Муромец к белополотняному шатру, смотрит — стоят три богатыря у заставушки. Увидел богатырь Самсон Илью Муромца, низко с ним раскланялся:

— Уж ты здравствуй, Илья Муромец, сколько времени я тебя не видывал? И зачем ты сюда пожаловал на нашу заставушку?

А Илья Муромец говорит:

— Разве вы не слыхали, пограничники, что идет рать-сила великая на нашего князя Владимира?

Напугался тут Самсон Самсонович, напугался Добрыня Никитич, а еще пуще напугался есаул Алеша Попович.

Илья Муромец тогда говорит:

— Разве вы не слыхали, Самсон Самсонович, как проехал здесь в стольный Киев-град басурманин со своей грамотой? Как это вы не видали со своей заставушки?

Тогда заговорил Самсон Самсонович:

— Ты прости нас, Илья Муромец, как-нибудь мы это времячко проспали, вот и не видали злого басурманина.

Сказал здесь Илья Муромец:

— Нужно нам дожидать рать-силу великую басурманскую, надо постоять, как полагается, за нашу Русску землюшку. Выставьте еще кого вперед (*как секрет, всё равно*).

И стали богатыри совет держать, кого выставить. Назначать стал Самсон Самсонович Алешу Поповича. Тогда Илья Муромец стал говорить таковы слова:

— Нет, Самсон Самсонович, нельзя назначать Алешу Поповича, у него и так полы долги. Нужно назначить Добрыню Никитича.

Поехал Добрыня Никитич вперед и поставил особу заставушку на то место, где должна пройти сила басурманска. Стали ждать пождать войск басурманских, ниоткуда не могли дождаться их. Прощел день, другой, а сил басурманских не видно еще.

На третий день, чуть только солнце стало брезжить, заметили они с горизонта войска великие. От тех войск затмило солнышко пылью густой. Смотрит Добрыня Никитич и видит, — впереди едет сильный богатырь, а под ним конь весь в золотой сбруе, а сам он — как копна великая. Подъехал он к Добрыне Никитичу, и не знает тот, что делать. И видит — подкидывает богатырь копье долгомерное по-ниже облака ходячего, повыше лесика стоячего. И ловит богатырь копье другой рукой, а сам приговаривает:

— Как легко я копье мечу, так легко буду с Добрыней Никитичем управляться.

Напугался Добрыня Никитич этого богатыря и пустился на коне к своей заставушке, где был Самсон Самсонович с Ильей Муромцем. А сам молит, чтобы конь его не спотыкнулся. Приехал он на заставушку, упал перед Самсоном Самсоновичем на колени и говорит таковы слова:

— Ты прости меня, Самсон Самсонович, что не мог я привезти головы басурманские на вашу заставушку. И такой тут богатырь к нам пожаловал, что бросает он копье долгомерное чуть пониже облака ходячего, чуть повыше лесика стоячего, а сам приговаривает таковы слова: «Как легко я верчу копьем, так легко буду управлять Добрыней Никитичем». Так и приехал я к вам на заставушку с пустыми руками.

Стали совет держать Илья Муромец и все богатыри — кому ехать встречать басурманина. Стали думу думать, стали выбирать. Но кого ни намечали, а Илья Муромец всё препятствовал. Назначили Алешу Поповича, а Илья Муромец и тут воспротивился.

— Нельзя нам посыпать Алешу Поповича: позавидует он на золотую сбрую, на тот момент враги и вышибут из седла его душеньку поповскую.

Стали советовать ехать Самсону Самсоновичу. Но и тут Илья Муромец стал говорить таковы слова:

— Нет, уж очень стар Самсон Самсонович, надо выбрать нам кого-другого.

Но никак не могли богатыри никого выбрать. И надумали здесь кинуть жребий — кому встречать басурманина поганого.

Как кинули жребий — пал он на Илью Муромца. Оседлал своего коня Илья Муромец, сел на него, простился со своими богатырями и поехал навстречу басурманину поганому.

Как подъехал он к нему на одно поприще, так увидел злого басурманина, тот кидал правой рукой копье долгомерное и тут же сам себя расхваливал:

— Как легко ворочаю я своим копьем, так легко я буду с Ильей Муромцем управляться!

Не стал много думать Илья Муромец, пришпорил своего коня и пустился на злого татарина. Начался тут бой с утра раннего. Кони их приустанали, мечи их притупилися. А богатыри сидят, ни который даже не качается.

Наступило уже двенадцать часов дня. Кони богатырские спотыкнулися, и богатыри тут с них свалились. Поломали они свои копья долгомерные, поломали мечи булатные. Больше нечем стало им рубиться. Тогда они схватились врукопашную. Боролися они так сильно, что от их ног пыль столбом поднималася.

Уж солнце близко к закату становилось, как поскользнулся тут Илья Муромец и упал на спину, и насел на него басурманин поганый. Выхватил свой нож из-за пояса и хотел перерезать горло Илье Муромцу. Тут Илья вспомнил про своих старцев калик-переходящих и подумал: «Видно недадно старцы сказывали, что смерть мне в бою не написана; приходится помирать мне от руки басурманина поганого».

Только это подумал, как почувствовал в себе такую силу великую, как когда-то, когда выпил три чары пива хмельного. Освободил он руку правую да как ударит басурманина в грудь поганую. Так и взлетел басурманин повыше лесика стоячего, пониже облака ходячего и воткнулся в землю по груди. Тогда вскакивает Илья Муромец, выхватывает у басурманина нож булатный и отрубает ему голову по самы плечи. Взял он эту голову, воткнул на обломок копья и поехал прямо на заставушку.

Приехал он на заставушку — богатыри все удивились: как Илья Муромец порешил басурманина. Стали ждать-пождать, думали — сейчас войско вражеское придет. Но войска не оказалось. Снялись опять богатыри с заставушки и поехали к князю Владимиру Красно Солнышко. Лишь остались одни пограничники.

Привез Илья Муромец в столенный Киев-град князю Владимиру подарочек — голову басурманина поганого.

Созывал Владимир-князь всех богатырей и стал угождать им, стал потчивать. И всех богатырей он употчивал и стал награждать всеми подарками. Всех наградил, а Илью Муромца, самого главного, забыл.

Илья Муромец на это очень прогневался. Выбежал он тут на белый двор, призвал к себе всю голытьбу пьяную. И стал говорить им таковы слова:

— Не пристало мне, крестьянскому богатырю, пировать здесь да бражничать, а пристало мне с вами гулять.

Берет он свой тугой лук и накладывает на тетиву калену стрелу. И пускает ту стрелу в золотоверхий дворец. Ударила тут стрела в золотые маковки, и посыпались те маковки на белый двор. А Илья Муромец приказал своей голытьбе подбирать те маковки и купить на них зеленá вина.

От удара стрелы той зашатался дворец князя Владимира, сделались богатыри ни живы ни мертвы. А сам князь Красно Солнышко на Илью сильно прогневался. Но ему богатырь говорит таковы слова:

— Уж ты, князь Красно Солнышко, неладно ты делаешь: всех богатырей угостил, наградил, а Илью Муромца ничем не одарил!

Тут понял князь Красно Солнышко, что сделал он неправильно. Взял свою шубу соболиную и выносит на белый двор, подает ее Илье Муромцу и говорит таковы слова:

— Не обидься, Илья Муромец, что тебя я не одарил ничем. Вот дарю я тебе свою шубу соболиную.

Разгневался Илья Муромец, схватил шубу соболиную. Схватил за рукав, схватил за другой, всю разорвал.

Рвет и приговаривает:

— Как рвал я басурман поганых, так рву я, князь Владимир, твою шубу соболиную!

Князь Владимир возразить ему не осмелился. Знал его силу великую.

Пошел Илья Муромец к своим товарищам, накупил па золотые маковки зеленá вина и стал угождать голытьбу пьяную. Но в скором времени и эти товарищи ему не понравились. Оседлал он своего коня и отправился из города стольного Киева, не простился с богатырями, не простился с князем Владимиром. Поскакал по Русской земле.

Как уехал из Киева Илья Муромец, пришел в Киев хан Идолище Поганое, всех богатырей разогнал, завладел всем царством князя Владимира, а самого князя поставил своим слугой.

Трудно было терпеть князю Владимиру от Идолища Поганого, да делать было нечего. Часто думал он об Илье Муромце: «Кабы бы ~~был~~ здесь Илья Муромец, этого не случилось бы, и не служил бы я Идолищу Поганому».

Долго так пришлось служить князю Владимиру, а Илье Муромцу про то не было ведомо. Раз как-то ехавши, встретил он одного странника. На этом страннике шляпа была в десять пудов, а клюка у ~~этого~~ странника была в сорок пудов. Повстречался он с Ильей Муромцем и возговорил таковы слова:

— Ах, ты, добрый богатырь Илья Муромец! Ты зачем гуляешь по Русской земле, а не поедешь в столенный Киев-град. В граде Киеве сгасла беда великая. Попал на Киев хан Идолище Поганое. Богатыри всех из царства повыгнали, завладел царством князя Владимира. А сам князь служит теперь ему.

Илья Муромец сказал старцу:

— А как называть мне тебя, старче?

Старец отвечал:

— Зовут меня Иванище. Шляпа моя в десять пудов. Клюка у меня в сорок пудов.

Тогда Илья Муромец сказал Иванищу:

— Уступи мне свою клюку сорокапудовую. Я поеду в город Киев, угощу там Идолище Поганое.

Иванище отдал ему свою клюку с радостью.

Взял Илья клюку и поехал к городу столльному Киеву.

Когда въехал Илья па белый двор, то первым долгом встретился с князем Владимиром. Как увидел князь Илью Муромца, сразу ему возврадовался и говорит ему таковы слова:

— Как долго, Илья Муромец, ты к нам не жаловал, посмотри, что у нас содеялся! На престоле сидит хан Идолище Поганое а я ему, как слуга, служу.

Говорит тогда Илья Муромец:

— Погоди ты, князь Красно Солнышко, на меня обижатися. Не просидит у тебя на престоле Идолище Поганое даже и до вечера.

Пошел Илья Муромец в палаты белокаменны, где сидел Идолище Поганое. Пришел и стал просить у Идолища Поганого подаяния.

— Подай ты, царь, мне, нищему, подаяние — я уж очень скучаюся.

— Беги ты на кухню, — говорит Идолище, — там оделяют нищую братию.

Но Илья Муромец возговорил:

— Я хочу, чтобы вы здесь милостыню мне подали.

Тогда Идолище Поганое стал говорить так:

— Ты, старче, ходишь по белу свету много, не видал ли когда-нибудь Илью Муромца?

— Как не видать мне Илью Муромца, когда мы с ним очень часто видимся?

— А какой из себя Илья Муромец? — спрашивает Идолище Поганое.

— А коли хочешь видеть Илью Муромца, то гляди на меня, мы с ним на одну колодку сделаны.

Тогда говорит Идолище Поганое:

— А много ли ест Илья Муромец?

— Ест Илья Муромец только по одному калачику, а пьет по одной чарочке.

Засмеялся тут Идолище и сказал:

— Почему это ваш богатырь Илья Муромец так славится? Вот я, так ем очень много. Хлеба съедаю по три коровья, мяса съедаю чуть ли не целого барана, а пью по три чарки большие.

А Илья Муромец говорит таковы слова:

— Эх, у моего дяди была такова корова — много пила-ела. Однажды так поела, что лопнула. Смотри, чтобы над тобой не стряслась такая причина.

Озлился тут Идолище Поганое, схватил свой булатный меч и пустил с силой в Илью Муромца. Илья Муромец отворотился, а меч пробил стену и насквозь вылетел. Тут Илья Муромец, в свою очередь, схватил клюку сорокапудовую, да как хватит Идолище по маковке. Идолищу Поганому разнес он череп вдребезги. Вышел Илья на двор к князю Владимиру и сказал ему таковы слова:

— Уберите вы Идолище Поганое и постановьте всё царство по старому

И опять князь Владимир Красно Солнышко воссел на престол своего царства. Опять стал царствовать. А после задал пир на весь мир.

А в то время собирался на службу к князю один молодой боярин, по прозванию Дюк Степанович, и прощался он со своей матерью. Прибыл он к князю Владимиру. Принял его князь Владимир и посадил за стол гулять с богатырями. Стал угощать Дюка Степановича. А Дюк Степанович выпивал так: одну рюмочку выпьет, а другую под стол выльет, один калачик съест, а другой под стол бросит.

Заметил это князь Красно Солнышко и сказал Дюку Степановичу:

— А что ты, молодой боярин, одну рюмочку выпиваешь, другую под стол выливаешь, один калачик ешь, другой под стол кидаешь? Разве тебе что не нравится?

Отвечает князю Дюк Степанович:

— Да, Владимир Красно Солнышко, калачи твои что-то зачерствели, а пиво-то прытко задохнулося... У моей родимой матушки калачики на пекарне пекут всё медвяные: один ешь — за вторым рука тянется, второй ешь — третий с ума идет. Да и пиво у вас, видно, в бочонках да погребах стоит неприбрано. А у моей матушки пиво подвешено в бочках, на цепях высоких. Ветры освежают те бочки высокие, пиву-то затхнуться и неколи. Одну чарочку пьешь — за второй сама рука тянется, втору пьешь — третья с ума идет. У вас, князь Владимир, и печь полнила-то. А у нас-то в горнице печи муравлены. А одёжи-то у вас, князь Владимир Красно Солнышко, темны, заношены, а у моей матушки одёжа каждый день всё новая.

Тут был один богатырь, за столом сидел, по прозвищу Чурила Пленкович. Слушал Чурила Пленкович эти слова, очень обиделся. И говорит князю Владимиру.

— Уж ты, князь Владимир Красно Солнышко, дай нам с ним об заклад удариться. Чтобы каждый день мы с ним являлись в новых одёжках. Хватит ли у него на целый год одёжи новые?

Тогда стали бояре совет держать и разрешили им об заклад удариться. И сбилися они об заклад — если у которого на год одежды не хватит — с того голову долой. Стал Дюк Степанович домой соби-

раться, чтобы одёжу привезти на целый год. Но Чурила Пленкович тут воспротивился. Говорит он таковы слова:

— Не согласен я на то, чтобы отпустить домой Дюка Степановича. Может добыть он платье не то, что дома, а в других местах. А пущай-ка он напишет в свой дом бумажку матушке, и она вышлет одёжу ему.

Дюку Степановичу делать было нечего. Садится он за столы дубовые, берет чернильницу с пером, начинает писать бумажку матушке. И положил ту бумажку в мешок и привязал мешок к седлу Бурки Вещего. И наказал ему так:

— Ты беги, Бурка Вещий, ты неси письмо моей матушке. Пущай пришлет она ко мне тюки полные, чтобы одёжи хватило мне на каждый день, на круглый год.

И вывел он Бурку Вещему и поставил на дорогу родную.

Побежал Бурка быстро, как калена стрела из лука пущена. Прибежал Бурка на широкий двор, к Дюка Степановича матушке.

Матушка очень напугалася — прибежал конь один-одинешенек, а сынка нигде нетути. Схватила она вещевой мешок, развернула его и видит — в бумажке что-то писано. Как прочитала, так и догадалася: мол, неладно, что-то сынок мой наделал. Начала сбирать всю одёжу, насчитала как раз на круглый год. Положила она одёжу в мешки, привязала мешки к Бурке Вещему, послала его к сынику Дюку Степановичу.

Бурка Вещий тут вернулся в скором времени к своему хозяину Дюку Степановичу.

Был день Дюку Степановичу назначенный, когда явились богатыри в новых одежонках. И целый год они ходили всё в одёзах переменных.

И в последний день вошли оба — Дюк Степанович с Чурилой Пленковичем в драгоценных одеждах соболиных. У Чурилы Пленковича была одежда очень драгоценная, а у Дюка Степановича много лучше: кафтан у Дюка Степановича был с кавалером да с девицей. Как застегнет он свой кафтан, то девица с молодцом обоймутся, как расстегнет — девица с молодцом поцелуются.

Чурила Пленкович стал совет держать:

— Рассудите вы, люди добрые! Кто проиграл из нас голову?

И стали их судить-рядить, и призывали, что Чурила Пленкович про-
бил об заклад свою голову.

Хотели на лобно место его вывести, да заступился здесь Илья
Муромец:

— Не нужно нам проливать кровь христианскую, а нужно дать
Чуриле Пленковичу сильный выговор.

Не уговорил тут Чурила Пленкович, стал опять споры затевать,
стал биться об заклад и-новому. Богатыри опять стали совет дер-
жать. Посоветовали — обратно пущай побоятся Дюк с Чурилой об
заклад.

Чурила Пленкович говорит:

— Кто из нас перескочит Днепр-реку на своих лошадях ретивых?
Кто не перескочит — тому рубить будут голову.

Но и тут Дюк Степанович не струсил, даром, что молод был.
И поехали они на своих копях Днепр перескакивать. Тут Чурила
Пленкович говорит:

— Скачи вперед ты, Дюк Степанович.

Но тут Илья Муромец воспротивился:

— Проиграл ты, Чурила, свою голову, так скачи ты перво-наперво.

Чуриле Пленковичу перечинить было некогда. Разгорячил он своего
коя ретивого, дал он шпоры своему коню под круты бедра. Как
взвился его конь высоко и осередь Днепра ударился. Понесла коня
река быстрая.

Тут Дюк Степанович повысился. Как дал своему коню под круты
бедра. Его Бурка Вешний на ту сторону бросился. Подхватил Дюк
Степанович Чурилу за кудри черные и вытащил его на ту сторону.

Тут-то все богатыри сразу загутарили:

— Отруби, Дюк Степанович, Чуриле голову: два раза он про-
играл ее.

Но Дюк Степанович не хотел этого делать. Так и остался Чурила
Пленкович жить по-старому.

Вернулись все богатыри в столичный Киев-град к князю Влади-
миру и уселись все опять за столы дубовые. Стали пить опять на-
питки медвяные и закуски стали закусывать сахарные.

С тех пор стало в Киеве всё спокойнее. Никакие враги-басурмане воевать город Киев не решалися. И надумал Илья Муромец поехать погулять по русской земле.

Отъехал он далеко от города Киева. Вдруг встречает он три дороженьки. А на крестах той дорожки лежал огромный камень. И на том камне были три надписи:

«Кто поедет вправо — тот будет убит, а кто влево поедет — тот будет богат, а кто прямо поедет — тот будет женат».

Илья Муромец тут задумался:

— Жениться мне — я уж очень стар, а богатства мне совсем не надо. Я поеду туда, где убитому быть, на роду мне смерть не написана.

Повернулся он своего коня сильного, поскакал он дорогой правою.

Выезжает он на поляну обширную, а на той поляне стоял могучий дуб. Под тем дубом сидело сорок разбойников. Как увидели они Илью Муромца, сговорились между собой окружить и убить его.

Но сказал им Илья Муромец:

— А за что вы меня убить хотите? Богатства со мной вовсе нетутка. Конь у меня стоит пятьсот рублей, сбруя у коня стоит сто рублей.

И сымает он с плеч лук тугой, вынимает из колчана калену стрелу. И накладывает стрелу на тетивушку. И пускает он стрелу во зеленый дуб. И ударила стрела во зеленый дуб, разлетелся дуб в мелкие дребезги. Очень много разбойников тут поранило. Остальные разбойники все в стороны бросились, так что Илье Муромцу бить стало некого.

Вернулся обратно Илья Муромец к камню белому, стер он тут надпись старую. Написал он тут надпись новую: «Ездил Илья Муромец по правой дороге, а убит не был».

Теперь думает Илья Муромец: «Надо ехать по той дороге, где женатым быть, а богатства не надо. И поехал он по прямой дороге.

Подъезжает он к большому терему, а в этом терему царевна жила, женихов всё к себе заманивала. Зазывала она их в свою спальню новую и клала женихов на крэватель пружинную.

Взошел Илья Муромец в палаты новые, и подхватила его за белые руки дочерь царская и предложила ему легчи на кровать пружинную. Но Илья Муромец схватил дочерь царскую и положил ее на кровать пружинную. А как положил — сразу провалилась кровать пружинная. Посмотрел вниз Илья Муромец, видит — там подвалы глубокие, а в подвалах людей много оказалось. Побежал Илья Муромец на широкий двор, отыскал он дверь в подвалы глубокие, отбил дверь скорехонько, выпустил людей из подвалов темных. Все люди тут Илье взмолились:

— Уж ты спаситель наш Илья Муромец! Спас ты нас от смерти чютой!

Тут схватил Илья Муромец царевну за косу, вытащил ее на широкий двор, приказал он тут разжигать костры, повалить на огонь и сожечь дочь царскую.

Поехал обратно Илья Муромец к тому же камню белому. Стирает он тут надпись старую, пишет он тут надпись новую: «Ездил по той дороге Илья Муромец, а женат не был!»

Теперь Илье Муромцу стало запято: не поехать ли по третьей дороге? Не будет ли там какой обман?

И поехал по третьей дороге Илья Муромец.

Увидал Илья подвалы громадные. А у этих подвалов было колоколов понавешено. Кому пожилю богатство — тому за бечеву дернуть надобно. Илья Муромец взял, ударил в колокол. Откуда ни возьмись, идет мужичок с золотой клюшкою. Отпирает мужичок подвалы глубокие и говорит таковы слова:

— Бери, добрый молодец, богатства, сколь тебе надобно.

Взошел тут Илья в подвалы глубокие, посмотрел и удивился: везде золото в беспорядке валяется. Илья Муромец никогда на золото не листился. Не взял он золота никаколечко и поехал обратно к камню белому. Стер он тут надпись старую, написал надпись новую:

«Ездил тут Илья Муромец, а богат не был».

На том подвиги Ильи Муромца закончились.

А всего Илье Муромцу житья было полтораста лет.

58

Илья Муромец

У одного пастуха родился сын. Этот сын не имел хождения до двадцати лет. В одно прекрасное утро отец и мать пошли косить, сын оставался на печке дома.

В это время приходит, откуда ни возьмись, дорожный старичик, назвал себя калекой этот старичик:

— Я хожу по всей святой Руси ко всем святым и угодникам.

Приходит, поздоровкались. Спросил юношу:

— Дай напиться!

Тогда юноша ответил:

— Старец, возьмите сами, так как я не могу, у меня нет ног.

Этот стариик ему сказал:

— Встаньте!

Юноша встал.

— Пойдите, подайте напиться!

Квасу нацедил, как квас раньше делали у бочках. Юноша встал, дал напиться, прошел кой-как по избы, сел поговорить со старцем.

— Давно ли ты, — говорит, — юноша, без ног?

— Вот двадцать лет исполнилось мне, как сижу дома, помочь отцу-матери ни в чем не могу.

Вынимает стариик из сумочки из маленькой три бутылочки маленькие. Из одной бутылки налил юноше:

— Попробуйте, — говорит, — выпить.

Выпил юноша, и спросил стариик:

— Ну как чувствуешь сам себя сейчас?

— Чувствую себя сейчас сам полным мужчиной, могу владеть собой, как мужчина.

Тогда дал из второй бутылочки выпить еще стариик. Выпил юноша, еще почувствовал еще сильнее сам себя на два раза. На третий раз юноша сказал:

— Теперь могу померяться с любым богатырем (как раньше наступали на царство) и помочь отцу-матери, бедному своему хозяйству.

Юноша встал, достал, што приготовлено на обед, молоко, што полагается в доме. Старик поблагодарил юношу, на прощанье налил из третьей бутылочки. Налил на прощанье из третьей бутылочки и тогда спросил юношу:

— Как чувствуешь сам себя?

Назвал его Ильей (*его звали не Ильей*):

— Вот тебе будет имя Илья Муромеч.

Тогда Илья сказал:

— Мог бы, если бы кольцо в земле железное, поднял бы эту землю до колена.

Тогда старик распростился и ушёдши.

А етым местом владел князь Дмитрий Александрович. И было объявление везде: нет ли сильных мужчин-богатырей, чтоб могли бы спасти свою Россию, как наступают хищники, как Россия тогда маленьким государством была.

Пришедши отец и мать с сенокосу, как встречает сын отца и мать могущественной силой, и видят, что сын совсем переменился, сделался каким-то бойким человеком. Мать спрашивает:

— Кто к тебе приходил?

Он отвечал:

— Приходил стареч седой весь, неизвестно кто. Попросил напоить, накормить. И я почувствовал сам себя сильным и могутным и хочу теперь, дорогая мамаша, — и кланяется отцу-матери, — хочу ехать и показать себя таким красивым и могутным.

Идет дорогой-тайгой, попадает к тому месту. Шел трое сутки. Идет к князю своему Владимиру. А отец с матерью остались плакать, что один сын был.

Приходит к князю, заявливает: «Што я могу с любым богатырем сразиться и защитить свою родину». Князь приказал отвести его на конюжню и выбрать самолучшего коня, какого только может выбрать. Много он по конюжне ходил, но какого коня ни ударит, не могла лошадь выдержать, падала на колени. Он уходил из конюжни и не мог сыскать себе доброго коня. Явился с докладом к князю:

— Нет, — говорит, — мне доброго коня, который мог бы мне служить.

Тогда князь ему сказал:

— Идите в леса и там увидите, табун коней гоняет пастух, и можете в этом табуне сыскать и тогда приходите ко мне.

Долго по лесу ходил. Наконец нашел эту дорожку, сел к дубу и посиживает. Слышит: ржут лошади. Идут, бежат к реки пить. Проходит весь табун мимо Ильи Муромечка. Одну лошадь заметил хорошую, которую хотел поймать. Дождался пастухов, выпросил у пастухов. Пастухи сказали:

— Имай, какая лошадь тебе нужна. Но мы в жизни не могли никогда ее поймать. И лошадь эта идет мимо этого дуба с пойла первая — бегает всегда.

Тогда Илья сел за дуб и сказал:

— Будет моя!

Тогда пастухи головой покачали, ничего ему не сказали. Сел за дуб и дожидает, когда пойдут лошади обратно.

Бежит лошадь мимо дуба. Илья прикрылся дубом и на лошадь ударили рукой. Лошадь упала на колена, и он сказал ей:

— Ты, чертовка, должна служить мне. Стань передо мной, как лист перед травой!

Илья Муромеч схватил за гриву, и все стадо прошло. Он держал лошадь до пастухов. Когда пришел пастух, он сказал:

— Давайте уздечку, седло! Я сяду на ней и поеду.

В это время дали уздечку, седло. Он сел, расстыковался с пастухами и поехал. Ехал дорогой сколько времени, — время текло незаметно. Приехал к тому царю-князю и говорит:

— Сделайте мне палицу такую, чтобы мог я ею владеть по силе своей.

Первое ему сделали до сорок пудов, ему показалось легкая, второе — до пятидесяти пудов и третья — до ста пудов. Он взял сто-пудовую палицу, сел на коня и поехал на поле битвы, где ожидали его богатыри, на широкую долину.

Едет дорогой, встречает опять старичка.

— Илья Муромеч! — крикнул старик.

Илья соскочил с коня и просил у него благословения:

— Што еду я на битву и прошу благословить.

Долго старик на него смотрел. Наконец досказал ему слово:

— Ну, Илья, за все твоё добро на тебе шапку и не надо тебе меча, шапка послужит за все.

Когда Илья стал поднимать шапку, думал легко будет поднять, но шапку нелегко было поднять. Ну старик ему сказал:

— Ты говорил — землю поднять можешь, а простой шапки не можешь поднять. Плохой, — говорит, — вояка, а едешь на битву.

Илья покраснел и долго смотрел на старика. Тогда старик сказал:

— Илья, возьми, носи и не забывай и не обижай никого стариков и никого граждан, а иди смело и защищай свою родину.

Илья взял шапку, положил на голову, сел на коня и поехал, распростился со стариком.

Выеджая на поле битвы, увидал палатки, шатры раскинувши. Пришедши к шатру, связал своего доброго коня с другим конем богатырским к одним яслям. Лошади начали драться. Ильи лошадь отбила ту лошадь, и эта лошадь ушла в поле и кушает травку шелковую. Ильин стоит у корму. Илья взошел в палатку. Громким голосом крикнул:

— Вставай!

Вскакивает Бова-королевич и говорит:

— Какой невежище сюда пришел, и с такой невежей мы разговаривать не будем.

Тогда вышли на улицу и смотрят: лошадь Ильи Муромече отбила его лошадь. Тогда Бова-королевич закричал громким голосом, созвал всех богатырей и велел седлать коней. Тогда Илья Муромеч оседлал своего коня и сказал:

— Давай померяемся, кто кого возьмет.

Делать нечего. Снял шапку свою, перекрестился и сел на лошадь.

Съехались они вместе, копье с копьем, Илья Муромеч и Бова-королевич. Копья у обоих поломались. Бова-королевича лошадь на колена пала. Вторично тупыми копьями съехались, и Илья Муромеч ударил Бова-королевича и вышиб из седла долой, сразу на землю упал. И слышен был крик:

— Победил Илья Муромеч, победил!

И пошли в шатер, спустили лошадей гулять в поле, сменяли крест-накрест и назывались крестовыми братьями. Чай попили, побесёдовали. В бесёде стал Бова-королевич разговаривать, что есть царство, мимо которого ни один богатырь не может проехать, ни соловей пролететь. Сидит Соловей-разбойник, мимо него никто не может пролететь и проехать. Тут Илья Муромец сказал:

— Крестовый! Садимся со своими богатыри на коней и поедем. Што будет, то будет. Одной смерти не миновать, а другой смерти не бывать.

Приехал в свое королевство, и князь отдал свою дочку за Илью. И рас простился со своей супругой и уехавши в другие государства разыскивать этого Соловья-разбойника. Ровно проезжал пятнадцать лет, не бывал Илья Муромец на родины, где оставил свою жену.

Теперь Илья Муромеч [с крестовым] съехалась туда, где был Соловей-разбойник. Подъехали. Семь километров не доехавши, как заорет Соловей во всю пасть. У Ильи конь задрожал, а у крестового на колена упал. Тут Илья схватывает тугой лук и стрелит в Соловья-разбойника в правый глаз, и выходила стрела в левое ухо. Пал Соловей на землю, только земля задрожала. Хватает Соловья, садится на коня и везет в тот терем, где жил Соловей, и его красавица забрана. Оттуда высекают все вельможи и кричат: «Вот везет Соловей-разбойник кого-то к нам на пирог!» Но тут увидела одна, что везет незнакомец Соловья-разбойника убитого.

Заходил Илья Муромец во двор, открывал все двери, садился Илья со своим крестовым за угощенье. И тут Илья остается жить тоже лет пятнадцать и стал царствовать этим царством.

Услыхал Илья, что на это на ихнее прежнее царство наступают какие-то враги. И просят Илью спасти свое царство. Вдруг Илья вспомнил, что когда уехал от жены, то оставлял свой именной пояс и менный крест. И сказал, что если родится сын, то чтоб хранил отцовское название, и скажи, что такой был отец Илья Муромеч.

А в это время на царство Ильи Муромча наступают богатыри, разбивают села, одно за другим отбирают. Тогда Илья Муромеч оседлал своего коня, крестовый уехал на другое место, а он поехал на чисто поле к этим воеводам. Тогда Илья встречается на поле, увидел

шатры, опять привязывает коня. На этот раз вояки конь отбил Ильиного коня от корму.

Тогда Илья зашел в палатку и вскрикнул громким голосом и видит — юноша лет шеснадцати называется воякой-богатырем. Тогда Илья Муромец сказал: «Эх, молодежь, выезжает попробовать силы и смериться со стариками!» А Илье уж было много лет. Тогда эта молодежь сказал, что «со стариком нам и меряться нечего». А этого звали Еруслан Ерусланович. И это был его сын. И он не знал отца, и отец не знал сына. Оседлали своих коней. Розъезжали по полю. У Еруслана лошадь что вихрем носится, и у Ильи лошадь что вихрем носится. Розогнали своих коней. И съехались они во всю прыть. И ударили они копьями железными. Все копья у них помеялись, и ни один из них не пошатнулся. И скрикнули, чтобы привезли им стальные копья и снова штоб съехаться нам богатырям. Разгорелася у них кровь богатырская, разошлись руки молодецкие.

И Илья Муромец вспомнил про свою молодость: «И где ты, мой старец старенький? Покажи мне мою удалую жисть». Тут Ильюшенька сам себя почувствовал, будто к прежней силушке приправливается.

Привезли же им копья стальные. Порозъехались они опять в поле, розогнали своих коней ретивых. И как съехались два богатыря могущих, и вся земля задрожала, и ударили они копьями стальными в груди молодецкие. Пошатнулся Илья в седле, но не упал. Проскочил его конь удалой мимо товарища. Еще более забилась кровь молодецкая, разгорелось сердце богатырское. Закричал Илья Муромец громким голосом:

— Уж и жить или помирать которому!

А юноша Ильи ответил:

— Не боюсь я ни столечко. И попробую нанести удар богатырский я.

Еще больше коней понатужили и сражались, как львы горячие. И ударили копьями стальными молодецкими, выбивали друг дружку из седлов, сбивали с коней друга и на землю вылетывали. И схватывались хваткой в рукопашный бой.

Тут Илья схватил юношу и ударил о землю, только земля збунала. Вынимает он кинжал из-за пояса. Открывает грудь белу юношеску:

— Ох ты, юноша, молодецкий сын. Но не знаю я твоего роду-племени.

И наносит юноше на сердце удалой кинжал. Увидает у юноши свой менный крест, он выбрасывает из руки своей кинжал и говорит юноше:

— Встань, юноша, и расскажи мне, чьего ты роду-племени, каких отца матери и какова государства.

Тут юноша отвечал ему громко и смело голосом:

— Если бы я сидел на твоей груди, распорол бы белу грудь и вынимал сердце со печенью.

Тут спрашивает Илья Муромец:

— Ты скажи-ка, скажи, откулешний?

— Я такого-то царства, матери Вахрамеевны. А отец — Илья Муромеч. А меня звать Еруслан Ерусланович.

Вот тут схватил Илья Муромеч дорога сына:

— Вот тебе отец, Илья Муромеч, а ты мне будешь сын. Я почему узнал — по кресту и по поясу.

И уселися они на своих коней и поехали во высок терем. И садились за дубовые столы угощаться вином сладким. И тут спросил сын отца благословения как жениться пойти в царстве своем и остаться править царством по смерти отца и представить сюда свою мамашу Вахрамеевну. И отправлялся сын за мамашей со своими слугами верными. Привезши свою мамашу верную Вахрамеевну к Илье Муромчу во высок терем. Тут встречался Илья Муромеч с Вахрамеевной. Весь народ удивлялся, как богатыри да расставалися.

И по смерти Илья оставил сыну своему заповедь.

— Ой ты гой еси, Еруслан Ерусланович. Ты не бойся на свете никого. Защищай ты свою родину и учи сына защищать родину.

Заболевши и умираюци. Оставался сын править государством.

(Дальше про него много знал, да забыл. Там пойдет, как сражался Еруслан Ерусланович с.....¹ потом с Магометом).

¹ Пропуск в рукописи.

Илья Муромец и змей

Нé в котором царстве, нé в котором государстве жил-был мужичок и с хозяюшкою. Живет он богатой рукой, всего у него довольно, капитал хороший имеет. И говорят они промеж собой, сидя с хозяйкою:

— Вот, хозяйка! довольно всего у нас, только у нас детей нету; станем просить бога, авось господь нам создаст девицу хотя бы на последях, при старости.

Стали просить бога, и забрюхатела она и время пришло — родила девицу. Прошел год, и два, и три года прошли, ноги у него не ходят, а должно б ему ходить; восемнадцать годов прошло — всё без ног сидит.

Вот пошел отец с матерью на чокос убирать сено, и остался сын один. Приходит к нему нищенской братия и просит у него милостыньку:

— Хозяинушка! Створи старичку господню милостыньку христа ради!

Вот он ему и говорит:

— Старичок господень, не могу я тебе подать милостыньку; я без ног.

Вошел старичок в избу:

— Ну-тка, — говорит, — встань-ка с постели, даи мие ковшик. Вот взвявиши, дал ему ковшик.

— Поди, — говорит, — принеси мие водицы.

Принес ему воды и подает в ручки:

— Извольте, старичок господень!

Вот он ему назад и отдает.

— Выпей, — говорит, — в ковше всеё воду.

Опять посылает он его за водою:

— Опять сходи, принеси другой ковшик воды.

Шедши он за водою, за которое дерево пи ухватится — из корюю выдернет. Старичок господень и спрашивавшает у него:

— Слышишь ли теперь в себе силу?

— Слышу, старичок господень! Сила теперь во мне есть большая: кабы утвердить в подвселенну такое кольцо, я бы смог повернуть подвселенную.

Как принес он другой ковшик, старичок господень выпил полковша, а другую половину дал ему выпить: силы у него и поубавились:

— Будет, — говорит он, — с тебя и этой силы!

Помолился старичок господень богу и пошел домой:

— Оставайся, — говорит, — с богом!

Скучно ему лежать и пошел он копать в лес, свою силу пробовать. И ужахнулся народ, что он сделал, сколько лесу накопал! Вот идет и отец с матерью с покосу. Что это такое? лес весь вырыт; кто такой вырыл? Подходит ближе. Жена и говорит своему мужу:

— Хозяин, ведь это наш Илюшенька роет!

— Дура, — говорит он, — не может наш Илюшенька это сделать; пустяки, что это наш Илюшенька!

И подошли к нему.

— Ах, батюшка ты наш, как тебе господь создал это?

Вот и говорит Илья:

— Пришел ко мне старичок господень, милостыньку просить стал; я ему и отвечаю: старичок господень, не могу я тебе милостыньку подать; я без ног. Вот он ко мне и пришел в избу; нутка, говорит, встань-ка с постели, дай мне ковшичек. Встал я и дал ему ковшичек. Поди, говорит, принеси мне водицы. Принес ему воды и подал в ручки. Выпей, говорит старичок, в ковше всей воды. Выпил — и стала во мне сила великая!

Вот сходятся мужики на улицу, говорят промеж собою:

— Вона какой он стал сильный, могучий богатырь (*называют эдак мужики Илью*)! Виши он наделал какую копать! Надобно, — говорят, — в городе объявить про него.

Вот узнал об нем и государь, что есть такой сильный, могучий богатырь; призвал его к себе, и показался он государю, и нарядил его государь в платье, како следует. И показался он всем, и служить стал хорошо. Вот и говорит государь:

— Сильный, могучий ты богатырь! Подымешь ли мой дворец под угол?

— Извольте, ваше царское величество! Хощь па бок, как угодно, подыму его.

Вот у царя дочь прекрасная, красавица такая, что не можно вздумать, ни взгадать, ни в бумаге пером написать. И показалась она ему оченно, и хочет с ней обвенчаться.

Вот как-то государь и поехал в друго государство к королю к другому. Приезжает к другому королю, а у другого короля тоже весьма хороша дочь, и повадился к ней змей летать об двенадцати голов, всеё ее иссущил: совсем извелась! Вот государь и говорит этому королю:

— У меня есть такой сильный могучий богатырь, он убьет змея об двенадцать голов.

Король и просит:

— Пожалуйте — ко мне его пришлите.

Вот как приехал он в свое государство, и разговаривает с своей государыней:

— У эдакого-то короля повадился змей об двенадцати глав летать к дочери, всеё ее извел, иссосал.

И говорит:

— Илья Иванович! Не можешь ли ты послужить, его убить?

— Извольте, ваше царское величество, могу; я его убью.

Вот государь и говорит:

— На почте поедешь и трахтами пойдешь, так и так-то возьмешь.

— Я верхом один поеду, пожалуйте мне жеребца.

— Войди в конюшню, — говорит ему государь, — выбирай любого.

А дочь просит его в другой комнате:

— Не ездите, Илья Иванович; вас убьет змей об двенадцати головах, не сможете с ним сладить.

Он и говорит:

— Извольте оставаться и ничего не думать; я приеду в сохранности и в добром здоровье.

Пошел в конюшню жеребца себе выбирать; пришел к жеребцу к первому, наложил на жеребца руку, тот спотыкнулся; перепробовал всех жеребцов в конюшне: на которого ни наложит руку — всякой спотыкается, ни один не удержит. Пришел к самому последнему жеребцу — так, в забросе стоял, — ударил его по спине рукой; он только заржал.

И говорит Илья:

— Вот мой верный слуга, не спотыкнулся!

Приходит к государю:

— Выбрал, ваше царское величество, себе жеребца, слугу верного. Отпускают его с молебном, со добрыми порядками.

Сел на доброго коня, ехал долго ли, мало ли, подъезжает к горе: прокрутая, большая гора и на ней все песок; насилиу въехал. На горе стоит столб, на столбе подписано три дороги: по одной дороге ехать — сам сыт будешь, конь голоден; по другой дороге ехать — конь сыт, сам голоден; по третьей дороге ехать — самого убьют. Вот он взял да и поехал по этой дороге, по которой самого убьют; а он на себя надеялся. Долго ли, мало ли ехал лесами дремучими: не можно взглянуть — такой лес! А тут сделалась в лесу елань такая широкая, а на ней стоит избушка. Подъезжает он к избушке и говорит:

— Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повертилась, стала к лесу задом, к нему передом. Слезает он с доброго коня и привязывает его к столбу. И услышала это баба-яга и говорит:

— Кто такой невежа приехал? Русского духу и дед мой и прадед не слыхали, а теперьча и сама русской дух хочу очьми видеть.

Вот взявша ударила она жезлом по двери, и дверь отворилась. А у ней в руках коса кривая, и хочет она ею взять богатыря за шею и срезать ему голову.

— Постой, баба-яга! — говорит он, — я с тобой поправлюсь.

Взял у ней выдернул косу эту из рук, схватил ее за волосы, удалил ее и говорит:

— Ты бы прежде спросила, какой я фамилии, какого роду и какого поведения, и куды еду.

Вот она и спрашивает:

— Какой вы фамилии, какого роду и куда едете?

— Меня зовут Илья Иванович, я еду туда-то.

— Пожалуйте, — говорит. — Илья Иванович, ко мне в горницу.

Вот он и пошел к ней в горницу; она сажает его за стол, ставит на стол кушанья и напитки всякие и потчивае, а девушку послала баньку топить для него. Вот покушал он и выпарился, перестоял у нее сутки и собирается опять в путь-дорогу, куда надлежит.

— Извольте, — говорит баба-яга, — я напишу письмо к сестрице, чтобы она вас не тронула, а приняла бы с честью с хорошею... А то она вас убьет, как завидит! Отдает ему письмо и провожает его с честью доброю, хорошею.

Вот садится богатырь на доброго коня и поехал лесами дремучими; ехал много ли, мало ли: не можно взглянуть — такой лес! и приезжает на елать — такая широкая елать, а на ней стоит избушка наслана. Подъезжает он к избушке и слезает с добра коня, и привязывает своего добра коня к столбу. Услышала это баба-яга, что он привязывает к столбу коня, и закричала:

— Что такое? Русского духу и дед мой и прадед не слыхали, а таперьча и сама русской дух очьми хочу видеть.

Вот она ударила жезлом по двери; дверь отворилася. И хватает она его саблею по шеи; он и говорит:

— Ты не моги со мною барахтаться! Вот тебе письмо сестрица прислала.

Она прочитала и принимает его честью к себе в дом:

— Пожалуйте ко мне в гости!

Идет Илья Иванович. Она сажает его за стол и ставит на стол ушанья всякие, напитки и наедки, потчивае, а сама послала девушку опить для него баньку. Покушавши, пошел выпарился в бане. Двое уток он у ней перестоял, сам отдохнул, и доброй конь его отдохнул. тал на добра коня садиться, и провожает она его с честью:

— Ну, Илья Иванович, — говорит, — теперича тебе не проехать: т Соловей-разбойник ждет, на семи дубах у него гнездо свито. он допустит па тридесят верст — свистом оглушит!

Вот он ехал долго ли, мало ли, подъезжает к тому месту, что по слышал свист от Соловья-разбойника, и как до половины дороги доехал, конь его спотыкнулся. Вот он и говорит:

— Не спотыкайся, добрый конь! уж послужи мне.

Подъезжает к Соловью-разбойнику, он все свищет. Подъехавши к гнезду, взял стрелу, натянул и пустил в него — и упал Соловей с гнезда. Вот он его на земле и ударили однова, чтобы не до смерти убить, и посадил к себе в корокá на седло, и едет к дворцу. Видят его из дворца и говорят: «Соловей-разбойник везет кого-то в короках!» Подъезжает богатырь ко дворцу и подает бумагу. Подали королю от него бумагу; тот прочитал и приказал его впустить. Вот и говорит король Илье Ивановичу:

— Велите Соловью-разбойнику засвистать.

А Соловей-разбойник говорит:

— Вы бы накормили и напоили Соловья-разбойничка: у меня уста запеклися.

Вот и принесли ему винца, а он говорит:

— Что мне штофик! Вы бы бочоночек принесли мне порядочный.

Принесли ему бочонок вина, вылили в ведро. Он выпил зараз и говорит:

— Еще бы Соловью-разбойничку две ведерочки, так выпил бы! — да уж не дали ему. И просит король:

— Ну, прикажи, — говорит, — ему засвистать.

Илья велел ему засвистать, а короля и всю его фамилию поставил к себе под руки, под мышки:

— А то, — говорит, — он оглушит вас!

Как засвистал Соловей-разбойник, насили остановил его Илья Иванович, ударил его жезлом — он и перестал свистать, а то было попадали все!

Вот и говорит король Илье Иванычу:

— Послужишь ты мне вот эдакую службу, как я стану тебя про сить? К моей дочери, вот, летает змей о двенадцати голов; как бы его убить?

— Извольте, ваше королевское величество! Что для вас угодно — всё сделаю.

— Пожалуста, Илья Иванович; вот в таком-то часу прилетит змей к моей дочери, так постайся!

— Извольте, ваше королевское величество!

Лежит королевна в своей комнате; в двенадцать часов и летит к ней змей. Вот и стали они драться: как ни ударит Илья, так с змея голова долой; как ни ударит,— голова долой! Дрались много ли, мало ли время, осталась одна голова; и последнюю голову с него сшиб; ударили жезлом и расшиб ее всю. Радехонька же королевна встала, пришла к нему и его благодарила; доложила отцу с матерью, что убит змей: все-де головы посыпал! Король и говорит:

— Благодарю тебя; изволь послужить сколько-нибудь у меня.

— Нет,— говорит,— я поеду в свое государство.

Отпустил его король от себя с честью хорошею. Вот он и поехал опять тою же дорогою. Как приехал к первой бабе-яге почевать, приняла она его с честью; и к другой приехал, и та приняла его с честью со всякою. Приехал в свое государство и подал государю от того короля бумагу. И государь принял его с честью, а дочь государева на силу дождалася:

— Ну, тятинька, извольте, я за него замуж пойду.

Отец с неё воли не сиял:

— Ну, коли угодно, так поди!

Обвенчались и топорича живут.

БЫЛИНЫ
ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ
В РУКОПИСНЫХ
ПЕРЕСКАЗАХ
И ЛУБКЕ
XVIII ВЕКА

Повесть о Илье Муромце и о Соловье-разбойнике

Во славном граде Муроме слушал богатырь Илья Муромец заутреню воскресную, а похот держал к столльному граду Киеву, ко князю Владимиру киевскому Всеславьевичю, а завет держал большой: кладет вострую саблю и на крепкой лук тетивы накладывает.

И как едучи будет под Себежином градом, ажно стоят тут три царевича заморских, а силы с ними у всякова царевича по сороку тысячу, и хотят Себеж-град за щитом взять и самого царя в полон взять. А Илья побил силу великую, бутто заичье стадо, а трех царевичев в полон взял и подарил царя сибирского.

И сибирски царь говорит: «Как тебя зовут по имени и по отчеству и которого ты града?» Ответ держит Илья Муромец: «Зовут меня, государь, Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, а уроженец града Мурома». И сибирски царь зговорит таково слово: «Ой еси, доброй молодец Илья Муромец! живи ты у меня, служи ты мне верою да правдою, дам я тебе половину царства своего». Илья Муромец говорит: «Много мне твоего жалованья!» И спрашивает у нево прямой дороги к столльному граду Киеву, ко князю Владимиру киевскому Всеславьевичю. И сибирски говорит царь: «Прямая дорога надлежит на лесы Бранских, на мост калиновой, на реку Смородину; только та дорога залегла от Соловья-разбойника равно 30 лет: единое человек не прохаживал, и зверь не прорыскивал, и птица не пролетовала от Соловья-разъбойника». И тут богатырьское сердце разгараетца: поехал прямою дорогою к Киеву-граду.

И как едучи будет на мосту калиновом, на реке Смородине, ажно наступал к нему Соловей-разбойник и засвистал своим разбойническим посвистом: под Ільею конь спотыкнулся; Илья Муромец зговорит таково слово: «Что ты, волче, спотыкаешься? Нет веть меня во всей русской земли сильнея». И вынимает по Соловью-разбойнику калену стрелу; и тут во Соловья-разбойника попал, и Соловей з двенадцати дубов свалился, аки овсяной спон. Илья Муромец сел у нево на белых грудех и хочет у нево вынуть сердце. И возмолятца тут Соловей-разбойник: «Ой еси, доброй молодец Илья Муромец! Оставь душу въ теле хоть на покаяние!» Илья Муромец говорит таково слово: «Съкажи ты мне, Соловей-разбойник, где твоя золота казна лежит?» И Соловей-разбойник ответ держит: «Моя, государь, золота казна лежит в моих селах Кутузовых: а гонец гоняет равно по два месяца, а скоро-наскоро во един месяц».

Илья Муромец привязует Соловья-разбойника к своему стремлю булатному и съкачет з горы па гору, а у реки перевозу не спрашивает. А как будет под ево селом Кутузовым, увидели Соловья-разбойника 12 сынов. Большой говорит: «Вот де наш батюшка седет, а мужика везет у своею стремя булатниова». Меншой сын говорит таково слово: «Вон де едет Илья Муромец, а батюшка везет у своею стремя булатниово». И тут мечютца 12 сынов и надевают на себя оружие богатырское, и хотят с ним поле дать. И Соловей-разбойник говорит таково слово: «Светы вы мое малые детушки! Не дразните вы сево добра молотца, зовите ево к себе хлеба кушати». Илья Муромец поворачивает своим добрым конем к стольному граду Киеву, ко князю Владимиру киевскому Всеславьевичю.

И как будет пот Киевом-градом, скачет через стену каменную и едет на княженской двор, не обсылаючи и шапки не снимаючи. Входит в полату столовую и молитца чудным образом, а князю Владимиру писко челом и киеине, а после па четыре стороны. Князь Владимир говорит таково слово: «Как тебя зовут по имени и по отчеству и которого ты града?» Ответ держит Илья Муромец: «Зовут меня Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, уроженец града Мурома». Князь говорит: «Давно ли ты поехал из Мурома-града?» Ответ держит Илья Муромец: «Отслушавши заутреню воскресную». А князь

Владимер усмехнулся, что Илья врет, и зговорит таково слово: «Не твойский у меня гонцы — гоняют равно по два месяца, а скоро-на-скоро во един месяц». Илья Муромец говорит таково слово: «Да еще, государь, были на меня две причины: поехал из Мурома-града под Себежином градом, ажно стоят тут три царевича заморских, а силы с ними у всякого царевича по сороку тысяч, и хотят они Себеж-град за щитом взять и самого царя в полон взять; и я ево выручил и побил всю ратную. И как буду на лесы Бранских, на мосту калиновом, на реке Смородине, ажно напущает на меня Соловей-разбойник: подо мною конь спотыкнулся. И я ево убил. И топеря стоит у моево коня у доброго».

А князь говорит: «Засвищи ты, Соловей, своим посвистом». И Соловей говорит: «Не твой де я холоп, не слушаю тебя, слушаю Ильи Муромца». Илья Муромец велел засвистать Соловью-разбойнику, и Соловей засвистал своим посвистом: у богатырей тут кресла подломилис.

И князь Владимир бысть радошен и зговорит таково слово: «Тебе у меня, Илья Муромец, будет золота казна не запечатана, и кони не заперты, и погребы не замкнуты».

61

Повесть о сильнем могучем богатыри Илии Муромце и о Соловье-разбойнике

Во славном было во граде Муроме, во большем селе Карабаеве было сельцо Каптяево, в том сельцо Каптяеве был-жил крестьянин именем Иван [со] своею женою вельма [у] бога [в] милости по убогим и странным приниматель. Им же уроди[лся] сын, ему же бысть Илия [имя]... младых лет да до 30-ти лет 3-х всех днех, о чем отец и мати его вельми были печальны. Но случися наканоне праздника Илии пророка отец Илиин и мати были у всенощни в большем селе Карабаеве, а у Илии были некоторые два старичка под окошком. Яко бы по молитве родителей его они даровали ему ноги, но не токмо... и силу великую богатырскую Илия почул в себе. Но как отец и мати

его пришли ото всенощни, а Илья и встретил, и они о том благодаренную пришли господу богу и великому пр[о]року Илли. Наутре воста пошли ко святой литоргии недели того великаго веселия сотворили пир велик про странным [и] убогим Илии... время сыскал в конущне... сивца-бурца... латы и копие, палицу булатную... достиг себе против отца своего и матери благословения ехать князь Владимиръ поклониться и он[и] с плачем дали благословение, хотя ехать со заклинанием его оружием, что ему ехать дорогою из пажен востру саблю не вынимать. Ис колчана Илья Муромецъ колены стрелы на лук не на[кл]адывает.

Илья Муромецъ, поехав в Киев град, слуша заутреню воскресную, но как он будет под Себежем-градом... ажно стоит под ним три царевича заморскии, со всяким царевичем си[лы] по трицати тысячи, а похваляются они град за щитом взять, а жители градских под меч... Зговорит едучи Илья Муромецъ: «Ох по грехом мне учинилось, что отец мой и мати моя заклели мое оружие». Однако, сотворив себе знамение клятвенное, вынимает свою палицу булатную, напущается на рать-силу великую. Сколько бьет, а вдвое конем топчет, куда он не поедеть — улицы, куда не поворотится — слободы, и побил всю силу татарскую, и три царевича насили за море на кораблях то небольшими людми.

Но как Илья Муромецъ ехал скроль Себеж-град, во градских воротах встречали с хлебом и солью весь народ от мала и до велика, и бьют челом ему, и покланяются, и просят милости к себе во град хлеба и соли кушати. Но Илья Муромецъ хлеба и соли их не кушает, только спрашивает у них дороги прямо дороги ко граду Киеву. И отвѣщают ему себежские жители: «Ты гой еси, добрый молодецъ, прямая к нам была дорога ко граду Киеву на леса на Брын[ские], на грязи черные, на дороги, на Смородину, на мосты калиновы, только та у нас дорога запустела ровно 30 лет от Соловья-разбойника. От ево разбойнича соловьиного посвиста никакой богатырь не может устоять».

Богатырское сердце неуимчиво, и поворачивает своим добрым коем прямо на грязи черные, на реку Смородину, на мосты калиновы. А как он будет против сторожи Соловья-разбойника, ажно Соловей я сторожи был, сидел на двух дубах, засвистал он своим разбойни-

ПОВЕСТЬ О ИЛѢ
Муромце и о Соловье-разбойнике.
Разбойнике.

оладному Грачъ Муроме
Слушаю браты! и
Илья Муромецъ зде
Упленю вонрею!
Апохти Агрифиль! и
столкому Грачъ Си
Ещь Коньъ Владимира!
Испитому веселъ Еши! и
Зашепти Агрифиль! Большо!
Клафтъ Грачъ Бороду сабль

Повесть о Илье Муромце и о Соловье-разбойнике. Запись
в рукописном сборнике первой четверти XVIII века.

шим соловьиным посвистом, якобы земля поколебалася, и от того посвисту под Ильею конь попарашился. Илья Муромец бьет своего коня по толстым акаракам, а сам говорит такого слово: «Что ты, вольчья шерсть, парашинся, веть меня сплыше [нет]». [И вы]нимает свой крепкой лук, а ис колчана вынимает колену стрелу, стреляет Соловья-разбойника и попал в ево левой глас. От того удара Соловей свалился со двух дубах великих. Тогда Илья Муромец наскака[в] хотел ево злой смерти предать. Но Соловей-разбойник вскочи[в] не допустил ево до себе, рече: «Богатырская есть то слава, что мсия хотел без оружия убить, но дай мне справиться, я сяду на свой доброй конь». И скоро Соловей-разбойник убрал взбруду латную и сел па свой доброй конь и так разъезжал... Илья Муромец от великаго разъезду только Соловья уронил, вышиб его исдалече вон на земле, за что Соловей-разбойник Илью Муромца...

Молви Соловей-разбойник: «Деточки мои малые соловьяvia, не дразните сего доброго молодца, а бейте челом хлебом и солью».

Но Илья Муромец хлеба и соли их не кушает, а поворачивает своим добрым конем прямо на большу [к] Киеву дорогу. И скажет он з горы на гору .ол. .и поду...и вон выметывает, а у рек неревозу не спрашивал. Но как приехал в Киев-град, въе[д]е[т] прямо на княженьской двор.

И привязал своего доброго коля, пошел в палаты княжеские, молился чесным святым иконам, кланялся на две на четыре стороны, а особливо великому князю Владимиру. Что зговорит Владимир-князь: «Ты ой еси, доброй дородної] молодец, да скажи ты мие, как тебя зовут по имени, по отечству, коего града уроженец?» Ответ держит Илья Муромец: «Я, государь, уроженец града Мурома из большего села Карабаров[а], а родися в сельце Каптеве, по имени меня зовут Ильюшою, по отечству Иванов сын, прозванием Муромец». Зговорит князь Владимир: «Ты он еси, Илья Муромец, сын Ивановец, скажи ты, давно ль ты из Мурома?» Ответ держит Илья Муромец сын Ивановец: «Государь, поехал из Мурома отслушав заутреню воскресную!» Рассмеялся великии[й] Владимир-князь: «Что ты, Илья, врешь! нас гонцы гоняют по шти дней». Ответ держит Илья Муромец: «Да еще были па меня две задершки великия: первая — исбавил от

осаду Себеже-град; вторую имел — бой с Соловьем-разбойником, которой побед... сильней...»

Тогда князь Владимир вышел и с сильными могучими богатыри смотреть Соловья-разбойника, и рече: «Ты ой еси, Соловей-разбойник, засвищи ты своим разбойничим соловьиным посвистом». Ответ держит Соловей-разбойник: «Твоя, государь, воля, я не смею государя моего Ильи Муромца». И тогда Илья велел засвиста[ть]. Но от ево посвисту князи и бояре попадали, только насили устоял сам Владимир, и зато ево князь Владимир пожаловал выше своих богатырей киевских. Конец сему повествовани[ю].

Аминь.

62

**Повесть о славном богатыре Илье Муромце, како он родился и как
поехал из Мурома к стольному граду Киеву ко князю
Владимеру Всеславьевичю**

В стольном граде Муроме была деревня Лаптева, а в той деревне жил крестьянин именем Иван, и родился у него сын именем Илья, и был сиднем тринадцать лет. И в некоторое время Илья ляже спал и видел сон, якобы отец его купил ему жеребенка бурова у старчишка на погосте. И та нощь прошла, а день настал, и учел Илья отцу своему бить челом: «Государь мой батюшка, купи мне жеребенка у старчишка, что не дай, а тот жеребенок станет богатырь возить». И отец его послушал и купил ему того жеребенка, и поставил на стойле до времени. И тот жеребенок таков стал хорош, что и меры ему нет.

А в некоторое время отец его и мать обрекались господу богу и святому Илье-пророку ставить свечи и каноны читать, чтоб бог даровал сыну их ноги. И в то время пришли к ево дому два человека прохожия и просили у него пить того канону заветного. И в то время отца

ево дома не было, и мать ево им отказывала, что-де вам пить вынести некому, я стара, а сын мой без ног. И те два человека прохожия говорят Ильиной матери таково слово: «Пошли ты сына своего, бог ему дарует ноги». И в то время по их молитве даровал ему бог ноги, и пошел в погреб и вынял им того канону заветного. И те два человека прохожия, напившись, стали говорить ему: «За твою добродетель, что ты нас прохожих напоил, бог тебе даровал ноги. Еще ты чего просиш, богатства или силы богатырские?» — «Мне-тся лучше мне взять силу богатырскую». И они ему даровали силу великую, а сами прочь пошли.

И после того времени учал Илья выходить на улицу шутить, играть с робятами. Не по робячью делает, кого возьмет за руку, руку отторвет, кого возьмет за ногу, ногу вырвет. И стали приходить ко отцу его многие челобитчики. И сын ево Илья береть своего жеребъца бурова, и поехал от отца своего в стольной град Муром. И с того времени стал слыть могущим богатырем Ильею Муромцем и знатным многим людем свое богатырство оказывать. И стал срежатца во свое оружие ратное, хощет ехать к стольному граду Киеву, к великому князю Владимиру Всеславьевичю. И в то время Илья Муромец зарекается и заклинается: «Дай мне, господи, ехать путем добрым, смиренiem и кротостию, не вынимать бы мне из налучья крепка лука разрывчeta, ис колчана колены стрелы, из ножен сабли вострые булатной, и чтоб приехать в добром здоровыи к стольному граду, к великому князю Владимиру Всеславьевичю».

И в том граде Муроме слушал Илья Муромец воскресную заутреню. И поехал к стольному граду Киеву на своем косматом Бурке. Первой скок у него был чрез городовую стену на три версты, другой скок на девять верст. И приехал ко граду Киеву.¹ А под тем градом стоят три царевичи нечестивые, а силы у них у всякова царевича по тритцети тысячи, и хотять тот град взять, и льетца промеж их кровь неповинная. И тогда Илья Муромец отпехнул у себя стремя булатное, напустил на тех царевичев нечестивых, и побили ту всю силу их вражию. Ис того града Кинешмы выходит власти и священницы со

¹ Очевидная ошибка, надо «Кинешме», см. дальнейшее.

честными кресты и образы и всякия люди чиновные, бьют челом и поклоняются Илье Муромцу: «Илья Муромец сын Иванович, и живи ты у нас во граде Кинешме, златая казна про тебя не запечатана, драгия портища и не ношены». Против того зговорить Илья Муромец: «Ой еси вы, власти, священницы и всякия люди чиновные, не-пригоже мне жить у вас в замских¹ городех. Еду я к стольному граду Киеву, ко славному князю Владимиру Всеславьевичю. Только укажите мне дорогу, куда мне ехать». И против того зговорять власти и священницы и всякия люди чиновные: «Государь Илья Муромец сын Иванович, дорога у нас прежде сего была на реку на Смородину, на мосты на калиновы, на Грязи Черные, а ныне та дорога залегла уже тому 30 и три года. А на той дороге живет Соловей-разбойник сын Будимеров».

И сел Илья Муромец на своего добра коня и поехав к стольному граду Киеву. И приезжает на реку на Смородину, на те Грязи Черные, на мосты калиновы. И тут стоят на реке на Смородине три дуба крестовитые. А на тех дубах сидит Соловей-разбойник сын Будимеров. Завидел он Илью Муромца в чистое поле за три версты, засвистал он зычно-громко своим богатырским посвистом. И конь под Ильею Муромцем <...> Бьет по крутым бедрам своею палицею железною: «Что ты, сабачье мясо, рано спотыкаешься? Нет тут мне супротивника!» А сам зговорит таково слово: «Не дай, господи, на дальнем пути зарекатися». И вынел Илья Муромец из налучья свой крепкой лук разрывчетой, ис колчана колену стрелу, и стрелил он в Соловья-разбойника, пострелил он в око правое. И свалился Соловей-разбойник с трех дубов крестовицех на сырь землю. И взял его Илья Муромец за белые руки вельми крепко и привязал ево к своему стремени булатному.

И завидели тут девять сынов Соловьевичев, что едет на добром коне удалой молодец, а сами зговорять таково слово: «Вон-де едет наш батюшка на добром коне, а добра молотца мучить возле стремени булатнова, что выжлецы багряновы». И усмотрели девять сынов Соловьевичев, завыли и заплакали: «Не батюшко-де едет на добром

¹ Так в рукописи. Очевидно, надо «земских».

коне, то удалой доброй молодец, и батюшка нашего мучить у стремени булатного». И против того стали вооружатися во свое оружие крепкое, надевают на себя шлемы и панцыри и доспехи крепкия, выезжают в чистое поле битися. И зговорят Илье Муромцу¹ таково слово: «Ой еси вы, девять сынов Соловьевичев, буде вы хотите живы быть, павивайте вы телеги ордынския красного золота разбойничья, повезите ко столичному граду Киеву, к великому князю Владимиру Всеславьевичю, отдавайте свою казну разбойничью, и вы выкупайте своего батюшка родимова, Соловья-разбойника сына Будимерова. А буде вы хотите против меня битися, выезжайте в чистое поле, и я с вами посправлюся». И тут девять сынов Соловьевичев вельми устрошилися, против его битися не поехали.

И приезжает Илья Муромец к столичному граду Киеву, ажно у церкви Софии премудры божии к обедне благовестят, в тот же воскресны день, как поехал из Мурома. И приехал, слез [с] своего добра копя и отдал свою Соловью-разбойнику, а сам пошел в церковь Софью божию помолиться. И как служба окончилася, ажно идет из церкви князь Владимир Всеславьевич. И тут Илья Муромец великому князю поклоняется о сырь землю. И спрашивает его великий князь Владимир Всеславьевич: «Откуду ты, удалой доброй молодец? Которой вотчины, и как тебя зовут по отечеству, по чему было тебя жаловать?» Против того зговорить Илья Муромец: «Я, государь, столичного града Мурома, а зовут меня, государь, по имени Илюшкою, по отечеству Иванов сын». И тут его князь Владимир Всеславьевич зовет хлеба кушать к себе и меду пить.

И пошли в полаты белокаменные и сели за столы за дубовые, за скатерти белые, за всякие ествы сахарные. И как пошел у них пир навеселie, тогда князь Владимир Всеславьевич вышел из своей каморы и сел со князьями и боярами и с могучими сильными богатырями. Да тут же у него сидить на пиру приезжей гость, сильный могучий богатырь Илья Муромец сын Иванович. И что зговорить ему князь Владимир Всеславьевич: «Ой еси ты, Илья Муромец сын Иванович, давно ли ты и[з] столичного града Мурома?» Против того зговорить

¹ Здесь или пропуск или надо: «И зговорит Илья Муромец».

Илья Муромец: «Свет государь князь Владимир Всеславьевич, поехал из града Мурома отслушал заутреню воскресную». Против того зговорить князь Владимир Всеславьевич: «То твоя, добра молотца, первая ложь. Которым же ты путем ехал и дорогою?» Ответ держал Илья Муромец: «Ехал я на град Кинешму, на реку на Смородину, на мосты калиновы, на Грязи Черныя». Против того зговорит князь Владимир Всеславьевич: «Исполать тебе, доброй молодец, что в другой ряд соглать тебе умелося. А та дорога залегла уже тому тритцать лет и три года, зверья не пробегивали, и птицы не пролетывали, а живет на той дороге Соловей-разбойник сын Будимеров».

— «Свет государь князь Владимир Всеславьевич, были мне на той дороге три помешки великия. Первая мне помешка была под градом Кинешмой: бился я с тремя царевичи нечестивыми, а силы с ними было у всякова царевича по тритцети тысячи. Вторая помешка была мне великкая на реке на Смородине: бился я с Соловьем-разбойником сыном Будимеровым. О том мне помешка была на полях на туковых: бился я з девятью сыны Соловьевичевы». Против того зговорит Владимир Всеславьевич: «Полно, видел ли ты очи Соловья-разбойника?» Против того зговорить Илья Муромец: «Государь князь Владимир Всеславьевич, не имеешь веры речам, поими веры своим очам: Соловей-разбойник сын Будимеров стоит на твоем дворе господском, держить моего добра коня наступчева».

И князь Владимир Всеславьевич вынимает окончину хрустальную и смотрить на свой государьской двор. Ажно на дворе стоит Соловей-разбойник и держит добра коня Ильи Муромца. И тут князь Владимир удивляется, а князья и бояра головами потресли. И зговорит князь Владимир Илье Муромцу: «Исполать тебе, добру молотцу, как мне про тебя сказывали, таков ты есть. Бude ты у меня в стольном граде Киеве — пожаловать з Добрынею Никитичем, а другое дело, где ты изволишь». И потому зговорить князь Владимир Всеславьевич: «Соловей-разбойник сын Будимеров, отдай ты добра коня моим слугам, а сам поди ко мне во высок терем». Против того зговорит Соловей-разбойник: «Ой еси ты, князь Владимир Всеславьевич, не тебе я служу, тебя я и не слушаю. Кому я служу, тово я и слушаю». И услышал тут Илья Муромец и зговорить таково слово:

«О еси ты, Соловей-разбойник, покинь ты моего добра коня, а сам ты поди во высок терем к великому князю Владимиру». И Соловей-разбойник покинул добра коня, а сам пошел во высок терем. И молится он чудным образом и кланяется Илье Муромцу, а великому князю не бьет челом.

И зговорить ему князь Владимир Всеславьевич: «Ой еси ты, Соловей-разбойник, засвищи ты зычно и громко своим богатырским посвистом». И говорит ему Соловей-разбойник: «Свет государь, князь Владимир Всеславьевич, потешу я тебя, руку отторву и ногу вырву». И услышал тут Илья Муромец: «Вот-де ты, сукин сын, отговариваешь, есть-де у меня на дральщика сабля вострая булатная, подорожная, а весом полтретъятцать пуд». Против того и говорить Соловей-разбойник, что-де пиво очень пьяно, а хмелю в нем не бывало, с етова нива голова болить, а душа дрожить. И зговорит Илья Муромец: «Государь князь Владимир Всеславьевич, Соловей-разбойник давно не пивал зелена вина и меду сладкова». И Соловей-разбойник вина не примишь и меду не пьет и зговорит таково слово: «Государь князь Владимир Всеславьевич, то есть сердце не пьет». И подносили ему чару вина в полтретъя ведра, другую чару в полпята ведра, третью чару в полсема ведра. И Соловей-разбойник первую чару выпил — душу промочил, другую выпил — сердце окатил, третью выпил — голову возвеселил. И зговорить Илья Муромец: «Ой еси ты, Соловей-разбойник, засвищи ты зычно, громко своим богатырским посвистом, и потешь ты князя Владимира». И по его велению и Соловей-разбойник засвистал. И з того его свисту бояра все попадали, а князь Владимир Всеславьевич в своем тереме со страху побегался и зговорит таково слово: «Ой еси ты, Илья Муромец, уйми ты Соловья-разбойника, не можно мне от его свисту в тереме ни стоять ни сидеть». И потом у них пошел шир павеселие. И жаловал князь Владимир своих бояр и всех сибирских богатырей, а всех лучше жаловал Илью Муромца сына Ивановича, сажаст его в первое место против себя, в другое место подле себя.

И в то время приехали ис поля станищики, и скоро входят во высок терем, бьют челом и покланяются великому князю Владимиру Ресла[въ]евичю, а сами зговорят таково слово: «Свет государь князь

Владимер Всеславьевичь, пьеш и еш, проклажаеся, а того ты, государь, не ведаеш: за городом у нас в поле неведомо, государь, из Риму, неведомо, из Орды король едеть, а люди незнаемыя». И князь Владимир Всеслаевич пошел во высок терем на самую на вышку, посмотрел: в чистое поле зачернелося, идут люди незнаемыя. И тогда князь Владимир Всеслаевич поустрашился и задумался и хощет он вооружатися. И призываєт збирать всю свою силу богатырскую. И тут Илья Муромец стал разговаривать: «Свет государь князь Владимир Всеславьевичь, не изволь печалиться. Ето не из Орды король едет, из Риму послы идут, и едут девять сынов Соловьевичев, а везут к тебе всю злату казну разбойничью». И князь Владимир Всеславьевич вельми стал бысть радостен, послал к ним навстречу любимого своего боярина Добрыню Никитича.

И девять сынов Соловьевичев приехали к столльному граду Киеву ко великому князю Владимиру Всеславьевичу, и бьют челом они своей воровской казной, а выкупали они отца своего Соловья-разбойника сына Будимерова. И князь Владимир Всеславьевич велел у них ту злату казну принять боярину Добрыне Никитичу в свою казну государскую. А их девяти сынов Соловьевичев всех звал хлеба кушать. И как у них был пир навесели, и князь Владимир Всеславьевич пожаловал девяты сынов Соловьевичев: пяти братов в стольники, а четырех братов в чашники. А велел им жить у себя в столньом граде Киеве, а отцу их, Соловью-разбойнику сыну Будимерову, и велел им богатырями слыть. Злата казна про них не запечатана, драгие пожищеща не ношены, добры кони не езжаны. И тем богатырями слава от начала и до конца века. Аминь.

Гистория о славном, о храбром и сильном богатыре Илье Муромце сыне Ивановиче и о Соловье-разбойнике

Бысть в славном городе Муроме жил тугъ стар матер человек именем Иоан Елефери[вич]. И обещание положи[ли женою] своею: ежели господь бог дарует мужеск пол, то отправля молебное пение

святителю христову Николаю-чудотворцу каждой год. И по умолению их бог даровал им сына, и во святом крещении нарек[ли] имя ему Илия. И как ста[л] возрастать до семи лет и болея не ходил.

И прилучилося в день святителя христова Ник[о]лая-чудотворца, пошли отец [и мать] в церковь Николая-чудо[творца] молебное пение сове[ршили], а без их] явился ему святитель христов Николай-чудотворец и рече ему: «Илия, имаш ли что пити?» Он же рече: «Имам, отец и мати варили пиво для праздника святителя господня Николая-чудотворца». Он же рече ему: «Давай мне, Илия, пити». Илия рече ему: «Не могу, отче мой, вос[т]лати на ноги». Он же дади ему пити и рече ему: «Востани и ходи». А сам невидим бысть. И от того часа встал, аки ни в чем не бывал.

И вышел на улицу, и почал с ребятами поигрывать, и почул в себе силу великую: которого возмет за руку, руку оторвет, которого за ногу, ногу оторвет, а которого возмет за голову, голову оторвет. И за то великая жалоба произошла, и запретили ему.

Тогда же у них кобыла принесла жеребенка худово и шелудивого. И молодец Илья Муромец сын Иванович выпросил молодова жеребенка на свои руки и стал ево кормить и поить из своих рук и по зорям поваживать и покатывать, и в десят лет такой стал велик, храбр и силен. И накупил Илья Муромец доспехи богатырския и стал быть в великой славе и чести, славной богатырь и сильны Илья Муромец.

И был в церкви божи, слушал святую заутреню воскресную и, отслушав заутреню, поход держал к столльному граду Киеву, ко князю Владимиру, к солнышку Всеславьевичю. И завет держал на свою вострую саблю и на крепкой лук с стрелами, чтоб во всю дорогу вострой сабли из ножен не вынимать и на крепкой лук калены стрелы не накладывать.

И подымаетца ево добрый конь, аки дым столбом, и скачет через лесы дремучия, горы и долы меж ног пускает. И как будет под градом под Себежем, услышал тут стук, топот и конское ржание, крик и шум великой. И проведал Илья Муромец, ажно стоят под градом три царевича, а со всяkim царевичем по сту и по тысячи войско, и хотят Сибирское царство взять, а самого царя полонить. И тут Илья Муромец

ромец завет свой переменяет, вострую саблю вынимает и напущает на всю силу ратную, и побил всех, а трех царевичев в полон взял и подарил сибирскому царю.

И сибирской царь спрашивает: «Гой еси ты, доброй молодец! Как тебя именем зовут, как величают по отечеству и которого города?» Ответ держит доброй молодец: «Меня по имени зовут Илюшкою, а по отечеству Иванов сын, уроженец города Мурома». И еще спрашивает сибирской царь: «Куда твоя дорога имеется?» Ответ держит Илья Муромец: «Еду я к столльному граду Киеву». И сибирской царь говорит: «Пожалуй, Илья Ивановичь, живи ты у меня, и золота казна тебе царьская будет незаперта, и дам тебе да полцарствия моего». А Илья Муромец не соизволяет и спрашивает прямой дороги ко граду Киеву, как бы ближе ехать. И сибирской царь говорит: «Прямой, государь Илья Ивановичь, дороги нет у нас х Киеву, а прямая была дорога на Брынсия леса, на грязи топучия, на мосты калиновые, через реку Смородину; только та дорога залегла ровно тридцать лет; и в те годы ни один человек не прохаживал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала, того ради ту дорогу завладел Соловей-разбойник и поныне там живет и з детьми своими». И тут богатырское сердце разгорелося, поехал прямую дорогою х Киеву.

И как будет на мосту калиновом чрез реку Смородину, напустил на него Соловей-разбойник и засвистал своим богатырским посвистом разбойническим. И тут под Ільею Муромцем богатырской конь споткнулся; и что зговорит Илья Муромец: «Али нету на свете руской земли?» Ударил добра коня своею палицею железною: «Что ты, волчья съть, травеной мешок, спотыкаешься от такой лесной пугалицы, чучелы!» Свой крепкой лук из налушника, калену стрелу ис колчана и, натянувши, выстрелил в Соловья-разбойника, и попала ему стрела в правой глас. И Соловей-разбойник упал с 12 дубов аки большей сноп на землю. И Илья Муромец подскочил и сел у Соловья-разбойника на белых грудях, и хочет у него вынуть ретиво сердце. И возмолитца Соловей-разбойник: «Гой еси ты, сильны богатырь Илья Муромец, сын Ивановичь! Остав душу на покаяние». Что зговорит Илья Муромец: «Где твоя, Соловей-разбойник, золота

казна лежит?» И Соловей-разбойник отвещает: «Моя золота казна лежит в моих селах Кутузовых, а гонцы гоняют по два месяца до тех сел, а скоро-наскоро в один месяц».

И тут Илья Муромец привязывает Соловья-разбойника к своему стременю булатному. И как будут под селами Кутузовыми, завидели Соловьевы 12 сынов и говорят: «Вон наш батюшко едет, а в тороках ведет доброва молотца, у стремени привязана». А большей сын говорит: «То едет Илья Муромец, а в тороках ведет нашево батюшку». И тут дети пометалися в кладовую горницу в золотую казну, и надеваются на себя ружье богатырское и хотят с Ильею Муромцем поле дать. И Соловей говорит: «Государи мои детушки, не дразните вы доброва молотца, зовите вы ево к себе хлеба кушать и сажайте ево за столы дубовые за есты сахарные».

А Илья Муромец поворотил своим добрым конем ко граду Киеву, ко князю Владимиру. И как будет под градом Киевом, и скачет чрез стену белу каменную, и прямо едет во дворец, не обсылаючи и шапки не снимаючи. И у дворца поставил своего коня богатырского и Соловья-разбойника привязана, а сам пошел во дворец, в княженецкия полаты.

И, вошед в полату, молитца чудным образом, а князю Владимиру ниско челом бьет, а после поклонился на все четыре стороны. И князь Владимир Киевской спрашивает: «Как тебя, доброй молодец, именем зовут, и как величают по отечству, и ис которова города и давно ль из города?» Ответ держит доброй молодец: «Зовут, государь, меня Илюшкою, а по отечству Иванов сын, уроженец города Мурома, а из Мурома, отслушав воскресную заутреню». И князь Владимир усмехается: «Что ты, Илья, вреш и не свое говориш, не твойские у меня гонцы — гоняют ровно два месяца, а скоро-наскоро что в один месяц ис Киева в Муром».

И Илья Муромец говорит: «Да еще, государь, мои две на меня притчины были и беды великия на дороге, и изволите выслушать. Я скажу вашему величеству: отслушал я в Муроме заутреню воскресную, а дорогою завет я положил на себя, чтоб из ножен сабли не вынимать, а на крепкой лук тетивы не накладывать. И приехал я под град Себеж Сибирской, и тут стояли три царевича, а со всяким царе-

Соловьев разбойникъ отъ
однажды въ своихъ супорѣ
Хотѣлъ погнушать тѣхъ
сѣльщиковъ иъ своихъ земель
Силами боялся иѣхъ
и угрожающе

иѣхъ и угрожающе селѣ
Всехъ сильныхъ храбрыхъ
Соловьевъ разбойникъ иѣхъ
такъ иѣхъ погнушалъ иѣхъ
иѣхъ подобныхъ сильныхъ
зѣ Соловьевъ Соловьевъ толо
иѣхъ иѣхъ иѣхъ Соловьевъ
иѣхъ иѣхъ иѣхъ Соловьевъ
иѣхъ иѣхъ иѣхъ Соловьевъ
иѣхъ иѣхъ иѣхъ Соловьевъ

Страница рукописного пересказа XVIII века былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике.

вичем силы по сту и по тысячам, и хотели тот град под руку свою взять, а самого царя сибирского полонить. И тут я силу всю порубил, и трех царевичев в полон взял и подарил сибирскому царю Веспасиону. А другая притчина была: как буду я на мосту калиновом на реке Смородине, напустил на меня Соловей-разбойник, и засвистал он своим разбойничим посвистом, и подо мною конь спотыкнулся от того посвисту, а я прострелил Соловья в правой глас и привес ево с собою для подлинного известия. И ныне он у вашего величества дворца обретается».

И князь Владимир выглянул из окошечка и увидел Соловья-разбойника, весьма веселился и велел ему засвистать своим разбойническим посвистом. И Соловей-разбойник ответ держит: «Не твой, сударь, я холоп и не слушаю тебя, а слушаю я своего государя, сильного богатыря Илью Муромца». И Илья Муромец велел засвистать, и засвистал Соловей-разбойник. И тут у господ и у богатырей кресла и стулья подломились, а у князя Владимира скамья подломилась. И князь Владимир стал быть весьма радостен и зговорит таково слово: «Тебе у меня, Илья Муромец, золота казна незаперта, бери, сколько изволиш, и конюшню не заперты, бери сколько изволишь лошадей и поезжай, куды изволиш, и погреба тебе не заперты».

И для сей великой радости, что прочистил дорогу, велики князь Владимир Киевской указал учинить великой банкет и одарил Илью Муромца великими дарами и весьма благодарил ево. И веселились не малое время.

А повесельясь, захотелось Илье Муромцу сыну Ивановичю погуляти, по чистому полю разъезжати, и отпросился у князя Владимира. И князь Владимир Киевской подари ему слугу верново, богатыря, именем Торопа, и отпустил ево с честию и велел с собою взять что хочет денег, богатырских доспех. И слуга ево верной Тороп оседлах коней богатырских, а под Ілью Муромца седлает седелечко черкасское, потники бухарский, а [у] седла подпругишелковые, пряжечки серебряные, спенечки у пряжечек и стремена булатные. А сам приговаривает: «Шелк не рветца, булат не гнетца, а чистое серебро не ржавиет». И поехал из славного города Киева, перескакивает через стену белокаменную, и подымается ево доброй конь, аки дым столбом.

И поехал далече в чистое поле за горы высокия, за лесы за темныя. Скакали пониже облака ходячего, повыше лесу стоячего, горы и долы промеж ног пускал.

И приехали на чистое поле, и тут ставили шатры полотняныя. И спал молодец Илья Муромец 3 дни и 3 нощи, а слуга ево Тороп на карауле стоял. И слышит в поле далече конской топот, ржание и человеческой шум, крик великой. И будит Илья Муромца. И тут вставает молодец, и умывается водою ключевою, утирается полотенчиком, молитца чудным образом и покланяется на все четыре стороны, а сам взговорит таково слово: «Хотя я долго спал, да впору встал и на срок поспел». И приказывает своему верному слуге Торопу, чтоб поехал далече в чистое поле и осведомился б, нет ли какой силы, не едут ли на святую Русь. И слуга скоро побежал и, не добежавши силы, испугался, скоро возвратился назад. «Гой еси ты, государь мой батюшко, Илья Муромец сын Иванович, идет сила великая звериная на святую Русь; наперед идет страшен и люты зверь, изо рту искры сыплют, из ушей у зверя аки дым столбом». И что зговорит тут Илья Муромец сын Иванович: «Гой еси ты, слуга мой верной Тороп, силы у тебя есть против меня, а скоро пужаешься: ведь идет тута в поле Тухман-царь со своею силою босурманскую, а не стадо звериное».

И выходит из бела шатра полотняного и приказывает седлать доброго коня своего. И слуга берет скоро добра коня, кладет на него потничек бухарской, седлает седелечко черкасское, подтягивает подпруги шелковые, шелку шемаханского, пряжечки серебреные, спенечки у пряжек булатные. А садился Илья Муромец скоро на своего добра коня, и втыкает в мать сыру землю свое копие мурзавецкое, и повесил на него ширинку миткалинную, наказывает своему верному слуге Торопу: «Буде из моей ширинки миткалиной потечет кровь горючая, то буду убит доброй молодец Илья Муромец сын Иванович; буде же оная ширинка миткалинная висит как хартия белая, то я жив есть». И прибежал скоро и побил сперва суперника и педруга, царя Тухмана, а потом напускает на всю силу басурманскую.

А слуга Тороп пробудился со сна, взглянул на ширинку миткалинную, и показалось ему, якобы по ней идет кровь горючая. И са-

дился для поспешения на своего добра коня и без седла. И прибежал к той боевой силе, ажно ездит, шурмует и винтует на коне Илья Муромец сын Иванович, в шишаке и во всяком богатырском убранстве. И не познал слуга Тороп своего господина, Илью Муромца, и збил с коня долой, отчего и пал на землю. А слуга же Тороп напал на ево белы груди, и вынимает из ножен свое чинжалище, и хочет спорить у него груди белыя, а сам говорит таково слово: «Что ты, злодей Тухман-царь, убил моего государя Илью Муромца, за то тебе скорая смерть будет жестокая». И что зговорит Илья Муромец: «Слуга верны Тороп, я Илья Муромец, господин твой». Еще же выкатился на груди крест золотой, и признал и благим матом отскочил от него, и поднял ево за белы руки, и поставил на ноги, и пад поклонился ему и просил прощения, что не в ведени ушиб его. И то ему в вину Илья Муромец не поставил, а поставил в верность и простили, и целовались во уста во сахарныя, и садились на добрых коней, и порубили осталыную всю силу босурманскую.

И с той победы с великою славою возвратились в стольны град Киев ко князю Владимеру, к солнышку Всеславьевичю. И князь Владимер Киевской встретил их с великою радостью и с почтением великим и с церемониею великою, так что не можно вздумать о великом их весели и радовани, что бог дал победу на супостаты и одолени и оборонил от них святую Русь от того поганского нахождения. И учинил по всем церквам молебное пение и всенощное бдение всю седмицу. И пошел звон великой по всему граду Киеву и в политавры игрою и з барабанным боем и со всякою музыкою. И по той великой радости отдал князь Владимер Киевской, солнышко Всеславьевич до полцарствия своего.

И тут Илья Муромец сын Иванович стал жить во всяком благости и честности лета довольно и жаловал слугу своего великою честию, над всеми людми большим боярином. И привез из Мурама отца и матери и сам женился и слугу своего Торопа женил. И жили во всяком благополучие в радости и чести... до глубокой старости и тако тому отидоша, и погребение бысть славное. И те же люди миновалися, и слава их до скончания века.

Конец.

История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье-разбойнике

1. В славном было городе Муроме, в селе Караварове, жил в нем крестьянин Иван Тимофеевич. У нево было любимое детище Илья Муромец. Сидел он сиднем 30 лет. И как минуло 30 лет, то стал он ходить на ногах крепко и ощутил в себе силу великую и зделал себе збрую ратную и капъё булатное и оседлал коня своего богатырскава. И приходит ко отцу своему и к матери и стал у них просить благословения: «Государи батюшка и матушка, отпустите меня в славной Киев-град богу помолитца, а кънязю киевскому объявитца». Отец и мать ево дают ему благословение и кладут на нево заклятие великое и говорят такие речи: «Поезжай ты в Киев прямо на Чернигов-град и, будучи в пути своем, не делай обиды и не проливай крови христианских напрасно».

2. Илья Муромец принел у отца и матери благословение, богу молитца, со отцом и матерью прощантца и поехал в путь свой. И так далеко заехал в темны леса, что наехал на тaborы разбойничьи. И те разбойники увидели Илью Муромца, и разгорелись у них сердца разбойничьи на коня богатырскава. И стали между собой разговаривать, чтоб лошадь отнять, что «мы такой ни в которых местах не видывали, а ныне едит на таком добром коне незнамо какой-то человек». И стали на Илью Муромца напущать человек по 10-ти и по 20-ти. И стал Илья Муромец останавливать коня своего богатырского и вынимал ис колчана колену стрелу, накладывает на тугой лук. И пустил калену стрелу под землею, и колена стрела стала рвать в косую сажень. И видя то, разбойники испужались и собирались во един круг и пали на колени и стали говорить: «Государь наш батюшка удал доброй молодец, виноваты мы пред тобои! И за нашу такую вину бери казны, сколько надобно, а платя цветнова и табуны лошадей, сколько угодно». И усмехнувсис сказал: «Некуды мне девать, но если хотите живы быть, то впередь не атважтис етава думать».

3. И поехал в путь свой к славному граду Киеву и подъезжал ко граду Чернигову. И под тем градом Черниговым стоит войско босурманское, что ему и сметы нет. И Чернигов-град осадили, и хотят ево вырубить и божии церкви на дым пустить, а самаго князя киберского и воеводу черниговского живых в полон взять.

И той великой силы Илья Муромец ужаснулся, однако положил на волю создателя своего господа бога, и вздумал положить главу свою за веру христианскую. И стал побивать силу босурманскую капьём булатным. И всю силу поганую побил и царевича босурманского в полон взял и ведет во град Чернигов.

И встречают из града Чернигова граждане с честию. Идет сам князь киберской и воевода черниговской, принимают доброва молотца с честию, благодарение господу богу возсыпают, что господь прислал нечаянно граду очищенье и не дал всем напрасно погибнуть от такой силы босурманской. И взяли ево в полаты свои и сотвориша велий пир и отпустиша его в путь свой.

4. Илья Муромец поехал ко граду Киеву премою дорогою от Чернигова, которую заложил Салавей-разбойник ровно 30 лет, не пропущал ни коннова ни пешева, а убивал не оружием, но своим разбойниччьим свистом. И выехал в чистое поле и увидел попрыски богатырских и по них поехал. И приехал на те леса Брянских, на те грязи топучия, на мосты калиновы, к той реке Смородине. И Соловей-разбойник послышал себе кончину и бесчастие великое и, не допуская Илью Муромца за 20 верст, засвистал своим свистом разбойничьим крепко, но богатырское сердце не устрашил. И, не допустя еще за 10 верст, засвистал громче таво. И с тово свисту под Илью Муромцом конь споткнулся. И приехал под самое гнездо, которое свито на двенадцати дубах. И Соловей-разбойник, на гнезде сидя, увидел светорусского богатыря и засвистел во весь свист разбойничий и хател Илью Муромца убить до смерти. Илья Муромец снимает с себя тугой лук, накладывает калену стрелу и пустил на то гнездо Соловиное и попал в правой глаз и вышел вон. И Соловей-разбойник свалился з гнезда, что овсяной сноп.

5. Илья Муромец берет Соловья-разбойника и привезал ево крепко к стремени булатному и поехал к славному граду Киеву. И на

Изображение из книги Ильи Муромца
«Легенды о героях русской народной
литературы»

Слева изображены Соловей и Калита, сидящие за столом. Соловей держит в руках длинную палку. В центре изображена конная фигура Георгия Победоносца, смотрящая вправо. Справа изображены другие персонажи из легенды.

Изображение из книги Ильи Муромца
«Легенды о героях русской народной
литературы»

На изображении изображена конная фигура Георгия Победоносца, смотрящая вправо. Фигура имеет характерные черты героя: шлем, доспехи и меч.

Изображение из книги Ильи Муромца
«Легенды о героях русской народной
литературы»

На изображении изображена конная фигура Георгия Победоносца, смотрящая вправо. Фигура имеет характерные черты героя: шлем, доспехи и меч.

Изображение из книги Ильи Муромца
«Легенды о героях русской народной
литературы»

На изображении изображена конная фигура Георгия Победоносца, смотрящая вправо. Фигура имеет характерные черты героя: шлем, доспехи и меч.

Изображение из книги Ильи Муромца
«Легенды о героях русской народной
литературы»

На изображении изображены несколько конных фигур, включая Георгия Победоносца, смотрящих вправо. Фигуры движутся вправо, создавая ощущение движения.

Изображение из книги Ильи Муромца
«Легенды о героях русской народной
литературы»

На изображении изображена конная фигура Георгия Победоносца, смотрящая вправо. Фигура имеет характерные черты героя: шлем, доспехи и меч.

Изображение из книги Ильи Муромца
«Легенды о героях русской народной
литературы»

На изображении изображена конная фигура Георгия Победоносца, смотрящая вправо. Фигура имеет характерные черты героя: шлем, доспехи и меч.

Изображение из книги Ильи Муромца
«Легенды о героях русской народной
литературы»

На изображении изображена конная фигура Георгия Победоносца, смотрящая вправо. Фигура имеет характерные черты героя: шлем, доспехи и меч.

пути стоят палаты Салавья-разбойника. И как поровнялся Илья Муромец против палат разбойничьих, у которых окны растворены, и в те окны смотрели разбойничьи три дочери. И увидела меньшая дочь и закричала сестрам своим: «Вон наш батюшка едит з добычею и везет к нам мужика, привязана у стремени булатнава». А большая дочь пасматрела и заплакала горько: «Это не батюшка наш едит, эта едит незнамо какой-та человек и везет нашива батюшку». И закричала мужьям своим: «Мужья наши милыя, поезжайте к мужику навстречю и отбейте у нево нашива батюшку, не кладите наш род в таком позоре!» И мужья их, сильные богатыри, поехали против светорусского богатыря. Кони у них добрыя и копья вострыя, и хотят Илью на копьях поднять. И увидел их Соловей-разбойник и стал говорить: «Зетья мои милыя, не позортесь вы и не дразните такова сильнова богатыря, чтоб вам не принят смерти от него всем, лутче с покорностью попросите его в дом мой выпить по чаре зелена вина». И по прозбе зятей поверотил в дом, не ведая их злобы, что большая дочь подняла железную на цепях подворотню, чтоб ево пришибить. Но Илия усмотрел ею на воротах, ударил копием и ушиб до смерти.

6. И как приехал в Киев-град, въезжает прямо на княженецки двор и входит в полаты белокаменные, богу молится и князю кланитца. И князь киевски спрашивал: «Скажи, доброй молодец, как тебя звать и которава города уроженец?» Ответ держит Илья Муромец: «Меня, государь, зоут Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, а уроженец я города Мурома, села Каракарова». И князь спрашивает: «Которою дорогою ехал из Мурома?» — «Я, государь, ехал из Мурома на Чернигов-град и под Черниговым, побил воиско босурманское и сметы нет и очистил Чернигов-град. И оттуда поехал премою дорогою и взял сильнова богатыря Соловья-разбойника, которава и привел с собой у стремени булатнава». Но князь осердясь сказал: «Што ты обманываеш?» И как эта услыша богатыри Алеша Поповичь, Добрыня Никитичь бросились смотреть и увидели и князя уверили, что справедливо так. И приказал князь поднести кубец зелена вина доброму молотцу. И князю захотелас разбойническаго свисту послушать. Илья князя с княгинею обернул в шубы сабольи и, поставя их подмышки, и призвал Соловья, приказал вполсвиста за-

свистеть. А Салавей-разбойник засвистал во весь разбойничей свист и оглушил богатырей, что упали на пол, и за то ево Илья...

7. А Илья Муромец назвался з Добриней Никитичем братьями, и оседлали своих добрых коней и поехали в чистыя поля гулять. И ездили ровна 3 месяца, не нашли себе сопротивника, только наехали в чистом поле идет колечища прохожей, гуя на нем в 50 пуд, шляпа в 9 пуд, кастыль 10 сажен. Илья Муромец стал на нево напущать и хочет отведать своей силы богатырская. И увидел колечища прохожей Илью Муромца и говорит: «Ой еси ты, Илья Муромец, помниш ли мы с тобой в одной школе грамоте учились, а ныне ты на меня такова колеку напускаеш, как на некакова неприятеля, а того ты не ведаешь, что в славном городе Киеве великая безгодушка учинилас: приехал неверной сильной богатырь Идолища нечестивой, голова у нево с пивной котел, в плечах сажень, промежь бровми пядь, промеж ушей колена стрела, а ест он по быку, а пьет по котлу. И князь киевски вельми об тебе соболезнуует, что ты ево в едакой печали оставил».

8. И нарядясь Илья Муромец в колечищина платья и идет прямо на княженецки двор и закричал богатырским голосом: «Ой еси ты, киевски князь, сошли мне, колечице прохожему, милостину». И увидел ево князь и говорит таковы речи: «Поди ко мне в полаты, колечища, я тебя накормлю и напою и золотой казны на дорогу дам». И вошел колечища в полаты и стал у печи, поглядывает. И Идолище просит есть, и принесли ему быка целова жирнова, и он ево и с костми съел. И Идолища попросил пить, и принесли котел пива, а несли 12 человек, и он взял за уши и выпил его весь. Илья Муромец говорит: «Была у моево батюшки кобыла обжерлива, обожралась и издохла». И Идолища не утерпел и говорит: «Ой еси ты. количища прохожей, что ты меня замаешь? Мне нечево тебя в руки взять. Не то, что ты, каков у вас был Илья Муромец, я бы и с тем стычку дал». — «Да вот он каков!» И схватил с себя шляпу, ударил ево в голову тихонько, только прошиб стену полат и, взявши туловище, туды ж выкинул. И за то князь Илью Муромца почтил великими похвалы и причел в сильныя могучия богатыри. И сей истории конец.

Сказание об Илье Муромце, Соловье-разбойнике и Идолище

взял под правую руку, а воевода черниговской под левую. Илья Муромец говорит таковы речи: «Государи князь киберской и воевода черниговской, не подлежит вам меня, нижайшева раба, братъ под руки и вѣсть в полаты белокаменные». И взял их обеих под руки и вел их в полаты, и сажались за столы за дубовыя, за скатерти браные, за ествы сахарные. И как стал пир навеселе, и стали князь киберской и воевода черниговской спрашивать: «Пожалуй, скажи, удал доброй молодец, как тебя зоут по имени и по отечеству, и уроженец которые земли, и роду христианскому ль?» Ответ держит Илья Муромец: «Я, государи, роду христианского, а уроженец города Мурома, села Каракарова; отец мой — крестьянин Иван Тимофеевич, а меня, государи, зоут Илюшкою, а по отечеству Иванов сын; а еду я, государи, ко славному граду Киеву богу молитца, а князю Владимиру объявитца».

И стал князь киберской спрашивать: «Скажи, пожалуй, Илья Муромец, давно ль ты поехал из дома отца своего, и давно ль билась етаю силаю босурманскою?» О[т]вет держит Илья Муромец: «Я, государь, поехал вчера пообедавши и к вам приехал вчерашияго числа, как вы сами видели».

И как стол отошел, Илья Муромец выходит из-за стола дубового и молитца богу по писанному и благодарит князя киберского и воеводу черниговского за хлеб и за соль. И стал богу молитца, и с ними прощаетца и спрашивает их: «Скажите, пожалуйте, князь киберской и воевода черниговской, как мне ближе ехать ко славному граду Киеву — которою дорогою?» И стали ему сказывать: «Государь наш Илья Муромец, сын Иванович! Мы тебе скажем прямую дорогу ко славному граду Киеву. Тебе, государь, премяя ехать

на те леса на Брянския,
на те мосты калиновы,
чрез тое реку Смородину;

только нет, государь, там пропуску: ровно тритцать лет залегла эта дорога от сильного богатыря Соловья-разбойника: не пропущает он ни пешева, ни коннова, всех грабит и убивает, и храбрость показывает всем сильным могучим богатырям; а воюет он без оружия, только убивает своим разбойническим свистом.

И слыша то, у Ильи Муромца богатырское сердце разгорелось: богу молитца и с князем прощаетца. И они ево стали просить: «Государь Илья Муромец! Пожалуй у нас начуй; и отслушаешь заутреню воскресную, и туды во славной град Киев поспеешь к обедни». Илья Муромец не мог отставить прошения их: у них начевал и отслушел заутреню воскресную. А все эта делалось в великую субботу: и с ними, с князем киберским и воеводай черниговским, похристосывалса; и они ему дали по яичку и на них подписали подпись: в которой день поспел из Мурома в Чернигов-град, и сколько под Черниговым побил силы босурманских.

Илья Муромец, приняв от князя киберского и воеводы черниговского отпуск, садился на своего доброго коня и спрашивал у князя киберского: «Как, государь, мне узнать дорогу прямую на те леса на Брянские?» И они ему сказали: «Как выедеш, государь, из нашева града в чистое поле — и увидиши в правой стороне попрыски богатырских».

Илья Муромец поехал.

И выехал в чистыя поля, и увидел попрыски богатырских и по них поехал, и приехал:

на те леса на Брянские,
на те грязи топучия,
на те мосты калиновы,
к той реке Смородине.

И Соловей-разбойник

Послышил сильного могучева богатыря и узнал себе кончину и бедствие великое; и не допуская Илью Муромца

за тритцать верст,

засвистал своим свистом разбойническим таково крепко, что под Ильею Муромцем конь спотыкнулся. Илья Муромец бил своею коня по крутым бедрам и сам говорит таковы слова: «Что ты, волчья мяса, травной мешек? Али ты в темных лесах не гуливал и соловьиного свисту не слыхивал?» А сам поехал путем своим. И Соловей-разбойник, не допустя Илью Муромца

за пятнадцать верст,

засвистал тромче тово, и с того свисту под Ильею Муромцем конь пуще тово спотыкнулся, и он опять бил коня по крутым бедрам и говорит такия речи: «Что ты, волчья мяса, травеной мешок? Или ты в темных лесах не гуливал, соловьиного свисту не слыхивала?» А сам опять поехал дорогою

и приехал под Соловьевое гнездо:

Свito на двенадцати дубах самых толстых, которые обоймов по пяти. И на тех дубах на гнезде сидючи, Соловей-разбойник увидел светорускова сильнова могучева богатыря и засвистал во весь свой свист разбойничий: хотел, чтаб такова сильнова богатыря убить до смерти, а самому бы быть в великой чести и славе во всей вселенней; и так громко засвистал, что под Ильею Муромцем конь богатырской

спотыкнулся на каракчи со всех четырех ног.

Илья Муромец снимает с себя тугой лук и накладывает колену стрелу и пустил на то гнездо Соловьевое и попал в правой глаз и в левое крыло и вышиб левой глаз. И Соловей-разбойник свалился з гнезда, что овсяной сноп. Илья Муромец берет Соловья-разбойника и привязал ево крепко к стремению булатному и стал скакать во всю пору конскую, и выскакал: те леса Брянских, | те грязи топучия, | те мости калиновы, | и перескакал реку Смородину | и выскоцил в чистыя поля.

Стоят три терема златоверховатыя.

Илья Муромец спрашивает Соловья-разбойника: «Скажи, Соловей-разбойник, не тот ли славной Киев-град?»

Ответ держит Соловей-разбойник: «Государь, удалой доброй молодец, сильной могучей богатырь Илья Муромец! Это не славной Киев-град, это мои Соловьевы палаты, а живут в них три мои дочери. И как поровнялся Илья Муромец против полат разбойничьих, и у тех полат были

окны настеш
растворены, и в тех окнах

сидели дочери Соловья-разбойника, смотрели в чистыя поля з добычею отца своего и думали сами между собою, что «едит наш батюшка з добычею». И увидела меньшая дочь и закричала сестрам своим: «Вон наш батюшка едит з добычею и везет к нам мужика привязана у стремени булатнова!» А большая дочь посмотрела и заплакала горько и закричала громким голосом богатырским: «Эта не батюшка наш едит, эта едит мужик незнамой и везет нашева батюшка привязана у стремени булатнова». И закричала мужьям своим: «Мужья наши миляя! поезжайте к мужику навстречю и отбейте у нево нашева батюшку, государя Соловья-разбойника, не кладите на наш род такова позору и бесчестия». И мужья их, сильные богатыри, метались на конюшенной двор, брали своих добрых коней и без седел выехали против светорусского богатыря Ильи Муромца, и хотят отбить тестя своего: кони под ними добрыя, и копья у них вострыя, и хотят Илью на копьи посадить.

И увидел их Соловей-разбойник и говорит им: «Зятья мои миляя, удалые добрыя молодцы! не позортесь вы и не дразните такого-сильного светорусского богатыря: ежели разъдразните, всем вам принять от нево чашу смертную; лутче вам слесть с своих добрых коней и просить доброва молотца для такова торжественного праздника выпить по чаре зелена вина». И они ево, тестя своего, послушали:

слезли с своих добрых коней и пали в ноги
удалому добруму молотцу
и стали просить ево в дом свой:

«Удал доброй молодец, сильной могучей богатырь, милости у тебя просим в дом отца нашева для такова торжественного праздника выкушать по чаре зелена вина». Илья Муромец, видя их такую покорность, и не ведал их такой злобы, заварачивает своим добрым конем и поехал в дом Соловья-разбойника.

И увидела большая дочь, что едит Илья Муромец в дом их, и вскочила на верею и подхватила подворотню железную на цепях и хотела Илью Муромца чтоб пришибить тою подворотнею на воротах, а отца своего освободить из неволи. И как Илья Муромец в вороты едит, и она тое подворотню пустила и не захватила, и опять тот час подхватила, а она была сильная богатырка. И усмотрел Илья Муромец, что она сидит на верее и подхватывает подворотню; оборотясь ударил ея шелепугой подорожною так сильно, что от тое вереи отлетела на двенадцать сажен, а сам заворотил свой доброй конь и поехал з двора; и говорит Соловью-разбойнику: «Спасиба, Соловей-разбойник, на твоей перепутной чаре: вина я у тебя не пивал, а в голове зашумела! А вы, Соловьи, ежели не привезетя своих Соловьиных пожитков в славной Киев-град, и я к вам приеду, то всем вам, старому и малому, смерти не миновать, все умрете злою смертию от моего острого меча». И поехал ко славному

граду Киеву.

И как приехал в Киев град, проезжает прямо на княженетской двор, и пустил своего коня богатырского среди двора княжепетского и никому коня не приказывает и к яслем не привязывает. И тому все слуги княженетских дивуютца: «Что за мужик приехал на наш двор и никому коня не приказывает и не привязывает?»

Илья Муромец пошел в церковь соборную.

Молится он богу по писанному и на все четыре стороны покланяется, а особливой поклон отдает князю Владимиру и княгине Апраксине-королевише; и стал молитца по-писанному.

И увидел князь Владимир такова приезжева человека и послал спросить: откуда приехал и как ево имя. И стояли с князем два министра—могучия богатыри Алеша Поповичъ да Добрыня Никитичъ.

И кинулса Алеша Поповичь и стал спрашивать неочестливо, и очень он пересмешлив был: «Как тебя зоут, и чей ты, и что за мужик, и откуда ты приехал?» Ответ держит Илья Муромец: «Алеша Попович, бабья б..., пересмешица! пришли полутче себя и повежливее». И Алеша Попович пошел прочь от него со стыдом и пришел к князю Владимиру, ответу никакова не дает. И князь Владимир спросил: «Алеша, ходил ли ты спрашивать приезжева человека, и что он тебе сказал? кто он таков?» Ответ держит Алеша: «Приехал, государь, какой-то мужчинка, и я его спрашивал, и он мне ответу не дал; только, государь, меня пред народом обезчестил». И как Владимир догадался, что он спрашивал нечестию, и послал другова министра, Добрыню Никитича, и велел спросить вежливо. И Добрыня Никитич пришел к Илье Муромцу и стал спрашивать очесливо: «Прислал до вас князь Владимир, приказал вас спросить: откуда ваша милость приехал и которова города уроженец, и как тебя звать по имени и по отечеству?» Ответ держит Илья Муромец: «Государь Добрыня Никитич! донеси великому князю Владимиру: зоут меня Илюшкою, а по отечеству Иванов сын, уроженец я города Мурома, села Карабарова; а приехал я нарочно в славной Киев-град богу молитца, а князю Владимиру объявитца». И Добрыня Никитич пришел и объявил князю Владимиру: «Сказываетца Илья Муромец сын Иванович, а уроженец города Мурома, села Карабарова, а приехал нарочно во славной Киев-град богу молитца, а тебе, князю Владимиру, объявитца».

И князь Владимир верынеймет, что эта сильной богатырь Илья Муромец. И как отошла божественная литоргия, пошли все из церкви вон, Илья Муромец дождался князя Владимира, и как он пошел из церкви и со княгинею Апраксиной-королевицей, — и подошел к князю и поклонился, и похристосывался и подарил их теми яичками, которыми ево подарили князь киберской и воевода черниговской. И князь Владимир, смотря на те яйцы, и спросил у своей княгини: «Что у тебя на яйцу написано?» И она ему ответствовала: «Написана на яйце мудреная вещь, чему статца не можно».

И князь Владимир от обедни всех стал звать князей и бояр и сильных могучих богатырей к себе в полаты белокаменные, и стал

И поехалъ спою иудаиному граду ииеву и подъезжантъ погра-
ду Чернигову и подъемъ градомъ Черниговыимъ стоятъ ассирии бос-
ртансое что ему исметы нетъ и Черниговъ градъ осадили и хотятъ
его вытурить ибо имъ царемъ нальятъ пустить асамаго ииизъ ииивер-
шаго ииоводу Черниговскаго спауихъ ииаполонъ изъять.

И томъ величии сиie Илья Муромецъ ужаснулся сднаю пологийю на
полю создателя своего сда бга поздумалъ пологистъ глау свою
задеру хроптиансую и сталъ подпашь силу босурманскую пальюю
бумаситымъ посю сплу поганую подиалъ ииранга босурманскаго въ
полонъ взялъ ииедетъ поградъ Черниговъ.

И претратилъ изъ града Чернигова градъ дне схестию. идетъ са
иизъ иииверсии ииовода Черниговиши и примаготъ доброога
молотца схестиго. благодарение господу Богу возсыпалъ
что господь присла негажину градъ огненщие ииедаю осемъ
напрасно погибнуты оташон силы босурманския изъяли его
ииаполы сая иссториша веиимъ пиръ. и отпустиша его опу спои

Илья Муромец под Черниговом

Из собрания народных картинок XVII—XVIII веков А. В. Олсуфьева

СИЛЬНЫЙ ХРАБРЫЙ БОГАТЫРЬ ИЛЯ МУРОМЦЪ.

Възьмаетъ изъ Черниговѣ на Кіевъ подъ бѣжать къ Брянскимъ лѣсамъ, въ тѣхъ лѣсахъ живѣтъ на двѣнадцати дукахъ Соловей Разбойникъ, который непропускаль никонаго ни пѣшаго бѣгуна, склониъ посвистомъ вить онъ видѣлъ Илью Муромца, заставитъ не допускаль и вѣреть потому за то еще гройце отчего Конь споткнулся Илья Муромецъ подѣжалъ къ самому гнезду разбойника сидѣть съ плащомъ тугои зѣкъ жадожицъ на него калену стрѣлу и пистиль въ разбойника и попалье ему въ правыи глазъ Соловей свѣшился какъ осинній снопъ.

Илья Муромецъ и Соловей-разбойник.

Лубокъ XIX века.

князь подносить всем по чаре зелена вина и пришел поднес Илье Муромцу. И зговорит Илья Муромец: «Государь князь Владимир! слей мне чары две или три во едино место, а мне этой чарой нечем и рот полоскать». И князь Владимир налил кубец в полведра и поднес Илье Муромцу. Илья Муромец выпил и поклонился; и стал говорить: «Великий князь! я теперь по милости твоей сыт и пьян, только у меня товарищ не сыт и не пьян». И князь Владимир спросил: «А кто твой товарищ?» — «А мой товарищ — доброй конь». И услышал эта Алеша Попович и выскочил ис полат белокаменных, и насыпал пшеницы доброму коню богатырскому и привезал и своего коня, и говорит к себе: «Ежели богатырской конь не пропустит наших лошадей, то премой конь богатырской». А Ильи Муромца конь втирался помаленьку, и втерса и хватил коня Алеши Поповича и убил до смерти. И Добрыня Никитич насили отхватил своего коня; и никому не сказали о том, что убил богатырской конь коня Алеши Поповича.

И князь Владимир еще не уверяетца, что он — сильной могучей богатырь; сажал всех за столы за дубовыя, за скатерти за браные, за есты сахарные, и все богатыри сели по своим местам, а Илья Муромцу князь Владимир приказал выбрать место, где похочет, и все изведывает силы его Муромцовой и не чает ево, что он сильной могучей богатырь: для тово велел ему выбирать место между сильных богатырей. А Илья выбрал креслы что ни лутчия, подле князя Владимира, и стал на них садитца: и те богатыри не стали на свои места пускать, а он пожал с конца и до другова конца инова богатыря между кресел мертвова и поломал все решетки железныя. И князю Владимиру все это в досаду не кажетца, все эта приемлет за великое щастие, что такой сильной могучей богатырь в славном Киеве-граде проявляетца.

И еще хочетца князю Владимиру Илью Муромца — изведать силу ево; выгленул в окошко и увидел доброва коня богатырского — ест пшеницу белоярую. И закричал конюхам своим: «Налейте сыты медвянной и выпустите моих княжих лошадей, и как богатырской конь не пропустит моих лошадей?» И конюхи налили сыты медвянной коню богатырскому и выпустили и княжих лошадей, и богатырской конь

втерса между ими помаленьку и хватил коня княжева что ни лутчева и схватил с него шкуру долой. И закричал князь Владимир конюхам, чтоб последних коней ево не побил богатырской конь, велел тот час отогнать, а сам сел на своем месте. И стали пить, ясти и веселитися.

И стал князь Владимир навеселе ж и стал Илью Муромца спрашивать: «Скажи, доброй молодец, как тебя звать по имени и по отечству, и которого ты города уроженец?» И встал Илья Муромец с места своего и стал ответ держать: «Меня, государь, зоут Илюшкою, а по отечству Иванов сын, а уроженец я города Мурома, села Каракарова». — «Давно ли ты, Илья Муромец, оттудова из Мурома поехал?» — «А я, государь, вчерась поехал пообедавши». И князь Владимир изумелся и стал еще спрашивать: «Которою ты дорогою ехал из Мурома?» Ответ держит Илья Муромец: «Я ехал, государь, из Мурома на Чернигов-град и под Черниговым-градом побил войска босурманского — и сметы нет, и очистил Чернигов-град; и князь кеберской и воевода черниговской вчерашняго дня унели меня начевать, и отслушал я в Чернигове воскресную заутреню, и подарили меня они по яичку, которая я вашей светлости поднес. А ежели сему не изволите веры понять, то изволите послать справитца чрез почту. А из Чернигова, государь, ехал я дорогою

на те леса на Брянския,
на те грязи топучия,
на те мосты калиновы,
чрез тое реку Смородину».

И слыша то, князь Владимир всстает из места своего с великим гневом на Илью Муромца и говорит таковы речи: «Не подлежит тебе, мухинку, меня, такова великока князя, обманывать, я тебя за то велю злой смерти предать!» И рече Илья Муромец: «Великий князь Владимир! за что такой гнев изволиш на меня держать, и чем я вас оболгал и какими словами?» И говорит Владимир-князь: «Первое ты меня оболгал: сказываеш, что вчерась из Мурома, чему статца невозможно; второе, сказываеш: из Чернигова ехал на леса на Брянския, | на грязи топучия, | на мосты калиновы, | чрез реку Смородину; | тое дорогу заложил сильной богатырь Соловей-разбойник ровно

тринадцать лет, не пропускает он ни пешева, ни конного, и не выби-
раютца у нас из славного города Киева против ево ни единой силь-
ной могучей богатырь, а ты сказываешь, что тою дорогою ехал». И говорят Илья Муромец таковы речи: «Не изволь, великий госу-
дарь, на меня гневу держать: все правду сказываю пред вашею свет-
лостию. А ежели сему верить не изволите, то извольте посмотреть
своего хвального богатыря Соловья-разбойника, которой стоит при-
вязан коня моего у стремени булатнова». И тут все богатыри кину-
лис смотреть, а князь Владимир приказал ево позвать к себе в полаты
белокаменные.

И выскочил и кинулса звать Алеша Попович на крыльцо, и стал
звать Соловья-разбойника неочестливо: «Соловей-разбойник! поди
в палаты». А Соловей-разбойник ответствует: «Алеша Попович,
бабья б..., пересмешища! Ты на то надеялся, что я теперь в не-
вole; вышел ты меня звать нечестию, — я тебя хвачю гнилым кры-
лом, что ты у меня на двенадцать сажен в землю уйдеш. А ты вы-
шли полулучше себя в повежливее позвать меня». Алеша Попович при-
шел к князю Владимиру и сказал, что «не идет и не слушает тебя,
великого князя». И князь Владимир послал Добрыню Никитича и
велел позвать честию. И Добрыня Никитич вышел и стал звать
с честию. И Соловей-разбойник говорит таковы речи: «Добрыня Ни-
китич! не слуга я вашему князю и повеления вашего не творю,
а творю повеление Ильи Муромца».

Услышал то князь Владимир таких слова и закричал в окошко:
«Соловей-разбойник! поди ко мне в палаты». И Соловей ответствует:
«Князь Владимир! не твой я слуга и не слушаю тебя: я слушаю по-
веления Ильи Муромца, ежели он прикажет». И князь Владимир говорит:
«Илья Муромец! прикажи к нам войти Соловью-разбойнику». Илья Муромец крикнул в окошко: «Соловей-разбойник! поди
в полаты». И Соловей-разбойник вошел. И князь Владимир говорит:
«Соловей-разбойник! засвищи своим свистом разбойническим, как ты
свистал на лесах на Брянских». И Соловей-разбойник сказал: «Князь
Владимир! не твой я слуга и не слушаю тебя и повеления твоего не
творю, а творю я повеление Ильи Муромца». И князь Владимир го-
ворит: «Илья Муромец! прикажи засвистать Соловью-разбойнику».

И говорит Илья Муромец: «Велики князь Владимир! ест ли у вашей светлости шубы соболиные? Прикажи их принести». И как принесли шубы соболиные, то Илья Муромец взял князя Владимира и со княгиней Апраксиной-королевишной, обернул их в те шубы и представил их к себе под мышки. И велел засвистать Соловью-разбойнику: чтоб он засвистал в полсвиста своим свистом разбойническим. А Соловей-разбойник думал, что «Илья Муромец пьян и я ево оглушу и убью до смерти и буду в Киеве-граде властелином», и засвистал во весь свист, что ни есть могуты ево, и так крепко, что с теремов по самыя окны верхи съвеело, а богатырей которых оглушил, которых вон ис полат вынесло, и убил до смерти. Илья Муромец выпустил князя Владимира со княгиней Апраксиной ис-под мышек, а Соловья-разбойника взял при них за ноги и говорит такия слова: «Не люблю я, Соловей-разбойник, таких себе неверных слуг — которой мне раб неверно служит». И убил ево об камений мост до смерти и выкинул в окошко. И князь Владимир усмотрел и стал верить, что Илья Муромец сильной богатырь. И пошли в другия палаты белокаменные и стали пить, есть и веселитца и смотреть в чистое поле.

И увидел князь в чистом поле силу великую: идет прямо к городу Киеву. И стал князь Владимир тужить: «Кому у нас итти с етай великой силай биться?» Илья Муромец посмотрел в зрительную труппу и стал говорить: «Князь Владимир! не печальса; по печали, государь, бог дарует радость: не сила эта идет, не великая ко граду Киеву: эта везут Соловьиная воровския пожитки по приказу моему к тебе, князю Владимиру». И как приехали зятья Соловья-разбойника с пожитками, и въезжают прямо на княжой двор и спрашивают во дворе княжем: «Где наш батюшка живет Соловей-разбойник?» И сказали им слуги княженетския: «Вон ваш батюшка под окном валяетца, и ест ево червь неусыпающий». Тогда зятья Соловья-разбойника обрезали гужи на лошадях и уехали из града Киева: думали, что и им то ж будет.

Илья Муромец пьет, гуляет, прохлажается. И назвалис з Добриной Никитичем братьями и оседлали своих добрых коней и поехали в чистое поле гулять. И ездили в чистом поле три месяца, не нашли

себе сопротивника; только наехали в чистом поле — идет колечища прохожей:

гуня на нем в пятьсот пуд,
шляпа в тритцать пуд,
костыль сорока сажен.

Илья Муромец стал на него напащать, хощет с ним стычку дать, отведать силы своей богатырской. И увидел колечища прохожей Илью Муромца и говорит таковы речи: «Ой еси ты, Илья Муромец! Помниши ли, мы с тобой в одной школе грамоте училис, с одново блюда едали и пивали, из одного стакана пивали, а платье нашивали с одного плеча? А ныне ты на меня, на такова колеку, напускаеш и хочеш ты меня убить в чистом поле, аки какова неприятеля; а тово не знаеш, что тебя посажу и промеж коленей ущемлю и за ето тебе хворостиною ж... высеку, чтоб ты так впредь не делал. А того ты не ведаеш, что во славном городе Киеве великая безгодушка учинилас: приехал неверной сильной богатырь —

Идолища нечестивой:
Голова у нево с пивной котел,
В плечах касая сажень,
Промеж бровми доброва мужа пядь,
Промеж ушми колена стрела. —

и разсадил князя со княгинею и целует ея во уста сахарныя, а ест он по быку, а пьет по пивному котлу. И князь Володимер вельми об теби соболезнуует, что ты сво в едакой печали оставил». И говорит Илья Муромец: «Ой еси ты, колечища прохожей! что у тебя силы нет, или смелости?» И рече прохожей: «Во мне силы много, да смелости нет». И говорит Илья Муромец: «Ой еси ты, колечища прохожей! дай мне свою гуню в пятьсот пуд. шляпу в тритцать пуд, костыль сорока сажен: пойду в славной Киев-град. Вот тебе мой добрый конь богатырской, и вот тебе мое платье цветное и тугой лук!»

И пошел Илья Муромец в Киев-град, и пришел прямо на княжеской двор, и идет к полатам белокаменным, и закричал и возопил по-богатырскому: «Ой еси ты, Володимер-князь! сошли мне, колечище прохожему, милостыню!» И увидел ево Володимер-князь и го-

ворить таковы речи: «Поди ко мне, колечища прохожей, в полаты белокаменныея, я тебя накормлю и напою и золотой казны на дорогу дам». И пошел колечища прохожей в ту палату, где сидит князь Владимир и Идолища нечестивой со княгиней Апраксиной-королевицкой и целует ея во уста сахарныя. А колечища стоит у печи и на него поглядывает.

И Идолища просит есть. И принесли ему, нечестивому, быка целова жирнова, и он ево и с костьми съел. Илья Муромец, стоячи у печки, говорит: «У моево батюшки была такая-то корова объжерлива: обожралас и издохла». И на то Идолища ответу ничего не дал.

И попросил Идолища пить. И принесли ему котел пива двенадцать человек, и он взял за уши и выпил ево. Илья Муромец говорит: «Была у моево батюшки кобыла объжерлива: обожралас да издохла». И Идолища нечестивой не утерпел и стал говорить: «Ой еси ты, колечища прохожей! што меня замаеш? Мне нечево тебя в руки взять и незачем над тобою рук сквернить. Не то што ты, каков у вас был Илья Муромец, я бы и с тем стычку дал».

И богатырское сердце разгорелось, и зговорил таковы речи: «Кали бы был Илья Муромец, он бы давно тебе, сабаке, не спустил». И схватил с себя шляпу и ударил ево в голову так сильно, что прошиб стену полат белокаменных и, взявши туловища, на двор выкинул. И стали на той радости ясти, и пити, и веселитца.

И великий князь Владимир
Илью Муромца великими
похвалами возвеличил
и причел в сильныя могу-
чия богатыри.
И сей истории
конец.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В РУССКОМ ЭПОСЕ

В богатом и многообразном содержании русского героического эпоса в особенности привлекают внимание сами образы русских богатырей. Сложившиеся в основном в эпоху борьбы русского народа за свою независимость в XI—XIV веках русские былины явились выражением народного героизма. В образах могучих богатырей дано художественное обобщение силы народных масс, ведущих борьбу с иноземными нашествиями, и высоких качеств народа, проявленных в этой борьбе. В образах богатырей, самоотверженно защищающих родную землю, воплощены представления о подлинной доблести, дан идеал народного героя.

Лучшие черты этого героя, беззаветно преданного родине, всегда готового встать на ее защиту, совершающего подвиги в интересах народа, объединены в образе Ильи Муромца.

Илья Муромец — центральный герой русского эпоса. О нем сложено наибольшее количество песен, в целом образующих как бы его поэтическую биографию. Иногда несколько былин объединяются в сводные былины для более полного изображения подвигов любимого народного героя. В записях советского времени имеется несколько случаев объединения в одну былину-поэму всего или почти всего цикла сюжетов об Илье Муромце. Объединение многих сюжетов встречаем также в ранних и позднейших записях прозаических пересказов былин об Илье Муромце. Свидетельством широкой популярности имени и образа Ильи Муромца является постоянное упоминание о нем в былинах, посвященных другим богатырям. Илья Муромец часто включается в эти былины и в качестве действующего лица. Это случается порой и в таких былинах, где, судя по старейшим редакциям, имя Ильи Муромца вначале даже не упоминалось (например, в былинах о Дюке Степановиче, о Дунае и др.). Иногда и акцент с главного героя переносится в таких былинах на Илью Муромца. Так, в некоторых вариантах «Дунай» Илья Муромец не только оказывается «в товарищах» вместе с Добрыней, но ему принадлежит и главная роль.¹

Широко известно имя Ильи Муромца и в русском сказочном эпосе. Отдельные сюжеты и эпизоды былин об Илье Муромце получили сказочное оформле-

¹ Астахова, I, № 27 (Список сокращений см. на стр. 537).

ние, объединились и переплелись с эпизодами волшебно-героических и героико-авантюрных сказок, таких, как сказки о победителе Змея, «Бова», «Еруслан Лазаревич» и т. п.

В казачьих поселениях на юге России на основе былинных сюжетов и отдельных эпизодов былин сложен особый цикл песен об Илье Муромце. Там же, а также в других районах России наблюдаются случаи приурочения к имени Ильи Муромца некоторых исторических и безымянных балладных песен.

Все это говорит о неувядаемой любви русского народа вплоть до нашего времени к образу Ильи Муромца. Содержание былинного эпоса об Илье Муромце широко известно и за пределами русской народности. В сказочных обработках некоторые сюжеты былин о могучем русском богатыре Илье Муромце встречаются в устной традиции и у других народов Советского Союза — белорусов, украинцев, коми, вотяков, чувашей, якутов, латышей, карел, финнов и др. От некоторых, например карел, коми и ненцев, записаны былины и их отрывки и в стихотворной форме.

Исключительная популярность образа Ильи Муромца среди других эпических созданий русского народа обусловлена его идейной значительностью и высоким художественным совершенством.

* * *

Илья Муромец — это образ огромной, осознающей себя, разумно, целесообразно направленной силы. Многочисленные подвиги Ильи Муромца, описанные в былинах, всегда связаны исключительно с задачей служения народу, он изображен в русском эпосе прежде всего как оберегатель родины. Илья Муромец борется с иноземными захватчиками, спасает родную землю от вражеских полчищ, побеждает чужеземных богатырей, приезжающих на Русь с враждебными намерениями. Ему также приписываются подвиги в борьбе с насильниками внутри страны, с разбойниками, от которых он очищает прямоезжие дороги, охраняя мирный труд и благосостояние народа.

Многообразны вариации обработок этих тем. Некоторые из своеобразных композиций дошли до нашего времени из глубокой старины, другие, несомненно, принадлежат уже позднейшему времени. Отдельные эпизоды передаются в разных вариантах одного и того же сюжета различно. Но неизменной всюду является идея общеноародного значения богатырской деятельности Ильи Муромца. Он приезжает в Киев «граду столичному на изберечь».² Он идет на врага

Не для-ради князя Владимира,
Не для-ради княгини Апраксии,
А для бедных вдов и малых детей.³

² Киреевский, I, стр. 37.

³ Там же, IV, стр. 44.

«А и ради матушки поедем свято-Русь земли», — говорит Илья Муромец, уговаривая обиженных князем Владимиром богатырей, когда те отказываются ехать на битву с Калином-царем.⁴

Я иду служить за веру христианскую
И за землю российскую,
Да и за столиние Киев-град,
За вдов, за сирот, за бедных людей.⁵

Так формулирует сам Илья Муромец свою жизненную задачу.

Значение Ильи Муромца как защитника русской земли и народа искусно выделяется особым построением былин, повествующих о борьбе Ильи с врагами родины. Былины о татарском нашествии, о борьбе Ильи Муромца против несметных полчищ татар, предводительствуемых Калином, Скурлой, Кудреванкой, Батыгой, Идолищем (имена эти чередуются в зависимости от местных традиций), обычно начинаются с изображения самого нашествия. В ярких красках, гиперболическими чертами рисуется страшная опасность, нависшая над родиной. «Собирается сила, — повествует былина, — счету нет», «на сто верст во все те четыре стороны». От «пару кониного» солнце и месяц меркнут, не видать «луча свету белого». Огромные пространства, занятые этой несметной силой, соколу в самые долгие «меженные» (т. е. летние) дни «будё не облететь», а серому волку в самые долгие осенние ночи «будё не обрыскать». От груза войск земля изгибается «полотном», и вода из рек и озер заливает луга.⁶ Предводитель татар, осадив Киев, посыпает к князю Владимиру требование сдать город без боя, угрожая в противном случае учинить полный разгром Киева. Опасность усугубляется тем, что в Киеве в этот момент по тем или иным причинам не оказывается богатырей. Былины выразительно рисуют панику, охватившую князя Владимира и его придворное окружение — «князей-бояр». И вот в самую критическую минуту и появляется Илья Муромец, который один или при участии других богатырей бьется с татарскими полчищами и уничтожает их. Следует сказать, что примерно так построены все вообще былины о татарском нашествии, и те из них, в которых в качестве героев спасителей осажденного Киева изображены другие богатыри — Василий Игнатьев или Михаил Данилович. Но огромное большинство былин на эту тему посвящено Илье Муромцу, и самыми яркими красками в изображении героического подвига освобождения Киева от татар отмечены именно те былины, где героем является Илья Муромец.

Былины всегда выделяют первенствующую роль Ильи Муромца как защитника родины среди других богатырей. При нападении врага на Киев Илья Му-

⁴ Гильфердинг, I, стр. 529.

⁵ Там же, III, стр. 357.

⁶ Кирша Данилов, стр. 163; Марков, стр. 481; Гильфердинг, II, стр. 23; Астахова, I, стр. 174, 309 и др.

ролец быстро принимает решительные меры, чтобы собрать богатырей и направить их против врага. Пока богатыри отдыхают, набираясь силы перед боем, Илья Муромец едет в разведку. При выезде всех богатырей против вражеских полчищ Илья занимает всегда наиболее ответственное место в строю, он едет «в середину-матицу», чтобы встретиться лицом к лицу с самим предводителем татарской рати. Последний решающий удар принадлежит Илье. Он или уничтожает противника в бою, или, что значительно реже, захватывает его в плен или обращает в бегство.

Схватал он Калина во белы руки,

Воздымал выше буйны головы своей,
Ударил его о горюч камень,
Расшиб его в крохи.⁷

А махнул-то он да саблён вострою
А как саму-то Идолишу да в буйну голову
А во всю-то свою силу богатырьскую,
А россек он буйну голову вплоть до самого седельышка,
Развалилс тут Идолишио всё надвоё.⁸

Этот удар и решает исход битвы. Остаток войска дорубают и дотаптывают конями остальные богатыри.

На заставе богатырской Илья Муромец тоже занимает первое место. Он на ней всегда старший, атаман, разумно распределяющий силы богатырей. Он знает, кого из них нельзя послать за иноземным «нахвальщиком» в силу присущих им черт, которые в единоборстве с врагом могут погубить их «по-напрасному». Интересна деталь, которую встречаем в одной из записей нашего времени былины о заставе богатырской: когда богатыри в шатре спят, Илья Муромец один бодрствует, встревоженный замечеными им признаками близости врага.

Илья Муромец всегда побеждает, хотя и может потерпеть временное поражение. Но это бывает, как показывает былица, только в результате несчастной случайности:

Махнет Илейко ручкой правою,
Поскользит у Илейки ножка левая.
Пал Илья на сырь землю.⁹

Иногда рассказывается, что богатырь попадает в вырытые коварным врагом ямы-«подкопы». Но тем сильнее выделена непобедимость Ильи: уже будучи под навалившимся на него врагом, он набирается, как Антей, силы от земли («ле-

⁷ Кирша Данилов, стр. 169.

⁸ Марков, стр. 441.

⁹ Киреевский, I, стр. 51.

жучи у него силы прибыло») и сбрасывает с себя врага; захваченный в плен, Илья разрывает путы и, схватив одного из татар, побивает им всю рать.

Былины часто изображают, что Илья Муромец одолевает врага после того, как тот обратил в бегство других богатырей. Поэтому уже одно имя Ильи Муромца удерживает врага. Когда же разносится весть, «что не стало во Киеве во городе славного богатыря Ильи Муромца», на Русь подымается вражеская «сила-армия».

Богатырская мощь Ильи Муромца приводит в ужас врага. Спасающиеся бегством татары в панике «заклинаются»:

— Не дай бог нам видать русских людей!

Неужто в Киеве все таковы,

Один человек всех татар прибил?¹⁰

Илья Муромец выделен в эпосе не только своей силой, но храбростью и особым характером ее. Храбрость Ильи Муромца велика, но в ней нет ненужного и вредного задора, бахвальства, она спокойна и разумна. Это в особенности оттеняется в былинах сопоставлением Ильи Муромца с некоторыми другими богатырями, например с Алешей Поповичем, в образе которого как раз подчеркивается иной характер храбрости: «он напуском смел», т. е. натиском, задором. Про него говорится также, что он «загрэзливый» или «загрэзовой», т. е. склонен к необдуманным, озорным поступкам. Оттеняет Илью Муромца и Ермак (в особой версии былин о Калине-царе, где изображен этот богатырь), горячий, нетерпеливый молодой богатырь, безрассудно бросающийся в бой, не дожидаясь других богатырей. В результате Ермака приходится выручать другим богатырям, так как он выбивается из сил и ему грозит гибель. Имеются варианты, в которых даже изображено, что он гибнет — «пресекается».

Сам Добрыня Никитич, пользующийся неизменной любовью народа как победитель страшного Змея, будучи поставлен рядом с Ильей Муромцем, уступает ему не только в силе, но и в храбрости. В былинах о заставе богатырской Добрыни, посланный за иноземным богатырем-нахвалищником, пугается его чудо-вишного вида и зычного окрика и возвращается на заставу. Смысл этого эпизода, конечно, не в снижении образа Добрыни, а в особом возвеличении Ильи Муромца: даже доблестный Добрыня не смог устоять перед врагом, настолько тот страшен и грозен. Со словами «больше некем заменитися: видно ехать атаману самому!» едет Илья Муромец, вступает с иноземным богатырем-врагом в бой и побеждает его.

Чтобы особенно выделить Илью Муромца среди других богатырей, народ ввел в его поэтическую биографию легендарный рассказ о чудесном получении силы от неведомых странников, исцеливших Илью-сидня. Странники, наделив Илью Муромца богатырской силой, предсказывают, что ему «смерть на бою не

¹⁰ Кирша Данилов, стр. 169.

писаны». В. Я. Пропп правильно толкует эти слова странников не как волшебное заклятие, а как художественную форму для выражения сознания самого Ильи: «Они означают, что Илья навсегда исключил для себя вопрос о своей смерти... Это полное отсутствие страха смерти, полное ее исключение из своего сознания и делает его бессмертным в глазах народа».¹¹ В некоторых былинах рассказывается еще, что Илье часть своей сверхъестественной силы передал, умирая, богатырь Святогор, сильнейший из всех богатырей, которому было «грузно от силушки, как от тяжелого бремени», и которого земля на себе через силу носила. Этот рассказ одновременно подчеркивает и мудрость Ильи Муромца: он отказывается от вторичного принятия в себя «духа» Святогора, избегая тем грозящей ему гибели.

Народ наделил своего любимого богатыря и высокими моральными качествами. Былины показывают полное отсутствие в Илье Муромце каких-либо корыстных побуждений. Его нельзя подкупить или соблазнить более высоким положением. Тщетны попытки семьи Соловья-разбойника выкупить Соловья «золотой казной», предложение Калина-царя перейти к нему на службу — есть его «ествушку сахарную», пить его «питьица медяные». носить «одёжу драгоценную», держать золотую казну «по надобью».¹² Найденный клад и отнятые у разбойников награбленные ими богатства Илья отдает князю Владимиру или раздает монастырям и «по миру» — вдовам и сиротам. В Илье Муромце нет тщеславия, личного честолюбия, стремления к власти. Он отказывается от предлагаемых ему по пути в Киев княжества или воеводства и других высоких почестьй, так как стремится в Киев для выполнения основной задачи богатырства — служения родине, народу. Его деятельность, вся его жизнь изображены в былинах, как исключительно целеустремленные. Когда, например, князь Владимир, убедившись в том, что Илья Муромец действительно совершил подвиг победы над Соловьевом-разбойником, приказывает вести богатыря в горницу и угостить его там должным образом, Илья Муромец говорит:

— Я не гость приехал да не угощатися,
А приехал с вами побрататися,
Послужить вам верой-правдою
А за тую Русь да православную.¹³

Образ Ильи Муромца отмечен чертами подлинного гуманизма. Илья беспощаден к врагу и уничтожает его, когда тот продолжает быть опасным для русского народа. Но он готов пощадить врага сдавшегося, если уверен, что он обезврежен: отпускает захваченных в плен под Черниговом (или другим городом) царевичей, дарит жизнь напавшим на него разбойникам, если те обещают

¹¹ Пропп. Русск. героич. эпос. стр. 232.

¹² Например: Гильфердинг, II, стр 31; настоящий сборник, стр. 107—108.

¹³ Наилова — Соймонов, стр. 98.

бросить занятие грабежом, но убивает собственного сына, убедившись в неискренности в нем злых намерений, в опасности его для родины.

Одним из приемов раскрытия героического облика русских богатырей в эпосе, их мужества, отваги, физической мощи является такое изображение врага, которое создает впечатление непреоборимой, казалось бы, силы. Выше было указано построенное на поэтической гиперболе изображение надвигающейся на Киев вражеской рати. Гиперболически обрисованы и образы ее предводителей и отдельных захватчиков и насильников. Враг изображается огромных, чудовищных размеров, также и его конь. Из «хайлица» коня пышет пламя из ушей столбом подымается дым. Таков образ Тугарина Змеевича в былине об Алеше Поповиче. Этот прием фантастически преувеличенной обрисовки врага, чтобы подчеркнуть грандиозность подвига героя, последовательно проходит через все былины об Илье Муромце.

Чудовищными чертами отмечен образ Соловья-разбойника. Свист его несет гибель всему окружающему:

И от него ли-то от посвисту соловьяго,
И от него ли-то от покрику звериного,
То все травушки-муравы уплетаются,
Все лазуревы цветочки отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются.
А что есть людей, то вси мертвы лежат.¹⁴

Илью Муромца предупреждают о чудовище и его губительном свисте, он все же едет по прямоеездной дороге, которую «залег» Соловей, и побеждает его. Чужеземный богатырь-враг, нагло проезжающий мимо заставы, и с которым Илья Муромец вступает в единоборство, огромен «будто сенна копна», конь же под ним «как сильня гора».¹⁵ «Ископоть», т. е. яма, образовавшаяся от удара копытом, величиною «с полпечи». От грузной поступи коня колеблятся земля, вода в реках и озерах выступает из берегов и т. д.¹⁶ Былины об Идолице Поганом, возникшие, вероятно, на основе более ранних — об Алеше Поповиче и Тугарине, используют в новых вариациях чудовищные черты Тугарина для обрисовки Идолища. Чудовищной величиной и силой наделяются и послы царя Калина, Кудреванки и других татарских предводителей. Когда посол, отдав ярлык князю Владимиру, выходит на улицу и задевает своим плечом княжеские палаты, они шатаются, а от удара запираемой послом двери они перекашиваются и в них ломаются оконенки.¹⁷

¹⁴ Гильфердинг, II, стр. 11.

¹⁵ Там же, стр. 40.

¹⁶ Киреевский, I, стр. 46, 49; Марков, стр. 54 и др.

¹⁷ Ончуков, стр. 138; Марков, стр. 47 и др.

Все это служит цели еще большего возвеличения победителя столь страшных врагов — Ильи Муромца, который рядом с ними вначале кажется менее сильным.

В самом характере обрисовки врага выделено физическое и моральное превосходство над ним Ильи Муромца. Чудовищный облик врага в русском эпосе насыщен гротескными чертами, которые делают его не только страшным, но и отвратительно безобразным и в своем безобразии смешным. Уже внешний вид врага («голова с пивной котел», «глазища как пивные чашища», «нос-от на роже с локоть был» и т. п.) создает подобное впечатление. В былинах об Илье Муромце и Идолице (так же как и в былинах об Алеше Поповиче и Тугарине) отвращение к врагу в особенности вызывается сценой чудовищного его обжерства в палатах князя Владимира:

Ишишо то Идолище великоē
По делон ковриге на нож тычет,
На нож тычет да за щеку бросат;
По делому лебедю на нож тычет,
Он на нож тычет да за другу бросат.¹⁸

Или:

Принесли ему лебедочку не кушену,
И не кушену лебедочку, не рушену.
Он на нож еи воткнул, совсем целком пихнул,
[С] щоки на щоку лебедку переметыват,
Уж енион щекой косьё ище вывалинат.¹⁹

Эта отвратительная прожорливость, символически раскрывающая ненасытную алчность врага, расценивается самим Идолищем как физическое преимущество над Ильей Муромцем, как показатель моцци. Узнав от мнимого калики, под видом которого скрывался сам Илья, что богатырь Илья Муромец так же велик и по стольку же ест и пьет, как он, калика, Идолице начинает издеваться над Ильей и бахвалиться своими «богатырскими» качествами:

Экой ваш богатырь Илья:
Я вот по семи ведр пива пью,
По семи пуд хлеба кушаю!²⁰

А был бы-то ведь зде да богатырь тот.
Как я бы тут его на долонь-ту клал,
Другой рукой опять бы сверху прижал,

¹⁸ Григорьев, I, стр. 282.

¹⁹ Ончуков, стр. 96.

²⁰ Рыбников, I, стр. 34—35.

А тут бы еще да ведь блин-то стал,
Дунул бы его во чисто поле!²¹

Бахвальство врага вызывает остроумную насмешку Ильи Муромца, уподобляющего Идолище «обжористой коровище» или «собачище», которые тоже много пили и ели и «растреснули», «окопылились» (т. е. издохли). Это ироническое уподобление снижает показные признаки силы и мосхи врага, которыми тот кичится, и разоблачает его пустое бахвальство. Ввязке, изображающей расправу Ильи Муромца над Идолищем, враг окончательно развенчен. Рядом с этим сатирическим образом врага выделяется подлинно героический облик Ильи Муромца, его спокойная храбрость, физическая мощь и моральное величие.

Контрастное сопоставление Ильи Муромца с противником служит и в других случаях для выделения тех или иных положительных качеств русского богатыря. Так, например, он противопоставлен в моральном отношении врагу, который, получив временное преимущество над Ильей, глумится над его старостью.²² Когда же Илье удается сбросить с себя «нахальщину» и сесть ему на грудь, он не издевается над поверженным врагом, а сразу же творит над ним справедливую расправу:

Недосуг Илюхе много спрашивать,—
Скоро спорол груди белые,
Скоро затымил очи ясные.²³

Илья Муромец — образ большого социального значения. Деятельность Ильи неразрывно связана с интересами народа, он — представитель народа. Не случайно поэтому он изображен в эпосе крестьянином по происхождению. Крестьянские его черты особо и любовно обрисованы былинами. Первое применение своей богатырской силы после исцеления Илья Муромец находит в трудной крестьянской работе, расчищая лесные угодья под пашню.

Пошел Илья ко родителю ко батюшку
На тую работу на крестьянскую,
Очистить надо пал от дубья-колодья:
Он дубье-колодье все повырубил,
В глубоку реку повыгрузил.²⁴

Чистили тут поженку родители
О эту ли о Сафат-реку,

²¹ Гильфердинг, I, стр. 433.

²² См., например: Киреевский, I, стр. 51.

²³ Там же,

²⁴ Рыбников, I, стр. 319.

И после обеда родители отдох держат.
Начал Ильюшенька работати,
Пенья-дубья все повыломал,
Во Сафат-реку повыбросал.²⁵

Былины особенно подчеркивают, что это крайне тяжелый труд и вместе с тем такой необходимый для крестьян. Родители Ильи Муромца говорят:

— Работали мы три дня и три ночи,
Не могли бы мы сделать половиночки.²⁶

II с глубоким удовлетворением они замечают:

— Тут поля да будут чистыи,
Для хлебушка будут очень удобные.²⁷

Картина очистки пашни наиболее традиционна в былинах об исцелении. Но рядом с ней встречаются и другие, рисующие крестьянские заботы и хлопоты Ильи Муромца:

Он завидел-ле в поли ноньци скот ходит,
Он как из поля скота ноньце выганивал,
Как полёто сырым дубьем огораживал,
Он ведь рвал тут как дубыцио с кореньциом,
Он оклад, огородил людям на удивленьцио.²⁸

В этих эпизодах происходит сближение Ильи Муромца с другим богатырем-крестьянином Микулой Селяниновичем.

Мотивы героического труда встречаются помимо былин об исцелении и в некоторых других былинах об Илье Муромце. Проезжая по непроходимым Брынским лесам, Илья вырывает деревья, преграждающие путь, и «намащивает мост», т. е. закидывает болота и топи вырванными деревьями и сучьями для прохода:

А как он приехал к лесу тёмному,
Соходил-то он да со добрà коня,
А левой рукой-то он коня ведет,
А правой рукой дубье рвет да ведь с коринём,
С коринём рвет да ведь мост мостит.²⁹

²⁵ Астахова, II, стр. 397.

²⁶ Там же.

²⁷ Рук. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 90.

²⁸ Ончуков, стр. 222.

²⁹ Марков, стр. 347.

В позднейших вариантах этот образ развертывается в картину постройки дорог и мостов через реки:

Верстбовые столбики он повыставил,
Калиновы мостики повымостила.³⁰

В соответствии с общим крестьянским обликом Ильи Муромца былины подчеркивают его простоту, иногда в таких мелких и тонких деталях, как «кулак молодецкий», в который Илья высматривает врага рядом с Добрыней Никитичем, пользующимся «трубочкой подзорной».³¹

Закономерно постоянное противопоставление в былинах именно Ильи Муромца князю Владимиру и его придворным, «князьям-боярам». Последние ненавидят Илью Муромца, которого презрительно называют «мужицищем-деревенщиной», «сельциной-деревенщицей». Уже в первый же приезд Ильи Муромца в Киев происходит столкновение. Князья-бояре, иногда и сам князь Владимир не верят тому, что Илья Муромец проехал дорогой прямоезжей, которая «заглегла» от Соловья-разбойника, укоряют его во лжи, осыпают яростными насмешками:

Тут-то закричели князи, бояра:
«Уж ты гой еси, мужичонко приехал задлёньшина
ты, деревеньшина».³²

Ай же, мужицищо-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!³³

Следующая за этим сцена смертельного перепуга князя и бояр от свиста Соловья, представляя их в самом жалком и постыдном состоянии («На корачках по двору наползалися», «По крылечушку в терем ползком ползут», князь падает со стула, «А три-то часу он, князь, без души лежал» и т. п.), заключает апофеоз «деревенщины», который один спокоен и только усмехается слабости и трусости чванливых бояр. Противопоставление здесь, таким образом, носит социальный характер.

В многих былинах показано, что князь и бояре всячески оскорбляют и унижают Илью Муромца. Князь Владимир «забывает» позвать его на пир, а когда Илья приходит незваным, не оказывает должного почета. Во время общего одаривания за службу Илья Муромец оказывается обойденным. Бояре всеми средствами добиваются опалы Ильи, клевещут на него, опорочивают его

³⁰ Астахова, I, стр. 405.

³¹ Киреевский, I, стр. 49, 50.

³² Марков, стр. 351.

³³ Гильфердинг, II, стр. 15.

в глазах князя. Князь слушает их клеветнические наветы, «отказывает» богатырю в Киеве и даже обрекает его на голодную смерть в заключении.

Воскричал князь Владимир стольне-киевской
Своим громким голосом:
— Посадить его в погреб глубокие,
В глубок погреб да сорока сажен,
Не дать ему не пить не есть да ровно сорок дней,
Да пусть он помрет собака и с голоду.³⁴

Это и создает обычно изображаемую в былинах тревожную и опасную для Киева ситуацию при наступлении врага: Киев оказывается без главного его защитника, другие же богатыри, оскорбленные поступками князя Владимира, тоже покидают его двор.

В свою очередь Илья Муромец относится к боярам с презрением, называет их «толстобрюхими» и «кособрюхими», укоряет князя, что он «думу думает» с ними, а не с богатырями. Былины показывают, что это презрение оправдано. Бояре изображены не только трусливыми, но и жадными, злобными, завистливыми. Им приписывается и прямая измена. В некоторых былинах говорится, что как только Илью Муромца заключают в погреб и богатыри разъезжаются, бояре сообщают врагам Русской земли, что Киев-град «пустой стоит».³⁵

Конфликт Ильи Муромца с князем Владимиром и боярами ярко очерчивает нравственное превосходство богатыря, его благородство, верность патриотическому долгу. Несмотря на все оскорблении, Илья подавляет в себе законное возмущение и обиду и по зову князя Владимира выступает на защиту Киева. Не случайно тема «ссоры» в большинстве былин объединяется с разными обработками сюжета о татарском нашествии, включаясь в них органически. Это большая творческая удача создателей былинного эпоса. Во многих из этих былин величавый образ Ильи Муромца достигает высокой степени совершенства. С другой стороны, в некоторых былинах изображен бунт Ильи Муромца против князя, особенно подчеркивающий классовый характер конфликта. Илья, не позванный на пир к князю, отстреливает маковки золоченные с теремов и церквей и на эти маковки открывает свой пир против самих палат князя Владимира. На этот пир он созывает своих друзей — «голей кабанских», т. е. киевскую гольтьбу. Так былина противопоставляет два антагонистических лагеря: князь Владимир с боярами и Илья Муромец с беднейшей частью киевских жителей, с народом. Тема дружбы Ильи с гольтьбой проходит через многие былины. Глостременно поэтому возникает особая редакция былины о Калине-царе, где Илья Муромец действует вместе с богатырем Василем Игнатьевым, являю-

³⁴ Гильфердинг, III, стр. 355.

³⁵ Ончуков, стр. 18.

шимся в былинах представителем городской голытьбы. В былине изображена их близость и дружба.³⁶

Таков, в общих очертаниях, образ Ильи Муромца, каким он сложился в итоге всего ряда вития на протяжении столетий и каким мы знаем его по записям былин XVIII—XIX веков. Указанные черты этого образа, коллективно созданного русским народом, рассыпаны по многочисленным и разнообразным вариантам, выписаны в различных эпизодах. Эти черты в совокупности образуют тот целостный монументальный образ безупречного воина — слуги народа, который выступает в русском эпосе как гениальное обобщение жизненного опыта народа, как выражение его идеальных представлений о народном герое и который живет в сознании народа-творца до сих пор.

Характерно, что при включении Ильи Муромца как эпизодического персонажа в былины, посвященные другим богатырям, Илья Муромец сохраняет выработанный поэтической традицией облик. В былинах о Добрыне и Дунае он мудро мирит обоих богатырей, то укоряя их в запальчивости и неправильных поступках, то, наоборот, оправдывая с точки зрения богатырской чести поведение каждого из них.³⁷ В качестве мирного посредника Илья Муромец выступает в некоторых былинах об Алеше Поповиче и сестре братьев Петровичей-Сбродовичей, улаживая конфликт и устраивая свадьбу Алеши с девушкой,³⁸ и в былинах о Дюке Степановиче. В них он, хотя и признает неправоту Чурилы и при каждом новом закладе поручается за Дюка против князей и бояр, поддерживающих Чурилу, но просит простить последнего, когда тот проигрывает заклад. Также и в некоторых былинах о Добрыне и Алеше Илья в последней сцене-развязке вступается за Алешу Поповича. Алеша, конечно, виноват, но он — богатырь и потому надо сохранить ему жизнь.³⁹

Илья Муромец всегда на стороне правды и справедливости. В былинах о Сухмане и Даниле Ловчанине он предостерегает князя от опрометчивых и недостойных поступков, вызывая тем раздражение князя, который велит заключить Илью в погреб.⁴⁰ По настоянию Ильи Муромца князь Владимир посыпает в поле проверить рассказ Сохматия (Сухмана) о битве с татарами.⁴¹ В этих былинах Илья Муромец — носитель обличительных тенденций эпоса. Интересно используется образ Ильи Муромца — помощника-заступника в одной из былин о Добрыне и Алеше. Когда Алеша Попович привозит ложную весть о смерти

³⁶ Кирша Данилов, № 25.

³⁷ Григорьев, III, №№ 6, 17, 37; Оичуков, № 7; Гильфердинг, I, № 49.

³⁸ Оичуков, № 3; Марков, № 7; Крюкова, I, № 11.

³⁹ Оичуков, № 24; Марков, № 62.

⁴⁰ Григорьев, II, № 63.

⁴¹ См. текст М. С. Крюковой в кн.: В. И. Малышев. Повесть о Сухане. М.—Л., 1956, стр. 168.

Добрыни и угрозами пытается склонить его жену на брак с собой, к Илье обращается мать Добрыни, прося съездить в поле и проверить сообщение Алеши. Илья едет в поле, находит спящего Добрыню, будит его, рассказывает о готовящейся свадьбе и тем предотвращает насильственный брак «от живого мужа».⁴² Неоднократно включают Илью Муромца и в былины о Дунае. Он едет в Литву в числе других сватов. К нему прежде всего обращается Дунай за помощью. Иногда его, вместо Добрыни, Дунай просит отвезти Апраксию в Киев и т. д.

Чрезвычайно редки случаи некоторого затемнения образа Ильи Муромца, что каждый раз объясняется записью от плохого исполнителя, принадлежащего к тем «безобразным пачкунам», о которых упоминал А. Ф. Гильфердинг.⁴⁴ В былинах же, записанных от истинных мастеров, вплоть до нашего времени, образ Ильи Муромца сохраняется в неизменном своем величии.

Народ, воспевая своего любимого богатыря, любовно подбирает уменьшительные имена с ласкательным оттенком: Ильюшка, Илейко, Ильюшенка, часто просто называет его «старой», вкладывая в это слово все свое уважение к умудренному опытом богатырю. Образ Ильи Муромца увенчен в эпосе великолепным внешним портретом — одним из превосходнейших образцов живописи словом:

Ехал стар по чисту полю,
По тому роздолью широкому,
Голова бела, борода седа,
По белым грудям росстилается,
Как скачён жемчуг россыпается,
Да под старым конь наубел-белой,
Да ведь хвост и грив' научер-черна.⁴⁵

* * *

Историческая и социальная обусловленность богато разработанного образа Ильи Муромца ясна. Вполне определенно выступают воплощенные в этом образе народные идеалы. Но целый ряд вопросов конкретного порядка, связанных с возникновением и развитием образа, до сих пор не разрешен.

Неизвестно, когда именно и в какой части старой Руси стали складываться первые былины об Илье Муромце. Неизвестно также, являлось ли какое-либо определенное лицо историческим прототипом этого эпического образа. С этой

⁴² Григорьев, II, № 35.

⁴³ Астахова, I, №№ 3, 27 и др.

⁴⁴ Гильфердинг, I, стр. 50.

⁴⁵ Астахова, I, стр. 181; Григорьев, III, № 8 и др.

стороны былинный образ Ильи Муромца является наиболее загадочным среди других главнейших богатырей русского эпоса.

Не дают никаких нитей для освещения вопроса о месте и времени возникновения образа Ильи Муромца и древнерусские летописи: имя Ильи Муромца в них нигде не упоминается, в то время как летописные заметки донесли до нас имена Добрыни Никитича и Алеша Поповича.

И хотя эти летописные заметки (в особенности об Алеше Поповиче) не имеют исторической достоверности и отразили уже сложившиеся эпические сказания об этих героях, все же некоторые из них дают возможность предположить в их основе какие-то местные исторические воспоминания, представить, как мог развиваться образ.⁴⁶ Отсутствие летописных упоминаний об Илье Муромце побудило даже искать его в летописях под другим именем. Так, Н. Д. Квашнин-Самарин пытался отождествить Илью Муромца с упомянутым под 1000 годом в Никоновской летописи богатырем Рогдаем, который «наезжал» на триста врагов и смерть которого оплакивал князь Владимир.⁴⁷ Однако гипотеза эта была совершенно шаткой, и сам Квашнин-Самарин впоследствии от нее отказался.⁴⁸

Древнейшее упоминание в письменном документе об Илье Муромце как богатыре относится к 1574 году. Оршанский староста Филон Кмита Чернобыльский пишет в этом году к троцкому кастеляну Остафию Воловичу, жалуясь на свое бедственное положение, на голод и холод, которые ему приходится терпеть. Говоря об отсутствии помощи и заботы, Кмита вспоминает о богатырях Илье Муравленне и Соловье Будимировиче, намекая на сходство своего положения с положением богатырей. По смыслу этого упоминания эти богатыри так же, как и он, находились в пренебрежении, пока не наставал час, когда без них нельзя было обойтись.⁴⁹

Это письмо ясно свидетельствует о том, что в XVI веке в Западной Руси былины об Илье Муромце были настолько хорошо известны, что вполне могли быть понятны глухие намеки на них и проводимая аналогия.

Прямое указание на установившуюся к этому времени популярность былин об Илье Муромце находим в путевых записках немецкого путешественника Эриха Лассоты от 1594 года, в которых среди описаний киевских достопримечательно-

⁴⁶ Д. С. Лихачев, 1) «Устные летописи» в составе Повести временных лет. «Исторические записки», № 17, М.—Л., 1945; 2) Летописные известия об Александре Поповиче. Труды ОДРЛ, VII, М.—Л., 1949.

⁴⁷ Н. Квашнин-Самарин. Русские былины в историко-географическом отношении. «Беседа», 1871, V.

⁴⁸ Н. Квашнин-Самарин. Новые источники для изучения русского эпоса. «Русский вестник», 1874, IX—X, стр. 39—40.

⁴⁹ См. перепечатку этого письма и его анализ у А. Н. Веселовского (Южно-русские былины. СПб., 1881, стр. 62—64).

стей имеется упоминание о гробнице Ильи Моровлина (Elias Morowlin), «знатного героя или богатыря, о котором рассказывают много басен».⁵⁰

В дальнейшем имеется уже целый ряд свидетельств об Илье Муромце как угоднике, погребенном в Киево-Печерской лавре.⁵¹ В этом предании о мощах Ильи Муромца можно видеть опоэтизирование народом своего любимого богатыря путем отождествления былинного Ильи Муромца с каким-то святым лавры, случайно носившим то же имя. Но все это не дает еще никаких данных об историческом Илье.

Интересный материал, связанный с вопросом о возникновении былин об Илье Муромце, дают германские средневековые саги.

В поэме Ломбардского цикла «Ортнит» (начало XIII века) выводится дядя и помощник короля Ортнита *Ilias von Riuzen* (Илья из Руси), могучий герой, помогающий Ортниту в военном походе добыть себе невесту. Этот эпизод поэмы напоминает летописное предание о дяде князя Владимира Святославича Добрыне, добывающем для князя в жены полоцкую княжну Рогнеду, а также напоминает былину о Добрыне-свате («Дунай»), основанную на этом предании.

В норвежской саге о Дитрихе Бернском (Гидрек-сага) упоминается *Ilias*, ярл Греции (Jarl af Greka), пасочный брат Владимира, короля Руси и Польши (Ruzciland, Pulinaland). Происхождение Ильи от наложницы своего отца тоже заставляет вспомнить предания о князе Владимире как сыне наложницы князя Святослава Малуши и о Добрыне — брате Малуши. В дальнейшем повествовании саги, в эпизоде сражения, которое король Владимир дает Аттиле под Полоцком, ярл Греции (следовательно, тот же *Ilias*) в единоборстве с Гильдибрандом вышибает его из седла. В последующем эпизоде — осады Аттилой Смоленска — снова появляется брат короля Владимира, но уже именуемый ярлом Ироном (Jarl Iron). Он идет в стан Аттилы, и тот ставит его главой русского царства. Имя Ильи упоминается и в других сагах XII—XIII веков, так, например, в саге Битерольфа половины XIII века встречается *Elias von Reussen*. Все упомянутые герои саг — дядя Ортнита *Ilias*, *Ilias af Greka*, *Elias* в саге Битерольфа, ярл Iron — явно отождествляются.⁵²

Выдержанность имени Ильи, постоянное указание в сагах на его русскую национальность и на близость к «королю Руси» Владимиру, упоминание при этом русских городов — Смоленска, Киева. Полоцка — не оставляет сомнения в том, что Илиас саг и Илья Муромец былин — одно лицо. Однако материал саг не дает никаких оснований предполагать, что Илья вошел в западный эпос непосредственно из исторической действительности. Слишком очевиден эпический характер всех упоминаний об Илье в сагах, при этом явно смешение преданий об Илье

⁵⁰ Путевые записки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом к Запорожцам в 1594 г. Перевод и примечания Ф. Бруна. СПб., 1873, стр. 19.

⁵¹ Они собраны в книге Лободы «Русский богатырский эпос» (стр. 15—19).

⁵² Лобода, стр. 19—21.

Муромце и о Добрыне. В образе Илиаса саг, могучего богатыря, совершающего ряд подвигов, чувствуются отголоски русских былин. Если же Илья саг вошел в западный эпос из русских былин, следует признать, что какой-то круг былин или преданий об Илье Муромце, приуроченный к князю Владимиру как к эпическому центру, сложился уже в XII веке.

Следует отметить, что такое решение вопроса об Илиасе саг в свое время оспаривалось, однако весьма неубедительно. Отмечалось, что совпадения в именах и в некоторых мотивах западных саг и русских былин могли якобы быть случайными.⁵³ С другой стороны, были попытки истолковать имя *Ilias* как видоизмененное *Elias* и предположить, что с этим именем вошли в саги южнорусские предания об Олеге Вещем, которые, «пройдя сквозь призму германского народного творчества», дали будто бы «соответствующее стражение на русской почве в героическом образе русского Ильи Муромца».⁵⁴ Мысль эта неубедительна не только вследствие чрезвычайной сложности предполагаемого происхождения былинного Ильи Муромца, но и потому, что ей противоречит весь яркий национальный колорит изображения народного героя.

Таким образом, положение о том, что в западных сагах есть отзвуки эпических сказаний об Илье Муромце и что, следовательно, в XII веке эти сказания уже существовали, остается в силе. Однако данные саг вопросы об историческом прототипе Ильи Муромца тоже никаким образом не решают.

Для решения вопроса о месте и времени возникновения первых сказаний о народном герое было использовано прозвище Ильи — Муромец. То обстоятельство, что в ряде древнейших упоминаний об Илье это прозвище дается в форме Муровец, Моровец, Муравленин, Моровлин (письмо Кмиты Чернобыльского, «Путевые записки» Эриха Лассоты, некоторые пересказы былины о первой поездке Ильи в записях XVIII века) дало повод Вс. Миллеру связать Илью с городом Моровийском или Моровском Черниговского княжества, недалеко от которого находился и древний город Каравчев, упоминаемый летописью начиная с XII века. Согласно этой гипотезе Муром явился лишь позднейшей заменой Моровийска, так же как село Каракарово или Каракаево — заменой Каравчева.⁵⁵ Главным основанием для предположения о Черниговщине как родине первоначальных сказаний об Илье Муромце явилась мысль о том, что при первой поездке именно из Моровска Илье естественно было бы ехать через свой столпный город к Киеву и освобождать его от силы басурманской (сначала, быть может, половцев, затем татар).⁵⁶

⁵³ А. Соболевский. О типе Ильи Муромца. «Живая старина», 1892, вып. II.

⁵⁴ М. Халанский. Южнославянские сказания о Кралевиче Марке, I, Варшава, 1893, стр. 113—119; III, Варшава, 1895, стр. 742—761.

⁵⁵ Вс. Миллер. Очерки, III, стр. 86—90.

⁵⁶ Там же, стр. 89.

Однако нельзя не согласиться с Д. С. Лихачевым, что гораздо более естественным является тот путь Ильи, который рисуется в былинах — через Чернигов из Мурома. «Чернигов находился как раз на обычном пути из Мурома в Киев: так обычно ездили в XI и XII веках», — пишет Д. С. Лихачев. Путь через столичный город Черниговского княжества был естественен для Ильи тем более, что Муромо-Рязанская земля «в древнейшую пору входила в состав Черниговского княжества». Моровийск же находился к югу от Чернигова, поэтому ехать через последний в Киев было невозможно.⁵⁷

К этому следует добавить, что рядом с указанной формой Муравлении, Муро́вец и т. п. в древнейших записях имеется и форма Муромец. Так, если в упоминаниях второй половины XVI века из западной и южной России наличествует первая форма, то в известном «Сказании о киевских богатырях, как ходили во Царьград...» в списке начала XVII века, а также в ряде пересказов XVIII века былины о первой поездке употреблена форма Муромец.

Таким образом, нет никаких оснований прикреплять Илью Муромца к Черниговскому княжеству и относить сюда возникновение первых эпических сказаний о нем. Очевидно, мы здесь имеем дело с местными муромо-рязанскими преданиями, которые уже довольно рано стали включаться в киевский цикл. Былинный рассказ о поездке муромо-рязанского богатыря в Киев, в эпический центр богатырства, аналогичен рассказу о поездке в Киев ростовского богатыря Алеши Поповича.⁵⁸

Д. С. Лихачев очерчивает, примерно, и время, когда могли начать складываться былины об Илье Муромце: не ранее второй половины XI века, когда «стала усиленно развиваться и сама областная местная культура», и не позднее XII века, «когда еще помнили о тесной связи между родиной Ильи — Муромом — и Черниговом».⁵⁹

Итак, в основу первых героических песен об Илье Муромце легли, по-видимому, какие-то местные муромо-рязанские предания. Но с какими конкретными фактами мог быть связан первоначально образ Ильи Муромца, так и остается невыясненным. Возможно, что он, как и ряд других образов героического эпоса, не имел определенного исторического прототипа, а явился плодом художественной фантазии народа. Но, очевидно, уже с самого начала этот образ наделен был чертами, ставшими его основой, — чертами могучего богатыря, защитника Русской земли и народа.

⁵⁷ Русск. нар. поэтич. творчество, I, стр. 227.

⁵⁸ Так думал первоначально и В. Ф. Миллер, пока ему не пришла на ум его гипотеза о Моровийске. См. об этом его «Очерки» (III, стр. 88).

⁵⁹ Русск. нар. поэтич. творчество, I, стр. 227.

Наметить примерный круг сюжетов, которые уже в XII веке были связаны с именем Ильи Муромца, можно только предположительно. Если в XII веке Илья Муромец уже вошел в киевский цикл русского эпоса, то к его имени, конечно, приурочивались былины, возникавшие на основе событий борьбы русских с кочевниками в дотатарский период этой борьбы. Очевидно, к этому кругу произведений относятся многочисленные былины о встречах Ильи Муромца в поле с вражескими богатырями — Збутом, Жидовином, Сокольником и другими. Повидимому, одной из самых ранних былин в цикле былин об Илье Муромце явилась былина о Соловье-разбойнике, отразившая сюжет, характерный еще для доклассового эпоса (борьба героя с чудищем, в образе которого обобщенно представлены враждебные людям силы). Некоторые из ранних былин о единоборстве с вражеским богатырем тоже сохранили и более древние мотивы, например былина о Сокольнике — мотив встречи с незнаемым сыном. Возможно, что и былина об Идолице Поганом, возникшая на основе более ранней былины об Алеше Поповиче и Тугарине, сложилась еще в дотатарское время, поскольку обрисовка Идолища как предводителя татарской рати встречается далеко не во всех текстах былины и не органична для данного сюжета.⁶⁰

Во всех этих былинах Илья Муромец уже наделен чертами могучего богатыря, одолевающего страшных, кажущихся непобедимыми врагов, превосходящего силой и храбростью других богатырей. Намечен в основном и нравственный облик Ильи Муромца: его патриотические устремления, неподкупность, беспощадное отношение к врагам родины и народа. Эти черты, например, органически входят в сюжет о Соловье-разбойнике, что и доказывает их исконность.

В дальнейшем, под воздействием новых исторических переживаний, эти ранние героические былины переоформились в повествования о встречах, столкновениях и битвах с татарами. Процесс этот в свое время четко обосновал Н. А. Добролюбов, указавший, почему именно в эпоху татаро-монгольских нашествий народ обратился к преданиям минувшего времени. Князья не оправдали народных ожиданий, надежд. Они «истощили свои силы в удельных междуусобиях и вовсе не умели оказать энергического противодействия страшным неприятелям». Народ «невольно сравнивал нынешние события с преданиями о временах давно минувших и грустно запел про славных могучих богатырей, окружавших князя Владимира. Песня эта была сначала горьким упреком настоящему, а потом, доставляя народу забвение и даже утешение, стала увлекать его и заставляла применять прежние события к современному течению дел. Таким образом, богатырей Владимиrowых заставили сражаться с татарами и самого Владимира сделали данником „гротного короля Золотой орды, Этмануйла Этмануйловича“».⁶¹

⁶⁰ Пропп. Русск. героич. эпос, стр. 217—219.

⁶¹ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т I, М., 1934, стр. 216.

Даже такая бесспорно ранняя былина, как «Илья Муромец и Соловей-разбойник», получает некоторые, правда чисто внешние детали, связывающие ее с впечатлениями позднейшего времени — борьбы с татарами (прозвища Соловья — Одихмантьев, Рахматович и т. п.). В былинах о встречах Ильи Муромца с чужеземными богатырями последние начинают именоваться татарами, а в былины об Идолице входит тема татарского нашествия: Идолице приводит татарское войско, осадившее Киев; Илья, расправившись с насильником Идолицем в палатах князя Владимира, истребляет затем татарскую рать.

В это время возникают и новые былины как непосредственный отклик на события татаро-монгольских нашествий, как обобщенное отражение впечатлений от этих событий. К этому периоду относятся самые замечательные былины героического цикла на тему борьбы русских богатырей с иноземными захватчиками — былины об Илье Муромце и Калине-царе, известные в нескольких версиях (Илья Муромец, Самсон и Калин-царь; Илья, Ермак и Калин-царь; Камское побоище и др.) и в большом числе разных редакций. В этот период окончательно складывается эпическая характеристика Ильи Муромца как неподкупного и самоподтвержденного защитника родной земли. Образ, наметившийся уже в ранних былинах, получает дальнейшее развитие и обогащается новыми чертами, но в том же направлении. В данный период определяется также и главенствующая роль Ильи Муромца среди других богатырей киевского цикла.

В эпоху борьбы с татарами возникает в эпосе и тема антагонистических взаимоотношений Ильи Муромца с князем и боярами. В былинах о татарских нашествиях постоянно говорится о том, что Илья Муромец незаслуженно посажен князем, часто по наущению бояр, в погреб или изгнан из Киева, а остальные богатыри отказываются служить князю.

Появление в эпосе этой темы обусловлено было растущим социальным неравенством, осознаваемым народными массами. Тема органически связана с основным содержанием былин о героических подвигах Ильи Муромца в борьбе с иноземными захватчиками и с образом самого героя: именно отсутствие богатырей, а главное Ильи Муромца, создает страшную опасность для Киева, когда его осаждает враг; согласие Ильи Муромца выступить в защиту Киева, несмотря на нанесенное оскорбление, в особенности выделяет высокий моральный облик богатыря-патриота. Органичность темы антагонизма для былин о татарских нашествиях, которую наблюдаем в записях XVIII—XX веков, не оставляет сомнений в наличии этой темы уже в эпосе XIII—XIV веков.

Тема антагонистических отношений в былинах об Илье Муромце звучит особенно остро вследствие постоянных указаний на крестьянское происхождение Ильи Муромца. Последнее придает особую окраску и всем подвигам Ильи, противопоставляя его не только князю и его «князьям-боярам», но и боярам из других сословий. Торжество именно «крестьянского сына» в былинах получает такое же звучание, как победы и удачи крестьянского сына Ивана в сказках. Крестьянские черты Ильи Муромца всегда выделяются в былинах. Как было уже

указано, первый подвиг после получения силы — это помочь родителям в их трудной крестьянской работе. В некоторых былинах на крестьянское происхождение Ильи Муромца делается особый акцент, чтобы усилить эффект конечного торжества Ильи и резче противопоставить богатыря князю и боярам. Таковы, например, многие варианты былины о Соловье-разбойнике, заключительная сцена которых содержит, как было уже указано, социальное противопоставление, насмешку над князем и боярами. Вероятно, вначале, когда возникла былина, данная сцена еще не имела такого характера, была без элементов социальной сатиры. В ней просто изображались последствия губительного свиста Соловья, чтобы подчеркнуть огромное значение подвига Ильи Муромца, как это мы видим в некоторых записях, например:

Князи и бояра
И сильные могучие богатыри
С ног попадали,
Круты крыши с хором окаталися.⁶²

И лишь позже, с развитием в эпосе темы антагонистических противоречий сцена, рисующая последствия страшного свиста Соловья-разбойника, была использована в целях социальной сатиры.

Когда же именно установился в эпической биографии Ильи Муромца мотив его крестьянского происхождения? Является ли эта черта исконной, или она вошла в эпос в более позднее время как естественный момент в развитии образа, вызванный стремлением сделать любимого народного богатыря, носителя глубоко демократических черт, и по происхождению крестьянином?

Вопрос этот и до сих пор не получил своего окончательного разрешения. В досоветской науке твердо установилось положение о позднем, не ранее конца XVII—начала XVIII века, возникновении этого мотива. Это положение связано было главным образом с концепцией происхождения эпоса в княжеско-дружинной среде. По данной концепции былины стали достоянием крестьянства только в сравнительно поздний период развития эпоса, будучи занесены в крестьянскую среду скоморохами в период гонений на них. Тогда якобы закономерно было и превращение Ильи Муромца, первоначально воина-дружиинника, в крестьянского сына.

Вместе с тем обоснованием более позднего возникновения мотива крестьянского происхождения Ильи Муромца явилась также органическая связь этого мотива с былиной об исцелении Ильи Муромца, признаваемой одной из более поздних в цикле, посвященном любимому народному богатырю.⁶³

В свете современных представлений о народных корнях русского эпоса вполне возможно представить выделение крестьянства Ильи Муромца и в более раннее

⁶² Киреевский, IV, стр. 6.

⁶³ См.: Вс. Миллер. Очерки, I, стр. 362—391; М. Сперанский. Русская устная словесность. М., 1917, стр. 257—258.

время. Однако, была ли эта черта в эпосе об Илье Муромце исконной, остается невыясненным. Все-таки остается в силе тот факт, что возникновение данного мотива связано с былиной об исцелении. В пересказах XVIII века былины о первой поездке Ильи Муромца, о крестьянстве богатыря говорится только тогда, когда рассказ начинается с эпизода исцеления. В других Илья называется «урожденцем города Мурома» (или Мурова). В XVIII веке вообще этот мотив встречается не часто. В былине сборника Кирши Данилова его нет. Нет и в списках «Сказания о киевских богатырях», один из которых относится к началу XVII века; это первая из известных записей произведения, сложенного на основе былин, в котором упоминается Илья Муромец.

Остается неопровергнутым и положение о том, что сюжет «Исцеления» сложился вначале в виде устного прозаического рассказа легендарного характера на основе сказок о богатырях-сиднях и только впоследствии (по В. Ф. Миллеру, не ранее конца XVIII века) исполнители стали переоформлять этот рассказ в былину. М. О. Скрипиль высказал предположение, что былина «сложилась в связи с развитием духовного стиха в его ранних формах».⁶⁴ Это предположение передвигает возникновение былины об исцелении к более раннему времени, чем это делал В. Ф. Миллер, а именно к XIV—XV векам.⁶⁵

Таким образом, более вероятным остается все же предположение о том, что мотив крестьянского происхождения Ильи Муромца возникает в эпосе не сразу, а в процессе развития образа. Быть может, это действительно произошло уже в XIV—XV веках (возможно и позднее), когда усиливаются социальные противоречия, так как благодаря данному мотиву конфликт между Ильей Муромцем и князем с боярами получал особую остроту.

Вместе с былиной об исцелении и мстивом крестьянского происхождения Ильи Муромца в эпос входит указанный выше эпизод помощи родителям в их работе, изображение трудового подвига Ильи.

Еще более поздним является наименование Ильи Муромца «старым казаком». Следует полагать, что оно вошло в былины в XVII веке, когда казачество стало играть видную роль в народных восстаниях, и слово «казак» могло присобрести смысл эпитета, указывающего на независимость, свободолюбие, воинственность. Существует предположение, что определение «старый» могло указывать вначале не на возраст, а на принадлежность к исконному казачеству, к «кадровым» казакам, которые носили такое наименование.⁶⁶ И лишь в дальнейшем этот эпитет был уже осмыслен как указание на возраст, что нашло соответствие с такой чертой поэтической биографии Ильи Муромца, как начало его богатырских дел в зрелые годы (сидел сиднем «тридцать лет и три года»). Каково бы ни

⁶⁴ Русск. нар. поэтич. творчество, I, стр. 272.

⁶⁵ О развитии духовного стиха в древней Руси см.: Русск. нар. поэтич. творчество, I, стр. 294—300.

⁶⁶ Вс. Миллер. Очерки, III, стр. 137—140.

было происхождение эпитета «старый казак», он придал образу Ильи Муромца особую окраску, подчеркивая боевой дух богатыря, его независимый, непокорный характер.

В XVII веке в обстановке народных антиправительственных движений получила дальнейшую разработку и была оформлена в самостоятельную былину тема ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром и боярами, присутствовавшая, как мы видим, уже в былинах о татарских нашествиях. В образ Ильи Муромца включаются теперь новые черты — открытое бунтарство против князя, дружба с киевской голытьбой. Создается былина о собственном пире Ильи Муромца с голями кабацкими на отстреленные с церквей и теремов золоченые маковки и кресты. Перепуганный князь спешит «помириться» с разбушевавшимся богатырем. Он посыпает Добрину Никитича уговорить Илью Муромца сменить гнев на милость и прийти на «княженецкий» пир. Социальная тема эпоса, конфликт между правящей верхушкой и Ильей Муромцем, представителем народа, достигает в этой былине особенно большой остроты.

Тогда же, очевидно, складывается и другая былина об Илье Муромце, где богатырь тоже обрисован как друг «голей кабацких». Когда целовальники «царева кабака» отказываются дать Илье Муромцу вина ни в долг, ни за его золотой нательный крест, богатырь угощают голи кабацкие на свои гроши. Тогда Илья Муромец, чтобы в свою очередь угостить голей, разбивает погреба и выкатывает бочки с вином.

С исторической действительностью XVII века связано и возникновение былины «Илья Муромец на Соколе-корабле»: плывущий на этом корабле по морю Хвалынскому вместе с другими богатырями, а иногда и со Степаном Разиным, Илья Муромец отражает нападение крымских татар или турок, в чем несомненны отголоски казачьих походов в Каспийское море и на низовья Волги и Дона. Так, Илья Муромец становится предводителем казаков в их исторической борьбе с турками и ногайскими татарами. Как отзвук Разинского движения может рассматриваться не только включение Разина в состав плывущих вместе с Ильей Муромцем на Соколе-корабле, но и создание особой версии сюжета — о поражении Ильей Муромцем орла, пытающегося потопить корабль. Не лишено вероятности предположение, что в этом столкновении богатыря с орлом аллегорически изображено столкновение разинских стругов с царскими «орлёнками» судами или с тем правительственным кораблем, который носил наименование «Орла». Таким образом, Илья Муромец здесь уже непосредственно включается в фольклор о народных движениях XVII века.

Цикл былин об Илье Муромце обогащается и другими путями. Стремление пополнить поэтическую биографию Ильи Муромца новыми славными его делами вызвало сложение сюжета о трех поездках Ильи с использованием более ранней былины об Илье Муромце и разбойниках и ряда сказочных мотивов. Таковы проходящий через всю былину мотив испытания судьбы на трех дорогах, раскрытие злых умыслов злодейки-чаровницы, нахождение клада. Черты Ильи Муромца,

создающие его идеальный облик и ставшие уже к этому времени традиционными — огромная сила и храбрость, проницательный ум и смекалка, бескорыстие — находят в былине «Три поездки» выражение и подтверждение в новых поступках героя: в том, как он легко расправляется с сорокатысячной ватагой разбойников, в том, как он проникает в тайну подложной кровати, в том, что он не пользуется для себя найденными сокровищами.

По замыслу создателей былины, она, очевидно, должна была завершить эпическую биографию Ильи Муромца, так как в ряде записанных вариантов богатырь, после того как находит клад и отдает его (князю Владимиру, монастырям и церквам, сиротам), едет в киевские пещеры и там «окаменевает». В данной былине подчеркивается старость Ильи Муромца. Обычный зачин былины в ее наиболее целостных вариантах —

А ездил-то стар по чисту полю,
Ото младости ездил до старости,
Ото старости ездил до гробной доски.⁶⁷

Иногда даже ему приписывается лирическое раздумье над своей старостью:

Ах ты старость, ты старость ты старая,
А старая старость глубокая,

.....
Застала ты старого в чистом поле...⁶⁸

Превращение богатырей в камни, скрытие их в каменных горах — один из распространенных мотивов мирового фольклора. По смыслу легенды богатыри временно уходят из жизни людей, превращаясь в камни, в скалы, горы, чтобы вернуться к подвигам, когда придет в них нужда.⁶⁹

В русском героическом эпосе также встречается мотив окаменения. Но он в большинстве случаев получает морально-религиозную трактовку. В известной сибирской былине, записанной поэтом Л. Меем и опубликованной под заглавием «С каких пор перезелись витязи на святой Руси»,⁷⁰ все богатыри превращаются в камни после того, как они дерзнули поднять мечи на «силу нездешнюю». Совершенно правильно было уже отмечено в литературе, что такая трактовка «ока-

⁶⁷ Гильфердинг, III, стр. 468, см. там же, стр. 128, 161, 392.

⁶⁸ Там же, стр. 16.

⁶⁹ См.: Орест Миллер. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1870, стр. 792, 796. На основе этого легендарного мотива в поэмах М. С. Крюковой, сложенных во время Великой Отечественной войны, ожившие богатыри, возглавленные Ильей Муромцем, помогают советской армии отвоевать Киев (М. С. Крюкова. О богатырях старопрежних и нынешних. Архангельск, 1946, стр. 23—33).

⁷⁰ Киреевский, IV, стр. 108.

менения» не соответствует общей направленности народного эпоса и, очевидно, привнесена извне.⁷¹

Морально-религиозный характер имеет концовка с окаменением Ильи Муромца и в ряде вариантов «Трех поездок»: он уходит в киевские пещеры «спасаться» и там окаменевает после того, как раздает найденное богатство на построение церквей и монастырей. Влияние церковно-религиозной идеологии и историческая ограниченность сознания народа здесь явны. Очевидно, именно вследствие такого характера концовки, который не соответствовал общему духу былин об Илье Муромце, третья часть былины не получила особенно широкого распространения и часто отбрасывалась.⁷² Сложилась же былина с ее последней частью, конечно, под воздействием легенды о наличии в Киево-Печерской лавре мощей Ильи Муромца, следовательно, не ранее XVII века.⁷³ Так, смерть Ильи, как и начальный момент его богатырской деятельности — чудесное получение силы, однаково оказались овеянными легендой.

Подобно былине о трех поездках, уже в процессе дальнейшего расширения поэтических биографий и Ильи Муромца и Добрыни Никитича складывается самая поздняя былина цикла — о встрече в поле и столкновении этих двух богатырей Братание, которое последовало за схваткой богатырей в единоборстве, объясняет то положение Добрыни возле Ильи, которое установилось в эпосе: как «младшего брата» Ильи и его правой руки. Стремление раскрыть начальный момент в сближении друг с другом самых популярных богатырей русского народа и вызвало сложение данной былины. Образ Ильи Муромца пополняется новой чертой: он ищет встречи с молодым богатырем, чтобы привести его в общий богатырский круг. Когда до него доходит слава о новом сильном богатыре Добрыне Никитиче из Рязани, Илья Муромец едет в Рязань. После встречи, единоборства и братания, Илья предлагает Добрыне ехать с ним в Киев. Этим и оканчиваются обычно лучшие обработки сюжета.

Былина возникла, вероятно, уже в XVIII веке в северовосточных районах распространения эпоса, так как известна только в записях из этих районов и не ранее конца XIX века. Но к этому времени былина уже прочно вошла в традицию Пинежья, района р. Кулоя и Зимнего берега Белого моря.

⁷¹ Н. К. Митропольская. К вопросу о научной оценке текстов русских былин. (Былины о борьбе Ильи Муромца с Калином-царем). «Ученые записки Вильнюсского гос. университета», серия историко-филологических наук. Вильнюс, 1955

⁷² См. об этом: Пропп, Русск. героич. эпос, стр. 255.

⁷³ По легенде мощи некоего Ильи из Мурома, которые показывались монахами Киево-Печерской лавры, признавались мощами богатыря Ильи Муромца. См. разыскания М. Г. Халанского о прославлении Ильи Муромца святым как явлении сравнительно позднем: М. Халанский. Великорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885, стр. 100—103.

Былина «Илья Муромец и Добрыня» — последняя по времени возникновения в цикле былин об Илье Муромце, принадлежащих коллективному творчеству русского народа. Но сложилась она, как и «Три поездки Ильи Муромца», уже не под непосредственным воздействием самой исторической действительности, а на основе некоторых устоявшихся в эпосе героических мотивов.

Такого рода новообразования внутри самого эпоса встречаются и позже, вплоть до нашего времени. Таковы былина о женитьбе Ильи Муромца, записанная в конце 1930-х годов в Пудожье,⁷⁴ и ряд былин М. С. Крюковой (тоже в записи тех же лет) о разных подвигах, а также семейных делах Ильи Муромца.⁷⁵

Но все эти былины — плод размышлений и художественного вымысла тех сказителей, от которых они записаны. В эпическую традицию они не вошли, общим народным достоянием не стали и интересны лишь постольку, поскольку в самом факте их сложения своеобразно проявился огромный, не затухающий интерес народных сказителей к героическому образу Ильи Муромца.

Об этом свидетельствует и та непрекращавшаяся в течение многих столетий творческая разработка образа Ильи Муромца в традиционных былинах о нем, которую находим в многочисленных записях этих былин в XVIII—XX веках.

Цикл былин об Илье Муромце складывался в течение нескольких веков. С каждым новым былинным сюжетом, прикрепленным к имени Ильи Муромца, образ богатыря обогащался новыми проявлениями характеризующих его черт. Одновременно возникали и различные редакции одного и того же сюжета, в которых выделялись то одни, то другие стороны образа, но всегда в духе той традиции, которая наметилась уже в ранних произведениях об Илье. Внимательно вчитываясь в былины об Илье Муромце, поражаешься многочисленности, богатству индивидуальных оттенков, художественных деталей в разработке одних и тех же эпизодов. Отдельные варианты не охватывают образ во всей его полноте. Он представляется в них то с одной, то с другой стороны. И только весь эпос об Илье Муромце в целом дает нам полное представление о том образе, который жил и живет в сознании народа, его творца. В этом и выразился коллективный характер многовековой творческой работы народа над созданием образа Ильи Муромца. Несмотря на развитие в веках, на постепенное его расширение, на прибавление ряда новых черт, образ богатыря остается целостным, монолитным. Ноевые детали не противоречат тому, что было создано ранее, а лишь обогащают образ, делают его многограннее.

Такой же характер получила дальнейшая судьба образа Ильи Муромца в устной поэтической традиции уже после того, как весь цикл былин о нем бы-

⁷⁴ Парилова—Соймонов, № 50.

⁷⁵ Крюкова, I, №№ 10, 12, 13, 15.

сложен. Коллективная шлифовка, чеканка образа в определенном направлении продолжались.

Художественной разработке на протяжении веков подвергались более всего те эпизоды былин об Илье Муромце, в которых особенно выделялись самые характерные стороны образа. Таковы все эпизоды, рисующие героический облик Ильи Муромца, его подвиги в защиту родины и народа, его первенствующее положение среди других богатырей. Расширялся круг сюжетов, посвященных другим героям, в которые включалось участие в действии Ильи Муромца. Под воздействием растущего классового сознания, крестьянских войн и восстаний XVIII—XIX веков продолжала разрабатываться и усиливаться социальная тема. Еще большее усиление получила она в начале XX века и у советских сказителей. Для последних особенно характерно подчеркивание происхождения Ильи Муромца из беднейших слоев крестьянства и открытых выступлений Ильи Муромца против князя и бояр. Показательна в этом отношении, например, новая разработка бунта Ильи Муромца в былине «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром», записанной от пудожской сказительницы А. М. Пашковой.⁷⁶ Если в текстах конца XIX века еще изображается, что Илья Муромец идет на пир, специально для него устраиваемый перепуганным князем, то у Пашковой он не только не идет и не оставляет «голей», но уговаривает и Добрыню Никитича примкнуть к пиру народному. Оба они «ко князю идти да не торопятся». Также продолжают творчески разрабатываться эпизоды, выделяющие высокие моральные черты Ильи Муромца.⁷⁷

Образ Ильи Муромца — выдающееся создание русской эпической поэзии, одно из «гигантских обобщений жизненного опыта народа» (Горький) — явился великим вкладом коллективной творческой мысли русского народа в общую сокровищницу мирового искусства.

⁷⁶ Парилова — Соймонов, № 2.

⁷⁷ Примеры творческой разработки образа Ильи Муромца в позднейший период жизни эпоса см.: Астахова, I, вступительная статья; Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948.

НАПЕВЫ БЫЛИН ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

Прилагаемые напевы былин об Илье Муромце взяты из различных источников и отражают две основных народных традиции музыкального воплощения русского былинного эпоса.

По виду исполнения былин эти традиции различаются как «одноголосная», или «сольная», и «многоголосная», или «хоровая».

В связи с местами преимущественного распространения первая из этих традиций получила наименование «северной», вторая — «южной», или «донской», так как наиболее яркое свое воплощение она нашла среди донского казачества.

История собирания былинного эпоса складывалась так, что поначалу только северная эпическая песня явилась предметом изучения и публикации, именно ей в литературе было присвоено наименование былины и только она считалась подлинным образцом русского народного эпоса, уходящего своими корнями в глубину веков.

Хоровые многоголосные былины впервые нашли свое достоверное отражение в фонографических записях А. М. Листопадова, начавшего свою деятельность в девяностых годах и посвятившего затем весь труд своей жизни изучению и собиранию донской казачьей песни.

Следует оговорить то, что девяностые годы явились годами завершения длительной полемики о многоголосной природе русской народной песни. Именно в эти годы благодаря трудам известной собирательницы Е. Э. Линевой, впервые применившей для записей песен фонограф, богатство и своеобразие русского народного многоголосия было доказано как неопровергимый факт. В свете этого доказательства, равного по своему значению большому научному открытию, критически пересматривались и переоценивались выпущенные ранее сборники одноголосных записей народных песен. Одноголосная форма этих записей объяснялась как случайная, явившаяся следствием невозможности точной записи на слух сложной многоголосной песенной ткани, что приводило собирателей к вынужденной необходимости записывать песню от одного исполнителя.

Будучи горячим поборником признания многоголосной природы русской народной песни и наблюдая хоровое исполнение донских былин, А. М. Листопадов

взял под сомнение и одноголосную природу северных былинных напевов, склоняясь объяснить их одноголосие теми же причинами, которые лежали в основе одноголосной формы песенных записей, т. е. отказом собирателей от записей хорового исполнения на слух и вынужденным их обращением к одному исполнителю. Свои взгляды А. М. Листопадов изложил в критической статье, которая под названием «О складе былин северных и донских» помещена в первой части I тома его капитального труда «Песни донских казаков».¹

Не касаясь спора о многоголосной природе русской народной песни, который давно и безоговорочно решен, а рассматривая лишь былинные напевы, мы можем сказать, что, с нашей точки зрения, спор об одноголосной или многоголосной природе былин попросту неправомерен, так как одна и другая былинные традиции являются различными формами выявления художественного содержания и каждая из них имеет свою природу.

В чем же заключаются характерные особенности напевов северных былин и какова природа их музыкального языка?

Одноголосное исполнение северных былин не случайно. Оно вытекает из существа эпического жанра и доносит до наших дней изначальные древнейшие формы его художественного выявления, так как в основе эпоса лежит повествование о событиях.

Воплощение повествования в поэтические образы и стройную форму стиха появляется как следствие стремления запечатлеть наиболее значительные события и сохранить память о них для будущих поколений.

Важность и общественная значимость содержания, равно как и поэтическая форма повествования, требует особых средств произнесения текста, особой организации его интонирования, а именно — приподнятой, размеренной декламации.

Всякой декламации свойственен распевный характер; один шаг отделяет ее от музыки, которая закрепила бы звуковысотный контур речи в точно интонируемой мелодии. Творческая инициатива народа преодолевает этот шаг, прокладывая «музыкальное русло», по которому идет и развивается такое важнейшее жанровое ответвление эпоса, как «поющеся» сказание, впечатляющее и содержанием поэтического текста и выразительностью его музыкальной декламации. Северные былины представляют собой именно такие «поющеся» сказания, использующие выразительные средства музыки, но основными корнями своими уходящие в слово. в повествование, в рассказ.

Содержание северных былин, определяющее их ценность и назначение, лежит в развернутом поэтическом тексте. Их напевы служат лишь формой декламации, способствующей донесению слова, создающей настроение, располагающее к со- средоточенному, углубленному слушанию.

¹ А. Листопадов. Песни донских казаков, под общей редакцией проф. Г. Сердюченко, т. I, часть 1. Музгиз, 1949. стр. 33—49.

Типичным и ярким образцом напева северных былин может служить напев, записанный от Петра Ивановича Рябинина-Андреева, представителя четвертого поколения прославленной семьи заонежских сказителей (напев № 1). На этот напев исполнялось большинство былин и старшими Рябининами — Трофимом Григорьевичем, Иваном Трофимовичем и отцом Петра Ивановича — Ивалом Герасимовичем Рябининым-Андреевым, в частности былины, включенные в настоящий борник — №№ 6, 13, 26, 31 (вероятно, и № 18).²

В мелодическом рисунке этого напева отчетливо видны истоки речевой интонации. Если мы прочтем поэтический текст данной былины, вслушиваясь в колебания нашей интонации, обусловленные смыслом и строем речи, а затем обратимся к указанному напеву, мы увидим, что его звуковысотные отклонения полностью совпадут с контуром нашей речи. Но как прекрасно, как выразительно воплотится речь в мелодии! Лаконичный и простой напев, являясь удобной и естественной формой произнесения слов, дополнит их содержание ощущением величавого спокойствия и глубокой задумчивости, заложенным в музыкальном образе.³

Этот музыкальный образ не связан с конкретным сюжетом былины. Он раскрывает лишь общий характер повествования, развертывающего перед слушателями картины далекого и славного прошлого.

Отсутствие связи музыкального образа с конкретным сюжетом повествования дает возможность использовать один напев для исполнения былин различного содержания, сходных лишь по общему характеру и структуре стиха. Вследствие этого каждый сказитель для исполнения даже разнообразного и богатого эпического репертуара применяет только два-три напева. Музыкально одаренные исполнители создают свои, оригинальные напевы, менее одаренные используют напевы, ставшие наиболее распространенными в их округе и характеризующие местный традиционный стиль.

В основе мелодического рисунка былинных напевов, как уже говорилось, лежит речевая интонация. В ряде напевов эта основа чувствуется и сейчас. Однако в процессе многовековой жизни былин, тем более в связи с переходом былинного жанра в традицию, передающую былины из поколения в поколение, но не создающую их заново, живая связь речи и напева у некоторых сказителей нарушается, и для исполнения былин они пользуются не живой формой «омузикаленной» речи, а условно применяемыми попевками, взятыми из различных жанров народной песни.

Напевы северных былин лаконичны. Их протяженность определяется обычно нормальными моментами связи со стихотворным текстом. Наиболее часто встре-

² В записи от Рябининых известен еще напев, на который исполнялась только одна былина — о Вольге и Микуле Селятиновиче.

³ Былинные напевы Рябининых использованы композитором А. С. Аренским в его известной фантазии для фортепиано с оркестром.

чаются напевы, протяженность которых равна одному стиху, т. е. одной строке поэтического текста (напевы №№ 3, 5, 6 и др.).

Реже встречаются напевы, равные двум стихам и как бы состоящие из двух «однострочных» фраз (№№ 1, 8). Иногда исполнители повторяют вторую фразу напева несколько раз до логического завершения основной мысли излагаемого поэтического текста. Еще реже встречаются развитые «трехстрочные» напевы.⁴

Многие сказители имеют свой, только им присущий стиль музыкального воплощения былинного эпоса. Свои местные традиции исполнения имеют отдельные области, особенно такие, как Заснегье, Печора, Мезень. Однако все эти различия, проявляясь в деталях, не изменяют тех основных черт северной былины, о которых говорилось выше.

Музыкальная природа хоровой былины иная. Хоровая былина — это прежде всего песня, в которой развернутый, многогранный в своем эмоциональном выражении музыкальный образ имеет не меньшее значение, чем текст.

Напев хоровой былины уже не является формой декламации, и его содержание вытекает непосредственно из поэтических образов текста. Именно поэтому напевы хоровых былин оказываются неразрывно связанными с определенными текстами, именно поэтому в хоровых былинах каждый былинный сюжет имеет свое музыкальное воплощение.

Структура стиха в хоровых былинах не подчиняет себе ритмо-метрическое строение напева, а сама во многом уступает интересам мелодии. В интересах широкого мелодического развития хоровая былина сокращает и протяженность своего поэтического текста.

Таковы основные черты одноголосной и хоровой былинных традиций, представляющих собой две различные по природе, но равнозначные по значению и ценности формы проявления народного гения в области создания музыкального эпоса.

Приведенные в музыкальном приложении напевы былин не являются иллюстративным материалом к поэтическим текстам, представленным в антологии. Музыкальное приложение ставит своей задачей ознакомить читателей с лучшими и разнообразными напевами былин об Илье Муромце для того, чтобы углубить их представление о народном эпосе, осветив, хотя бы кратко, его музыкальные формы.

⁴ Двухстрочные и трехстрочные напевы характерны для Заонежья.

1. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Из то_ то ль из го_ ро_ да ил_ My_ ро_ мля,
Аз то_ го се_ ла та с Ка_ ра_ ча_ ро_ вя

2. ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ИЛЬИ МУРОВИЧА

(♩ = 92-98)
Що от слав(ы)но_ го от го_ ро_ да от Ки_ е_
ва Да до слав_ но_ го до го_ ро_ да до_
My ... у_ ро_ ва За_ ро_ ста_ ла ту_ т(ы) до_
-рож_ ка да пря_ мо_ ез_ жа_ я, За_ ро_
-ста_ ла тут до_ рож_ ка да ро_ в(ы)но трыв_ цать
лет, Шо не кон_ но_ му на ко_ нич_ ка_ х(ы) про_

Музыкальный фрагмент с текстом:

— ез_ ду нет. Шо не пе_ ше_ му не_
 — хо_ той ды все п(ы) ро_ хо... о_ ду нет.

3. ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА

(♩ = 164)

Музыкальный фрагмент с текстом:

За_ ле_ га_ ла до_ рож_ ка пря_ мо_ ез_ жа_ я,
 Пря_ мо_ ез_ жа_ до_ рож_ ка пе_ шо_ ход_ на_ я.
 За_ ле_ га_ ла до_ рож_ ка рав_ но тридцать лет:
 Бы_ не кон_но_ му не пе_ шо_ му про_ хо_ ду нет,
 Не_ ка_ ко_ му бо_ га_ ты_ рю про_ ез_ ду нет.

4. ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА

(♩ = 180-192)

Из Ки_ се_ ва е_ хать до Чер_

— ни_ го_ ва Ка_ бы три де_ ве_

— но_ ста бы_ ло мер_ ных верст, А кру_

... то_ м(ы) то_ до_ рож_ ка ро_ в(ы)_ но де_ веть_

— сот За_ ле_ га_ ла до_ рож_ ка пря_ мо_

— хо_ жа_ я Пря_ мо_ хо_ жа_ я до_

— рож_ ка пря_ мо_ ез_ жа_ я: И пе_

кон_ но_ му не пе_ шо_ му п(ы)_ ро_ хо_ ду нет.

5. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ ОСВОБОЖДАЕТ КИЕВ ОТ КАЛИНА-ЦАРЯ

(♩ = 108)

Шо из да ле ця да из ци ста по ля,
 Из то го роз до лья ши ро ко го
 Тут не гру з(ы) на ту ця под ни мал ла се,
 Тут не о бо ло ко на ка тал ло се,
 Под ни мал сэ ео ба ка зл дей Ка лин царь,
 Зл дей Ка лин царь. не чс стивой сып

6. ПРО ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВИЕ

(♩ = 66)

По ды ма лось чу ди що не ма ло ё,
 Да ка к(ы) не ма ло ё. да не ве ли ко ё,

Да го_ ло_ ва у не_ го да как пи_ вной ко_ тел,

Да ка_ к(ы) гла_ за у не_ го да как пи_ вны_ ця_ ши,

7. КАМСКОЕ ПОБОИЩЕ (ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ)

(♩ = 120)

Подни_ мал_ си во_ р(ы) са_ ба_ ка да зл_ о_ дей

Ка_ лин чарь Он на наш на хо_

рош на кра_ ше_ н(ы) Ки_ ёв_ град. Он по

три го_ да со_ ба_ ка да по т(ы)ри ме_ се_ ая. Не до_

е_ хал о_ н(ы) до го_ ро_ да до Ки_ ё_

ва. Не до_ е_ хал о_ н(ы) до го_ ро_ да ро_ в(ы). но

за семь верст, Да по их ну по то.
 тар ски да за три по пры ску За три
 по_пры_ску, бы_ ло да_к(ы) ло_ ша_ ди_ ны_ с.

8. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЧУДИЩЕ ПРОКЛЯТОЕ В ЦАРЕГРАДЕ

(♩ = 180 - 200)

Бы_ ло у нас во Ца_ ре_ г(ы). ра.. де
 На_ е_ ха_ ло про_ кля_ то_ чу_ дин.. ию.
 А сам как он_ (и) се_ ми_ з) шон,
 Го_ло_ ва_ у е_ во. да как пив_ ной ко_ гёл,
 А но_ жиш_ ща как быть лы_ жиш_ ща,

64.

9. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИЗДОЛИЩЕ В КИЕВЕ

(♩ = 96)

10. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ, ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИЗДОЛИЩЕ В КИЕВЕ

(♩ = 88–92)

A musical score for a folk song. The music is in common time, treble clef, and consists of six staves of music with lyrics written below each staff. The tempo is indicated as ♩ = 88–92.

The lyrics are:

А по_ шол мо_ ло_ дець на цю_ жу сто_ ро_
 ну, На зло дей_ ку_ ту по_ шол па_ рень не_ зна_
 _ко_ му_ ю. Не не_ сут мо_ лод_ ця ми_ вя по_ ги
 ре_ з(ы)_ вы_ я, Не гле_ дят у мо_ лод_
 ца у мня о чи яс_ ны_ е, А ка_
 тит се бу_(и)_ на го_ ло_ ва со мо_ гу_ чих плець.

11. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН

(♩ = 100)

A musical score for a folk song. The music is in common time, treble clef, and consists of two staves of music with lyrics written below each staff. The tempo is indicated as ♩ = 100.

The lyrics are:

По за сто_ л(и)_ не_ му го_ ро_ ду по за Ки_ е_ ву,
 По за Ки_ е_ ву, да по за три_ ста верст

12. НАЕЗД НА БОГАТЫРСКУЮ ЗАСТАВУ И БОЙ ПОДСОКОЛЬНИКА С ИЛЬЕЙ МУРОМЦЕМ

(♩ = 100 - 104)

The musical score consists of eight staves of music for voice and piano. The vocal line follows the lyrics provided below. The piano accompaniment features various rhythmic patterns, including eighth-note chords and sixteenth-note figures.

Lyrics:

На го_ рах, го_ рах да бы_ ло на вы_
 со_ ки_ е_ эх, Не на шо_ ло_ мя бы_
 ло о_ ка_ ти_ стых Там сто_ ял де
 но не тон_ кой бе_ л(ы) ша_ тёр. Во ша_
 три то у_ да_ лы_ я доб_ ры мо_ лод_
 цы. Во_ пер_ вых ста_ ры ка_ зак И_ ли_ я
 My_ ро_ мец, Во_ вто_ рых Доб_ ры_ ишо_
 ка... а Ми_ ки_ тиць млад, Во_ тре_ тыих то О_
 лё_ шень_ ка да По_ по_ виць от.

13. НАЕЗД НА БОГАТЫРСКУЮ ЗАСТАВУ И БОЙ СОКОЛЬНИКА С ИЛЬЕЙ МУРОМЦЕМ

(♩ = 88 - 96)

The musical score consists of six staves of music for voice and piano. The vocal line follows a rhythmic pattern of eighth and sixteenth notes, often with grace notes. The lyrics are written below each staff. The piano accompaniment features chords and bass notes.

Staff 1:

На го_ рах_ то, го_ рах на о_

Staff 2:

— ка_ ти_ стых, На о_ ка_ ти_ стых го_

Staff 3:

— рах, на шо_ ло_ ми_ стых Там сто_

Staff 4:

ял_ ле, по_ сто_ ял то_ и(ы)_ ко_ (и) бе_ л(ы) ша_

Staff 5:

тёр. Во ша_ три где ле_ жат та_ м(ы) доб_ ры

Staff 6:

мо_ лод_ цы: Во_ пер_ вых старый ка_ зак да

Staff 7:

И_ ли_ я Му_ ро_ мец, Во_ вто_

Staff 8:

— рых- то Доб_ ры_ нюш . ка Ми_ ки_ тич млад.

14. ПРО СТАРОГО

(♩ = 88)

Ай, да не бли_ зко от го_(у)_ ро_ да не да_

— лё — ко ж, не... Не да_ лё _ ко от

Ки_ е_ ва за две_ на_ дцэть вёрст Там и

жи_ ли на за_ сты_ вы бу_ га_ ты_ ре. Ка_ ра_

— у_ лн_ ли, хра_ ни_ ли сто_ льней Ки_ ев да град,

15. БОЙ ИЛЬИ МУРОМЦА С СЫНОМ

(♩ = 144)

Ме_ жду Ки_ ё вом ме_ жду Цер_ ни_ ло_ вым

Там сто_ яла за_ ста_ ва ве_ ли_ ка_ я,

Семь то рус_ ских мо_ гу_ ци_ их бо_ га_ ты_ реи.

А та_ ма_ ном_ то был да Иль_ я Му_ ра_ мецъ.

16. ПРО ИЛЬЮ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ

(♩ = 148)

А как во столь_ но_ ём во го_ ро_ де во

Ки_ ё_ ви, А у кня_ зя то да у Вла_

ди_ ми_ ра А вёл_ ся про_ дол_

жал_ ся_ то да кня_ же_ нец_ кий пир А

с силь_ ни ма_ мо_ гу_ чи ма да со_ бо_ га_ тыр_ ми.

17. ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

(♩ = 56)

18. КАК ЕЗДИЛ СТАР

(♩ = 150 – 152)

19. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СТАНИШНИКИ

Musical score for '19. Илья Муромец и станишники'. The tempo is indicated as $\text{♩} = 54$. The music consists of three staves of musical notation. The lyrics are written below the notes:

Ай е_хал ста_рой ста_рыныши_ на да ю_да_л...ой се_
- да_ тиши_ шо, А се_ да... се_ да_ тиши_
- шо, бо_ ро_ да_ тиши_ шо, Ишше е_ ха_ л(ы)
да ста_ рой_(е); на доб_ ро_ м(ы) ко_ не

20. ОХ, НЕ БЕЛЫЕ СНЕЖКИ ЗАБЕЛИСЯ

(ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СТАНИЧНИКИ)

Musical score for '20. Ох, не белые снежки забелисся'. The tempo is indicated as $\text{♩} = 66$. The music consists of three staves of musical notation. The lyrics are written below the notes:

Ох, не_ бе_ э_ лы_ и, не бе_ ла_ и сниж_ки
за_ бе_ ли_ ли_ ся, А_ а за

з_а_ бе_ ле_ ла' у а_ у ста_ ра_ во ся_

да да ба_ра_ да.

За_бе_ ле_ (э)_ ла_ ся у ста...! (а) па_

во ся_ да_ я ба_ ра_ да а_ а да

весь а_ на ся_ да_ я, а_ и' буй_

на да а_ на га_ ла_ вай

III

Ой, ся_ да... э ся_ да_ я ба_ ра...

и под ним

и буй_ на_ я га_ ла_ ва_ о,

ко_нь бурка_ сма_ тый гри_ вая_ во ко_ ле_ сом зо_

ви_ та_ и и и и о

на_ па_ да_ (а)_ ли на_ ста.. а_ ра_

IV

ста_ ни_ че...
 во ста_ ни_ че...
 и(с)ни_ (и)ки,
 а а
 Ох, и ста_ ни_ че... а
 все раз...
 а ни все раз... бой_ ник...
 бо... да о ста_ ни_ чни_ ки,
 ки. о о ста_ ни_ чни_ ки,
 о о ста_ ни_ чни_ ки,

21. ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И ТУГАРОВЫХ ЗВЕРЯХ

Andante

Как по си_ не_ му по мо_ рю по Хва_ лын_ ско_ му,
 ой с До_ ну на Ду_ най по Хва_ лын_ ско_ му
 Е_ ше пла_ ва_ ли гу_ ля_ ли трид_ цать семь ко_ раб_ лей,
 ой с До_ ну на Ду_ най трид_ цать семь ко_ раб_ лей.

22. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И САМСОН-БОГАТЫРЬ

Медленно

По Чё_р(ы).ным бы_ ло по мо_рюшку, мо_ рю Чёр_ ны_ ва,
Эй, ой зда_ лк_ но_ ю,
мо_ рю Чёр_ ны_ ва. Там бя_ гут, бя_ гут, вы_ бя_ га_ ют
трид_ цать ко_ раб_ лей их, зда_ ли_ но_ ю.

23. ИЛЬЯ МУРОВИЧ

Очень медленно

Ой, воз_ до_ лий_ ка, да да_ ле_ ко же во раз_
—до_ лий_ ка там про_ лё_ ги_ ва_ ла да ши_
ро_ ка_ я в степь до_ ро_ жунь_ ка.

24. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ ВЫЕЗЖАЕТ В ПОЛЕ

Медленно $\text{d} = 60$
Занев

Мужские
голоса

1. Ай.
2. Ай,

во-го-ра-ет сво-ю

Все

де сбру- что не стук рат- сту- из-

чит, Ай, что не стук то сту-
ю, Ай, что ко- пьё об ко-

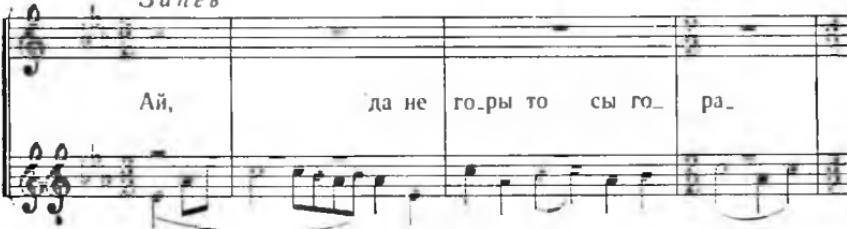
чит, что не гром то гре- мит Илья свет И-
пьё сам по- звя- ки- вает,

25. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ-КУЗЮТУШКА СОБИРАЕТСЯ ВО ДИКИ СТЕПЯ

Медленно $d = 58$
Запев

Женские голоса

Мужские

Ай, да не горы то сы го_ ра_

Все

ми сы хо ди_ ли_ ся,

ей, да не ле_ сы то сы ле_ со чка_

26. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА РЕЧКЕ СМОРОДИНКЕ

Не очень медленно $\text{♩} = 84$

[Запев 1-й (нижний или средний голос)]

[Все]

1. Ай, да как во славном бы ло, братцы, да во

ро де, во славном во Ке и-

Все

ве, ой да, там про лё га ва ла вот бы степь до-
2. я, вот и д(ы).ли но ю о на, э та степь до-

—ро_ жунь_ кя,   о_ на не ши_
—ро_ жунь_ кя,   у ней кон_ ца   ро_
ка_

Конец Запев 2-й и последующие

ка_   я, нет   2.Ай   о_ на не ши_
—ю   3.Ей,   у ней кон_ ца   ро_   ка_
ка_   ю.

27. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ У ВОРОТ КИЕВА

Медленно ♩ = 72

Запев 2-й и последующие

Vce

[Запев 1-й]

Женские
голоса

1.
2. О_ на не ши_ ро_ ка_   я,
Ой да, про. ле_
ой да, ши. ри_

Мужские

[Vce]

—га_ ла бы_ ло э_ та шлях до_
—но_ ю о_ на э_ та шлях до_   ро_ жунь_ ка, о_ на, не ши_
—   —   —   —   —   —   ро_ жунь_ ка, о_ на на пят-

28. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЦЕЛОВАЛЬНИКИ

Медленно $\text{♩} = 72$

Запевает бас или тенор

Запев 2-й и последующие

[Запев 1-й]

Мужские
голоса

1.
2. Во чи_ стом по_ ле
Ой ой да, воз_ да_ ле_

Пристают все

ле_ че бы_ ло,
жа_ ла бы_ ло,
бы_ до воз_ да_ братцы, шлях до_
ле_ ро_ чень_ ко,
ро_ же_ чка,

братцы, по чи_ сто... (ой.) во чи_ стом по_ ле.
о_ на не ши_ ро... (ой.) не ши_ ро_ ка_ я.

КОММЕНТАРИЙ

БЫЛИНЫ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ В ОБЩЕРУССКОЙ УСТНОЙ ТРАДИЦИИ XVIII—XX ВЕКОВ

В раздел I, являющийся основной частью сборника, вошли тексты, записанные от народных исполнителей былин в том виде, в каком эти былины жили среди народа в устной передаче.

В разделе представлены сюжеты всех былин, в которых героем, единственным или главным, является Илья Муромец. В сборнике отобрано по нескольку образцов различных обработок каждого сюжета с тем, чтобы показать богатство и многообразие русского эпического творчества, посвященного Илье Муромцу.

При отборе составитель руководствовался задачей представить все основные типы былин каждого сюжетно-тематического цикла и, таким образом, познакомить с местными, областными эпическими традициями. При этом составитель стремился дать наилучшие в идейно-художественном отношении и ставшие классическими тексты. Поэтому в сборнике возможно шире представлены записи, произведенные от крупнейших мастеров былинного сказительства.

Вместе с традиционными, широко известными сюжетами в сборник включены и редкие сюжеты, существующие часто в единичных записях, представляющие более поздние новообразования, иногда — приурочение других песенных сюжетов к популярному имени Ильи Муромца.

Былины на традиционные, широко распространенные сюжеты группируются по сюжетно-тематическим циклам, внутри каждого из которых они располагаются в основном по времени записи. Хотя дата записи не всегда свидетельствует о времени возникновения данной редакции (порой тексты поздних сборников воссоздают как раз более древний вид сюжета, чем запись старшего сборника), но некоторое движение сюжета все же иногда можно проследить. Кроме того, записанные в определенную эпоху произведения всегда помогают уяснить направленность социальных интересов народа в данное время, показывают, что именно в образе Ильи Муромца, в его богатырской деятельности привлекает внимание носителей эпоса.

Тексты былин взяты из разных сборников, составители которых имели каждый свою методику записи и публикации текста. Одни из них отмечали лишь некоторые диалектные особенности (как например П. Н. Рыбников, А. Ф. Гильфердинг), другие (как А. В. Марков) стремились передать средствами обычной транскрипции все основные, улавливаемые слухом особенности звучания, отличающие речь исполнителя от литературной, третьи (как А. Д. Григорьев) обозначали соответствующими буквами фонетику речи исполнителей даже в тех случаях, когда она совпадала с литературной (например, ассилиацию согласных и т. п.).

Точное воспроизведение орфографии сборников может внести неверное представление о резких различиях в произношении в тех районах, в которых таких различий по существу не наблюдается. Кроме того, педантическое воспроизведение всех особенностей звучания делает тексты трудно воспринимаемыми.

Поэтому в орфографию текстов вносится ряд упрощений и единообразие в передаче явно одинаковых фонетических явлений в текстах из сборников Маркова, Григорьева, Ончукова, Астаховой, Париловой—Соймонова и Соколова—Чичерова. Сняты всюду: особое обозначение фрикативного г, гипертрофированное обозначение мягких согласных (как например у Маркова — русьских, песни, печька, шьчобы, сълезных и т. п.), передачу ассилированных звонких согласных с глухими и специальное обозначение глухого в конце слов через глухие согласные (как например у Григорьева — фторой, пугофка, веть, уш и т. п.) и некоторые другие, затрудняющие чтение текста, приемы транскрипции.

Тексты из сборников Киреевского, Рыбникова и Гильфердинга, в которых фонетические особенности отмечены умеренно, печатаются с сохранением этих особенностей. Окончания прилагательных в родительном падеже ого, яго, ово, сво, если ими не передано отклонение от обычного в данной местности произношения, заменены современными ого, его.

Тексты из сборника Кирши Данилова даны по изданию 1938 года.

Буквы в круглых скобках означают вставные звуки при пении. В квадратных скобках помещены слова и буквы, добавленные в источниках для правильного понимания текста, в ломаных < > — добавленные составителем данного сборника.

Знаки ударения перенесены из источников и добавлены составителем там, где ударения необычны в литературном языке. Знаком ударения обозначается произношение е вместо обычного в данном случае ё (например, по-учёному).

Курсивом в текстах выделены ремарки сказителей, сделанные ими во время исполнения.

Заглавия былин без скобок принадлежат источникам, в квадратных скобках — составителю.

В библиографии сюжетов при номерах в скобках ставятся условные сокращения: (к.) означает контаминацию с другим сюжетом, (пр.) — прозаический рассказ, (отр.) — отрывок.

1—3. Получение силы

(Исцеление Ильи-сидня, Илья Муромец и Святогор)

Тема получения Ильей Муромцем богатырской силы разработана в двух сюжетах: 1) в былине о чудесном исцелении крестьянского сына Ильи, который тридцать лет был сиднем, не владел руками и ногами, и 2) в былине о встрече Ильи Муромца с Святогором, о том, как последний перед смертью передал Илье часть своей чудовищной силы.

Сюжетом об исцелении скрывается поэтическая биография Ильи Муромца. Это как бы пролог к повествованиям о богатырских подвигах Ильи. Поэтому в качестве отдельной былины данный сюжет почти не встречается, а, как правило, в соединении с другими былинами, предшествуя рассказу о каком-либо подвиге. Чаще всего сюжет об исцелении соединяется с былиной о Соловьеве-разбойнике, которая обычно передается исполнителями как рассказ о первой поездке богатыря. Сюжет об исцелении постоянно также входит в сводные былины об Илье Муромце, соединяющие несколько сюжетов цикла.

Сюжет широко распространен, но преимущественно в прозаических пересказах и сказочных обработках. В форме былины он известен почти исключительно Северу, но и здесь записано мало текстов, отличающихся хорошо отработанным былинным стихом, большинство же текстов отмечены прозаическим складом.

Все это заставляет предполагать первоначальное возникновение сюжета в форме легендарно-сказочной на основе широко распространенных народных сказок о сидне (см.: Вс. Миллер, Очерки, I, стр. 362—391). Былинные же обработки явились, очевидно, позднейшими попытками переоформить уже распространившуюся сказку в былину. Это в какой-то степени подтверждается и отличием стиля рассказа об исцелении в записях XVIII века, вполне прозаического, от стиля дальнейшего повествования о самих подвигах Ильи, где имеются явные следы былинного склада (см. тексты №№ 61—63 и комментарий к ним).

Варианты: Киреевский, I, стр. 1 (к.), Прилож., стр. I, IV, XVII (все три — пр., к.); IV, стр. 1 (к.); Рыбников, I, №№ 51 (к.), 139 (к.), 190 (пр.); Гильфердинг, № 120 (к.); Григорьев, I, № 8 (пр., к.); III, №№ 50 (к.), 89 (к.); Марков, №№ 42, 46 (к.), 67 (пр.), 91 (пр.); Опучков, №№ 19 (к.), 53 (к.); Соколовы, стр. 306 (пр., к.); Савельев, стр. 79 (пр., к.); журн. «Культура», Научн. прилож., № 1, 1922, стр. 2—17; Астахова, I, №№ 28 (пр., к.), 80 (пр., к.), 92, 93, (пр., к.), 95 (к.); II, №№ 157 (к.), 165 (к.), 194, 201; Леонтьев, № 1 (к.); Нарилова—Соймонов, №№ 3 (к.), 31 (к.); Конашков, № 1 (к.); Крюкова, I, № 11; Соколов—Чичеров, №№ 44 (пр., к.), 57 (пр., к.); 70 (к.), 77 (к.), 130 (к.), 170 (к.), 178 (к.), 195, 261 (к.), 269 (пр., к.); Реминисценции сюжета в других былинах (см.: Марков, №№ 61, 71; Тихоправов—Миллер, № 7, стр. 20).

О сказочных обработках см. в комментарии к сказкам, стр. 503 (большинство указанных сказок включают сюжет об исцелении). Тексты из рукописных сборников XVIII—начала XIX века: Миллер, стр. 285; Б. Соколов. Былины старинной записи. «Этнография», 1927, № 1—2; Труды ОДРЛ, IV, стр. 242; Славянский фольклор. М., 1951, стр. 246.

Приурочение к Илье Муромцу сказочного мотива о чудесном исцелении сидня явилось в результате естественного желания дать начало биографии любимейшего народного богатыря и вместе с тем окружить легендой происхождение его необычайной, неодолимой силы. Таким образом, сюжет этот — один из позднейших в цикле былин об Илье Муромце.

Самый эпизод исцеления довольно устойчив. Постоянными целителями являются неведомые странники, которые даруют силу через питье. При этом вначале полученная сила является чрезмерной, и ее затем уменьшают в половину путем вторичного поднесения Илье питья.

См., например, обработку этого мотива у Киреевского (I, стр. 1):

Нища братия у Ильи спрашивали:
 — Много ли, Илья, чуешь в себе силушки?
 — От земли столб был да до нёбушки,
 Ко столбу было золото кольцё,
 За кольцё бы взял — Святогорску поверотил!
 — Ты поди, Илья, принеси другу чашу!
 Илья стал им поднашивать,
 Они Илье отворачивают,
 Выпивал Илья без отдыха
 Большу чашу в полтора ведра,
 Они у Ильи стали спрашивать
 — Много ли, Илья, чуешь в себе силушки?
 — Во мне силушки половинушка.

См. также в настоящем сборнике текст № 10.

В некоторых вариантах (но сравнительно нечасто) эпизод исцеления приобретает известную религиозную окрашенность: чудесные странники отождествляются с Христом, апостолами (см., например: Киреевский, I, стр. 1), чудотворцем Николаем и т. п., что явилось, вероятно, вследствие бытования сюжета в среде калик — исполнителей духовных стихов; от них эти мотивы были усвоены и некоторыми носителями богатырского апоса.

В былинах, побывальщинах и сказках об исцелении почти неизменно отмечается крестьянское происхождение Ильи Муромца и рассказывается о выполнении им тяжелой крестьянской работы как первом подвиге после получения силы.

Былина о встрече Ильи Муромца со Святогором принадлежит к числу редких. Она известна лишь в немногих вариантах из северных районов, причем довольно

часто соединяется с другими сюжетами об Илье Муромце. Встречалась и в виде побывальшин, и в сказочных обработках.

Варианты: Рыбников, I, №№ 2, 51 (пр., к.); II, № 138 (пр.); Гильфердинг, №№ 1, 119 (к.), 265, 273; Марков, №№ 61, 66 (пр.); Григорьев, I, № 166 (пр.); П, № 61 (пр.); III, №№ 46 (к.), 50 (к.), 114 (к.); Ончуков, № 61; ср.: Киреевский, I, Прилож., стр. XXXIV; см. также: Гильфердинг, № 270; Астахова, I, №№ 5, 25, Прилож., № 2; II, №№ 157 (к.), 165 (к.); Леонтьев, № 5; Парилова—Соймонов. №№ 4 (к.), 40 (к.); Крюкова, I, № 8; Соколов—Чичеров, №№ 1, 44 (пр., к.), 57 (пр., к.), 75, 178 (к.), 269 (пр., к.). Ср. в якутском фольклоре: Русский фольклор. Материалы и исследования, I. М.—Л., 1956, стр. 235.

О Святогре существует еще другая былина, где изображена его огромная, чудовищная сила, которая тяготит самого богатыря. Святогор погибает, «угрякая» в землю, когда пытается поднять сумочку с «тягой земной». Былина «Илья Муромец и Святогор» развивает другую версию о гибели Святогора — в найденном по дороге гробу, который оказывается ему «по мерке».

Происхождение самого образа Святогора в русском эпосе неясно; по-видимому, он восходит к доклассовому обществу: аналогичные образы встречаются и в древних эпосах других народов. О древности образа см.: Пропп. Русский героич. эпос, стр. 72 и след. Древним является и мотив гибели в гробу. Мотив этот использован в цикле былин об Илье Муромце для объяснения происхождения силы последнего, которой он превосходит всех остальных богатырей: Святогор, умирая, передает Илье сквозь щель в гробу часть своей силы через дыхание (или, по некоторым вариантам, через смертную пену).

Хотя оба рассмотренных сюжета разрабатывают тему о получении Ильей Муромцем силы, они не стоят в противоречии друг с другом, как может это показаться на первый взгляд и как это отмечалось некоторыми исследователями (см.: Н. П. Андреев. Былины. Русский героический эпос. Изд. «Советский писатель», 1938, стр. 561). В восприятии носителей эпоса былина о встрече Ильи Муромца со Святогором показывает не приобретение Ильей Муромцем силы вообще, а лишь еще большее увеличение ее. Поэтому оба сюжета не только существуют в эпической традиции параллельно, разобщенно, но иногда и объединяются в одной былине, как это произошло в тексте № 1 настоящего сборника.

1. [Получение силы]. Печатается по записи П. Н. Рыбникова: первая часть. стихотворная, — по тексту первого издания (часть I, М., 1861, стр. 33—36); вторая, прозой, — по тексту второго издания (т. I, М., 1909, стр. 320—323). Былина записана в 1860 году в селе Кижи Петрозаводского уезда от Леонтия Богданова, 70 с лишним лет.

Текст был исполнителем не спет, а сказан и записан в виде побывальшины. Однако редактор первого издания П. А. Бессонов счел возможным разделить

рассказ на стихи, указывая на близость его к стихотворной форме. Только самый конец — смерть Святогора в гробу — был опубликован в сплошном рассказе (см. первое издание, часть I, стр. 41—42), а также переданы прозой заключительные слова эпизода встречи (там же, стр. 39). Редактор второго издания А. Е. Грузинский напечатал весь текст прозой.

Известно, что в XIX веке некоторые исполнители уже не пели былины, а сказывали, далеко не всегда, однако, превращая их в прозаический рассказ. Это была своеобразная декламация. Первая часть былины Л. Богданова обнаруживает явный стихотворный склад, и Бессонов был бесспорно прав, передавая ее стихами. Из ритма выпадает лишь рассказ о возвращении родителей домой (после 75-го стиха), который мы и передаем прозой. Чередование стихотворной интонации с прозаической — довольно частое явление при исполнении былин в XIX—XX веках (см., например, Астахова, I). В стихотворном виде первая часть былины Л. Богданова публиковалась неоднократно в разных изданиях с конца XIX века.

Что касается всей второй части, передающей встречу Ильи Муромца со Святогором и смерть последнего, то здесь мы видим обратное явление: вся эта часть несомненно сплошной рассказ, и лишь немногие отдельные фразы даны в складе эпического стиха. Разделение Бессоновым первой половины этой части на стихи характером материала не оправдано и воспринимается как искусственное деление.

Вариант Л. Богданова среди других былин об исцелении — один из лучших по простоте, ясности и выразительности разработки темы, а, главное, по своему крестьянскому колориту. Просто и вместе с тем убедительно, именно как выражение крестьянских интересов Ильи Муромца, передано первое применение им силы на работе по выкорчевке леса, расчистке лесной площади под пашню. Недаром вся начальная часть текста Богданова использовалась в хрестоматиях и массовых изданиях цикла былин об Илье Муромце.

Текст включает замечательный, вошедший в былинную классику мотив — предсказание калик о том, что Илье «смерть на бою не писана», а также характеристику четырех богатырей, с которыми Илье Муромцу нельзя вступать в бой по причине их особых, только им присущих свойств.

Вторая часть былины, включающая сюжет «Илья Муромец и Святогор», также отличается ясной, четкой композицией. Эпизод встречи осложнен мотивом неверию жены Святогора, что нередко встречается в обработках сюжета (например: Рыбников, II, № 138; Марков, № 61, и др.), но, однако, не является обязательным их компонентом (см. кенозерские варианты из сборников: Гильфердинг, №№ 265, 270, 273; Григорьев, I, № 166 — с Пинеги; III, № 114 — с Мезени; Ончуков, № 61 — с Печоры).

Объединение в одной былине обоих сюжетов о получении Ильей силы свидетельствует о том, что исполнители не воспринимали их как былины противоречивые. Напротив, в данном тексте оба сюжета связаны логически. Попросим

у родителей благословения, Илья Муромец едет «в раздольице чисто поле». Там он встречается и затем братается со Святогором, который называет Илью меньшим братом. Илья проходит под руководством Святогора воинскую выучку — «выучил Святогор Илью всем похваткам, поездкам богатырским», а затем Святогор, погибая в гробу, передает Илье часть своей силы и дарит ему свой меч-кладенец. Хорошо выделена рассудительность Ильи Муромца, разумность его поступков: не предполагая коварства Святогора, задумавшего его погубить «мертвым духом», Илья Муромец тем не менее отказывается от вторичной передачи Святогором силы, боясь излишка ее и, как бы вспоминая слова калик о Святогоре, говорит: «Будет с меня силы, больший братец; не то земля на себе носить не станет».

2. [Ищеление Ильи Муромца]. Печатается по тексту № 53 сборника Ончукова. Записано Н. Е. Ончуковым в 1902 году в Усть-Цильме от Игнатья Михайловича Дуркина, свыше 75 лет.

Былина И. М. Дуркина — сводная, соединяющая сюжет об исцелении с сюжетами о станичниках и о Соловье-разбойнике. Так как обработка двух последних сюжетов ничего особо интересного и своеобразного не представляет, то мы печатаем здесь лишь первую часть былины — о получении силы, которая отличается завершенностью и отчетливо отделяется от последующего повествования.

Публикуемая часть представляет исключительный интерес своеобразной разработкой эпизода помощи родителям в их крестьянских нуждах. Вместо традиционной картины очистки пашни, здесь рисуются другие, но также типично крестьянские заботы и хлопоты Ильи Муромца: он выгоняет скот с поля и заботливо огораживает поле от возможной потравы скотом «людям на удивленьице».

Обращает на себя внимание изображение коня Ильи Муромца, характерное для северо-восточной эпической традиции. См. печатаемый ниже мезенский текст о поездках Ильи Муромца (№ 41).

3. [Илья Муромец и Святогор]. Печатается по тексту сборника Гильфердинга (III, № 273). Записано на Кенозере 14 августа 1871 года от Петра Яковлевича Меншикова, 52 лет

Принадлежит к той группе обработок, в которых встреча двух богатырей не осложнена мотивом неверной жены Святогора.

Это лучший по композиции и эпическому складу вариант из всех известных стихотворных текстов, хотя он и не дает полного завершения эпизода передачи силы (ср. с текстом № 1). Другие тексты отмечены нечеткостью стихотворного ритма, прозаическим складом и включают излишние детали, загромождающие и затеняющие основную линию повествования.

4—10. Илья Муромец и Соловей-разбойник

Принадлежит к древнейшему слою былин об Илье Муромце. Соловей-разбойник — обобщенный образ врага-насильника. В своей основе (борьба героя

с чудовищем) сюжет принадлежит доклассовому периоду, но как рассказ о подвиге Ильи Муромца он оформился в обстановке древней Руси дотатарского времени, много страдавшей от разбойничества. Впоследствии на образе Соловья-разбойника отразились и впечатления эпохи татарских нашествий. Соловей получает в некоторых вариантах отчество Рахматович — возможно отзвук воспоминаний о хане Ахмате, совершившем в XIV веке набег на Москву, или имеется Одихмантьев сын. Имя «Соловей» встречалось в древней Руси.

Пафос былины — в воспевании могучего русского богатыря, защитника народа и мирного народного труда. Почти постоянным компонентом былины, кроме изображения главного подвига — победы над Соловьем-разбойником, от которого «проходу-проезду нет», является освобождение по пути города (обычно Чернигова, иногда Смолягина, Бекешева или Бекетовца, Кидоша и др., в рукописных пересказах XVIII века — Себежа) от осадившей его несметной вражеской рати. Этот эпизод дает возможность подчеркнуть в образе Ильи Муромца его целесустребленность, стремление выполнить задачу богатыря — служить народу как оберегатель Русской земли: Илья Муромец отвергает предложенное ему властями и жителями освобожденного города высокое положение и почести, не остается в городе и спешит в Киев, чтобы занять свое место среди других богатырей — защитников родины.

Органично всему содержанию былины противопоставление Ильи Муромца князю Владимиру и его приближенным — «князьям-боярам», которые вначале не верят рассказу приехавшего богатыря о «замирении» им прямое兹жей дороги и обвиняют его во лжи, а затем, при свисте Соловья, обнаруживают свою слабость и трусость. Этот эпизод мастерски разрабатывается в вариантах XIX—XX века. В острых сатирических образах рисует испуг князя и бояр или придворных богатырей.

Особенную социальную остроту придает сюжету указание на крестьянское происхождение Ильи Муромца: конфликт между присхавшим богатырем и князем с его придворным скружением становится классовым конфликтом. Этот мотив обычно выделен в тех вариантах, в которых поездка Ильи в Киев предполагается рассказ о чудесном исцелении Ильи Муромца и получении им богатырской силы.

Все эти идеально-художественные особенности былины, четко выделяющие образ Ильи Муромца как народного героя, определили широкую популярность сюжета в течение столетий. Былина об Илье Муромце и Соловье-разбойнике — одна из самых распространенных и известна в многочисленных записях из разных мест, начиная с XVIII века. Нередко эта былина контаминируется с другими героическими былинами об Илье Муромце. Особенно часто наблюдается включение рассказа о встрече Ильи Муромца (еще до освобождения им города)

взатогой разбойников, которые нападают на богатыря и хотят его ограбить. Илья Муромец или убивает всех разбойников или устрашает их стрельбой из лука и берет с них обещание бросить разбойничество. Сюжет этот известен

в качестве самостоятельной былины. Включение его в былину о Соловье-разбойнике усиливает героические черты в образе Ильи Муромца.

Сюжет о Соловье-разбойнике известен также в прозаических пересказах и в многочисленных сказочных обработках. Он проник в лубок, отражен и в народных лубочных картинках. В виде сказки сюжет известен многим другим народам Советского Союза.

Варианты: Кирша Данилов, № 49 (Киреевский, I, стр. 41); Киреевский, I, стр. 25, 30, 31, 34, 40, 77; IV, стр. 1(к.); Рыбников, I, №№ 4, 61, 82; II, №№ 103, 110 (к.), 116, 127 (к.), 139 (к.), 170, 191; Гильфердинг, №№ 3, 56, 74, 104, 112, 120 (к.), 171 (к.), 210 (к.), 212, 274, I, стр. 685; Марков, №№ 1 (к.), 68, 107; Григорьев, I, №№ 38, 180 (к.); II, №№ 12, 36, 52, 73, 85; III, №№ 8, 56 (к.), 89 (к.); Ончуков, №№ 19 (к.), 53 (к.); Марков, Маслов, Богословский, I, стр. 47; Тихонравов—Миллер, №№ 1, 2, 5; Миллер, №№ 1, 2, 3 (к.), Прил., № 2; Соколовы, стр. 306 (к., пр.); Савельев, стр. 80 (к., пр.); Живая старина, 1915, вып. III; Астахова, I, №№ 1, 28, 32, 39, 47 (пр., к.), 48, 80, 93 (пр., к.), 95, Прил., № 1; II, №№ 122, 131, 141, 157 (к.), 165 (к.), 192, Прил., I, № 2, III, № 1; Леонтьев, № 1 (к.); Иван Рябинин-Андреев, стр. 116 (отр.); Парилова—Соймонов, №№ 3 (к.), 17, 31 (к.), 53, 62; Петр Рябинин-Андреев, № 2; Конашков, № 1 (к.); Крюкова, I, № 1; Соколов—Чичеров, №№ 3, 44 (пр., к.), 53 (к.), 55 (к.), 57 (пр., к.), 61, 70 (к.), 77 (к.), 96, 104, 107, 130 (к.), 169, 170 (к.), 184, 193, 196, 199, 255 (к.).

О сказочных обработках см. в комментарии к сказкам, стр. 503. Тексты из рукописных сборников XVIII—начала XIX века: Тихонравов—Миллер, стр. 1, 4, 7, 10, 11 (к.); Миллер, стр. 285; «Этнография», 1927, № 1—2; Труды ОДРЛ, IV и VI; Славянский фольклор. М., 1951, стр. 246.

4. Первая поездка Ильи Муромца в Киев. Печатается по тексту № 49 сборника Кирши Данилова. Самая ранняя запись былины в стихах, отличающаяся крайне сжатой композицией. Сближаясь рядом своих черт с краткой редакцией «себежских» рукописных пересказов XVIII века (см. стр. 512), запись эта отклоняется от них полным выключением эпизода освобождения города.

Своеобразной чертой текста является перечисление богатырей, идущих вместе с князем смотреть Соловья-разбойника. В уста богатырей вкладывается и выражение недоверия к рассказу Ильи Муромца. Изображение в конце былины испуга этих богатырей особенно выделяет подлинное богатырство Ильи Муромца: смертельно испуганными оказываются не только князь и бояре, но и все «сильные богатыри могучие». Сатирически рисуются «князи и бояра», которые так перепугались, что «на корачках по двору наползалися». При всей краткости изложения событий в былине четко выделяется могучий облик Ильи Муромца.

Отмечена также и неподкупность Ильи (неудачная попытка жены Соловья выкупить мужа «золотой казной»).

Крестьянское происхождение Ильи Муромца не указано, но упоминается село Корочаево как родина богатыря.

5. [Первая поездка Ильи Муромца]. Печатается по сборнику Киреевского (I, стр. 34). Записано Е. Фаворским в селе Павлово Нижегородской губ. Впервые напечатано в «Прибавлениях» к «Известиям II Отделения Академии наук» (т. I, М., 1852).

Вариант замечателен включением гуманистического завета отца Ильи Муромца — старого крестьянина Ивана Тимофеевича: «Я на добрые дела тебе благословенье дам, А на худые дела благословенья нет». *Завет* этот как бы бросает свет на характер всей последующей деятельности Ильи Муромца — защитника народа и борца против угнетения и насилия. Наличие аналогичного мотива в некоторых рукописных пересказах XVIII века (см., например, в № 64 нашего сборника: «Не делай обиды и не проливай крови христианской напрасно») показывает, что этот мотив не был индивидуальной особенностью именно данного текста, а входил в традицию.

Очень важен также в былине патриотический мотив: наказ Ильи Муромца освобожденным царевичам, чтобы они разглашали всюду о силе Руси, в которой «есть сильны, могучи богатыри». Хорошо передано в варианте стремление Ильи Муромца поскорей попасть в Киев (отказ идти к воеводе «хлеба-соли кушать»).

Своеобразной чертой варианта, больше нигде не встречающейся, является мотивировка убийства Ильей Муромцем детей Соловья-разбойника необходимостью искоренить весь зловредный род Соловья, «чистоту» которого поддерживал Соловей кровосмесительными браками сыновей с дочерьми.

Необычным для конца былин на данный сюжет является также поступок Алеши Поповича, бросающего в Илью Муромца нож в обиде на то, что Илья «пожал» всех князей, бояр и богатырей, чтобы сесть против князя Владимира.

В художественном отношении в варианте выделяется самое начало — образ склоняющегося перед отцом богатыря — и замечательная картина скачки Ильи Муромца. Вся эта начальная часть (кончая словами «В третий скочил — под Чернигов-град»), в которую входил и отмеченный нами завет отца, постоянно печаталась в хрестоматиях, антологиях и массовых изданиях, как одно из лучших былинных изображений отъезда Ильи Муромца из дома. Именно в этой обработке описание первого выезда Ильи Муромца и вошло в сознание многих русских людей.

6. Илья и Соловей-разбойник. Печатается по сборнику Гильфердинга (II, № 74). Записано А. Ф. Гильфердингом 8 июля 1871 года в Кижах (Занежье) от Трофима Григорьевича Рябинина, 78 лет.

Впервые эта былина была записана от Т. Г. Рябинина в 1860 году П. Н. Рыбниковым в несколько более сжатом варианте (233 стиха) и с некоторыми, незначительными отличиями от записи А. Ф. Гильфердинга (Рыбники-

Кане изложитъ Торога штурма и сего бы
погодѣша начь бѣлауѣ посѧла боѣстѣ риа кирилл
и начь муромѣнъ и похвѣти по столому Торогу исконъ
окъ пою дурого премоѣжно постора наилѣшъ разко
припѣшилъ альѣ греѣхъ тѣ вѣтъ Григорія пѣрѣзъ Греѣхъ
Тради (исполиния) ишатѣ есъ зорогъ славѣнъ разбоянинъ
и ишестѣнъ начь запоѣдѣ тѣнику тоо тѣро хактѣ
торогу тарѧвѣжъ ис постора наилѣшъ разко тарѧвѣжъ
и иѣвѣмостѣ и икаплики тулои лукѣ и юсаѣна
и иѣвѣмостѣ тарѧвѣжъ тѣрѣтѣ бладосахъ иши
ишишъ дѣна (ишатѣнъ) антилло есъ ильо вѣтъ
примѣнъ вѣтъ (ишатѣнъ) ифасицъ начь на єг҃о
зора искрѣ антилехъ начь зорога (исполо) востѣбоготи
широшина начь тарѧвѣжъ онъ юка тѣнику вѣтъ
богородъ ишонъ похвѣнъ разко тѣнику онъ тѣрѣу
(ишатѣнъ) тарѧвѣжъ тѣрѣтѣ аорутѣа (ишонъ)
и иѣвѣмостѣ начь тѣсѣвѣжъ онъ тѣрѣтѣ тѣ лѣбѣ бранѣнъ
греѣхъ тѣ Тради (исполиния) начь бѣа буѣтѣ шиа.
и востѣбоготи вѣтъ востѣнѣнѣхъ лекахъ всеборѣнъ
наилѣшъ начь наилѣшъ тѣсѣвѣжъ инахѣлѣ онъ начь
славѣнъ разбоянинъ вѣасибѣшъ славѣнъ разбоянинъ по
всикъ тѣто искониста и посторонъ онъ посѧлъ Годатѣбення наилѣ
сталъ (славѣнъ) посолѣбеннику астрѣтѣи башитѣшъ разко
и искрѣнѣннику астрѣтѣи Григорію тѣрѣзъ посторониста
подѣлѣло юка ишасицѣя и падалъ тѣрѣзъ ишасицѣя тѣбо
рѣтѣвѣшъ начь муромѣнъ ишонѣнъ астѣ. тѣрѣзъ вѣтѣтѣ
иенок ишонѣнъ и єбѣвѣшъ тѣрѣ вѣтѣшѣхъ Григоріенъ
и єбѣвѣшъ тѣрѣ, ишонѣ посторониста лекахъ и єбѣвѣшъ тѣшитъ
(славѣнъ) и єбѣвѣшъ тѣрѣ юка Григоріе астѣвомитѣ

ков, I, № 5). Былину от Т. Г. Рябинина усвоил его сын Иван Трофимович Рябинин («Этнографическое обозрение», 1894, кн. XXIII, статья «И. Т. Рябинин и его былины»), который в свою очередь передал ее пасынку Ивану Герасимовичу Рябинину-Андрееву. От последнего сохранилась лишь запись начала былины на фонограф (Иван Рябинин-Андреев, стр. 116). От сына И. Г. Рябинина-Андреева, Петра Ивановича Рябинина-Андреева, былина в редакции Трофима Рябинина была донесена с некоторыми уже изменениями до наших дней. От четвертого Рябинина произведено несколько записей ее в разное время: Соколов—Чичеров, № 96 (запись 1926 года); Астахова, II, № 131 (запись 1932 года); Петр Рябинин-Андреев, № 2 (запись 1939 года).

От Т. Г. и И. Т. Рябининых былина была усвоена некоторыми другими сказителями Заонежья.

Рябининская редакция былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник» отличается большими идеально-художественными достоинствами. Запись А. Ф. Гильфердинга от Т. Г. Рябинина, публикуемая здесь, принадлежит к числу самых лучших обработок данного сюжета. Недаром этот текст вошел в былинную классику и неизменно включался во все хрестоматии и антологии как ценнейший образец эпического творчества.

Композиция былины отличается простотой, стройностью и четко выделяет героическую тему. Путем последовательного включения эпизодов, раскрывающих силу, храбрость, целеустремленность, отсутствие своеокрыстных стремлений, заботу о народном благе, обрисован высокий нравственный и физический облик Ильи Муромца. Выражение недоверия к словам приехавшего богатыря вложено в уста самого князя Владимира, который оскорбляет богатыря, обвиняя его во лжи. Тем сильнее противопоставление князю и его придворным богатыря-крестьянина, «мужика-деревенщины», как называет его князь, тем эффектнее конечное торжество Ильи Муромца. Иронически представлен в конце былины князь, который от свиста Соловья «куньей шубонькой укрызается».

Большим художественным мастерством отмечены описательные образы — передача многочисленности вражеской «силы» под Черниговом (использование приема аллитерации и повторения смысловых частей слова), изображение губительной силы свиста Соловья-разбойника (картины потрясенной природы и произведенных в городе разрушений) и др. Выразительна речь Ильи Муромца, мотивирующая казнь Соловья-разбойника правильно понятыми народными интересами.

Исполнялась былина на напев № 1, на который пелись почти все былины Т. Г. Рябинина.

7. Илья Муромец (первая поездка его в Киев). Печатается по тексту № 1 сборника Гуляева, 1952. Записано С. И. Гуляевым в Барнауле от крестьянина деревни Ересной Барнаульской волости Леонтия Гавриловича Гупицына в начале 1870-х годов. Впервые напечатано у Тихонравова—Миллера (№ 1). Перепечатано М. К. Азадовским (Гуляев, 1939). Указание, помещенное перед текстом, сделано С. И. Гуляевым.

Своебразной особенностью текста Леонтия Тупицына является необычная разработка традиционного эпизода обвинения Ильи Муромца на пиру у князя Владимира во лжи и хвастовстве. Тупицын включает мотив открытого столкновения Ильи Муромца с князем: оскорбленный боярами богатырь покидает пир. Этот мотив усиливает противопоставление могучего богатыря-крестьянина князю и боярам. Жалкую фигуру представляет князь Владимир, когда, испуганный уходом Ильи, он с чарой вина бежит за богатырем, уговаривая его: «хоть выпей», но получает заслуженную отповедь: «На приходе ты гостя не употчивалял, На походе ты гостя не учествуешь». Трое суток гуляет Илья в царевом кабаке и возвращается только после особого приглашения. Резкую характеристику получают в варианте бояре — «злые бояре подмолчивые». Заключительная сцена, данная в обычном традиционном плане (Илья Муромец берет князя, чтобы оберечь его от свиста Соловья, «под пазуху», бояре, оглушенные свистом, «падают на кирпищат пол»), кладет последний штрих на противопоставление Ильи Муромца князю и его придворным.

Включение эпизода ссоры в былину о Соловье-разбойнике мы встречаем еще в одном шенкурском варианте (Киреевский, I, стр. 77), записанном в 1843 году. Но в нем ссора изображена уже после сцены со свистом Соловья-разбойника и не связана с мотивом недоверия к приехавшему богатырю. Князь Владимир укоряет Илью Муромца в том, что он, потеснив гостей на пиру, погнул все свои железные, которые разделяли места гостей. Разгневанный Илья Муромец отказывается от угощения и начинает размахивать плеткой, приговаривая:

На приезде гостя не употчивали,
А на посидинах да не учествовали!

Перепуганный князь прячется за печку и укрывается «собольеи шубкой».

Таким образом, эпизод бунта Ильи присоединяется здесь к уже законченной былине о Соловье-разбойнике, развивая новую тему, в то время как у Тупицына он органически и очень искусно включается в композицию самого сюжета о Соловье.

Необычны и некоторые другие подробности в былине Тупицына: попытка дочери Соловья убить Илью Муромца не тяжелой подворотней, а сабелькой острой, положенной на ворота; троекратная встреча в поле с сыновьями Соловья; повторный свист Соловья, которым он хочет оглушить самого Илью Муромца; вымышленное имя, которым Илья называет себя жителям ссвобожденного города; наименование этого города — Кидош. Впрочем, это название встречается еще в нескольких былинах, например в том же указанном нами варианте из Шенкурска (в форме «Кидиш»).

В. Ф. Миллер предполагает, хотя и не с полной уверенностью, что Кидош — это легендарный Китеж, который подставлен в былину на место Себежа по некоторому звуковому сходству (Вс. Миллер. Очерки, III, стр. 113).

8. Первая поездка Ильи Муромца. Печатается по тексту сборника Маркова (№ 68). Записано А. В. Марковым в 1899 году в деревне Нижняя Золотица на Зимнем берегу Белого моря от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 77 лет.

Как все былины этого сказителя, и данный вариант отличается стройной композицией, четким развитием действия, хорошим эпическим стилем. Представляет беломорский тип обработки сюжета. В варианте мы находим все основные компоненты данного сюжета в его классической форме, сближающие беломорские тексты с прионежскими. Своеобразными чертами является использование некоторых «общих мест», которые обычно в былинах на данный сюжет не встречаются: развернутое описание сборов богатыря в поездку и мотив похвальбы гостей на пиру. Обращает внимание художественное изображение того, как Илья Муромец прокладывает дорогу в непроходимых лесах и болотах.

Те же особенности находим и в другом беломорском варианте, записанном тогда же в соседней деревне — Верхняя Золотица (Марков, № 107). Некоторое отличие имеется в сцене на пиру: в тексте Г. Л. Крюкова Илью Муромца оскорбляют «бояра кособрюхие», в верхнезолотицком варианте — сам князь Владимир. В соответствии с этим у Крюкова сатирический акцент в конце делается больше на изображении бояра: сказав, что бояре от свиста Соловья «испадали да вси ведь замертво», он презрительно добавляет: «А как тут бояришка поверили, забо́лися». Сказитель же Верхней Золотицы Ф. П. Седунов развертывает изображение испуга князя и рисует признание им своей вины перед Ильей Муромцем:

Задрожали у Владимира ножки резвые,
Буйна голова с плеч да покатиласе;
Он падал Владимир на сырый землю,
Да подхватывал Добрынюшка за правую руку,
А Олешенька подхватывал за левую руку,
Повели-то во гридню да княженецкую.
Говорил-то Владимир-князь таковы речи:
— Ты прости меня, осударь Илья Муромецъ,
Да прости меня да в таковой вины.

9. Илья Муромец и Соловей-разбойник. Печатается по тексту сборника Астаховой (I, № 1). Записано А. М. Астаховой в 1928 году на Мезени в деревне Лебская Лешуконского района от Якова Евдокимовича Гольчикова, 61 года.

В тексте видим характерное для Мезени объединение сюжета о Соловьеве-разбойнике с сюжетом о нападении на Илью Муромца разбойников (Григорьев, III, №№ 8, 56, 89; см. также публикуемый в настоящем сборнике под № 64 старинный пересказ былины). В рассказе о встрече с разбойниками четко выделено в образе Ильи Муромца его пренебрежение богатством, неподкупность богатыря.

К мезенской эпической традиции принадлежит также отсутствие эпизода освобождения города (ср.: Григорьев, III, №№ 8 и 89). Впрочем, некоторые мезенские варианты знают и этот мотив (Григорьев, III, № 56).

Превосходный текст Я. Е. Гольчикова несколько обеднен в художественном отношении в самом конце, поскольку стихи заключительной сцены (154—181) были досказаны, а не спеты. Но социальное содержание этой сцены сохранено — сатирически изображены «бояре кособрюхие», которые заносчиво обвиняли богатыря-героя в пустой похвалибе, а сами обнаружили свою слабость и трусость.

10. Илья Муромец. Печатается по тексту № 70 сборника Соколова—Чичерова. Записано Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым и В. И. Яковлевой 9 июля 1928 года в деревне Семеново на реке Шале Пудожского района от Павла Егоровича Миронова, 58 лет.

Текст былины сводный, соединяет сюжет об исцелении с былиной о Соловьеве-разбойнике. Обработка первого сюжета (126 стихов) отличается большой полнотой: включены все основные эпизоды и мотивы былины — чудесное исцеление Ильи-сидня неведомыми странниками-стариками, получение Ильей силы через питье, уменьшение первоначально полученной силы через вторичное испитие чаи воды, предсказание странников, что Илье в бою смерть не писана, выкорчевывание леса в помощь родителям, прощание с родителями и их завет не убивать без нужды и не творить насилия, выхаживание коня. При этом все эпизоды хорошо разработаны. Эта часть текста принадлежит, несомненно, к лучшим былинным обработкам сюжета об исцелении.

Начальный стих «А во славноём во рымскоём царьви» — явная оговорка сказителя (возможно, вместо «русскоём царьви»), появившаяся под воздействием хорошо известного в Прионежье духовного стиха об Алексее, человеке божием, который (стих) обычно так начинается.

Во второй части своеобразно передан эпизод освобождения города с привлечением некоторых мотивов былины об Идолице поганом (внешний образ Удолища, насмешки последнего над Ильей как якобы никудышним поединщиком) и былин о единоборстве (см. комментарии к былинам «Илья Муромец и Идолище» и «Илья Муромец и Сокольник»).

Упоминания о мужичках черниговцах (стих 129) и мужичках карачаевцах (стихи 144, 205 и 206) явно исполнителем переставлены: выезжая, Илья Муромец о прямое же дороге должен был спрашивать у карачаевцев, после освобождения города — у черниговцев.

Рассказ о столкновении с Соловьевом-разбойником и его семьей передан в наиболее распространенной версии. Сцены в палатах князя Владимира тоже в основном традиционны, но эпизод недоверия передан без той социальной остроты, которая столь характерна для многих других вариантов былины.

Но в целом текст отличается большими достоинствами — хорошим эпическим складом, ясным построением, выделением героических черт Ильи Муромца.

11—17. Илья Муромец и татарское нашествие

(Илья и Калин-царь, или Батый, Кудреванко, Скурла и т. п.;
Илья Муромец, Ермак и Калин-царь; Камское побоище)

Былины о татарском нашествии, с Ильей Муромцем в качестве главного или одного из главных героев, занимают центральное место в русском героическом эпосе. Возникновение этого тематического цикла связано с реальными историческими событиями, которые отражены эпосом в широких художественных обобщениях. Начало формирования цикла относится к XIII веку, ко времени первых татарских нашествий, в дальнейшем под воздействием исторической действительности последующего времени цикл этот продолжал развиваться путем создания новых сюжетных ситуаций и путем включения в сложившиеся композиции новых эпизодов.

Былины об Илье Муромце и татарском нашествии отличаются многообразием и сложностью сюжетных разработок темы. Эти разработки можно распределить по трем основным группам, но и внутри каждой из них имеются разные версии и редакции, а также переклички с вариантами других групп.

Наиболее многочисленны и разнообразны по содержанию былины об Илье Муромце как неожиданном спасителе Киева от вторгнувшихся на Русь татарских орд (группа А). Обычная сюжетная ситуация этих былин такова: Калин-царь с несметной силой подступает к Киеву, требуя сдать его без боя. В Киеве между тем по разным причинам богатыри отсутствуют. Князь Владимир в полной растерянности. В этот момент и появляется неожиданный спаситель в лице Ильи Муромца. Он или один едет против Калина, или отыскивает других богатырей во главе с Самсоном Колывановичем, и те помогают Илье. Именно к этим былинам собственно и применяется наименование «Илья-Муромец и Калин-царь» (иногда с заменой Калина Кудреванкой, Баданом, Ковшеем и пр.).

Другой сюжетной разработкой (группа Б) являются былины, в которых рядом с Ильей Муромцем стоит богатырь-малолетка Ермак, в некоторых вариантах даже заслоняющий собой Илью Муромца («Илья Муромец, Ермак и Калин-царь»).

Третья группа (В) — это былины о том, как все богатыри сообща, предводительствуемые Ильей Муромцем, одолевают татарские полчища, причем выдерживают бой дважды: второй раз — с ожившей мертвой, ими уже порубленной силой («Камское побоище»).

Некоторые варианты представляют тип переходный от первой группы к былинам о Камском побоище.

В предлагаемом списке мы распределяем варианты по указанным группам. Промежуточные относим к той или иной группе по преобладанию характерных черт и отмечаем звездочкой.

А: Кирша Данилов, № 25 (Киреевский, I, стр. 70); Киреевский, IV, стр. 38; Рыбников, II, №№ 141, 205; Гильфердинг, №№ 57,

75, 170, 257 (к.), 296, 304, 320 (отр.); Марков, № 2; Григорьев, I, № 111*; II, № 55; III, № 111; Ончуков, № 2; Тихонравов—Миллер, №№ 11, 12, Приложение, стр. 274; Миллер, № 5; Гуляев, 1952, №№ 2, 3; Кривополенова, № 2* (Озаровская, стр. 28); Астахова, II, № 123, 132, см. также стр. 352; Леонтьев, № 6; Иван Рябинин-Андреев, № 1; Петр Рябинин-Андреев, № 3 (к.); Крюкова, I, №№ 2 (к.), 3; Конашков, № 3; см. также Миллер, № 6; Путилов, № 212 (отр.).

Б: Киреевский, I, стр. 58; Рыбников, I, №№ 7, 39, 74 (отр.); II, № 120; Гильфердинг, №№ 69, 92, 105, 121, 138; Тихонравов—Миллер, № 10; Астахова, II, № 100; Парилова—Соймонов, №№ 20, 32; Соколов—Чичеров, №№ 5, 38, 62, 131, 143.

В: Киреевский, IV, стр. 108; Марков, №№ 81, 94 (к.), 104 (отр.); Григорьев, II, №№ 64, 91; III, №№ 90*, 98*; Ончуков, № 26; Тихонравов—Миллер, № 8; Астахова, I, №№ 12, 33, 44, 86; Крюкова, I, № 34.

Как видно из списка, былины первой группы получили повсеместное распространение. Былины с участием Ермака являются специфической принадлежностью прионежской традиции, былины третьей группы характерны для северо-восточных районов.

Наибольшей устойчивостью отличается построение былин об Илье Муромце, Ермаке и Калине, но они менее интересны по обрисовке образа Ильи Муромца: его активная роль сводится, главным образом, к тому, что он вовремя удерживает увлекшегося боем молодого богатыря и направляет на врага других богатырей. Былины двух других групп чрезвычайно разнообразны, особенно былины первой группы. Разнообразие это обусловлено, главным образом, включением в содержание эпизода ссоры, который то дается совершенно кратко, в плане экспозиции (см., например: Гильфердинг, №№ 57, 75; наш сборник, № 13), то развертывается в подробный рассказ, что приводит к сжатию описания самого столкновения с Калином (Гильфердинг, № 257). Эпизод ссоры дается во всевозможных его версиях (см. примечания к №№ 30—34). Включение эпизодов ссоры и бунта, заточения Ильи Муромца, отъезда разгневанных богатырей и т. п. придает былинам большую социальную остроту и выделяют образ Ильи Муромца как подлинного патриота.

В былинах о Камском побоище используются иногда мотивы былин об Идолице поганом — его внешний портрет (Марков, № 94), традиционный диалог Ильи Муромца и Идолища (Марков, №№ 81, 94). Но главной особенностью этих былин является введение похвальбы двух или всех богатырей в том, что они, победив татар, спасаются и с «силой нездешней». Похвальба вызывает оживание мертвых врагов, и богатыри вступают с ними во вторичный бой. В некоторых былинах изображается в результате боя гибель всех богатырей — они окаменевают (Киреевский, IV, стр. 108; Григорьев, II, № 64), в других — гибель двух похваставших богатырей.

Мотив окаменевания, заключения богатырей в горы — очень древний и, как показывают аналогичные предания других народов, содержит в себе идею возможности возвращения таких окаменевших богатырей. Моральная же трактовка гибели как наказания за похвальбу «присечь силу небесную» — показатель ограниченности народного сознания. В соответствии с этим похвальба обычно вкладывается в уста лишь нескольких заносчивых и хвастливых богатырей, другие богатыри их осуждают за «похвальные речи». В конечном счете погибают только эти похваставшиеся богатыри. Остальные же во главе с Ильей Муромцем одолевают и страшную силу оживших мертвцев; в этом выражалась вера народа в свои силы, персонифицированные в образах богатырей.

В разнообразии сюжетов и вариантов видна большая творческая работа на протяжении столетий над одной из самых значительных тем исторического эпоса — темой борьбы с иноzemными вторжениями.

11. Калин-царь. Печатается по тексту № 25 сборника Кириши Данилова. Самая ранняя запись былины на тему татарского нашествия. Текст принадлежит к первой из указанных в общей заметке групп, но включает своеобразные черты, возникшие под воздействием более поздних былин о Василии Игнатьеве (Пьянице) и о голях кабацких: стрельбу Василия в стан врага и убийство им одного из родственников татарского царя, требование последнего «выдать виноватого» — обычная ситуация былин о Василии Пьянице; братание Ильи Муромца с «голью кабацкою» Василием и совместное угощение в кабаке — мотив былин «Илья Муромец и голи кабацкие». Воздействие былин о Василии Пьянице находим и в одной прионежской обработке сюжета о Калине — в тексте Ф. Никитина из Выгозера (Гильфердинг, № 170): когда Калин-царь осаждает Киев, «голь кабацкая», «Васильушка упьянсливый», отыскивает в поле Илью Муромца, будит его и сообщает о случившемся; Илья Муромец едет против Калина-царя и побеждает его. Такие перенесения мотивов из былин о Василии Пьянице в былины о Калине-царе еще раз подтверждают устойчивость и популярность образа Ильи Муромца как друга голытьбы.

Текст Кириши Данилова отличается большой экспрессивностью. Картина нашествия по художественной силе — одна из лучших в эпосе. Ярко дано столкновение Ильи Муромца с Калином в его стане и бой с врагом. Выразительно «заклинание» татар, которое передает сознание русским народом своей силы, обобщенной в образе Ильи Муромца:

Не дай бог нам видать русских людей!
Неужто в Киеве все таковы,
Один человек всех татар прибил?

В тексте попадаются анахронизмы: «трубки немецкие», т. е. подзорные трубы, «кружало петровское». Упомянутая в начале былины «Могозэя» — исказенная «Мангазея» — город на правом берегу Тазовской губы в Сибири.

Мангазея была хорошо известна русскому Северу, так как еще в XVII веке туда ходили промысленники с Поморья. В 1601 году был построен Мангазейский острог, служивший торговым пунктом, через который шла енисейская и ленская пушнина, вследствие чего Мангазея в первой половине XVII века именовалась «златокипящей государевой вотчиной». Отсюда вполне понятен эпитет «богатая» Могозея. Позднейшее включение в былины названий мест и народов, оставивших след в историческом развитии района, где данные былины перерабатывались, — частое явление. Добрыня Никитич борется, например, с «чукчами-алютарами», покоряет «чудь». Дюк приезжает из Карелы, из Карельской земли «подымается» иногда Калин-царь и т. д.

12. [Илья Муромец и Батый Батыевич]. Печатается по тексту сборника Киреевского (IV, стр. 38). Записано 5 января 1849 года в Архангельском уезде.

Текст представляет традиционную композицию тех былин о Калине-царе, в которых изображено участие богатыря Самсона с дружиной (ср. в нашем сборнике текст № 13). Замена Калина Батыем произошла, очевидно, под воздействием былин о Василии Игнатьевиче и Батыге, из которых заимствовано самое начало с именами родственников Батыги (ср., например: Рыбников, II, № 174), повторяющееся затем в содержании присланного врагом ярлыка и в сообщении князем Владимиром о случившемся пришедшему под видом калики Илье Муромцу. В дальнейшем сюжет развивается по обычной схеме былин о Калине-царе. В былине нет самого эпизода столкновения Ильи с князем, но о том, что оно было, говорят слова Ильи Муромца в ответ на мольбы князя Владимира постоять за Киев:

Уж давно нам от Киева отказано,
Отказано от Киева двенадцать лет.

Обычные слова Ильи Муромца, что он пойдет на бой с врагами «не для князя Владимира, не для ради княгини Апраксии, не для церквей и монастырей, а для бедных вдов и малых детей» вложены в данном тексте в уста самого князя Владимира, чувствующего свою вину перед Ильей и потому старающегося сделать свою просьбу наиболее убедительной. Таким образом, социальный конфликт налицо и в данной былине, хотя он и не развернут.

Выразительно переданы двукратно повторенные угрозы Батыя, интересна деталь, подчеркивающая угнетенное состояние князя Владимира — «черное платье, печальное», ярко изображено в заключительных словах посрамление наглого врага, который принужден «убраться» «с большими убытками», «с срамотою вечною».

Текст Киреевского был перенят через книгу (хрестоматию А. В. Оксенова «Народная поэзия», распространенную в начальных школах в конце XIX—начале XX века) и переработан А. М. Крюковой (Марков, № 3 — «Илья Муромец и Бадан»), а от нее усвоен дочерью Марфой Крюковой (Крюкова, I, № 2 —

«Илья Муромец и Батай»). См. об этом в книге А. М. Астаховой «Русский былинный эпос на Севере» (Петрозаводск, 1948, стр. 321—324).

13. [Илья Муромец и Калин-царь]. Печатается по тексту № 1 сборника Ивана Рябинина-Андреева. Записано 3—4 марта 1921 года В. Н. Всеходским-Гернгрессом в Петрограде.

Представляет классический образец разработки темы татарского нашествия в плане былин первой группы с включением эпизода ссоры и участия богатыря Самсона. Публикуемый текст восходит к былине Трофима Рябинина в записи А. Ф. Гильфердинга 1871 года (Гильфердинг, II, № 75). Все замечательные качества редакции первого Рябинина текст Рябинина-Андреева сохранил полностью. Опущена только в конце мотивировка отпуска Калина в Орду: в тексте Т. Г. Рябинина Калин обещает князю Владимиру «платить дани век и по веку».

В былине выпукло и ярко обрисован героический образ Ильи Муромца — защитника родной земли. Изображая несметные вражеские полчища, которым нельзя «насмотреть конца-края», страшные угрозы врага, растерянность и беспомощность князя и бояр, былина подчеркивает, что только Илья Муромец может спасти родину от нависшей над ней опасности. Остро дан социальный конфликт: богатыри, оско́бленные заключением Ильи Муромца в погреб, уезжают из Киева, отказываясь служить князю, от которого они «ничего не предвидели» и который жалует только господ — князей-бояр. На фоне данной ситуации особенно четко выделяется благородство и великодушие Ильи Муромца, его подлинный патриотизм, а также его главенствующее положение среди других богатырей. Включение эпизода захвата Ильи Муромца в плен и попытки Калин-царя переманить могучего богатыря к себе на службу подчеркивают высокие моральные качества народного героя.

Исполнялась былина на напев № 1.

14. Илья Муромич и Калин-царь. Печатается по тексту сборника Озаровской (стр. 28). Записано в 1915 году О. Э. Озаровской от пинежской сказительницы Марии Дмитриевны Кривополеновой, 82 лет.

Текст представляет промежуточный тип между обработками первой и третьей группами. С последней сближает эпизод похвальбы двух «брателков» и вторичный бой богатырей с чудесно ожившей вражеской ратью. Как в большинстве вариантов с этим мотивом богатыри справляются и с ожившей силой, прибивая «всех до единого», погибают только сами расхваставшиеся богатыри.

Своебразной чертой варианта является введение в былину в качестве участников битвы донских казаков, что, возможно, обусловлено известной исполнителям эпоса ролью казаков в борьбе с татарами в XVI—XVII веках.

Имя Борис-королевич нередко встречается в былинах как имя татарского посла (Григорьев, I, № 75; III, № 111), иногда как имя сына Ильи Муромца (Кирша Данилов, № 50; Марков, № 94).

При исполнении былины М. Д. Кривополенова ассоциировала изображенное в былине нашествие татар с событиями первой мировой войны. После передачи содержания вражеской грамоты, изложенного в ней требования сдать Киев «без бою, без драки, без сеченья» (стих 62), сказительница прибавила от себя: «Как нынешний ерманец» — интересный штрих, свидетельствующий о живом восприятии содержания героического эпоса.

В записи О. Э. Озаровской не отражено явление последовательного цоканья, сильно выраженное в языке М. Д. Кривополеновой (см. записи ее былин: Григорьев, I, стр. 336—391).

Исполнялась былина на напев № 5.

15. Илья Муромец и Калин. Печатается по тексту № 2 сборника Маркова. Записано А. В. Марковым 19 июня 1899 года на Зимнем берегу Белого моря в деревне Нижняя Золотица от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Своеобразная обработка сюжета группы A. Одна из особенностей варианта — использование мотива ссоры в той его версии, когда столкновение происходит из-за шубы, подаренной Илье Муромцу князем. Бояре, завидуя Илье, клевещут на него [ср. с текстом № 257 у Гильфердинга (III), где клевещут чумаки-целовальники в отместку за захваченное Ильей вино]. Далее сюжет развертывается по традиционной композиционной схеме былин с эпизодом ссоры и с участием богатыря Самсона (ср. с текстом № 13 нашего сборника), отличаясь, однако, в подробностях разработки. Так, победу, над Калином Илья Муромец одерживает один, без участия других богатырей, которые спят в это время в шатрах, ничего «не ведают» (стихи 304—309). Нет и рассказа о подкопах и плена Ильи Муромца. Бой с ратью Калина и расправа с ним самим даются более кратко. Но значительно подробнее рассказано о возвращении Ильи Муромца в Киев. В конце дан необычный эпизод большого социального звучания: князь Владимир предлагает Илье высокое положение при своем дворе («я могу сделать тебя князём, боярином»), богатырь отказывается от него, не желая «слушать-то бояр всё кособрюхих» и предпочитая нести воинскую, богатырскую службу («Лучше буду я ездить по цисту полю»).

Вообще вся былина направлена против бояр. Именно из-за них произошла ссора. Когда князь Владимир просит Илью Муромца простить его «виноватого», богатырь подчеркивает, что несправедливое дело князь сделал «не своим умом», а по наущению бояр (стихи 217—218). Каждое упоминание о боярах сопровождается эпитетом «кособрюхие» бояре.

В тексте много оригинальных деталей: сетование Добрыни, когда Илью Муромца заключают в погреб (стихи 81—82), укор богатыря князю, что тот разлучил его с конем, возвращение Воронеюшка, наименование Калина — Каином. Необычен и оригинален образ смертельной усталости Ильи Муромца после битвы (стихи 313—319). Развернуто и ярко изображено само нашествие татар (стихи 93—122).

16. Про татарское нашествие. Печатается по тексту сборника Астаховой (I, № 12). Записано А. М. Астаховой на Мезени в деревне Усть-Низема Лешуконского района 1 июля 1928 года от Максима Григорьевича Антонова, 59 лет.

Текст относится к типу былин о Камском побоище (группа В) — собирание по всем концам земли русских богатырей, изображение общего их участия в бою, в котором главную роль играет Илья Муромец, вторичный бой с ожившей ратью. Но, совпадая с другими былинами даиного типа по основным особенностям построения, вариант Антонова представляет оригинальную композицию. В былине творчески использованы мотивы, включаемые обычно в обработки других сюжетов, в соединении с оригинальными деталями, очевидно, плодом собственной фантазии сказителя.

Из былин об Идолице в данный текст перенесено гротескное изображение внешнего обличья Идолицы (ср.: Григорьев, III, № 51, стихи 29—31; Онучуков, № 20, стихи 19—29; настоящий сборник, №№ 19 и 20). Использование этого образа в самом начале былины сразу создает впечатление страшной угрозы для Руси готовящегося наступления. Это впечатление усилено далее изображением «пабора», который производит Идолице перед наступлением — подробность, не встречающаяся в известных нам вариантах. Далее следует традиционный образ несметной силы врага («По правой его руки да сорок тысячей, По левой руки да сорок тысячей, Да позади его да числу-смёты нет»).

В текст, как и во многие другие былины о татарском нашествии, включен эпизод ссоры, но он не развернут, нет и мотивировки заключения богатыря в погреб. Подробно здесь разработан мотив беспомощности и растерянности князя, причем эпизод упрашивания Ильи близок к разработке его в некоторых былинах о Василии Игнатьеве — троекратное забегание князя перед Ильей, униженная мольба: «Пособи-тко мне думу думати», ответ богатыря: «Ты уж думай не со мною, а с боярами, Со боярами да с толстобрюхими» (ср., например: Онучуков, №№ 4 и 18). Образ князя Владимира еще более снижен попыткой загладить свою вину, нанесенное богатырю оскорбление, «бочкиами зелена вина».

Картина пробуждения Ильи и высматривания им силы врага находит параллель в мезенских и петорских вариантах былины о заставе и Сокольнике (см. также: Киреевский, IV, стр. 110, былина о гибели богатырей, стихи 148—156).

Наименование предводителя татарских полчищ Идолищем довольноично для былин типа «Камского побоища» (см., например: Марков, №№ 81, 94). Это и способствовало перенесению в них отдельных мотивов былины об Илье Муромце и Идолице (см. указанные тексты у Маркова, а также: Григорьев, II, № 64).

Свободное творческое комбинирование различных эпических мотивов помогло создать талантливому сказителю М. Г. Антонову произведение большой впечатляющей силы. В исполнении чувствовалась глубокая заинтересованность

сказителя темой, его взволнованность, о чем свидетельствуют отчасти его реплики и ремарки. В варианте четко выделен образ Ильи Муромца, оставшегося победителем и во вторичном бою, несмотря на устроение вражеской силы. Грандиозность и трудность борьбы подчеркнута фантастическим образом Идолища о трех головах и длительностью битвы («двенадцать дён не пиваючи и не едаючи»).

Былина исполнялась на напев № 6.

17. Илья Муромец и Кудреванко. Печатается по сборнику Астаховой (I, № 44). Записано И. М. Левиной на Мезени, в деревне Большие Нисогоры Лешуконского района 18 июля 1928 года от Александра Ивановича Палкина, 75 лет.

Текст представляет собой обработку сюжета «Камское побоище». В основном характерен для мезенской традиции (ср. с вариантом № 111 у Григорьева — т. III, из Малых Нисогор), но имеет ряд своеобразных черт. Отличается большими художественными достоинствами. Ярко переданы само нашествие и приезд посла с грамотой к князю Владимиру. Особо подчеркнута растерянность князя: он готов «отступиться» от Киева и бежать в горы. Уговоры княгини Апраксии («пошто же нам с тобой бежать до дельышка») и встреча на улице князя с Ильей, возвращающимися с поля, где он разведывал силу врага, необычны. Последний эпизод хорошо оттеняет заботу богатыря о родной земле: сообщение князя о нашествии не является для Ильи неожиданностью — он уже «высмотрел» «силу» Кудреванкову.

Образ Ильи Муромца как героя-спасителя родины дан очень четко и выпукло. Показана его активная и первенствующая роль в обороне (распоряжение Ильи Муромца богатырям), его беспокойство за исход сражения (см. мотивировку традиционного раннего пробуждения Ильи — «азнобушка была на сердці»). Героические черты Ильи Муромца своеобразно выделяются проходящим через всю былину подчеркиванием старости богатыря: «старый старенькой», «да в то время было ему, старенькому, лет ста семидесяти».

Подобно тексту № 16, и данный текст оканчивается изображением полной победы богатырей во вторичном бою с ратью оживших мертвцев. Мотив поглощения вражеской крови расступившейся землей встречается в прионежских былинах о бое Добрыни Никитича со Змеем (см., например: Гильфердинг I, № 5; II, № 148).

Имя предводителя татар — Кудреванко обычно в северо-восточной традиции рядом с Калином и Идолищем, оно могло быть перенесено из духовного стиха о Егории храбром, где мучитель Егория иногда называется Кудрианищем.

18—21. Илья Муромец и Идолище

Былины на данный сюжет принадлежат к основному ядру героического цикла о борьбе с иноземными насильниками. Пафос их — в изображении освободительной миссии Ильи Муромца.

В происхождении этих былин много неясного, главным образом в их генетическом соотношении с почти тождественными по сюжету былинами об Алеше Поповиче и Тугарине, а также со «Сказанием о киевских богатырях, как ходили во Царьград...», известным в списках XVII—XVIII веков и отмеченным одновременно как былинными чертами, так и следами книжной обработки. См. различные, порой совершенно противоположные решения этих вопросов у А. Н. Веселовского (Южнорусские былины. СПб., 1881, X, стр 341—380), Вс. Миллера (Очерки, II, стр. 87—168), Б. М. Соколова (Былины об Идолице Поганом. «Журн. Министерства народного просвещения», 1916, № 5), А. В. Позднеева (Сказание о рождении киевских богатырей в Царьград. В кн.: Старинная русская повесть. М.—Л., 1941). Наиболее вероятной нам представляется гипотеза Вс. Миллера о том, что более ранним сюжетом явился сюжет «Алеша Попович и Тугарин», который сложился на основе преданий о борьбе с кочевниками дотатарского периода (конкретно с половецким ханом конца XI века Тугор-ханом) и был приурочен затем, когда образовывался эпический цикл об Илье Муромце, к имени этого богатыря, ставшего самым популярным.

Но если вопросы генезиса сюжета еще окончательно не разрешены, то идейно-художественный смысл былин, их общая направленность совершенно ясны. В Идолице (как и в Тугарине) дан обобщенный образ врага-насильника, бесчинствующего в захваченном им городе. Сюжет известен в двух версиях: в одних былинах изображается, что Идолице насилиничает в Киеве, в других место действия — Царьград, и унижение терпит не князь Владимир, как в былинах первой версии, а царь Константин Боголюбов. В первом случае Илья Муромец является в обычной своей роли защитника и спасителя родины от иноземных захватчиков, во втором — он совершает свой подвиг как враг всякого зла и насилия в защиту соседнего и дружественного народа, попавшего в беду (в былинах этой версии могли оказаться отзвуки борьбы Византии и южных славян против турок). В этом отношении характерен укор Ильи Муромца калике — сильному, могучему Иванишу, от которого он и узнает, что Царьград «одолели есть поганыи татарева»: «Силы о тебя есте с два меня... Зачем же ты не выручил царя-то Костянтина Боголюбова?» (см. в настоящем сборнике текст № 19). Ясен смысл этого укора: если у тебя есть возможность защитить подвергшихся насилию, твой долг сделать это.

Основная сюжетная схема всех былин об Илье Муромце и Идолице, независимо от характера версии, в основном устойчива: встреча с каликой, который и сообщает о бесчинствах Идолицы в Киеве или Царьграде; мена с каликой платьями и приход Ильи в палаты князя или царя в обличье калики; гротескное изображение чудовищного вида врага («голова, как котел, глаза, как пивные чаши», и т. д.); расспросы Идолицы о том, каков богатырь Илья Муромец; насмешки Ильи над прожорливостью Идолицы, бросание в Илью кинжалом или ножом и расправа богатыря с врагом. Разные варианты отличаются друг от

друга большей или меньшей степенью разработанности этих основных компонентов и некоторыми отдельными деталями. Сюжет встречается в виде самостоятельной былины (главным образом в Прионежье) и в соединении с другими сюжетами, чаще всего со следующими: о голях, о ссоре с князем Владимиром и о встрече со Святогором. Такие соединения обычны в северо-восточной традиции — в пинежских, мезенских, печорских и золотицких вариантах. Следует обратить внимание также на соединение сюжета с былиной о Соловье-разбойнике в рукописных вариантах XVIII века. Чудовищный образ Идолища и эпизод столкновения с ним Ильи Муромца находим (но в менее разработанном виде, чем в устных вариантах) в текстах «Сказания о киевских богатырях...» (см.: Тихонравов—Миллер, стр. 49—50; Миллер, стр. 281).

Варианты: Киреевский, I, стр. XXI (пр.), XXXIV (пр.); IV, стр. 18, 22; Рыбников, I, №№ 6, 24, 62, 87 (пр.); II, №№ 118, 140; Гильфердинг, №№ 4, 22, 48, 63 (к.), 120 (к.), 144, 178, 186, 196, 218 (к.), 232 (к.), 245; Марков, №№ 43, 44 (к.), 69 (к.), 92 (пр.); Григорьев, I, №№ 90, 112, 138 (к.); III, №№ 19, 45 (к.), 51 (к.), 114 (к.); Ончуков, № 20 (к.); Тихонравов—Миллер, стр. 22; №№ 7 (к.), 13; Миллер, №№ 3 (к.), 4, Прилож., № 9; Кривополенова, № 3 (Озаровская, стр. 36); «Этнография», 1927, 2, стр. 313 (пр.); Астахова, I, №№ 5 (пр.), 47 (пр.), 78, Прилож. № 2; II, № 124, стр. 350—351; Леонтьев, № 2; Парилова—Соймонов, №№ 18, 32; Конашков, № 2; Крюкова, I, № 7; Соколов—Чичеров, №№ 6, 44 (пр., к.), 53 (к.), 77 (к.), 238, 248 (к.), 255 (к.), 269 (пр., к.).

18. Илья Муромец и Идолище. Печатается по сборнику Рыбникова (I, № 6). Текст записан в 1860 году в селе Кижи Петрозаводского уезда от Трофима Григорьевича Рябинина, 67 лет. А. Ф. Гильфердингом эта^{*} былина от Т. Г. Рябинина записана не была.

Принадлежит к той группе былин на данный сюжет, в которых действие происходит в Киеве. Несмотря на свою краткость, текст содержит все основные традиционные эпизоды, но они не развернуты. В частности, отсутствует гротескное изображение Идолища. Столкновение с ним Ильи происходит не на пиру у князя Владимира, а в палатах на княженецком дворе, куда вселилось Идолище. Достоинства варианта в его простоте и выразительности.

19. Илья Муромец и Идолище. Печатается по сборнику Гильфердинга (I, № 48). Записано 26 июля 1871 года от крестьянина деревни Бураковой Пудожского уезда, Никифора Прохорова, 51 года.

Представляет иную, чем текст № 18, версию сюжета — действие отнесено в Царьград. В противоположность рябининскому тексту все эпизоды обстоятельно разработаны. Три раза повторяется гротескное изображение Идолища, два раза говорится о разгроме, произведенном им в Царьграде, ярко выделены прожорливость Идолища и его сила: брошенный им нож с такой силой выбивает дверь,

что та перебывает находящихся в сенях татар. Все это создает образ страшного и отвратительного врага и тем самым еще более выделяет подвиг Ильи Муромца.

В былине искусно включен мотив обличения князя Владимира, который не ценит и не бережет своих богатырей, верно ему служащих. Это сильнее подчеркивает патриотизм Ильи: несмотря на свою обиду, Илья Муромец не остается в Царьграде и возвращается в Киев. Поэтому упоминание «Русии» в наказе Ильи Муромца Иванищу («Впредь ты так да больше не делай-ко, А выручай-ко ты Русию от поганых») возможно рассматривать не как случайную подстановку слова *Руси* в памяти певца по смешению двух версий сюжета (как это предполагал А. Н. Веселовский; см.: Южнорусские былины. СПб., 1881, I, стр. 58), а как заключительный штрих в обрисовке патриотического образа Ильи Муромца: возвращаясь в Киев, он думает об опасности татарского вторжения и на Русь и о богатырском долге защищать ее.

В советское время былина в редакции Н. Прохорова была записана от одного из учеников его, хорошего сказителя Пудожского района И. Т. Фофанова (см. сборник Париловой—Соймонова, № 18), который, помимо значительных сокращений (на 90 стихов), произвел еще характерное изменение: перенес действие в Киев, к князю Владимиру.

20. Илья Муромич и чудище. Печатается по тексту сборника Озаровской (стр. 36). Записано О. Э. Озаровской в 1915 году от пинежской сказительницы Марии Дмитриевны Кривополеновой.

Как и текст Н. Прохорова (см. № 19), относится к версии с Царьградом, но имеет свои характерные особенности: о беде, которая случилась в Царьграде, Илья Муромец узнает еще в Киеве («Перепахнула вестка... во тот же как ведь Киёв-град») и спешит на выручку князя «Константина Атаульевича», захваченного в плен и скованного «железами немецкими»; от калики о чудище в Царьграде Илья, таким образом, узнает по дороге уже вторично; чудище не только смеется над предполагаемым бессилием Ильи Муромца, но и угрожает вторжением в Киев и расправой с Ильей Муромцем; после убийства чудища Илью схватывают враги и заковывают в «жалеза», но богатырь ломает их и рвет пуги, перебивает всю «силу» и освобождает царя с княгиней.

Таким образом, текст очень своеобразен, он значительно отстает от традиционной схемы, представленной прионежскими вариантами. Он очень выразителен: ярко даны геройический образ Ильи Муромца и отвратительный, страшный и вместе с тем смешной образ самонадеянного чудища.

Как и в тексте № 14, в данном тексте не отражено последовательное доказывание — характерная черта речи М. Д. Кривополеновой (см. записи ее былин 1899 года: Григорьев, I, стр. 336—391).

Былина исполнялась на напев № 8.

21. Илья Муромец в изгнании и Идолице. Печатается по тексту № 43 сборника Маркова. Записано в июле 1899 года в деревне Нижняя Зимняя Золотица от Марфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Вариант объединяет тему о борьбе с Идолищем с темой ссоры, причем очень своеобразно: по доносу «бояр кособрюхих» князь Владимир изгоняет Илью Муромца из Киева, и богатырь уезжает на родину, в село Качарово к родителям; именно этим изгнанием, вестью о том, что нет в живых Ильи Муромца, и вызвано нашествие Идолища.

Рассказ о нашествии развернут в плане былин о Калине-царе: Идолище шлет к князю Владимиру послы с требованием сдать Киев и самому «выбраться» из палат. Далее опять введены оригинальные мотивы: князь Владимир беспрекословно выполняет требование, выбирается из палат на кухню и стряпает на Идолище; Илью Муромца же в это время терзают недобрые предчувствия, он покидает родителей и едет в Киев. В дальнейшем повествовании очень ярко выделен мотив унижения князя: когда в пришедшем калике князь Владимир узнает Илью Муромца, он падает ему в ноги и просит прощения; Илья Муромец обещает выручить его из неволи.

В традиционный диалог Ильи Муромца с Идолищем тоже внесена своеобразная деталь: мнимый калика сообщает Идолищу «весть нерадосьню» — о том, что Илья Муромец «живёхонёк» и «здравовешёнёк», он «полякует» в чистом поле, назавтра собирается приехать в Киев-град. Это сообщение и вызывает вопрос Идолища, каков Илья Муромец.

Заканчивается былина традиционно: Илья убивает Идолища шляпой калики, а затем рубит «силу татарскую». И опять новая деталь: князь Владимир собирает «почестен пир» специально для Ильи Муромца.

Таким образом, текст отличается стройной композицией, логически развивающей действие, и оригинальными деталями. А. М. Крюкова, по ее словам, усвоила эту былину от своего свекра Василия Леонтьевича Крюкова, который, как и его брат Гаврила, были одними из лучших сказителей Зимней Золотицы в конце XIX века и в 1900-е годы. В аналогичной редакции былина больше собирателю не встретилась. Вариант, записанный от Гаврилы Леонтьевича (Марков, № 69), дает пример другой контаминации: соединяет сюжет об Идолище с былиной о нападении на Илью Муромца разбойников, столкновение же с Идолищем переносит в город Любовь к Любову-царю (от испорченного «Боголюбова»). Так, в одной семье сказителей были известны обе версии былины.

22—28. Илья Муромец и чужеземный богатырь-нахвальщик

Данные тексты представляют разработку темы о бое Ильи Муромца с иноземным богатырем, похваляющимся захватить и разорить Киев. Эти былины входят в основное ядро героического эпоса. Они получили широкое распространение во всех районах бытования былин.

Кирша Данилов, № 50 (к.), (Киреевский, I, стр. 11); Киреевский, I, стр. 7, 46, 52; IV, стр. 6, 12; Рыбников, I, 80; II, №№ 117, 177;

Гильфердинг, №№ 46, 77, 114, 219, 226, 246, 265 (к.); «Саратовский сборник», т. I, 1881, стр. 120 (отр.); Марков, №№ 4, 70, 94 (к.), 98; Григорьев, I, №№ 2, 5, 8, 26, 129 (к.); II, №№ 76, 87; III, №№ 4, 16, 32, 42, 60, 64, 85, 88, 92, 113; Ончуков, №№ 1, 6; Марков, Маслов, Богословский, II, стр. 45; Тихонравов—Миллер, №№ 14, 31 (к.); «Живая старина», 1906, I, отд. II, № 5; Миллер, Прил., № 10; Панкратов, стр. 6; «Этнографическое обозрение», 1915, № 1—2, стр. 102; Гуляев, 1952, № 7, 8; Астахова, I, №№ 2, 11, 20, 40, 57, 70, 79, 87; II, стр. 357, 399, 674; Соколов—Чичеров, №№ 4, 175, 247; Иван Рябинин-Андреев, № 3; Леонтьев, № 3; Парилова—Соймонов, № 19; Крюкова, I, №№ 10, 14; II, № 63.

Былины сложились на основе исторического военного быта древней Руси. Они сохранили воспоминания о борьбе со «степью», о встречах с чужеzemными богатырями-врагами «в поле», о фактах единоборства, о русских сторожевых постах.

Большинство вариантов тему единоборства с богатырем-нахвалищником разрабатывает как повествование о бое отца с неизвестным сыном — древний сюжет, известный эпосам многих других народов (иранским — «Шах-намэ», германским — «Песни о Гильдебранте», эстонским — «Кивви-аль» и др.). Приурочение сюжета к Илье Муромцу дало возможность показать глубокий патриотизм народного героя еще с одной стороны: Илья беспощаден к врагам родины и убивает своего сына, когда убеждается в неискренности в нем злого начала, в том, что он опасен для родной земли. Эту идею эпоса хорошо выразила в наше время Марфа Крюкова, передавая размышления Ильи Муромца над мертвым Подсокольником. Илье жаль сына, но он считает, что должен был его уничтожить —

Нет бы сам ты многих убил бы всё,
Ты разрушил бы], знаю, славный Киев-град.

(«Советский фольклор», № 6, М.-Л., 1939, стр. 180).

Некоторые былины эпизоду встречи Ильи Муромца с сыном предполагают рассказ о матери чужеземного богатыря, о его рождении и детстве (см. кулоиские и мезенские варианты). Варианты, в которых отсутствуют покушение на жизнь отца и убийство сына, очень редки (см.: Гуляев, 1952, №№ 7, 8; Григорьев, III, № 88; в последнем говорится, что Илья Муромец после узнавания сына везет его в Киев к князю Владимиру).

Значительно меньше записано былин на тему о бое Ильи Муромца с иноzemным богатырем-нахвалищником, в которых отсутствует мотив узнавания сына (см. образцы таких обработок в нашем сборнике, № 22, и у Маркова, № 98). Вероятнее всего, что эти былины — не позднейшая переработка сюжета о бое Ильи Муромца и сына, с выпадением мотива узнавания, а параллельно складывавшиеся былины на основе той же исторической обстановки.

Вследствие широкого распространения былин о встрече с чужеземцем во многих районах, сложились различные композиционные типы обработок, разнообразные вариации отдельных эпизодов. По особенностям построения можно отметить две основные группы: 1) с развернутым описанием заставы и особой композицией выезда Ильи Муромца (предварительный отвод одних бстатьер и безрезультатный выезд других) и 2) без описания заставы, с изображением действий одного Ильи Муромца, просто встречающегося с врагом в поле. Первый тип преобладает в северо-восточной традиции (мезенские, беломорские, печорские варианты), к которой отчасти примыкают и кенозерские обработки, второй — в Прионежье. В северо-восточных былинах подробнее изображены и охотничьи атрибуты чужеземного богатыря (ловчие звери и птицы), в соответствии с чем его постоянное имя — Сокольник или Подсокольник. В прионежских, западносибирских и в былинах из других районов имена разнообразны (Збут, Бориско, Михайло, Василий, Кузьма Семерцянинов, рядом с Сокольником и Соловником — измененное Сокольник). Выделяется уникальная былина в репертуаре сказителей Рябининых, в которой изображена встреча Ильи Муромца не с сыном, а с дочерью.

В былинах с описанием заставы даются обычно характеристики охраняющих Киев богатырей, иногда по их личным свойствам (Самсон Колыбанов — «роду-то сонливого», Мишка Торопанишка — «роду торопливого» и т. п.; см., например: Ончуков, стр. 8), иногда с определенным социальным содержанием (см. наш сборник, №№ 22 и 24). Неприступная застава богатырская, от которой «ни конному, ни пешому проходу нет», «ни ясному-ту соколу пролёту нет» (Марков, стр. 502) — один из самых замечательных образов героического эпоса, ярко выделяющий идею богатырского долга, обороны родной земли. Некоторые сказители особенно любовно развивают этот патриотический образ. Таково, например, замечательное, живописное и величавое начало былины о Подсокольнике М. Г. Антонова (Астахова, I, № 11), в котором идея «заставы» искусно выделена эпическим повторением:

На горах ли горах ли да на укатистых,
На крутых горах да на желтых песках,
Да там стоял шатер нов белополбняной,
Да как во том шатре новом белополбняном
Тут стояли могущии богатыри,
Да берегли-стерегли стольне Киев-град,
Да стольне Киев-град,
Да славной Киев-град,
Да стольнё-киевской.

22. [Илья Муромец на заставе богатырской]. Печатается по сборнику Киреевского (I, стр. 46). Записано Кузмищевым в Шенкурском уезде Архангельской губ. и доставлено П. В. Киреевскому от М. П. Погодина.

Данный текст может рассматриваться как образец разработки темы единоборства Ильи Муромца с богатырем-нахвальщиком без привнесения в него мотива встречи с незнаемым сыном. Былина замечательна острой социальной характеристикой богатырей на заставе как представителей различных общественных слоев и сословий. На фоне сатирической характеристики бояр, попов и «долгополых» (подразумеваются подьячие) четко выделяется образ Ильи Муромца, единственно безупречного из всех богатырей. Ему уступает в силе и храбрости даже Добрыня Никитич. Испуг Добрыни дан здесь не для снижения образа самого Добрыни, а именно для выделения особо высоких богатырских качеств Ильи Муромца: в таком чрезвычайно трудном и опасном деле, как предстоящий бой с нахвальщиком, может успеть только Илья. «Больше некем заменитися, Видно ехать атаману самому!» — говорит сам Илья после возвращения Добрыни. Трудность совершенного подвига подчеркивается и последними словами Ильи Муромца:

Ездил во поле тридцать лет, —
Экого чуда не наёживал!

Характерна и такая деталь, отмечающая отличие Добрыни от Ильи: Добрыня высматривает чужеземца «из трубочки серебряной», Илья Муромец — «из кулака молодецкого».

Интересен мотив получения силы от земли: «Лежучий у Ильи втрое силы прибыло» (тема Антея).

Былина замечательна также картиной самого боя, сохранившей типические черты воинских схваток эпохи феодализма.

23. Рождение Сокольника, отъезд и бой его с Ильей Муромцем. Печатается по тексту сборника Григорьева [III, № 64 (368)]. Записано А. Д. Григорьевым в 1901 году на Мезени, в деревне Кильца от Ивана Алексеевича Чупова, в возрасте около 30 лет.

Текст принадлежит к той группе северо-восточных вариантов, которые начинаются с рассказа о рождении Сокольника (Подсокольника). Некоторые варианты включают еще наименки детей над происхождением Сокольника (см., например: Григорьев, III, № 88), что и мотивирует его отъезд (хочет разыскать отца), а также вводят изображение богатырской силы молодого Сокольника, которое дается в традиционном эпическом плане («кого возьмет за руку — руку выдернет, кого ухватит за ногу — ногу выставит»; например: Григорьев, III, № 42). Таким образом, эти варианты переносят до известной степени внимание с Ильи Муромца на Сокольника. В нашем варианте нет этих подробностей, предыстория дана кратко, и внимание сосредоточено на основной части произведения — на встрече Сокольника с Ильей Муромцем.

Более сокращенно, чем в некоторых других вариантах (см. предыдущий текст), дается и эпизод выбора богатыря для поездки вдогонку за чужеземцем. Богатыри на заставе характеризуются по их личным качествам. Разработка

встречи, боя и развязки — традиционна. Вариант — хороший образец мезенской традиции.

24. Бой Ильи Муромца с сыном. Печатается по тексту № 4 сборника Маркова. Записано А. В. Марковым на Зимнем берегу Белого моря в деревне Нижняя Зимняя Золотица в июне 1899 года от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

По словам сказительницы, она усвоила эту былину от своего дяди Ефима еще в ранней молодости на своей родине, в деревне Чаваньга на Терском берегу Белого моря. Действительно, текст отмечен некоторыми своеобразными чертами, которые отличают его от беломорских обработок.

Начальная часть былины традиционна: изображение богатырской заставы, обсуждение вопроса, кого послать за проехавшим богатырем, социальная характеристика богатырей (вводится еще богатырь Ванька, «снеральской сын», «енеральского рода, нежного»), поездка Добрыни, его испуг и возвращение. Но встреча Ильи с богатырем, бой и развязка разработаны по-иному. В эпизоде встречи использованы мотивы, встречающиеся в обработках других сюжетов о встрече с неизвестным богатырем или богатыркой (Ильи Муромца со Святогором, Добрыни с поленицей Настасьей Микуличной; см., например: Гильфердинг, II, № 148, конечная часть былины); отсутствует временное поражение Ильи Муромца из-за несчастной случайности — бой сразу кончается победой Ильи. Но особенно важны изменения, внесенные в конец былины: после покушения сына на убийство Ильи Муромца, последний не убивает его, а лишь хватает за кудри и подбрасывает вверх, а затем привязывает к коню и отпускает «во свое место» с наказом: «Щёбы не ездил к нам больше во чисто полё». И только после того как Подсокольник снова нападает на Русь и захватывает русские корабли, Илья убивает его. Такой конец былины ярко рисует образ Ильи Муромца и раскрывает идею произведения: Илья щадит молодого богатыря, прощая покушение на лично его, Ильи, жизни; он уверен, что Подсокольник получил хороший урок. Но когда Илья Муромец узнает о враждебных действиях Подсокольника против родины, он уничтожает его.

25. Недалеко от Киева. Печатается по тексту сборника Астаховой (I, № 87). Записано А. М. Астаховой на Печоре в деревне Климовка Усть-Цилемского района 21 июля 1899 г. от Николая Самсоновича Торопова, 79 лет, и Михаила Алексеевича Поздеева, 33 лет.

Текст представляет типичную печорскую редакцию сюжета (Ончуков, №№ 1, 6; Астахова, I, №№ 57, 70, 79), которая отмечена и записями с верховьев Мезени (см. мезенские варианты этой былины в сборнике Астаховой, I). Былина начинается с картины заставы и перечисления богатырей, обороноящих Киев; подробно рассказывается о том, как встает ото сна, умывается и одевается Илья Муромец; дается образ Сокольника с его охотничими атрибутами, он пишет «скорограмотку» с угрозами; в догонку посыпается Добрыня после отвода некоторых других богатырей. Своеобразный эпизод пред-

ставляет сцена унизительного избиения Добрыни, аналогичная расправе с Алешей Поповичем калик в былине о сорока каликах (см., например: Гильфердинг, II, № 96; Астахова, I, № 4, и др.), где обращение калик с Алешей мотивируется грубостью самого богатыря. Вероятно, указанная сцена и перенесена из данной былины в связи с тем, что и «вежливый» Добрыня вынужден был «ругаться», так как приезжий богатырь не хотел останавливаться.

Вариант Н. С. Торопова отличается полнотой и стройностью при сравнительной своей краткости; ср. с тоже очень хорошим текстом Ф. Е. Чуркиной (Ончуков, № 1), к которому он очень близок.

26. Илья Муромец и дочь его. Печатается по сборнику Гильфердинга (II, № 77). Записано А. Ф. Гильфердингом 6 июля 1871 года в селе Кижи Петров заводского уезда от Трофима Григорьевича Рябинина.

Уникальная былина Рябининых, являющаяся вариантом героической былины о единоборстве Ильи Муромца с неузнанным сыном. Вместо сына здесь фигурирует дочь-богатырка, но композиция сюжета обычна; примыкает к той прионежской редакции, где вводится мотив заставы, но не развернута характеристика богатырей. Отдельные эпизоды в варианте Рябинина разработаны подробно, стройно, ярко, отмечены большим художественным мастерством. Великолепно развернута картина единоборства, что в особенности характерно для Трофима Рябинина с его преимущественным интересом к героическим мотивам эпоса.

Былина о встрече Ильи Муромца с дочерью от Трофима Рябинина была записана дважды: кроме Гильфердинга, в 60-х годах — П. Н. Рыбниковым (I, № 5). От сына Т. Г. Рябинина — Ивана Трофимовича — записи былины нет, но в списке Евг. Ляцкого былин, известных И. Т. Рябинину, эта былина указана («Этнографическое обозрение», кн. XXIII. М., 1894, стр. 135). В 1921 году былина была вновь записана от пасынка Ивана Трофимовича — Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева — В. Н. Всееволодским-Гернгрессом. К сожалению, сохранилась лишь вторая часть записи, которая и опубликована в сборнике «Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева» (Петрозаводск, 1948, № 3). Сохранившаяся часть показывает близость к тексту первого Рябинина в записи П. Н. Рыбникова (Иван Трофимович большинство былин отца перенял в их более ранних редакциях). Четвертый Рябинин — Петр Иванович — этой былины не знал.

Сюжет о встрече Ильи Муромца в поле с дочерью имеется и в записи от Марфы Крюковой (т. II, № 63), которая усвоила его из публикаций былин Т. Г. Рябинина и развернула в обширное повествование (1088 стихов), усложнив многими добавочными, лично ею придуманными эпизодами.

Былина исполнялась на напев № 1.

27. [Илья Муромец и татарченок]. Печатается по тексту сборника Киреевского (I, стр. 3). Записано в селе Языково Симбирского уезда.

Очевидно, былина представляет собой позднее и местное образование самостоятельной песни на основе мотивов былин о единоборстве Ильи Муромца

с чужеземным богатырем-врагом. Былина известна только в трех вариантах из села Языкова (кроме публикуемого, см.: Киреевский, I, стр. 1 и 4).

Сюжет о татарченке во всех вариантах передан почти одинаково, отличие их друг от друга — в разном присоединении к основной части других эпизодов. В первом из дополнительно указанных вариантов столкновению с татарченком предшествует рассказ об исцелении Ильи Муромца, а в конце былины упоминаются три дороги, по которым Илье придется ехать. В нашем варианте рассказ об исцелении заменен кратким указанием на пребывание Ильи Муромца в сиднях в течение тридцати трех лет. В третьем варианте (Киреевский, I, стр. 4) сюжет о татарченке предваряется эпизодом встречи Ильи Муромца в поле с «разъездной походной» красной девицей, бежавшей от преследований «насмешника-пересмешника» Олеши Поповича — эпизод, больше нигде не встречающийся.

Во всех трех вариантах ясны реминисценции былин о столкновении Ильи с сыном: попытка татарченка убить Илью Муромца во время сна в шатре, причем он попадает стрелой в коня или в золотой крест на груди, от чего Илья просыпается; в тексте у Киреевского на стр. 1 есть и упоминание о матери татарченка как о «куме» Ильи Муромца.

Публикуемый вариант, наиболее целостный и завершенный из всех, выделяется еще гиперболизированным образом подло напавшего на Илью Муромца врага, что усиливает героический пафос произведения.

Обращает внимание запев, назначение которого — направить внимание слушателя на основную тему и на героя предстоящего повествования.

28. Илья Муромец и богатырь турок. Печатается по сборнику Гуляева, 1952 (№ 4). Записано от барнаульского мещанина И. М. Калистратова в селе Калистратиха Барнаульского округа. Впервые былина опубликована С. И. Гуляевым в «Библиотеке для чтения» (1848, т. 20, отд. III, стр. 107—108) и вторично — в «Известиях Академии наук» (II, 1853, Прибавления, стр. 153); перепечатана у Киреевского (I, стр. 93). Публикация по рукописи Архива Академии наук СССР в Ленинграде: Гуляев, 1939, № 11.

Былина известна в единичной записи с Алтая. Время и место возникновения не установлены. Вопрос заключается в том, произошла ли в былине позднейшая замена обычных врагов-татар турками вследствие бытования былин в казачьей среде, как об этом думал М. К. Азадовский (Гуляев, 1939, стр. 167), или былина возникла уже в более позднее время, когда впечатления от событий борьбы с турками на южных окраинах государства дали материал для ряда новых песенных сюжетов, которые порой приурочивались к популярным героям старого эпоса (см., например, песни о Соколе-корабле). Упоминание о Царь-граде в связи с турками делает вероятным это второе предположение.

29. Бой Добрыни с Ильей Муромцем

Одна из поздних былин, возникшая в результате стремления показать, как произошло начальное сближение двух самых популярных в русском эпосе бога-

тырен, постоянно изображаемых крестовыми братьями. По былине Илья Муромец и Добрыня Никитич встречаются в поле, борются друг с другом, Илья одолевает Добрыню и затем они братаются. Некоторые варианты кончаются со-вместной поездкой богатырей в Киев, к князю Владимиру.

Сюжет известен в записях конца XIX—начала XX века всего из нескольких северных районов, близко связанных друг с другом — с Пинеги, Кулоя, Мезени и Зимнего берега: Марков, №№ 46, 71, 108; Григорьев, I, №№ 113, 129 (к.), 186; II, №№ 1 (к.), 23, 42, 54; III, №№ 47 (к.), 87; Марков, Маслов, Богословский, I, стр. 53; Тихонравов—Миллер, № 15; Кривополенова, № 4; Астахова, I, № 26; Крюкова, I, № 17.

Один краткий вариант, записанный в Московской области (Миллер, № 20), занесен был в нее с Севера.

Такое узко ограниченное распространение былины заставляет предполагать позднее ее возникновение (вероятнее всего — в XVIII веке) в пределах какого-либо из означенных районов.

Былина сложилась на основе героических мотивов старших песен о единоборстве. Это привело в некоторых вариантах к реминисценциям былины о бое Ильи Муромца с сыном (см., например: Григорьев, I, № 113, II, №№ 1, 54) вплоть до повторения конечного эпизода покушения Добрыни на убийство Ильи (вариант М. Д. Кривополеновой: Григорьев, I, № 113; Озаровская, стр. 42; Кривополенова, № 4).

Публикуемый текст взят из сборника: Марков, Маслов, Богословский, I, № 11. Записано А. В. Марковым летом 1901 года в деревне Верхняя Зимняя Золотица на Зимнем берегу Белого моря от Федора Тимофеевича Пономарева, 72—73 лет.

Зимнезолотицкие варианты являются лучшими обработками данного сюжета. В них старый эпический материал, на основе которого возник сюжет, использован довольно искусно; образы старого и молодого богатырей выдержаны; смешения с былиной о бое Ильи Муромца с сыном, как это мы видим в пинежских и кулойских вариантах (см. общую заметку о сюжете), не наблюдается. Публикуемый вариант — типичный образец такой обработки.

Характерной чертой золотицких вариантов, в том числе и данного, является создание образа матери, обеспокоенной исходом встречи молодого и «зашибчивого» в речах богатыря с опытным старым воином, — тенденция к психологизации образов вообще типична для золотицкой былинной традиции.

Вариант заканчивается тем, что Илья Муромец просит мать Добрыни отпустить его к князю Владимиру, и оба богатыря уезжают в Киев. А. М. Крюкова, от которой тоже была записана эта былина (Марков, № 46), развивает этот мотив, развертывая эпизод приезда. Перечисляются богатыри, с которыми знакомятся Илья и Добрыня, и былина завершается характерным для героического эпоса патриотическим мотивом: все богатыри «записались... в заповедь вели-кую» — стоять «що за землю-ту нам щобы Святорусскую».

30—34. Бунт Ильи Муромца против князя Владимира

Тема ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром и бунта богатыря против князя проходит, в различных вариациях, через целый ряд былин героического цикла. Она сообщает этим былинам большую социальную остроту и еще более выпукло обрисовывает благородный облик богатыря-патриота. Обойденный и оскорбленный князем, несправедливо заточенный им в погреб, Илья Муромец в минуту грозной опасности, нависшей над родиной, забывает свои обиды и идет спасать Киев — такова обычная ситуация, разрабатываемая в былине о татарском нашествии и в некоторых вариантах былины «Илья Муромец и Идолище».

Отдельных самостоятельных былин на тему ссоры немного. Они группируются вокруг двух различных разработок темы: 1) о неизвестном на пиру Илье Муромце, которого оскорбляют князь и бояре, и 2) о собственном пире, который обиженный князем богатырь задает городской голытьбе — «голям кабацким».

Время возникновения первого из названных сюжетов трудно определить: мотив столкновения богатыря с князем и его придворными мог включаться в разных видах и в былины киевского цикла еще в период феодальной раздробленности, развиваясь и усиливаясь вместе с ростом классовых противоречий, в особенности, когда окончательно определяется облик Ильи Муромца как богатыря-крестьяннина. В это же время могла оформиться и самостоятельная былина о Никите Залешанине (или Шалтоловиче), под именем которого Илья Муромец приходит на пир к князю Владимиру, где его «не участвуют» и оскорбляют присутствующие на пиру.

Второй сюжет, рисующий открытый бунт Ильи Муромца против князя и его дружбу с «голями», оформлен был, очевидно, под влиянием социальных настроений XVII века — эпохи массовых народных движений против московского правительства и господствующих классов.

Имеется в эпосе еще третья версия темы ссоры, тоже получившая довольно широкое распространение, — это рассказ о заточении Ильи Муромца по клеветническому доносу бояр или целовальников. Они сообщают, что Илья, обливая шубу, подарок князя, вином и волоча ее по полу, будто бы угрожает так волочить самого князя — извращение угроз Ильи Муромца в адрес Калина-царя. В некоторых вариантах сохраняется чекое объяснение того, чем так ненавистен Илье Муромцу подарок князя: шуба эта досталась князю в дар от татар. См., например, у Киреевского (I, стр. 67) слова князя:

Подарю я удаля добра молодца
Теми дарами, которы мне пришли
От татарина, от бусурманова.

Поэтому Илья Муромец и бьет шубу о пол, угрожая так «бивать татарина». Сюжет этот обычно подробно разрабатывается, однако в самостоятельном виде

не встречается, а соединяется с рассказом о каком-либо подвиге богатыря. Былины на тему ссоры и бунта показывают внутреннее развитие эпоса в сторону насыщения его, под воздействием растущего классового антагонизма, острым социальным содержанием.

Варианты обработки темы ссоры и бунта в отдельную былину см.: Киреевский, IV, стр. 46, 49; Рыбников, II, № 119; Гильфердинг, II, №№ 47, 76; Миллер, № 8; Конашков, № 4; Соколов—Чичеров, № 78; Песни донского казачества. Сталинград, 1937, № 23; Парилова—Соймонов, № 2.

30. Никита Заолешанин. Печатается по тексту сборника Киреевского (IV, стр. 46). Записано в конце 1840-х годов в Архангельском уезде А. Харитоновым и доставлено П. В. Киреевскому В. И. Далем.

Представляет одну из разработок темы ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром. В качестве самостоятельного произведения сюжет о буйном поведении на пиру разгневанного богатыря, кроме данного варианта, известен еще в нескольких записях, но со значительными отклонениями от основного типа: в двух записях — середины XIX века из Онежского уезда Архангельской губ. (Киреевский, IV, стр. 49) и 1890-х годов из Пермской губ. (Миллер, № 10; перепечатано из «Этнографического обозрения», 1899, № 4, стр. 90) — выпал основной мотив ссоры, самый смысл конфликта — «неучествование» пришедшего незнанного с виду и по имени гостя. В онежском варианте, носящем отпечаток песенно-скоморошьего склада, сохраняется еще имя гостя — Никита, но не указывается, кто скрывается под этим именем. Во второй записи отзвуки сюжета еще слабее: не упоминаются ни Киев, ни князь Владимир, действие происходит на пиру у каких-то «хозяев», и пришедший богатырь именуется Буян-богатырь свет Буянович. В третьей известной записи со следами данного сюжета («Саратовский сборник», т. I, 1881; перепечатано у Миллера, № 8, от певицы-мордовки 80-ти лет) приехавший гость называется своим именем «Илья Муромец, сын Иванович», но в то же время он «незнамой, незнакомой» и явно противопоставлен присутствующим на пиру князя Владимира, где «гости сидят все дорогие, князья, попы, бояры, архиереи». Социальный характер конфликта усилен здесь заключительной сценой. Когда князь Владимир дает приказ схватить приехавшего богатыря и на Илью набрасываются с каждой стороны по пятнацати человек, Илья говорит, обращаясь к князю: «Уймешь аль не уймешь своих злых собак? Коли не уймешь своих злых собак, Я сам их уйму». И он отбрасывает от себя всех схвативших его «верных слуг» князя Владимира.

Но если в оформлении отдельной самостоятельной былины сюжет был мало распространен, то он неоднократно включался в качестве эпизода ссоры в былины о спасении Ильей Муромцем Киева от разгрома его татарами. Таковы былины из Беломорья и Прионежья — А. М. Крюковой (Марков, № 44), В. В. Амосова и П. И. Рябинина-Андреева (Астахова, II, №№ 123, 132). Во всех

в этих записях сюжет разработан во всех подробностях и получил острое социальное звучание. В варианте В. В. Амосова подчеркнуто пренебрежение князя Владимира к лицам низкого звания и положения. Услышав в ответ на свой вопрос: «Ты какого рода-племени, Ты откуда, гость непосланой?», что гость — «Микитушка Шалталович», князь Владимир говорит: «А коли Микитушка Шалталович, То садись-ко на задню, гось, на скамеечку». В варианте А. М. Крюковой неблаговидность поведения князя выделена словами: «Ай ведь нё дал князь места всё по уму ему, По уму-ту не дал места, всё по разуму... Посадил-то ёго в место не в почтноё». В. В. Амосов рисует яркую картину общего перепуга, когда приехавший богатырь разбрасывает всех вступивших с ним в драку богатырей:

Вси богатыри разбежалися,
А Владимир-князь взял шубу соболиную,
Обирался под печку под кирпичную.
Но не спасенье под печкой под кирпичноей,
Тут Илья Муромец столичник отдёргивал,
Снял золоты ключи:
«Завтра сам буду править княжеством!»

Оба прионежских варианта заканчивают эпизод захватом Ильей Муромцем бочек вина из погреба князя и угощением этим вином «голей кабацких», за что князь садит Илью «в погреба глубокие». В беломорском варианте князь за укор гостя: «Ты сидишь-то как всё с воронами ты, Ай миня всё посадил ты с воронятами» — изгоняет гостя из Киева. Когда же узнает, что гость «залешанин» — Илья Муромец, он умоляет его оставаться, но Илья не соглашается и предсказывает, что князь попадет в трудное положение, когда подойдет «сила неверная», — «тогда у тя бояре кособрюхи с ей управятце», — иронически замечает богатырь.

В советское время сюжет был снова записан как отдельная былина от М. С. Крюковой. Со свойственным ей острым восприятием социальных мотивов эпоса М. С. Крюкова еще более усиливает и выделяет классовую основу конфликта. Она подробно останавливается на внешнем «мужицком» облике Ильи Муромца:

Одевал-то он ведь нлатъё деревеньской.
Деревеньское-от платъё-то само простое,
А и одевал-то он каftан-то деревеньской-от,
А и опоясался-то он кушаком-то да всё простым же он,
А и вот простым кушаком-то он деревеньским-то,
А он на ноги одел-то, да скажом, лапотки,
А и вот чулки-то надел-те да прbstы деревеньские
А и вот оделся он Никитушкой Залешанин.

Далее она отделяет отношение к гостю богатырей от отношения бояр. Именно «бояра-дворяна» пытаются вытолкнуть Залешанина с пиру. Богатыри же «сидят да усмехаются», переглядываясь между собой, очевидно, узнав Илью Муромца и ожидая посрамления бояр.

Таким образом, сюжет «Никита Залешанин» получил в ряде вариантов очень сструю разработку темы столкновения Ильи Муромца с князем Владимиром на пиру.

Прозвище «Залешанин» не раз встречается в былинах в применении к богатырям-крестьянам. См., например, «мужики Залешана» в Кирши Данилова (стр. 53, 245).

31. Илья Муромец в ссоре со Владимиром. Печатается по тексту сборника Гильфердинга (II, № 76). Записано 8 июля 1871 года в деревне Кирки Петров заводского уезда от Трофима Григорьевича Рябинина.

Представляет иную, чем № 30, версию ссоры — буйство в Киеве оскорбленного князем Владимиром богатыря. Одна из наиболее острых в социальном отношении былин.

Публикуемый вариант отличается мастерским изображением действующих лиц: взбунтовавшегося богатыря, отстреливающего золоченые кресты и маковки с церквей и угощающего «голей кабацких», и перепуганного князя. Тонкими штрихами рисуется состояние князя: надо обязательно примириться с Ильей, позвать его на пир, но самому идти «не хочется», послать же княгиню Апраксию — «то не к лицу идет». Поручив это дело Добрыне, князь Владимир в беспокойстве ходит по горнице и посматривает в окошко, идет или не идет Илья Муромец. Выразительно также изображено, как «обхаживают» князь и княгиня приведенного Добрыней Илью Муромца.

Былина Т. Г. Рябинина была усвоена его потомками — Иваном Трофимовичем Рябининым, в записи от которого, к сожалению, она до нас не дошла, и пасынком Ивана Трофимовича — И. Г. Рябининым-Андреевым, сохранившим редакцию деда без изменений (Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева Петрозаводск, 1938, № 2).

Былина исполнялась на напев № 1.

32. Илья в ссоре с Владимиром. Печатается по тексту сборника Гильфердинга (I, № 47). Записано 26 июля 1871 года от Никифора Прохорова из деревни Бураковой Пудожского уезда.

Обработка того же сюжета, что и предыдущий текст № 18, близка к его редакции, но заключает и некоторые своеобразные детали. Ярко дан образ взбунтовавшегося богатыря. Еще больше, чем в тексте Г. Г. Рябинина, подчеркнута дружба Ильи Муромца с голями. Илья не просто предлагает голям собрать утстреленные им золоченые маковки и пропить их в кабаке, но зовет голытьбу угощаться вместе с ним («Да станем-то пить да заодно со мной»); благодарные голи называют Илью своим батюшкой, своим отцом. Более подробно разработан образ «дипломата» Добрыни. Остнее дан конец: хотя Илья Муромец и приходит

к князю Владимиру на пир, но подчеркивает «вину великую» князя перед ним, Ильей, который мог бы в гневе даже убить князя с княгиней.

Былина Никифора Прохорова была впервые записана от него в 1860-е годы П. Н. Рыбниковым (Рыбников, II, № 113). Общее построение и все основные эпизоды те же, что и в записи А. Ф. Гильфердинга, но содержание переведано более сжато (короче на 67 стихов).

33. Про Илью и голи кабацкие. Печатается по тексту № 4 сборника былин Ф. А. Конашкова, 78 лет. Записано Е. П. Родиной в 1938 году. Впервые эта былина была записана от Ф. А. Конашкова 12 июля 1928 года в деревне Семеново Пудожского района Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой (Соколов—Чичеров, № 78).

Текст Ф. А. Конашкова, примыкая по сюжетной схеме к вариантам Т. Г. Рябинина и Н. Прохорова, иначе разрабатывает эпизод угощения голей: Илья Муромец не идет с ними в кабак, а устраивает свой «почесной» пир, выбрав для него «что не лучшее место, самолучшее», возле самых теремов князя Владимира. Колоритно развернута картина этого пира голытьбы, с песнями, от которых «не днем-то, не ночью да утиха нет». Как и предыдущие тексты №№ 31, 32, былина заканчивается примирением Ильи Муромца с князем: Добрыне удается уговорить его идти на пир к князю.

В варианте 1928 года конец имеет несколько иной оттенок: Илья, уходя с Добрыней, говорит голям, что он больше не будет прибавлять им маковок, и голи тогда собирают и делают все сбитые маковки, «что лежало-то по городу».

Былина о пире Ильи Муромца с голытьбой была одной из любимых в эпическом репертуаре Ф. А. Конашкова, с ней он неоднократно выступал. По художественным образам она очень своеобразна: маковки теремов не только золоченые, но и «шелковые», они «подвешены» на теремах; отстреленные Ильей Муромцем эти маковки скатываются на землю, «как ведь мелкие воробушки»; голи носят их «в лавоцьки торговыи» и оттуда «таскали напитоцьки спиртовыи».

В книге «Песни донского казачества» (Сталинград, 1937) помещена под № 23 былина на тот же сюжет, записанная на Дону, по словам составителя И. И. Кравченко, в 1935 году Е. Захаровым от колхозника Е. Т. Архипова, 56 лет, хутора Тополева В-Курмоярского района. Это единственный текст на сюжет ссоры, записанный в казачьем районе. Сличение данного текста с былиной Ф. А. Конашкова показало полное тождество обоих текстов с некоторым лишь сокращением — выпуском отдельных стихов — в южном варианте. Дословное повторение одних и тех же стихов, своеобразных выражений и образов, которых, кроме как у Конашкова, нет в устной традиции этой былины, не оставляет сомнения в том, что текст, напечатанный в сборнике «Песни донского казачества», — это былина Конашкова, усвоенная при выступлениях Конашкова в Москве или по радио исполнителем из хутора Тополева.

Былина исполнялась на напев № 16.

34. Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром. Печатается по тексту № 2 сборника Париловой—Соймонова. Записано Е. С. Шоймером в Петрозаводске в феврале 1939 года от Анны Михайловны Пашковой, 73 лет, из деревни Семеново Пудожского района.

Публикуемый текст развивает тот же сюжет, что и тексты №№ 31—33, прымкая ближе всего к варианту Ф. А. Конашкова. Как и в последнем, Илья Муромец не просто угощает голей в кабаке, а устраивает свой пир на площади против теремов князя Владимира. Еще более остро, чем в других вариантах на тот же сюжет, дано противопоставление Ильи Муромца князю Владимиру с его окружением, подчеркнута связь Ильи с народными массами. Илья Муромец созывает на свой пир, кроме голей кабацких, «бедноту деревенскую», «лапотников», «балахонников». Этот состав гостей на «почестном пиру» Ильи Муромца упоминается и подчеркивается в былине неоднократно: и когда князь Владимир смотрит на пирующих в трубочку подзорную, и в презрительном отзыве Алеши Поповича о пире, и когда Илья Муромец отказывается идти к князю Владимиру. Таким образом, мотив связи Ильи Муромца с бедняцкими слоями становится лейтмотивом, проходящим через всю былину.

В противоположность другим вариантам данный не заканчивается примирением. Илья Муромец приглашает Добрыню принять участие в его народном пире, и Добрыня остается. В былине говорится, что они оба «ко Владимиру идти да не торопятся». Стrophой из стихотворения А. К. Толстого «Илья Муромец», которая заканчивает былину, завершается это противопоставление богатыря, близкого к народу, княжескому двору.

Обращает на себя внимание также детальная и необычная разработка эпизода «зазывания» Ильи Муромца на княжеский пир. Кроме Добрыни, обычно выступающего в качестве «зазывальщика», А. М. Пашкова вводит еще следующих богатырей: Ваську Долгополого (иногда упоминается как эпизодическое лицо в некоторых других былинах), с той характеристикой, которая дана ему в известном шенкурском варианте о богатырях на заставе (Киреевский, I, стр. 46; см. в настоящем сборнике текст № 22), Алешу Поповича и Чурилу Плёнковича, изображая их сатирически в соответствии с традиционной их обрисовкой в эпосе.

Вся обработка А. М. Пашковой былины свидетельствует о большой поэтической одаренности сказительницы и о творческом восприятии и развитии эпических образов сказителями советского времени.

35, 36. Илья Муромец и голи кабацкие

Сюжет «Илья Муромец и голи кабацкие» близко прымкает к тем былинам о бунте богатыря против князя Владимира, в которых рассказывается, как не позванный на княжеский пир Илья устраивает свой пир для голей. Как и былины о бунте Ильи, данный сюжет сложился, очевидно, в атмосфере антагонистических социальных настроений XVII века.

Былины о голях обычно строятся в таком порядке: Илья под видом калики возвращается в Киев, заходит в кабак и просит целовальников отпустить ему вина, предлагая в заклад свой нательный золотой крест. Но целовальники отказывают ему в вине. Илья обращается тогда к голям, и те, сложившись по копеечке, угощают Илью. Тогда Илья в свою очередь, разбив винные погреба, выкатывает бочки с вином и угощает голей.

Сюжет встречается и как самостоятельная былина и в соединении с другими сюжетами герического цикла о подвигах Ильи Муромца. В последнем случае связующим звеном является жалоба целовальников князю Владимиру на самоуправство Ильи (см., например: Ончуков, № 20), иногда сопровождаемая еще клеветническим доносом об изменнических будто бы намерениях Ильи Муромца, за что князь Владимир и заключает богатыря в погреб (Гильфердинг, III, № 257).

Варианты обработок сюжета в самостоятельную былину: Гильфердинг, III, №№ 239, 249, 281; Григорьев, II, № 28; III, № 51 (к.); Ончуков, № 62; Миллер, № 9; Соколов—Чичеров, №№ 203, 232; Крюкова, I, № 6. В соединении с другими сюжетами: Гильфердинг, III, №№ 210, 257; Ончуков, № 20; Соколов—Чичеров, №№ 248, 255; Листопадов, 1949, № 7.

35. Илья Муромец и голи кабацкие. Печатается по тексту сборника Гильфердинга (III, № 281). Записано А. Ф. Гильфердингом 16 августа 1871 года на Кенозере от Матрены Григорьевны Меньшиковой, 40 лет.

Хороший вариант былины, оформленный как отдельное, самостоятельное произведение. Для обра а Ильи-бунтаря здесь характерна деталь: он разбивает не торговые, кабацкие погреба (Гильфердинг, III, №№ 249 и 257; Ончуков, № 20), а погреб «княженецкий».

36. Илья Муромец и голи кабацкие. Печатается по тексту сборника Крюковой (I, № 6). Записано Э. Г. Бородиной и Р. С. Липец 30 августа 1937 года в деревне Нижняя Зимняя Золотица Приморского района Архангельской области от Марфы Семеновны Крюковой, 62 лет.

Как все былины М. С. Крюковой на традиционные сюжеты, и данная развивает и распространяет усвоенный сказительницей сюжет целым рядом новых эпизодов и отдельных деталей. В центре былины — традиционный мотив дружбы Ильи Муромца с голями кабацкими. Он водится с ними, угощает их. Но Крюкова развивает и дальше этот мотив дружбы, вводя новые эпизоды: Илья Муромец снабжает голей деньгами, платьем и оружием, и голи оказывают ему помощь в борьбе с иноземными захватчиками. В конце былины говорится, что голи образуют дружину Ильи Муромца. Так, Илья оказывается еще в новой роли — организатора народных масс.

М. С. Крюкова вводит также в былину «бояр-дворян». Они насмехаются над дружбой Ильи с голытьбой, а затем и клевещут на него, говоря князю

Владимиру о намерении якобы Ильи Муромца отобрать с помощью голей у князя Киев.

Былина М. С. Крюковой показывает, как в свете современного сознания могут восприниматься и переосмысляться традиционные образы и сюжеты.

37—39. Илья Муромец и разбойники

Сюжет сложился на почве историко-бытовой действительности древней Руси. Разбойничество было большим общественным злом, от которого сильно страдало трудовое население и борьба с которым была длительной и упорной. Поэтому она отразилась в эпосе как одно из характерных выражений оборонительной и освободительной деятельности любимого народного богатыря. Приурочение сюжета к какому-либо определенному периоду древней Руси не представляется возможным.

Сюжет известен и в качестве самостоятельной былины, и в соединении с другими сюжетами. Чаще всего он входит в былину о Соловье-разбойнике для еще большего усиления героического образа Ильи Муромца как повествование о первом подвиге Ильи по дороге в Киев (см. в настоящем сборнике текст № 9, а также лубочный текст № 64). Кроме того, сюжет использован в былине о трех поездках Ильи Муромца, где он составляет содержание происшествия на первой дороге (см. в нашем сборнике №№ 40 и 41). Как часть былин о Соловье-разбойнике и о трех поездках сюжет известен в Беломорье, Онежском крае и в Сибири; во всех этих районах он редко встречается в отдельном оформлении. Наоборот, в средней России и южноказачьих районах, а также на Пинеге он распространен именно как отдельная, вполне законченная песня.

В библиографии сюжета звездочками отмечены варианты, в которые он входит как составная часть былин на другие сюжеты.

Кирша Данилов, № 60 (Киреевский, I, стр. 23); Киреевский, I, стр. 15—20, 22, 25*, 31*, 40, 36*; VII, Прил., стр. 7; Тихонравов. Летописи русской литературы и древностей, т. IV, М., 1862, стр. 11; Рыбников. II, №№ 103*, 110*, 128*, 142*, 154*, 165*, 176*; Гильфердинг, I. №№ 58*, 120*, 171*, 190*, 197, 216, 221*, 240*, 266*, 271*, 274*, 287*, 291*, 305*; Марков, №№ 1*, 45, 69*, 97; Григорьев, I, №№ 21*, 32*, 141, 153, 155, 158, 161, 162, 206, 208; II, №№ 20, 66, 92*; III, №№ 8*, 56*, 89*; Ончуков, №№ 19*, 53*; Пермский сборн., II, отд. II, № 166; Тихонравов—Миллер, №№ 3, 4, 6*, 7*, Прил., а, б, в; Миллер, №№ 11*, 12—16; Листопадов, 1949, № 5; Астахова, I, №№ 1*, 53, 59; II, №№ 208, 216, 227, 232; Крюкова, I, № 4*; Путилов, № 213; Соколов—Чичеров, №№ 7*, 209*, 211*, 231*, 237*, 261*, 269* (пр.), 272, 278.

Построение сюжета в общем устойчиво. Главное различие вариантов — в развязке В одних — Илья Муромец уничтожает всех напавших на него 40 тысяч разбойников, в других — он их только устрашает стрельбой в дуб или землю

и берет затем с них обещание бросить разбой. Подобной развязкой подчеркивается в Илье Муромце человеколюбие и великодушие (см. мотивировку такого поступка Ильи Муромца в записи 1833 года из Московского уезда у Киреевского, I, стр. 17: «Ему жалко их до смерти убить»). Эта развязка чаще встречается в былинах, имеющих самостоятельное значение.

В былинах же о трех поездках развязка обычно иная: Илья Муромец убивает разбойников. Это находится в соответствии с той задачей, которая стоит перед ним как борцом за мирный труд и благосостояние народа: он должен «очистить», «замирить» дорогу, на которой всякий «пеший-конный» бывает убит. Не случайно в некоторых вариантах разбойники именуются «татарами» (см., например: Григорьев, III, № 89; Марков, № 45, и др.). Иногда говорится о тщетной попытке разбойников спасти свою жизнь ценою «золотой казны» и другого награбленного богатства, — этот эпизод рисует бескорыстие и неподкупность Ильи Муромца (см. настоящий сборник, текст № 9).

В отдельных былинах варьируется диалог Ильи Муромца с разбойниками.

37. Встреча Ильи Муромца со станичниками. Печатается по сборнику Григорьева [I, № 105 (141)]. Записано А. Д. Григорьевым в 1899 году на Пинеге, в деревне Красное, от Моисея Амосова, 75 лет.

Былина в данной редакции была широко известна на Пинеге. В 1899 году по среднему течению реки Пинеги в Карпогорском районе Григорьев записал 8 вариантов [см., кроме публикуемого, №№ 117 (153), 119 (155), 122 (158), 125 (161), 126 (162), 170 (206), 172 (208)]. В 1927 году А. М. Астаховой записано там же 3 варианта, 2 из которых опубликованы в «Былинах Севера» (I, №№ 208, 209). Все варианты принадлежат к одной редакции, отличающейся друг от друга лишь характером развязки и незначительными деталями в описании Ильи Муромцем своего коня и имущества. В половине вариантов развязка мирная, но представлена по-разному. В одном [№ 117 (153)], например, Илья Муромец ударяет своей железной палицей в землю, от чего сотрясается «мать сыра земля», в другом [№ 170 (206)] он просто уезжает, не причинив разбойникам вреда. Публикуемый текст заключает наиболее распространенный тип мирной развязки, известный и другим районам (см.: Тихонравов—Миллер, № 4; Миллер, №№ 12, 14, 15, и др.).

Пинежские тексты отличаются от других северных вариантов художественным описанием дороги, по которой едет Илья Муромец, и изображением самого богатыря. Это всегда «стар матёр человек» —

И голова-то у его была седая,
А борода-та у его была белая

[Григорьев, I, № 117(153)].

Эти черты роднят пинежские варианты с южными казачьими (см., например, описание дороги у Листопадова, 1949, № 5; настоящий сборник, №№ 47, 48, и

образ Ильи Муромца в текстах №№ 15 и 16 у Миллера). Публикуемый текст включает также эти типичные для пинежской традиции черты.

Начало варианта возникло, очевидно, под влиянием распространенной на Пинеге исторической песни о торжественном выезде Петра I [Григорьев, I, № 118 (154)]. Обычно пинежские былины о встрече Ильи Муромца со станичниками начинаются так:

Из славного города Мурова
И до славного города Киева
Пролегала дорога широкая...

Но параллельно ему вошло в традицию и отмеченное вступление: «Середи было царства Московского» [Григорьев, I, № 125 (161); Астахова, II, № 216].

Былина, по словам собирателей, пелась на напев, отличный от былинного и приближающийся к песенному, но называлась исполнителями, как и другие былины, «стариной».

38. Как ездил стар. Печатается по тексту сборника Астаховой (II, № 227). Былина записана А. М. Астаховой в Сумском посаде Беломорского района 5 июля 1932 года от Натальи Алексеевны Ростовцевой, 69 лет.

Текст представляет образец современной поморской обработки сюжета, очевидно, на основе былины о трех поездках Ильи Муромца, так как в начале сохраняется мотив трех дорог и традиционного раздумья богатыря у камня на распутье. Былина «Три поездки» прошла в Поморье путь постепенного сокращения: в 1900-е годы А. Д. Григорьевым были записаны варианты былины «Две поездки», в которую сюжет о разбойниках входил в качестве первого эпизода (Григорьев, I, №№ 21, 32). К нашему времени отпала и «вторая дорога», и начальная часть превратилась в самостоятельную былину.

В ней хорошо выделено значение совершенного Ильей Муромцем подвига «замирения» дороги надписью, которую богатырь делает на камне. Аналогичные концовки находим и в других поморских вариантах, например:

Поезжайте, православные без опаси
В пути торные эти дороженьки:
Нет больше воров-разбойников,
Не станут они губить буйны головы.

(Студенческие записки Филологического
факультета ЛГУ, 1937, стр. 13).

Или.

Замирил дороженьку старой казак Илья Муромец,
И проторил дороженьку старой казак Илья Муромец.

(Астахова, II, стр. 670).

Обращает внимание в публикуемом варианте образ коня Ильи Муромца — «тучи-падушка» и его скачки.

Сюжет известен на Поморском побережье под тем заглавием, под которым он публикуется. Оно тоже указывает на происхождение нынешней поморской обработки сюжета от былины «Три поездки».

Былина исполнялась на напев № 78.

39. Илья Муромец и казна монастырская. Печатается по тексту сборника Астаховой (I, № 22). Былина записана А. М. Астаховой на Мезени в деревне Засулье Лешуконского района 29 июля 1928 года от Карпа Ивановича Михеева, 77 лет.

В тексте явно обнаруживается приурочение к имени Ильи Муромца песенного сюжета XVI века о молодце, отнявшем у разбойников казну ограбленного ими монастыря и поставленном, будучи заподозренным в грабеже, на правеж (см., например: Киреевский, VI, стр. 194—199; Гуляев, 1952, №№ 33, 34; Астахова, II, № 191).

В Беломорье и на Урале данный сюжет был найден в виде былины с наименованием героя — Оксёнко [Миллер, № 98; Марков, № 86 (пр.); «Пермский сборник», II, отд. II, стр. 166, № 6 (пр.); Сказки М. М. Коргуева, кн. 2-я. Записи и комментарий А. Н. Нечаева, Петрозаводск, 1939, стр. 473; Крюкова, II, № 105].

В публикуемом тексте использованы только эпизоды встречи молодца с разбойниками и стобрания от них награбленной казны. Приурочение сюжета к Илье Муромцу произошло под воздействием былин об Илье Муромце и разбойниках и известно только в данном единичном случае. В соответствии с общим обликом любимого народного героя как друга обездоленных изменен конец: молодец обычно пропивает казну в кабаке, что и дает повод заподозрить его в грабеже. Илья Муромец раздает ее «по миру». Аналогичный мотив, но в безыменном варианте песни о правеже встречаем в записи из Сызрани (Киреевский, VI, стр. 194): молодец на вопрос, куда он девал золотую казну и цветное платье, отбитые от разбойников, отвечает:

А поил я все голь кабацкую.

А цветное платье — одевал все наших босых.

Возможно, что данный мотив был известен и на Севере, и это и привело, вместе с реминисценциями былин о разбойниках и голях кабацких, к возникновению песни с Ильей Муромцем в качестве действующего лица.

40, 41. Три поездки Ильи Муромца

По-видимому, данный сюжет — один из самых поздних в цикле былин об Илье Муромце, сложившийся в результате стремления шире развернуть поэтическую биографию любимого богатыря, наделить его добавочными подвигами.

Предположение о позднем сложении сюжета особенно поддерживается тем, что ряд вариантов оканчивается смертью Ильи Муромца, причем необычайно: найдя в последнюю поездку клад, Илья строит в Киеве монастыри или церкви или раздает золото нищим и сиротам, затем уходит в киевские пещеры и там окаменевает (см. варианты: Киреевский, I, стр. 86; Рыбников, II, № 176; Гильфердинг, I, № 58; III, №№ 221, 266).

Некоторые сказители и сообщали эту былину как повествование о последней поездке Ильи Муромца (Гильфердинг, I, № 58).

Такое завершение поэтической биографии любимого народного героя связано с известной легендой о том, что мощи Ильи из Мурома в киевских пещерах принадлежат Илье Муромцу.

Возникновение былины Вс. Миллер относил, по ряду соображений, ко времени не ранее первой четверти XVII века и приурочивал к Олонецкому краю, поскольку именно здесь (главным образом, в северных и восточных частях края) и была былина распространена, притом в лучших, наиболее полных и целостных вариантах (Вс. Миллер. Очерки, III, стр. 142—146). На Севере за пределами Олонецкого края сюжет встречался редко, на Пинеге и Печоре, например, он совершенно неизвестен; в средней и южной России былина тоже записана не была; ни в старинных пересказах былин, ни в сборнике Кирши Данилова следов этой былины нет. В нескольких случаях сюжет объединяется с былиной о Соловьевразбойнике.

Варианты: Киреевский, I, стр. 86; Рыбников, II, № 110, 128, 142 (к.), 154, 165 (к.), 176; Гильфердинг, I, № 58; II, №№ 171 (к.), 190; III, №№ 221, 240, 266, 271, 287, 291, 305; Марков, № 1 (к.); Григорьев, I, №№ 21, 32; II, № 92; III, № 56 (к.); Тихонравов—Миллер, № 6; Миллер, №№ 6, 11; Астахова, I, № 13; Соколов—Чичеров, №№ 7, 209, 211, 231, 237, 261 (к.), 269 (пр., к.); Крюкова, I, № 4; Парилова—Соймонов, № 31 (к.).

В былине о трех поездках использована более ранняя былина о столкновении Ильи Муромца с разбойниками, а также ряд сказочных мотивов: испытание судьбы, разоблачение злого замысла коварной соблазнительницы проезжих молодцев, нахождение клада под камнем или в подземелье. Былина раскрывает образ любимого народного героя с разных сторон: 1) как могучего богатыря, обладающего огромной силой и храбростью, 2) рисует его ум и проницательность, 3) показывает отсутствие в нем корыстолюбия: найденные багатства Илья не оставляет себе, а отдает церквям и монастырям, нищим и сиротам или везет в Киев к князю Владимиру. В одном из текстов (Гильфердинг, II, № 190) говорится, что Илья вообще решает не ехать в третью дорогу, где «богату быть», так как ему достаточно того, что он имеет.

Многие варианты еще в XIX веке утеряли последнюю часть и превратились в рассказ о «двух поездках» (например: Григорьев, I, №№ 21, 32). Такое сокращение происходит и в последующее время (Соколов—Чичеров, №№ 209,

211). Наконец, в некоторых случаях отпадает и второй эпизод, и остается лишь повествование о нападении разбойников, сохраняя все же в начальной части мотив трех дорог (см. в нашем сборнике текст № 38).

40. [Три поездки Ильи Муромца]. Печатается по тексту сборника Гильфердинга (II, 171). Записано на Выгозере 16 июля 1871 года от Федора Никитина, около 45 лет.

В варианте Ф. Никитина за рассказом о трех дорогах следует повествование о четвертой, на которой Илья Муромец побеждает Соловья-разбойника. Эту часть мы опускаем, так как она ничего не вносит нового и своеобразного в обработку сюжета о Соловье-разбойнике. Представляя традиционный прионежский тип, обработка Ф. Никитина уступает в идеально-художественных особенностях классическому варианту Т. Г. Рябинина (см. текст № 6).

В первой же своей части вариант Ф. Никитина — один из лучших на сюжет трех дорог, он отличается стройной композицией и выразительными образами (развернутые в реалистическом плане размышления Ильи Муромца у камня на распутье, скачка богатыря, описание Ильи своего имущества и др.). Но в особенности вариант выделяется своим концом, рисующим Илью Муромца как друга народа: Илья отдает найденные богатства не на церкви и монастыри, а «по ищей по братии», «по сиротам да бесприютным».

41. Поездки Ильи Муромца. Печатается по сборнику Астаховой (I, № 13). Записано на Мезени в деревне Усть-Низема Лешуконского района от Максима Григорьевича Антонова, 59 лет.

Вариант М. Г. Антонова — один из замечательнейших образцов высокого художественного мастерства, несмотря на некоторые композиционные недостатки в тексте утеряна последняя часть сюжета о трех поездках, сам мотив трех дорог перенесен в начало второй части, что несколько нарушило стройность композиции. Былина о трех поездках вообще не имела на Мезени распространения. А. Д. Григорьевым была сделана только одна запись сюжета, и тоже без третьего эпизода в соединении с другим сюжетом — о Соловье-разбойнике (Григорьев, III № 56). Мало был известен и сюжет о столкновении Ильи Муромца с разбойниками (всего две записи у Григорьева — №№ 8 и 89, тоже в контаминации с былиной о Соловье-разбойнике). Таким образом, М. Г. Антонов, очевидно, не имел возможности услышать былину о трех поездках в полноценной художественной обработке. От этого проис текают и отмеченные недостатки варианта. Но из того, что Антонов мог услышать и усвоить, он сделал подлинное произведение искусства.

Прежде всего обращает на себя внимание великолепный внешний портрет Ильи Муромца, которым открывается былина. Аналогичный образ мы находим еще только в одной записи Григорьева (III, № 8, стихи 36—41), но там он встречается всего один раз и, будучи помещен в средней части былины, теряется среди других описаний. У Антонова же, именно потому, что он открывает все

повествование, а затем дважды повторяется, начиная каждый раз новую часть, он становится лейтмотивом, окрашивает собой всю былину.

Хороши также описание Ильей Муромцем своего снаряжения и одежды, изображение стрельбы из лука,—все это полно живописных деталей. В былине использован мотив драгоценных стрел, перённых перьями чудесного орла; в прионежских вариантах этот мотив связан с былиной о Дюке Степановиче (например: Гильфердинг, II, №№ 115, 152, 159 и др.) или применяется в описаниях седла или шапки в былинах о нападении разбойников.

Очень своеобразен конец: Илья Муромец наказывает обманутых коварной красавицей младцев за их слабохарактерность (ср. у Гильфердинга, III, № 271, укор Ильи Муромца освобожденным ботатырям: «Вы сдаваетесь на прелесть ту на женскую»).

Как все былины, записанные от М. Г. Антонова, и эта пленяет четкостью и звучностью ритмики.

Концовка была передана исполнителем не пением, а говорком. Она перенесена из былин, изображающих захват «полона» (см., например: Гильфердинг I, № 71; Астахова, I, № 88). Исполнитель назвал ее «присказкою».

Былина исполнялась на напев № 17.

42, 43. Илья Муромец на Соколе-корабле

Возникновение сюжета относится, очевидно, к XVII веку и связано с казачьими походами в Каспийское (Хвалынское) море и столкновениями казаков с турками, ногайскими татарами и персами.

Сюжет известен в записях из разных районов: из казачьих поселений, Поволжья, Сибири (например, из б. Енисейского округа и Якутии), Вологодской и Вятской губерний. В основных местах бытования былин на русском Севере сюжет не записан.

Известно несколько типов обработки.

1. Соколу-кораблю угрожают турки; Илья Муромец натягивает лук, чтобы пустить стрелу в турецкий град, в зелен сад, в бел шатер, самому Салтану в грудь; Салтан пугается и «заказывает» туркам когда-либо вступать в столкновение с Ильей Муромцем.—Тихонравов—Миллер, № 16; Миллер, № 17 (Енисей); «Русская старина», т. XI, 1874, стр. 185.

2. На Сокол-корабль нападают крымские или горские татары с калмыками или персиянами. Илья Муромец (иногда Алеша Попович) проводит рукой или тростью по пуговкам своего кафана, изображенные на пуговках звери начинают страшно реветь, нападающие бросаются в море или бегут прочь от корабля.—М. Д. Чулков. Собрание разных песен, ч. II. СПб., 1913, № 199; И. И. Дмитриев. Карманный песенник, М., 1796, № 1; Киреевский, I, стр. 22; Миллер, №№ 18 (запись В. Г. Богораза-Тана в Якутии), 19 (запись М. Карпинского на Тerekе); Панкратов, стр. 21; Н. И. Костомаров и

А. Н. Мордовцева. Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии, М., 1862, стр. 9.

3) На деревце, украшающем корабль, спускается орел и хочет потопить корабль. Илья Муромец стрелой убивает орла.— Тихонравов—Миллер, № 17, Прил., стр. 276 (уральские варианты).

4) Нападения или угрозы нет. В центре— описание корабля. Песня заканчивается уговариванием красной девицы взойти на корабль и осмотреть его.— Путилов, №№ 136, 137.

Последний тип близок к безыменным песням о заманивании девушки на корабль с целью увоза и представляет, очевидно, позднейшее переоформление былины под воздействием этих песен.

Относительно 3-й группы песен было высказано предположение, что в них аллегорически изображено столкновение Разина на его «Соколе-корабле» (по народному преданию так именовался корабль Разина) с правительственным кораблем, носившим имя «Орла» (см.: Вс. Миллер. Очерки, III, стр. 260).

Из всех известных только несколько записей имеют развернутый сюжет, обработанный в былинном стиле. Большинство же представляет краткие тексты, бытующие, по-видимому, как песни. Да и развернутые тексты, по сообщениям собирателей, иногда воспринимались уже как песни и исполнялись в качестве величальных колядок (см.: Миллер, № 17 и примечание к данному тексту; Вс. Миллер. Очерки, III, стр. 344—349).

Состав богатырей на корабле в вариантах меняется. Почти во всех атаман, «хозяин» корабля,— Илья Муромец (есть отдельные случаи, когда он— есаул), а атаман— Степан Разин (см. настоящий сборник, текст № 43 и примечание к нему). Рядом с Ильей Муромцем упоминаются Добрыня, Алеша Попович, иногда Святогор, Полкан, Еруслан.

Возникновение данной былины свидетельствует о широкой популярности образа Ильи Муромца, о котором на основе позднейших исторических событий продолжают складываться новые героические сюжеты.

42. Илья Муромец с Добрыней на Соколе-корабле. Печатается по тексту № 16 сборника Тихонравова—Миллера. Место записи неизвестно. Текст взят из рукописного сборника, доставленного из б. Вологодской губ.; на первом листе сборника имеется помета 1803 года; впервые текст опубликован Л. Майковым в «Живой старине» (1890, I).

Представляет образец былинной обработки, относящейся к первому из указанных в общей заметке типов. Как все песни о Соколе-корабле, начинается с описания внешнего вида корабля, которое восходит к образу корабля в былинах о Соловье Будимировиче (ср., например: Кирша Данилов, № 1). Последние стихи— традиционное в былинах «заклинание» побежденным врагом никогда больше не иметь дела с русскими богатырями.

43. О Соколе-корабле. Печатается по тексту № 18 сборника Миллера. Записано В. Г. Богоразом-Таном летом 1896 года в дер. Походской б. Якутской обл. от Митрофана Кривогорницына, 60 лет. Первая публикация — в статье В. Ф. Миллера «Новые записи былин в Якутской области» («Известия Отделения русского языка и словесности», т. V, кн. 1, стр. 75).

Текст представляет иную, чем предыдущий вариант, редакцию сюжета о нападении врагов на Сокол-корабль. Обращает на себя внимание подчеркнутое выделение, как и в варианте № 42, главенствующей роли Ильи Муромца («всем он кораблем владат»; ср. № 42: — «хозяин-от был Илья Муромец»). Характерно припоминание в последних стихах о связи русских боятывей с Киевом и Черниговом.

Мотив оживления на пуговках зверей попал в данную редакцию сюжета из былины о Дюке Степановиче (см., например: Гильфердинг, II, № 85).

Собирателем указано, что после каждого стиха былины исполнялся припев: «Сду́дина ты, сду́дина! Сду́дина ты, сду́дина!» Сду́дина — искаженное Зду́дина, встречающееся в припевах величальных песен и возникшее из Дуна́й через Зду́най. Припоминания реки Дуна́й в припевах или концовках отмечены и в эпической традиции русского Севера, например у Гильфердинга:

Ай Дуна́й, Дуна́й,
Боле век не знай!

(Гильфердинг, I, стр. 639).

Дуна́й, Дуна́й, боле вперед не знай!

(Гильфердинг, III, стр. 518).

44. [Илья Муромец на Волге]

Печатается по тексту сборника Киреевского (I, стр. 90, № 2). Указано место записи: Калужская губ., Боровский уезд. Текст сопровожден пометой: «Записано от старухи».

Изображение речных просторов, плывущих по реке «красных лодочек» с гребцами и на одной из них есаула восходит к песням разинского цикла, где эти образы составляют очень часто начальную часть песни; в дальнейшем же развертывается уже самый сюжет, различный в каждой из песен (см., например: Кирша Данилов, № 43; Киреевский, VII, стр. 149; Догадин, № 20; Листопадов, 1946, №№ 69, 76, 79).

Позднее эта начальная картина была использована в обличительных песнях XVIII века, направленных против вельмож, грабящих народ и казну: гребцы поют песни, в которых хвалят Петра I и бранят того или иного вельможу — Гончаруна, Меншикова, Гагарина (см.: Русские народные песни, записанные в Ленинградской области 1931—1949 гг. Составили В. А. Кравчинская и П. Г. Ши-

ряева. Л.—М., 1950, №№ 125 и 126). Аналогичную композицию, только без последней обличительной части имеем и в публикуемом варианте. Как и в песне № 56 нашего сборника, Илья Муромец воспет как предводитель вольных казаков.

КАЗАЦКИЕ БЫЛИННЫЕ ПЕСНИ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

Образ Ильи Муромца отражен не только в былинах классического типа, развернутых эпических повествованиях, дошедших до нас в устной традиции средней России, Севера и Сибири, но и во многих песнях, сложившихся на основе былинного эпоса. Эти песни, которые А. М. Листопадов удачно назвал «былинными песнями» (Листопадов, 1949, стр. 31), распространены преимущественно в казацких поселениях южной России — на Дону, Северном Кавказе, Южном Урале и в Оренбургском крае. Они отражают наряду с отголосками былинного эпоса черты жизни и быта, характерные для истории казачества. Это именно песни, которые исполняются чаще всего хором, иногда и соло, но всегда в песенном распеве, отличающем их от классической былины, исполняющейся на особый, речитативный, сказовый напев.

Только немногие из этих песен сохранили традиционные сюжеты цикла былин об Илье Муромце в их целостном виде, хотя и в сокращенной форме. Таковы песни об Илье Муромце и разбойниках и об Илье и целовальниках. Большинство же песен представляют лишь фрагменты былин на определенные сюжеты или приурочение к имени Ильи Муромца сюжетов и эпизодов из других песенных циклов. Иногда это совершенно новые сюжеты, в которых использованы отдельные былинные и песенные мотивы. Наибольшее количество записей былинных песен мы имеем с Дона благодаря многолетней собирательской работе известного энтузиаста и знатока донского фольклора А. М. Листопадова.

В тех случаях, когда тексты приводятся в песенном распеве, цифрами слева отмечаются не стихи, а строфы.

45. Илья Муромец выезжает в поле. Печатается по тексту сборника: Листопадов, 1949, № 1 (в песенном распеве). Записано А. М. Листопадовым на Дону в станице Клетской в 1903 году.

Донская песня о выезде Ильи Муромца на подвиги. Со среднерусскими и северными былинами о первой поездке Ильи соприкасается только в мотиве прощания с родителями, но и он дается по-иному: нет никаких упоминаний о Киеве и князе Владимире, Илье хочется в псле «богатырскую силушку испробовать». Песня интересна отражением казацкого быта: заботливое обращение с оружием, любовное упоминание о коне буланом, черногривом, сетования стариков родителей, что их покидает единственный сын. Образ Ильи Муромца принял в данной песне характерные черты казака, собирающегося в поход.

Былина исполнялась на напев № 24.

46. Илья Муромец-Кузюгушка собирается во дики степя. Печатается по тексту сборника: Листопадов, 1949, № 2 (в песенном распеве). Записано А. М. Листопадовым на Дону, в станице Пятиизбянской, в 1903 году от группы певцов. Стrophы 10 и 11 добавлены из вторичной записи этой песни в 1936 году, в том же пункте, от М. М. Кубанцева, 60 лет, единственного оставшегося в живых из певших песню в 1903 году (Листопадов, 1949, стр. 234). Он же дал следующий вариант двух последних стихов:

Вот Кузьма-то казак, што ясьмён сокол,
На коне ляйтит.

В песне нет имени Ильи Муромца. По словам А. М. Листопадова, песенники одной из донских станиц говорили, что «песня эта про Добрыню». Однако М. М. Кубанцев, исполнявший песню в хоре 1903 года и помнивший ее в 1936 году, относил ее к «старому казаку Кузьме Муровцу» (Листопадов, 1949, стр. 234).

А. М. Листопадов отмечает близость данного варианта и по тексту, и по напеву к песне о выезде в поле Ильи Муромца (см. настоящий сборник, текст № 45), записанной в станице Клетской, в 80 км. от Пятиизбянской. Действительно, в центре песни та же тема — просьба богатыря к родителям отпустить его «показаковать». Поэтическое изображение прощания даже ближе к былинам о первой поэдке, чем в тексте № 45 (ср. начало песни с образом склоняющегося перед родителями богатыря в тексте № 5 нашего сборника). Просьбу к родителям о коне и мотив выхаживания коня находим в некоторых былинах об исцелении и первой поездке (см., например, текст №№ 1, 10, 57, 62, 63 в настоящем сборнике).

Изображение седлания коня — традиционное «общее место» былин, в особенности об Илье Муромце и о Добрыне Никитиче.

Публикуемый текст интересен передачей характерной и красочной обстановки древнерусского юга: дикие степи, табуны диких пасущихся коней, среди которых Кузютушка ловит себе коня по вкусу — «буйного, золотистого».

Характерно для южнорусской песни упоминание о «донских казачёчках», с которыми хочет казаковать Кузютушка.

Былина исполнялась на напев № 25.

47. Разбойники нападают на Илью Муромца. Печатается по тексту № 13 сборника Мишера (из сборника А. Пивоварова «Донские казачьи песни», Новочеркасск, 1895).

Песня отражает донской вариант былины, известной во всех районах бытования былинного эпоса (см. примечание к сюжету на стр. 488). В южнорусской казачьей традиции — одна из немногих былинных песен, сохранивших сюжет в его завершенном виде.

Казачьи варианты: Листопадов, 1945, № 5 (донской; тот же, но в песенном распеве у Листопадова, 1949, № 5); Тихонравов — Миллер, № 4

(уральский), Прилож., а, б, (терские), в (уральский); Миллер, №№ 14 (терский), 15, 16 (оренбургские).

Все казачьи варианты очень близки друг к другу. Однаково начало — образ непрокожей, непроезжей дороги. За ним следует описание «излатанной шубеночки» Ильи Муромца (в северных вариантах это описаниедается от лица самого Ильи Муромца в перекорах его с разбойниками). Однакова и связка: Илья стрельбой из лука устрашает разбойников, и они разбегаются. В подробностях разработки отдельных эпизодов есть черты местной традиции. В донских вариантах разбойники нападают на Илью Муромца ночью, когда он спит на кургане (тот же мотив встречаем и в одном оренбургском варианте — Миллер, № 15). В них не говорится, как во всех других казачьих текстах, что Илья Муромец расщепляет стрелой дуб, а разбойники пугаются самого рева лука и свиста стрел. В оренбургских вариантах имеется внешний портрет Ильи Муромца — «головушка седым-седа», «бородушка, ровно лунь, бела», причем Илья изображен на коне (в донских и терских он изображен пешим). В уральских вариантах включен в начало песни мотив трех дорог.

Устойчивость местных черт говорит о длительном бытовании сюжета в каждой из групп южного казачества, широкое же распространение былины в ее завершенном виде среди казачества свидетельствует о том, что содержание ее, очевидно, соответствовало исторической бытовой обстановке южных районов, пограничных с племирными народностями.

В публикуемом варианте выделяются черты местной природы и быта: Илья Муромец на ночь располагается на кургане, упоминается сагайдак — южное наименование (с татарского яз.) налучника, иногда лука.

48. На Илью Муромца нападают разбойники. Печатается по тексту сборника: Листопадов, 1949, № 5 (в песенном распеве). Записано А. М. Листопадовым на Дону в 1905 году в станице Есауловской (ныне Рязинской).

Сопоставление с предыдущим вариантом говорит о единой редакции, лежащей в основе обоих. Текст дает представление о том, как художественно развертываются основные мотивы песни в музыкальном ее исполнении.

49. Илья Муромец на речке Смородинке. Печатается по тексту сборника: Листопадов, 1949, № 4 (в песенном распеве). Записано А. М. Листопадовым на Дону в 1903 году в станице Распопинской.

Вариант песни записан А. М. Листопадовым в станице Мариинской в 1911 году (Листопадов, 1949, № 3). Те же тексты у Листопадова см.: Листопадов, 1945, №№ 3, 4.

В песне использована начальная часть (разговор с рекой) известной народной баллады о бессчастном молодце, утонувшем в реке Смородинке, над которой он насмехался, сравнив с дождевой лужей.

Варианты этой баллады: Кирша Данилов, № 33; Киреевский, VIII, стр. 3 и 5 (оба из Симбирской губ.); Рыбников, II, № 186; Гильфердинг, III, № 262. Перепечатаны у Соболевского (I, №№ 280—283).

Сюжет баллады устойчив. Молодец спрашивает у реки Смородинки о переправе. «За слова ласковые», «за поклоны низкие» река дает благополучно переехать. Но, переправившись, молодец начинает смеяться над рекой. Переезжая обратно за позабытыми ножами, молодец погибает. В одном из вариантов (Киреевский, VIII, стр. 5; Соболевский, I, № 282) сюжет прикреплен к богатырю Добрыне Никитьевичу.

Содержание казацких былин об Илье Муромце у реки Смородинки иное. Первая часть обоих донских текстов представляет поэтическое описание дороги, характерное для южных песен об Илье Муромце (см. наши тексты №№ 47, 48, 50, 51) и для северных былин о встрече Ильи Муромца с разбойниками (см., например, пинежские: Григорьев, I, №№ 141, 153, 155, 161, 162, 206, 208). Во второй части переданы расспросы Ильи Муромца о переправе и ответ реки, что в ней есть и «броды песчаные» и места опасные, «пропащие». На этом варианты заканчиваются. Таким образом, они примыкают к типичному для донской эпической традиции кругу песен о степных поездках и пеших странствиях Ильи Муромца, в которых ему приходится преодолевать различные препятствия. Как и все эти песни, указанная песня отличается яркой образностью, степным колоритом.

В варианте № 3 у Листопадова упоминается село Каракарово, втянутое в песню именем Ильи Муромца, и дается необычный образ Ильи — «светлорусенький», «кучерявецкий», перенесенный из безымянных песен о добром молодце.

Былина исполнялась на напев № 26.

50. Илья Муромец у ворот Киева. Печатается по тексту сборника: Листопадов, 1949, № 6 (в песенном распеве). Записано А. М. Листопадовым на Дону, в станице Усть-Быстрянской, в 1902 году. Тот же текст, но не в песенном распеве, см.: Листопадов, 1945, № 6.

В основе песни — эпический мотив перескакивания богатырем городовой стены (см., например: Миллер, стр. 74; Астахова, II, стр. 71). Мотив развернут в картину приезда в Киев Ильи Муромца, богатую изобразительными деталями и создающую яркий образ могучего богатыря. Начальная часть — любимый казачьим фольклором образ шлях-дороженцы (см. в нашем сборнике тексты №№ 47, 48, 51).

Былина исполнялась на напев № 27.

51. Илья Муромец и целовальнички. Печатается по тексту сборника: Листопадов, 1945, № 7. Записано А. М. Листопадовым на Дону, в станице Кочетовской, в 1902 году. В песенном распеве тот же текст см.: Листопадов, 1949, № 7.

В варианте соединены мотивы разных былин: о первой поездке Ильи Муромца — мотив непроезжей дороги (один из наиболее распространенных в казачьем фольклоре; см. наши тексты №№ 47—50); «Илья Муромец и голи» — отказ целовальников дать вина; «Илья Муромец и разбойники» — описание драпированной шубы (см. № 47); «Илья Муромец у речки Смородинки» — обращение

к реке. Ни один из этих мотивов не развернут в законченный эпизод. В центральной сцене (в кабаке) сохранен традиционный мотив перепуга целовальников, но развязки нет. В северных былинах Илья Муромец, не получив от целовальников вина ни в долг, ни за свой «золотой крест», или просит голей сложиться «по копеечке» и угостить его, или разбивает погреба и угощает голей. Здесь за сценой перепуга целовальников следует их размышление о незнакомом «ярыге кабацком» (сюда и включено описание шубы), Илья же показан уже возле реки.

Эпизод требований Ильи вина в «царском кабаке» и перепуга целовальников находим в близкой редакции, в одном терском варианте об Илье Муромце и разбойниках (Тихонравов—Миллер, Прил., б), где данный эпизод присоединен к концу песни.

Былина исполнялась на напев № 28.

52. Илья Муромец. Печатается по тексту № 16 сборника Миллера (из сборника А. И. Микутина «Песни оренбургских казаков», т. II. Оренбург, 1905).

Основа песни — сюжет «Илья Муромец и разбойники». Но вследствие того, что выпало изображение самого нападения разбойников и изменена традиционная развязка (см. примечания к тексту № 47 в нашем сборнике), а также упоминается «рать поганая», песня воспринимается как рассказ о столкновении богатыря с каким-то вражеским войском, тем более что образ расправы Ильи Муромца с ним традиционен для былин о бое с татарами.

53. Илья Муромец и татары. Печатается по тексту № 6 сборника Миллера (из «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXVII, Тифлис, 1900, отд. IV, стр. 83). Записано М. Карпинским в станице Щедринской б. Терской области в 1899 году от казаков Федора Пономарева и Василия Шамина.

Песня известна только в записях на Тerekе от гребенских казаков. Варианты: Панкратов, стр. 12; «Вестник Харьковского историко-филологического общества», вып. 2, 1912, стр. 41; Путилов, № 1.

Запись представляет собой песенную обработку известного в северных былинах о Калине-даре эпизода падения Ильи Муромца в вырытые татарами ямы (см., например, в нашем сборнике текст № 13). Указание черным вороном на врага также встречается в ряде северных былин (например, в былинах «Королевичи из Крякова», см.: Гильфердинг. II, № 87). В песне сохранен героический образ Ильи Муромца, разрывающего путы и побивающего несметную силу врага.

Во всех гребенских вариантах Илья Муромец именуется, вопреки традиции, «малюткою». В. Ф. Миллер высказал предположение, что это произошло «по смешению с сыном, молодым нахвалищиком Сокольником» (Очерки, III, стр. 265, см. также сравнение в стихе 3).

54. Богатыри на заставе. Печатается по тексту сборника Миллера (Прил. № 10; из «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. XIV, Тифлис, 1898, отд. I, стр. 108). Записано М. Карпинским в станице Щедринской Терской области в 1897 году от Л. Меденика.

Вариант: Панкратов, стр. 6.

Текст представляет оформление в песню начальных мотивов былины о бое Ильи Муромца с сыном или каким-либо другим чужеземным богатырем-нахальщиком. Песня сохранила изображение заставы, эпизод проезда нахальщика и смутные реминисценции последовательного отвода богатырей от погони за ним (присоединяется еще вопрос, кому на часах стоять). Обращает внимание мотивировка отвода двух богатырей-боярчиков, в которых заключена их социальная характеристика, совпадающая с традиционным изображением бояр в русском эпосе.

55. [Илья Муромич со Степаном Разиным на Соколе-корабле]. Печатается по тексту сборника Панкратова (стр. 21).

Представляет редакцию сюжета о нападении врагов на Сокол-корабль и о расправе с ними Ильи Муромца, наиболее характерную для казацкой эпической традиции. См. общий комментарий в нашем сборнике к сюжету, стр. 494.

Вариант интересен включением имени Разина и объединением, через такое включение, Ильи Муромца с предводителем народного движения.

56. [Илья Муромец на Дону]. Печатается по тексту сборника Киреевского (I, стр. 90, № 1). Никаких сведений о том, когда и где записано, нет.

Первая часть публикуемого текста представляет использование мотивов известной песни о гибели Степана Разина (Киреевский, VII, стр. 41; перепечатано из сборника Н. И. Новикова «Новое и полное собрание российских песен», М., 1780—1781). Ср. со следующими стихами разинской песни:

Нездороно на Дону у нас,
Помутился славной тихой Дон
Со вершины до черна моря,
До черна моря Азовского;
Помешался весь казачей круг:
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина.

Далее говорится о казни Разина в Москве на Красной площади.

Приурочение к имени Ильи Муромца песенных мотивов разинского цикла встречается нередко (см. комментарии к былине о Соколе-корабле и песне «Илья Муромец на Волге»). Данная песня показывает, что в казачьей среде Илья Муромец превращается в атамана казаков, предводителя их в борьбе с татарами.

СКАЗКИ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

Сказки об Илье Муромце очень разнообразны по содержанию, характеру и происхождению.

Одни из них основаны только на былинах об Илье Муромце и представляют их пересказ в прозаической форме при разной степени близости к содержанию и

речевому строю былин; некоторые так близки к былинам, что скорее их можно назвать побывальшинами, чем сказками. Другие потеряли былинный колорит и приобрели специфику сказочного повествования. В сказках объединяется различное число былинных сюжетов от двух-трех до полного или почти полного состава всего цикла былин об Илье Муромце. Иногда в виде сказки передается и один сюжет. Сказки, более полные по составу отраженных в них былинных сюжетов обычно помещают эти сюжеты в предполагаемой последовательности событий, образуя, таким образом, поэтическую биографию богатыря.

Но есть сказки, в которых былинные сюжеты и мотивы объединяются со сказочными сюжетами и мотивами, чаще всего принадлежащими сказкам типа «Бовы-королевича» и «Ерусалана Лазаревича» или сказкам волшебно-героическим. Степень подчинения былинного материала сказочному тоже различна.

Некоторые сказки складывались в среде самого народа и имеют более или менее длительную устную традицию, другие возникали на основе искусственно сделанных былинных сводов или сказок, издававшихся в XIX веке в дешевых изданиях для распространения в народе. См., например: «Илья Муромец, крестьянский сын. По народным былинам рассказано В. Острогорским» (СПб., 1869) — в стихах, в конце XIX века книжка выдержала несколько изданий; «Сказ об Илье Муромце», изданный тоже в стихах, под редакцией О. Ф. Миллера, и также выдержавший ряд повторных изданий (3-е изд., СПб., 1899); «Илья Муромец, крестьянский сын. По сборникам Кирши Данилова, Киреевского, Рыбникова и Гильфердинга» (составлено В. и Л. Р—н. М., 1894) и др. В таких книжках былины иногда точно передавались по определенным классическим источникам, но иногда отдельные былины произвольно объединялись в один текст и подвергались переработкам, сокращениям и дополнениям. Издавались также сводные сказки на сюжеты былин об Илье Муромце. Так, широкое распространение получила книжка «Илья Муромец, набольший богатырь земли русской» в дешевом многотиражном издании Товарищества И. Д. Сытина в Москве, многократно переиздававшаяся без каких-либо изменений в 1890-х, 1900-х и 1910-х годах (первое известное мне издание — М., 1892). Книжка сохранила демократические тенденции русского эпоса.

Сказки об Илье Муромце, несмотря на их большое значение в народном творчестве русского и других народов Советского Союза, еще слабо исследованы. Библиографию и обзор сказок, известных до середины 1890-х годов, см.: Вс. Миллер. Очерки, I, стр. 362—391; Андреев, № 650, I. Более поздние записи указаны у Астаховой (II, стр. 746—747), но без исчерпывающего охвата всех записей. Дополнительно: А. В. Гуревич. Русские сказки Восточной Сибири. Иркутск, 1939, №№ 4, 33; Сказки М. М. Коргуева, II. Петрозаводск, 1938, № 39; Сказки Магая, Л., 1940, № 9; Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Архангельск, 1941, №№ 35—37; Тамбовский фольклор. Тамбон, 1941, № I; Сказки М. А. Сказкина. Горький, 1952, № 24.

В настоящем сборнике даются три образца сказок разного типа по происхождению, составу и характеру.

57. Сказка-былина про Илью Муромца. Печатается по тексту № 24 сборника «Сказки М. А. Сказкина» (Вступительная статья, запись и редакция текстов, примечания Н. Д. Комовской. Горький, 1952). Записано в июле 1939 года Н. Д. Комовской от Михаила Ананьевича Сказкина, 56 лет, из колхоза им. Кирова Уренского района Горьковской области.

Сказка построена на пересказе 8 былинных сюжетов: 1) Исцеление Ильи Муромца; 2) Илья Муромец и Соловей-разбойник; 3) Илья и Святогор (смерть Святогора в гробу); 4) Бой Ильи с богатырем из неверной страны; 5) Бунт Ильи Муромца против князя Владимира; 6) Илья и Идолище; 7) Дюк Степанович; 8) Три поездки. Но это объединение принадлежит не самому исполнителю. Источником его сказки является названное выше издание Товарищества И. Д. Сытина «Илья Муромец, набельший богатырь земли русской». О восхождении «Сказки-былины про Илью Муромца» к сытинскому изданию убедительно свидетельствуют, во-первых, одинаковая композиция, во-вторых, текстуальные совпадения, при этом часто в формулировках, не встречающихся в изустных записях былин.

По композиции сказка-былина М. А. Сказкина сохраняет почти полностью расположение материала в сытинском издании. Отклонения заключаются только 1) в выпуске одного сюжета — о нашествии Калина-царя, который в лубочной книжке помещен между рассказом о бунте Ильи Муромца и сюжетом «Илья и Идолище», и 2) в перенесении рассказа о состязании Дюка Степановича с Чурилой в конец сказки перед заключительным сюжетом о трех поездках (в сытинской книжке пересказ былины о Дюке включен после рассказа о единоборстве Ильи с чужеземным богатырем и предшествует рассказу о бунте Ильи Муромца).

В генетической зависимости текста М. А. Сказкина от сытинской книжки в особенности убеждает нас наличие в обеих сказках сюжета о Дюке Степановиче, что в сводных былинах об Илье Муромце, идущих от устной традиции, не встречается.

Сближают обе сказки и особенности построения отдельных частей. Так, в часть, посвященную смерти Святогора в гробу, одинаково в обеих сказках и очень своеобразно вставлен эпизод с сумочкой переметной, которую Святогор не мог поднять: сам Святогор рассказывает об этом случае Илье Муромцу, чтобы объяснить, почему он, Святогор, перестал ездить по русской земле. В обеих сказках в рассказе о бунте Ильи Муромца объединены две версии «ссоры» Ильи с князем Владимиром: Илья, обойденный приглашением на пир, устраивает пир киевской голытьбе; Илья рвет подаренную ему князем шубу. Однаково построены эпизод с выбором коня (былина об исцелении) и рассказ о том, как были раскрыты подвалы с сокровищами («Три поездки» — Илья Муромец зво-

нит в повешенные у подвалов колокола, и неожиданно появившийся мужичок с золотой клюшкой, а в сытинской сказке «старый-престарый старичок» с ключами, отирает подземелье) и ряд других эпизодов. Рассказы в обеих сказках близки и фразеологически.

Наиболее показательные фразеологические совпадения:

Илья Муромец, набольший богатырь земли русской.

Будет тебе, Илья, обманывать-то нас! Говорил — попробуй! — кричат странники.

Нечего делать, начал Илья просовывать свои ноги. Пошевелил одной, пошевелил другой и встал, как встрепанный.

Услыхали эти слова могучие богатыри и говорят князю Владимиру:

— Не верь детине, князь Красное Солнышко; больно он завирается! Не мог он проехать по этой дороге: вот уже более тридцати лет, как зарег на ней Соловей-разбойник, и не только человеку невозможно пройти по ней — зверь не пробежит, птица не пролетит.

— А не хочешь ли, князь, покажу я тебе этого самого Соловья-разбойника. Привез я его с собой на княжеский двор, висит он у меня у стремени привязанный!

— А ну-ка, удалый богатырь, прикажи засвистать Соловью по-соловьевиному, закричать по-звериному, потешь меня и гостей моих.

*
Нельзя, говорит, послать нам в чистое поле Алешу Поповича. Сами

Сказка-былина про Илью Муромца.

Брось ты, Илья, нас обманывать! Сперва попробуй, а после и говори!

Пошевелил Илья одной ногой — шевелится. Другой пошевелил — шевелится.

Как только услыхали это богатыри, говорят они князю Владимиру:

— Не верь ты, князь, этому детине; уж больно он завирается. Разве можно ехать этой дорогой? Ведь тут уже тридцать лет залег Соловей-разбойник, не пропускает ни конного, ни пешего. Тут ни зверь не пробегает, ни птица не пролетает.

— А не хочешь ли ты посмотреть сейчас на Соловья-разбойника Я привез его на наш двор, и висит он сейчас привязан у моего стремени.

— А ну-ка, удалой богатырь, заставь этого разбойника засвистеть по-соловьевиному, потешить меня с моей княгинушкой, моих богатырей могуших.

Нельзя нам посыпать Алешу Поповича: позавидует он на золотую

знаете, из какого он роду; глаза у него, у пстовского сына, завидущие, а руки загребущие. Как увидит он богатырского коня, всего золотом да серебром убранныго, позавидует он золоту, а богатырь тем временем и воспользуется и вышибит из него поповскую душеньку.

Услышал эти слова Идолище, разгневался на странника, схватил свой острый меч и бросил со всей силы в Илью. Илья посторонился немного, и меч пролетел мимо него, пробил насквозь стену и вылетел на двор.

Берет он свою сорокапудовую палицу, да как хватит ею татарина по маковке...

Сам М. А. Сказкин в беседе с собирателем упомянул о книжном источнике своей сказки-былины: «Читал ее, жаль вот книги такой у меня нынче нет, а чтобы проверить можно было» (Сказки М. А. Сказкина. Горький, 1952, стр. 9).

Вместе с тем при всей композиционной и порой фразеологической близости сказки-былины к сытинской сказке — это не затверженный сказочником текст, а свободный пересказ когда-то полюбившегося исполнителю и освоенного им книжного произведения. Многие эпизоды М. А. Сказкин передает иначе, чем в книге, по-своему, развертывая или, наоборот, сокращая. Вносит новые детали (таков, например, эпизод с топорами, воткнутыми Ильей в пни) или выпускает некоторые подробности (выпущен, например, эпизод бросания Алешей Поповичем в Илью Муромца ножа, эпизод, который в книжной сказке передан по нижегородскому тексту из сборника Киреевского (т. I, стр. 39); выпущена несвойственная устной традиции встреча Ильи с каким-то стариком, который и указывает Илье путь к Святогору; отсутствует эпизод передачи Святогором силы Илье; нет описания снаряжения Дюка и встречи Дюка с Ильей в шатре; выпущен рассказ о пребывании Ильи Муромца у родителей перед описанием трех последних поездок богатыря). Рассказ М. А. Сказкина вообще проще и по построению и по языку, ближе по стилю к былинам. Характерно, что исполнитель в ряде случаев употребляет удлиненные формы имен прилагательных (три царевича басурманских, в одежах переменных, по лесам дремучим, богатой

сбрую, на тот момент и вышибут из седла его душеньку поповскую.

Озлился тут Идолище Поганое, схватил свой булатный меч и пустил с силой в Илью Муромца. Илья Муромец отворотился, а меч пробил стену и насквозь вылетел.

Тут Илья Муромец, в свою очередь, схватил клюку сорокапудовую, да как хватит Идолище по маковке...

и т. п.), которые увеличивают число дактилических окончаний отдельных фраз и служат усилиению ритмичности.

Нет сомнения, что М. А. Сказкину случалось читать, а может быть, и слышать былины об Илье Муромце и в других обработках, кроме указанной (которая является главным источником), и это сказалось в его сказке.

Героическое и патриотическое звучание былин об Илье Муромце хорошо сохранено у Сказкина (см., например, лейтмотив первой части в заветах странников и родителей: «...заступайся за слабых, не обижай беззащитных, бей вора-разбойника» — смысл всех подвигов Ильи). Хорошо дан весь высокий моральный облик богатыря, а также социальное противопоставление крестьянского богатыря князю и придворным богатырям-бражникам. Эти качества достаточно ощутимо представлены и в указанном источнике — книжке, изданной Сытиным, но идеинная направленность сказки особенно выиграла в свободном художественном изложении исполнителя.

В сказке-былине про Илью Муромца отразились многие характерные черты М. А. Сказкина как исполнителя: тяготение к монументальным формам, логичность построения и изложения, искусная разработка диалога, понимание жанровой специфики, интерес к героическим и социальным темам.

58. Илья Муромец. Печатается по тексту сборника Астаховой (II, Прил. III, № 1). Записано А. М. Астаховой в селе Нижняя Кандалакша 11 июля 1933 г. от Ивана Корниловича Лопинцева, 44 лет.

Текст является соединением нескольких сюжетов об Илье Муромце с мотивами сказок о Бове-королевиче и Еруслане Лазаревиче. Все былинные эпизоды — исцеление, выбор коня, победа над Соловьем-разбойником, бой с сыном — сильно переработаны. Мотив «тяги земной» из былины о Святогоре своеобразно использован в качестве «урока» богатырю. Через всю сказку проходит патриотическая тема былин об Илье Муромце, четко сформулированная в напутствии старика-прохожего и в завете сыну.

Источник сказки исполнитель сам указал — «книги в школе»: «Там про разных богатырей было — про Бову, Еруслана, Святогора». Вероятно, данный текст — объединение самим И. К. Лопинцевым когда-то усвоенных из книг и из устной традиции былинных и сказочных мотивов. В примечании сказочника отточием указан пропуск в рукописи.

59. Илья Муромец и змей. Печатается по тексту сборника «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева (III, Гослитиздат, 1940, № 310). По указанию Афанасьева, текст сообщен ему П. В. Киреевским; записан, вероятно, П. И. Якушкиным (см. примечание к тексту у А. Н. Афанасьева. III, стр. 414).

Текст представляет собой образец прикрепления к имени Ильи Муромца сказочного сюжета о победителе змея с характерными атрибутами волшебной сказки: три дороги на выбор, избушка на курьих ножках, баба-яга, доброжелательно относящаяся к героям, освобождение девушки от двенадцатиглавого змея, женитьба на царской дочери. Из былинных сюжетов в сказке использованы:

исцеление и чудесное получение силы (с эпизодом помощи родителям) и победа над Соловьем-разбойником, но они подчинены общему сказочному строю. Эпизод выбора коня путем накладывания руки традиционен для сказок о Ерслане Лазаровиче, но в них герой обычно испытывает силу коня в пасущемся конском табуне (см. предыдущий текст).

БЫЛИНЫ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ В РУКОПИСНЫХ ПЕРЕСКАЗАХ И ЛУБКЕ XVIII ВЕКА

Публикуемые в последнем разделе тексты принадлежат к старинным записям былинных сюжетов, дошедших до нас в различных рукописных сборниках XVII—начала XIX века, а также в старинном лубке. Записи в большинстве своем — не дословная передача былин в том виде, как они жили в устной традиции, а прозаический пересказ, сохраняющий в ряде мест, то в большей, то в меньшей степени, явные следы ритмического строя былины и подлинно былинные выражения. Большое значение этих старинных записей для изучения истории развития русского эпоса тем более бесспорно, что некоторые из них являются списками с более древних оригиналов или копий.

Таких текстов, носящих наименование «Сказание», «Повесть» или «Гистория» («История»), иногда «Сказка», к настоящему времени насчитывается более 30, среди опубликованных имеется 20, в которых главным героем является Илья Муромец.

Все 20 записей, из которых самая ранняя относится к первой четверти XVIII века, представляют пересказ былины о первой поездке Ильи Муромца — освобождении им по дороге в Киев города Себежа или Чернигова (в одном списке — Кинешмы) от осадившей город несметной иноземной рати, о победе над Соловьем-разбойником и приезде в Киев ко князю Владимиру (обычная композиция былин «Илья Муромец и Соловей-разбойник»). Несколько текстов включают еще эпизод чудесного исцеления Ильи-сидня. Семь текстов контаминируют былину об Илье Муромце и Соловье-разбойнике с другими былинами: четыре — с былиной об Идолице Поганом и три присоединяют к сюжету о Соловье-разбойнике еще рассказ о победе Ильи Муромца над царем Тухманом — сюжет, неизвестный в живой устной традиции.

Имя Ильи Муромца упоминается и в некоторых других старинных текстах с былинными сюжетами, но уже не как имя главного героя, а среди других действующих в данных произведениях богатырей.

Таким образом, старинные записи былинных сюжетов убедительно говорят об исключительной популярности образа Ильи Муромца. Обилие же старинных списков пересказа былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике свидетельствует о наиболее широком распространении еще до XIX века именно этой былины.

Для настоящего сборника отобраны шесть текстов, имеющих каждый свои особенные черты. Они знакомят с различными типами пересказов былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, представленными в старинных записях.

Тексты публикуются по печатным изданиям с внесением поправок, взятых из подготовленного Институтом русской литературы АН СССР I тома сводного издания «Русские былины».

В орфографию текстов, взятых из разных источников, введены единообразные упрощения: титлы раскрыты без соответствующей оговорки; выносные надстрочные буквы внесены в строку, при этом *л* и *т* (в окончании инфинитива) *съ*; в случаях слитного написания предлогов с существительными и местоимениями и отрицательной частицы *не* с глаголами они отделены; *и* передается через *и*, *омега* — через *о*, *ук* — через *у*, *ять* — через *е*; *ср* на конце слов опущен; в соответствии с произношением *и* передается через *й* (*разбойник* — *разбойник*); вносится *ь* (*вельми* — *вельми*); пунктуация дана современная; упорядочено написание имен собственных с прописных букв. В квадратных скобках помещены слова и буквы, добавленные публикаторами для правильного понимания текста, в ломаных <> — добавленные составителем данного сборника.

Тексты разделены на абзацы соответственно содержанию.

60. Повесть о Илье Муромце и о Соловье-разбойнике. Печатается по тексту (стр. 7—9) сборника Тихонравова—Миллера (из рукописного сборника Ф. И. Буслаева, № 92, первая четверть XVIII века. ГПБ, О. XVII, 57). Впервые напечатана Н. С. Тихонравовым в его статье «Пять былин по рукописям XVIII века» («Этнографическое обозрение», кн. VIII, 1891; оттиск, М., 1891).

Данный текст — самый ранний из известных нам списков былин об Илье Муромце и Соловье-разбойнике в старинной записи; принадлежит к той группе списков, которая характеризуется эпизодом освобождения Ильей Муромцем по дороге в Киев города Себежа. Эту группу В. Ф. Миллер относил к единой редакции, которую он назвал «краткой», в отличие от другой, более пространной, с упоминанием не Себежа, а Чернигова (В. С. Миллер. Очерки, I, стр. 391—401; III, стр. 91—96). Еще раньше Л. Н. Майковым (Материалы и исследования по старинной русской литературе. СПб., 1891, стр. 3—8) тоже было отмечено единство сюжетной схемы былин «себежской» группы. Но Л. Н. Майков, как и В. Ф. Миллер, знал только 4 варианта, действительно объединенных единой композицией. Из найденных же позднее списков, в которых подвиг Ильи Муромца отнесен к Себежу, а не к Чернигову, в нескольких оказались существенные отклонения от исследованного Л. Н. Майковым и В. Ф. Миллером типа (см. в нашем сборнике №№ 61, 63). Таким образом, «себежские» варианты представляют не одну редакцию, а несколько, что свидетельствует о широкой популярности сюжета не только в устной, но и в рукописной традиции.

Публикуемый текст принадлежит к основной «себежской» редакции, представленной наибольшим количеством списков. Ее главные отличительные черты:

повествование начинается сразу с выезда богатыря; далее непосредственно следует бой под городом; упоминаются села Кутузовы, где живут сыновья Соловья-разбойника и хранится его казна; в сцене свиста Соловья не указан злой умысел Соловья погубить окружающих путем нарушения приказа свистеть только в полсвиста; нет и казни Соловья.

Текст характеризуется четкой композицией. Несмотря на большую лаконичность пересказа, хорошо выделен образ могучего богатыря с его устремлением к единой цели — защите родины от врагов. Пересказ заключает все наиболее характерные особенности сюжета, которыми рисуется образ Ильи Муромца и которые неизменно присутствуют во всех вариантах, записанных из уст народа в последующие века: эпизод отказа богатыря от почестей, которые предлагают ему правитель и жители освобожденного города, отвага Ильи (выбор опасной прямолинейной дороги), его неподкупность (отказ от предложенного сыновьями Соловья-разбойника выкупа). Текст включает также эпизод недоверия, который в позднейших изустных вариантах разработан в плане сатирического освещения князя Владимира и его придворных.

Речь пересказа — живая, разговорная. Встречаются отдельные былинные выражения: «дорога залегла от Соловья-разбойника ровно 30 лет»; «человек не прохаживал, и зверь не прорыскивал, и птица не пролетовала»; «и тут богатырское сердце разгораетца»; «скакет с горы на гору, а у реки перевозу не спрашивает»; «и сибирский царь зговорит»; «ответ держит» и др. Следы былинного ритма не очень значительны.

В тексте встречаются описки и искажения, свидетельствующие, что писец не всегда разбирал источник, с которого снимал копию, а иногда и переосмысливал. Ср. «завет» Ильи Муромца в данном тексте с соответствующим местом в тексте № 63: «И завет держал на свою вострую саблю и на крепкой лук с стрелами, чтоб во всю дорогу вострой сабли из ножен не вынимать и на крепкой лук калены стрелы не накладывать». Именно такая формулировка традиционна для былины. Необычное для эпоса сравнение «побил... бутто заичье стадо», быть может, возникло вследствие неверно прочитанного слова «галичье»; ср. в одном из текстов (ГПБ, Q. XVII. 194): «и напущает на их силу великану, как на галичье стадо». В обращении Ильи Муромца к коню «Что ты, волче спотыкаешься? — явная ошибка, надо «волчье мясо», как и в некоторых других списках. В строке 2 нами исправлено, похот (в рукописи — похоть).

Город Себеж, о котором идет речь в тексте, — псковский пригород, исконно русский город, в XVI—XVII веках неоднократно подвергавшийся набегам польских и литовских интервентов (см.: Вс. Миллер. Очерки, I, стр. 395—397). В устной традиции XIX века встречаются названия освобожденного Ильей Муромцем города,озвученные Себежу: Бéжегов, Бéкешев и др.

Села Кутузовы, упоминаемые в «себежских» вариантах, очевидно, тоже связаны с преданиями псковщины, поскольку с нейю издавна связан был род Кутузовых (см.: Труды ОДРЛ, VI, М.—Л., 1948, стр. 358).

«Сибирский» царь вместо «себежский» или «сибежский» — замена, обычная для всех «себежских» вариантов.

Опубликованные тексты, относящиеся к той же редакции:

1) Тихонравов—Миллер, стр. 1—4 (ГПБ, Q. XVII, 194), вторая половина XVIII века.

2) Там же, стр. 4—7. Из собрания И. Е. Забелина, № 71 (Библ. Ленина, 5914), вторая половина XVIII века. Основные отличия: отсутствуют предложение царя себежского оставаться в Себеже и эпизод недоверия.

3) Там же, стр. 10—11. Из сборника Н. С. Тихонравова, № 222, вторая четверть XVIII века. Рукопись утрачена. Обрывается на вопросе Ильи Муромца о казне Соловья-разбойника.

4) «Этнография», 1927, № 2, стр. 115—117. Из собрания Е. В. Барсова, № 210 (ГИМ, 1592), 60—70-е годы XVIII века. Те же отличия, что и в тексте из собрания Забелина, № 71.

5) Труды ОДРЛ, VI, стр. 366—370. Из собрания Н. П. Лихачева, № 287 (Инст. ист.), вторая половина XVIII века. Отдельные эпизоды более детализированы: бой с иноземными царевичами (эпический образ боя: «Не столько Илья Муромец бьет, сколько его доброй конь топчет»; царевичи бегут к морской пристани, Илья настигает их); встреча Ильи Муромца после боя с «сибирским» (т. е. себежским) царем; приезд Ильи Муромца ко двору князя Владимира (деталь, постоянно встречающаяся в изустных вариантах: Илья привязывает коня к серебряному кольцу).

6) Русский фольклор, II, стр. 304—307. 2 текста из собрания А. А. Титова, №№ 2776 и 1994 (ГПБ), XVIII век. Текст I — отрывок конца.

61. Повесть о сильнем могучем богатыри Илье Муромце и о Соловье-разбойнике. Печатается по публикации М. Протопопова в «Живой старине» (1894, вып. I, стр. 80—82). Из рукописного сборника, найденного М. Протопоповым в 1893 году в деревне Верхние Валушки Архангельской губ. Рукопись 1748 года. Текст перепечатан у Миллера (стр. 285—288). Местонахождение рукописи неизвестно.

«Повесть» в основной своей части примыкает к «себежской» группе вариантов, но отличается чертами, придающими тексту особый интерес. В него включен эпизод исцеления Ильи-сидня двумя прохожими старичками; говорится о крестьянском происхождении Ильи Муромца; кроме «града Мурома» упоминается как родина богатыря село Карабаево и сельцо Каптяево; рассказывается о выборе исцелившимся Ильей Муромцем коня и оружия. Некоторые отличия от редакций, представленной текстом № 60, имеет эпизод освобождения Себежа: царевичей Илья Муромец не берет в плен, они бегут с остатками разбитого войска на кораблях за море, царь Себежа не фигурирует, Илью Муромца встречает с почестями народ. Особой чертой отмечен эпизод победы Ильи над Соловьевым-разбойником: они боятся на поединке — мотив, необычный для устной традиции (имеется в записи только от одного сказителя, см.: Гильфердинг,

II, № 120; Тихонравов — Миллер, № 7) и, возможно, навеянный лубочной картинкой XVIII века, на которой Илья Муромец и Соловей-разбойник изображены на конях (см.: Ровинский, V, стр. 107).

В рассказе о подвиге Ильи Муромца встречаются характерные былинные выражения и явные следы стихотворного ритма, например: «...напущается на рать силу великую, / сколько бьет, а вдвое конем топчет, / куда он не поедеть — улицы, / куда не поверстится — слободы...».

Или: «Богатырское сердце неумчиво, / и поворачивает своим добрым конем / прямо на грязи черные, / на реку Смородину, / на мосты калиновы». См. еще изображение скачки Ильи Муромца и приезда его в Киев.

Но самое начало текста — рассказ об исцелении — отличается совершенно прозаическим складом и чисто книжными оборотами речи и книжной лексикой: «вельма у бога в милости по убогим и странным приниматель», «вельми были печальны», «яко бы по молитве родителей его они даровали ему ноги», «наутре воста пошли ко святой литоргии» и т. п.

Это отличие начальной части текста от дальнейшего повествования подтверждает мысль о более позднем возникновении в устной традиции сюжета об исцелении Ильи Муромца и первоначально не в форме былины, а в форме легенды, причем некоторые ее пересказы получали житийный отпечаток.

В списке, по сообщению М. Протопопова, многие слова и буквы стерлись. Часть из них в публикации восстановлена (заключены нами в прямые скобки), некоторые восстановить не удалось, и они отмечены в публикации М. Протопопова отточием с примерным числом точек соответственно стертым местам.

Имеется и механический пропуск, допущенный, очевидно, при копировании текста: нет изображения встречи Ильи Муромца с сыновьями Соловья, и слова последнего к детям следуют непосредственно после его поражения (см. стр. 360 нашего сборника).

62. Повесть о славном богатыре Илье Муромце, как он родился и как поехал из Мурома к столичному граду Киеву ко князю Владимиру Всеславьевичу. Печатается по тексту, опубликованному И. Ф. Голубевым в сборнике «Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян» [М., 1951, стр. 246—250; из рукописного сборника Калининского государственного областного архива, № 911, вторая четверть XVIII века (около 1740 года)].

Печатаемый текст, а также предшествующий архангельский список являются самыми ранними записями, включающими эпизод исцеления и указание на крестьянское происхождение Ильи Муромца. Оба текста сближаются и в характере передачи эпизода исцеления: упоминание деревни Лаптевой в данном варианте и сельца Каптяева в архангельском: отец и мать молят бога и пророка Илью исцелить сына. Вместе с тем вся начальная часть калининского списка изложена значительно пространнее и заключает ряд новых черт, которых ни в одном другом варианте нет (сон Ильи о буром жеребенке, эпическое изображение силы

молодого богатыря и др.). Особенного внимания заслуживает вопрос прохожих, хочет ли Илья богатства или силы богатырской, и ответ Ильи: «Лучче мне взять силу богатырскую».

То же мы видим и в передаче других эпизодов. Перекликаясь в некоторых частях с архангельским вариантом, калининский текст передает соответствующие места значительно подробнее и вносит новые детали в сюжет. Так, свой первый подвиг Илья Муромец совершает не под Себежем или Черниговом, а под Кинешмою. Пышнее изображена встреча Ильи Муромца после победы жителями города. Отказываясь оставаться в городе и говоря, что он едет в Киев к князю Владимиру, Илья Муромец добавляет: «Непригоже мне жить у вас в замских городех» (т. е. в земских). И. Ф. Голубев не без основания видит в этом выражении отзвук факта разделения русской земли на опричнину и земщину при Иване IV. С серединой XVI века связывает также, по мнению И. Ф. Голубева, упоминание в конце текста о станичниках, сообщающих о «незнаемых людях» не то из Рима, не то из Орды (введение сторожевой станичной службы относится к середине XVI века, в ту же эпоху особенно часты были нападения на Русь крымских татар и ногайцев; см.: Славянский фольклор. М., 1951, стр. 245). Отсюда И. Ф. Голубев делает предположение о возможном восхождении калининского варианта к неизвестному списку эпохи Ивана IV. Однако эти детали могли принадлежать не оригиналу «Повести», а его устному источнику.

Обращает внимание наименование Соловья-разбойника Соловьевым Будимеровым и рассказ о пожаловании его и его сыновей князем в богатыри. Это заставляет вспомнить, как справедливо о том говорит И. Ф. Голубев, упоминание в известном письме 1574 года Оршанского старосты Филона Кмиты Чернобыльского кастеляну Евстафию Воловичу рядом с Ильей Муромцем и Соловьем Будимировичем как богатырями: «Не восходит ли наш список былины с Соловьевым-разбойником „сыном Будимеровым“, ставшим богатырем,— пишет И. Ф. Голубев,— к той „версии“ (выражение Н. С. Тихонравова), которая была известна Кмите Чернобыльскому?» (Славянский фольклор, стр. 246).

Отсутствие казни Соловья-разбойника Ильей Муромцем сближает текст со всей группой «себежских» вариантов.

Особенный интерес вызывает разработка в калининском списке сцены в палатах князя Владимира, выделяющая могучий образ Ильи Муромца рядом со сниженным образом князя и бояр. Три раза перебивает князь Владимир рассказ Ильи Муромца о своей поездке, укоряя в лживости его сообщения. Резко подчеркивается неуважительное по отношению к князю поведение Соловья: входя в палату, он кланяется Илье Муромцу, «а великому князю не бьет челом». На приказание князя засвистать, он дерзко говорит: «Потешу я тебя, руку оторву и ногу вырву». От его свиста все бояре падают, а князь Владимир «в своем тереме со страху набегался». Эти детали сообщают сатирическое освещение образу князя Владимира и сближают это место в калининском списке с соответствующим эпизодом лучших устных вариантов.

По языку и стилю данный список стоит, однако, дальше от былинного строя, чем другие публикуемые здесь старинные записи, хотя и он сохраняет в ряде мест былинную фразеологию.

В тексте заметны некоторые дефекты, возникшие при переписывании: пропуск или описка на стр. 364 (см. сноска на указанной странице); после слов Ильи «Соловей-разбойник давно не пивал зелена вина и меду сладковас» (стр. 366) пропущена, очевидно, какая-то фраза, объясняющая, почему Соловей «вина не примает и меду не пьет», в конце повествования не доказано, что же сделал князь с Соловьем Будимеровым. Отточением на стр. 363 отменен нами явный пропуск слова, передающего испуг коня («спотыкается» и т. п., см. соответствующее место в других текстах).

Упоминаемые в тексте «поля туковы» не находят истолкования в словарях. И. Ф. Голубев высказал предположение, не собственное ли это имя, подобно выражению «Грязи Черные»? (Славянский фольклор, стр. 249). Не происходит ли «поля туковы» от слова «тук» — перегной?

63. Гистория о славном, о храбром и сильном богатыре Илье Муромце сыне Ивановиче и о Соловье-разбойнике. Печатается по тексту, опубликованному акад. А. С. Орловым в «Трудах ОДРЛ» (IV, стр. 242—246). Из рукописного сборника Н. П. Лихачева, № 74 (Инст. ист.) 60-х годов XVIII века.

Текст в центральной своей части (отъезд Ильи Муромца из дома, освобождение Себежа, победа над Соловьевом-разбойником, сцена в палатах князя Владимира) вполне совпадает по содержанию и композиции с основной «себежской» редакцией, но включает в начало рассказ об исцелении, а к концу присоединяет пространное повествование о новом подвиге Ильи Муромца — победе над басурманской силой царя Тухмана.

Начальная часть, а также последние заключительные слова текста значительно отличаются по языку и стилю, носящим книжный, житийный отпечаток, от рассказа о самих подвигах, простого по стилю и изобилующего былинными выражениями (см. изображение в нескольких местах скачки богатыря, диалог себежского царя и Ильи Муромца, образ царя Тухмана, седлание коня и т. д.). Эти части — явно более позднее присоединение одним из писцов к традиционной в рукописной литературе «себежской» редакции.

Рассказ об исцелении отличается от текстов №№ 61 и 62 включением в качестве исцелителя Николая-чудотворца вместо двух странников. Отсутствует указание на крестьянское происхождение Ильи Муромца.

С данным текстом тождествен список, опубликованный Б. М. Соколовым в журнале «Этнография» (1927, № 1, стр. 109—113) по рукописи И. Е. Забелина № 244 (ГИМ, 548), второй половины XVIII века, и текст собрания А. А. Титова (ГПБ, 3315), см.: Русский фольклор, II, стр. 307—311.

По указанию А. С. Орлова, обратившего внимание на соединение в текстах таких слов, как «банкет», «церемония», «музыка», «миткалинный», сама редакция, представленная этими тремя текстами, могла возникнуть не ранее начала

XVIII века. Имя царя «сибирского» «Веспасион» могло появиться, как предполагает А. С. Орлов, по ознакомлении с изданным в 1713 году трудом Иосифа Флавия «Иудейская война» (Труды ОДРЛ, IV, стр. 242).

Сюжет о борьбе Ильи Муромца с Тухманом-царем в устном эпосе неизвестен. Вероятно, и этот рассказ, написанный в духе богатырских литературных сказок XVIII века с отзвуками былины об Алеше Поповиче и Тугарине, явился наращением текста уже в рукописной традиции. Вся «Гистория» обнаруживает стремление создать целостное повествование о жизни и подвигах Ильи Муромца — явление, аналогичное процессу образования в устной традиции сводных былин.

64. История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье-разбойнике. Печатается по тексту, опубликованному Д. А. Ровинским в его книге «Русские народные картинки» (I, стр. 2—7). Представляет собой текст к лубку, воспроизводящему в восьми картинах содержание былины об Илье Муромце. Картички занумерованы. Подлинник работы на меди первой половины XVIII века. На стр. 1—2 своей книги Д. Ровинский дает описание картинок.

Текст принадлежит к иной, чем «себежские» варианты, версии сюжета. Главные ее отличия: тексты начинаются с краткого рассказа о внезапном исчезлении крестьянского сына Ильи Муромца; отец и мать, отпуская Илью по его просьбе в Киев, говорят, чтобы он ехал через Чернигов; в сцену прощания с родителями включен их завет не делать никому напрасно обиды; Илья Муромец освобождает не Себеж, а Чернигов; перед подвигом освобождения Чернигова включен еще эпизод нападения на Илью Муромца разбойников. При этом Илья Муромец, устрашив разбойников стрельбой из лука, оставляет их в живых, но говорит: «...впредь не отваживайтесь»; в честь Ильи Муромца князь киберский и воевода черниговский устраивают пир, но предложения остановиться нет; в эпизоде стычки с Соловьем-разбойником нет мольбы последнего оставить его в живых и нет вопроса Ильи Муромца о казне Соловья, как это видим в «себежской» версии; отсутствует также упоминание сел Кутузовых, где живет семья Соловья-разбойника, — просто по дороге, по которой едет Илья Муромец, оказываются палаты Соловья; вместо сыновей замечают едущего всадника дочери Соловья и спорят, кто кого везет; старшая дочь пытается убить Илью Муромца подворотней; когда князь Владимир сердится, думая, что Илья его обманывает сообщением о Соловье-разбойнике, Алеша Попович и Добрыня Никитич бросаются смотреть Соловья и подтверждают справедливость слов Ильи Муромца; перед свистом Соловья Илья окутывает князя и княгиню собольими шубами, а когда Соловей нарушает его приказ свистеть лишь в полсвиста, Илья убивает его.

К сюжету о Соловье-разбойнике присоединен рассказ о поражении Ильи Муромцем Идолища со всеми характерными для данной былины подробностями: Илья Муромец узнает о бесчинствах Идолища в Киеве от встречного калики;

переодевшись в платье последнего, Илья появляется в палатах князя Владимира; дается обычный гротеский портрет Идолища и изображение его прожорливости, насмешки над ним Ильи Муромца и убийство Идолища шляпой.

Объединение ряда подвигов Ильи Муромца усиливает образ могучего русского богатыря, подчеркивая одновременно его гуманизм, проявившийся в сцене с разбойниками.

Тождественные тексты имеются еще в трех списках, опубликованных Б. М. Соколовым в 1927 году в журнале «Этнография»: 1) № 1, стр. 119—122, из собрания Е. В. Барсова, № 8 (ГИМ, 2399), конца XVIII века (переписчиком допущен целый ряд описок и ошибок); 2) № 2, стр. 302—304, из того же собрания, № 9 (ГИМ, 2400), конца XVIII—начала XIX века; 3) № 2, стр. 304—306, из того же собрания, № 30 (ГИМ, 2421), 30-х годов XIX века. Оба последних текста не имеют конца, обрываются на приезде Ильи Муромца в Киев. Тождественный текст последней части (Илья и Идолище) обнаружен в собрании П. П. Шибанова, № 186 (Библ. Ленина, 6147), см.: Русский фольклор, II, стр. 311.

Упоминания о первом из указанных списков имеются у А. И. Кирпичникова (*Поэмы Ломбардского цикла*, М., 1873, стр. 158, прим.), Е. В. Барсова (*Слово о полку Игореве как памятник дружинной Руси*, т. I. М., 1887, стр. 415—416), Л. Н. Майкова (*Материалы и исследования по старинной русской литературе*. СПб., 1891, стр. 4).

Текст в той же редакции, но имеющий незначительные разночтения в лексике, напечатан у Афанасьева (III, № 308). В примечании (т. III, стр. 416) говорится, что текст перепечатан А. Н. Афанасьевым с лубочного издания. Д. А. Ровинский упоминает о трех более поздних, чем опубликованное им, лубочных изданиях «Истории» и отмечает имеющиеся в них, тоже незначительные разночтения (Ровинский, I, стр. 2—6).

Таким образом, все указанные тексты вместе с публикуемым восходят к одному и тому же пересказу былины об Илье Муромце. Вопрос о первоначальном тексте этого пересказа, послужившем источником, и о генетической зависимости текстов друг от друга не изучен.

Незавершенной последней фразе текста к картинке 6 «И за то ево Илья» соответствует в двух более поздних лубочных изданиях фраза: «и за то ево убил». В одном же из рукописных текстов (Из собрания П. П. Шибанова, Библ. Ленина, 6147, соответственное место читается так: «За то ево Илья Муромец взял за ноги, ударил о пол и ударил до смерти, и бросил за окошко, и сказал: „Не люблю я этих неверных слуг“». Возможно, что при печатании лубка строки после слова «Илья» не уместились, и потому фраза оказалась оборванной, в последующие же издания лубка внесена поправка путем замены слова «Илья» словом «убил».

Нумерация отдельных частей текста, соответствующих картинкам, принадлежит Д. А. Ровинскому.

65. Сказание об Илье Муромце, Соловье-разбойнике и Идолище. Печатается по тексту сборника Тихонравова—Миллера [стр. 11—24; из рукописи И. Е. Забелина, № 82 (ГИМ, 536, 5915), второй половины XVIII века]. Упоминания об этом тексте имеются у А. Н. Пыпина (Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 295) и у Ровинского (IV, стр. 4). Впервые текст напечатан Л. Н. Майковым (Материалы и исследования по старинной русской литературе. СПб., 1891, стр. 34—35).

Текст принадлежит к группе былин с эпизодом освобождения Чернигова; во многих местах он совпадает с редакцией, представленной вариантом № 64, но имеет и некоторые свои отличия: царь киберский и воевода черниговский дают Илье Муромцу пасхальные яйца, надпись на которых свидетельствует о подвигах Ильи Муромца. В «Сказании» бояре Алеша Попович и Добрыня Никитич наделены каждый традиционной для них в былинном эпосе характеристикой: Алеша Попович допрашивает Илью Муромца, кто он и откуда приехал, «нечестно», и Илья его бранит, Добрыня Никитич спрашивает о том же «очесливо», и Илья Муромец отвечает ему. В текст включен ряд эпизодов, которые отсутствуют в тексте № 64: Алеша Попович заботится о коне Ильи, Илья теснит на скамье богатырей; выпуск княжеских лошадей и гибель одной из них от коня Ильи Муромца; зятья Соловья-разбойника привозят его «воровские пожитки».

Текст не имеет начала, поэтому неизвестно, как переданы все эпизоды до встречи победителя Ильи Муромца князем киберским и воеводой черниговским. Но, очевидно, как и в тексте № 64, указано крестьянское происхождение Ильи Муромца, так как о нем говорит сам богатырь князю киберскому и воеводе черниговскому.

Публикуемый текст — характерный образец записи былинного сюжета, подвергнувшейся литературной обработке писцом-книжником. В нем имеются сцены и эпизоды, заимствованные из литературы или сказок и разработанные в духе повествовательной литературы XVIII века. Таковы эпизод с пасхальными яйцами, которыми Илья Муромец христосуется с князем Владимиром и княгиней Апраксевной, не имеющей никаких следов в былинной традиции, сцена в Чернигове, эпизод встречи Ильи с князем Владимиром. Они изобилуют книжными выражениями, часто в «галантном» стиле XVIII века: «не подлежит вам меня, нижайшева раба, брать под руки и нести в полаты белокаменный»; «подарили меня они по яичку, который я вашей светлости поднес»; «ежели сему не изволите веры понять, то повелите послать сприавитца чрез почту»; «все это приемлет за великое щастие, что такой сильной могучей богатырь в славном Киеве-граде проявляетса» и т. п.

Вместе с тем в тексте видна большая близость к устной былинной традиции не только по содержанию, но и по характеру изложения (особенно в рассказе о встрече с Соловьем и о столкновении с Идолищем): сохранен в ряде мест ритмический склад былины, много чисто былинных оборотов, а в некоторых

случаях они выделены как стихотворные фрагменты. Ряд добавочных эпизодов, отсутствующих в других списках (привоз «воровских пожитков», Илья Муромец, усаживаясь, теснит других богатырей и др.— см. выше), находят соответствие в позднейших устных вариантах.

Некоторые строки выделены в рукописи в виде стихов, они так и помещены в настоящем сборнике. Слова, выделенные нами курсивом, написаны в рукописи киноварью. В двух случаях концы стихов были писцом отделены двумя точками, в настоящем издании точки заменены вертикальными черточками (см. стр. 381, 386). Сохраняем и характерное для многих рукописей конусообразное написание концовки, которым писцы заполняли остающиеся на страницах места. Разделение на абзацы, очень дробное в рукописи, заменяем своим.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ С КРАТКИМИ СВЕДЕНИЯМИ О НИХ¹

Амосов Моисей, 75 лет (№ 37).² Крестьянин дер. Красное на Пинеге. Запись произведена А. Д. Григорьевым в 1900 году. Других записей от М. Амосова сделано не было; по-видимому, былин он больше не знал. Данную былину он пел, по словам собирателя, как песню, повторяя в большинстве случаев каждый стих. Выучил ее от старика из другой деревни.

Об Амосове см.: Григорьев, I, стр. 437.

Антонов Максим Григорьевич, 59 лет (№№ 16, 41, напевы №№ 6, 17). Крестьянин дер. Усть-Низема на Мезени. Запись текстов произведена А. М. Астаховой, напевов — Е. В. Гиппиусом и Э. В. Эвальд в 1928 году. Всего записано от М. Г. Антонова 8 былин и 2 духовных стиха, но знал он больше и былин (впрочем, по его словам, «не стариной, а рассказом») и духовных стихов, а также знал ряд сказок. Былинные напевы записаны на фонограф. Выучил былины еще в детстве от матери. Принадлежит к числу выдающихся сказителей былин советского времени и по высоким идеально-художественным качествам текста и по мастерству исполнения.

М. Г. Антонов хорошо грамотен, много повидал на своем веку. Военную службу отбывал во флоте, в течение трех лет находился в плавании, девять с половиной месяцев — в кругосветном путешествии.

Записанные от М. Г. Антонова былинные тексты и напевы см.: Астахова, I. Об Антонове как исполнителе см. там же, стр. 81—82, 161—162 и в комментариях к его былинам.

Богданов Леонтий, 70 с лишним лет (№ 1). Крестьянин дер. Середка Кижской волости в Прионежье. Запись произведена П. И. Рыбниковым в 1860 году. Из записанных от Л. Богданова текстов опубликованы 4 былины (2 из них ча-

¹ Указанный в списке возраст исполнителей относится ко времени записи от них публикуемых текстов.

² В скобках указаны номера былин, опубликованных в настоящем сборнике.

стично переданы прозой), 3 исторических и 3 балладных песни. Другие записанные от Л. Богданова тексты представляли, по словам Рыбникова, варианты неполные и нечеткие, и их Рыбников не счел нужным печатать. Имена учителей Л. Богданова неизвестны.

Леонтий Богданов — первый из сказителей былин, встретившийся Рыбникову, си же и познакомил Рыбникова с целым рядом других певцов, в том числе с известным Трофимом Рябининым. Сам Л. Богданов пел былины старческим разбитым голосом, тем не менее исполнение им былин ночью у костра во время вынужденной остановки лодки, в которой Рыбников переезжал Онежское озеро, у одного из островов, произвело на собирателя неизгладимое впечатление.

Публикацию записей от Л. Богданова см.: Рыбников, I; заметки о нем см. там же, стр. LXXIX—LXXXVI и 317—318.

Гольчиков Яков Евдокимович, 61 год (№ 9). Крестьянин дер. Лебская на Мезени. Запись произведена А. М. Астаховой в 1928 году. Всего записано от него 4 былины; кроме того, И. В. Карнауховой и А. И. Никифоровым записан ряд сказок.

Напев, на который Я. Е. Гольчиков исполнял былины, записан на фонограф:

Как хороший исполнитель былин и сказочник Я. Е. Гольчиков был известен не только в родной деревне, но и в окрестных. И былины и сказки представляют развернутые, детально разработанные и композиционно стройные тексты с четкими образами. Былинам научился у разных стариков на зверобойных промыслах.

Былины Я. Е. Гольчикова напечатаны в «Былинах Севера» (Астахова, I), несколько сказок в сборнике И. В. Карнауховой «Сказки и предания Северного края» (Academia, 1934). О Я. Е. Гольчикове как сказителе былин см.: Астахова, I, стр. 109—110 и в комментариях к текстам; о нем как сказочнике — в указанном сборнике Карнауховой, стр. 417, и в рецензии Никифорова на этот сборник (сб. «Советский фольклор», № 2—3), М.—Л., 1935, стр. 418).

Дуркин Игнатий Михайлович, свыше 75 лет (№ 2). Крестьянин с. Усть-Цильма на Печоре. Запись произведена Н. Е. Ончуковым в 1902 году. От И. М. Дуркина записаны 3 былины, знал он и несколько духовных стихов.

Былины И. М. Дуркина четко пересказывают сюжеты, содержат некоторые военобразные детали в повествовании. Опубликованы в сборнике Ончукова. Там же на стр. 221 краткая, в несколько строк, заметка о самом И. М. Дуркине.

Калистратов И. М. (№ 28). Барнаульский мещанин. Запись произведена С. И. Гуляевым в селе Калистратиха Барнаульского округа в 1840-е годы. Никаких других сведений о Калистратове в рукописи собирателя не имеется.

О публикациях его уникальной былины см. в комментарии к № 28.

Конашков Федор Андреевич, 78 лет (№ 33, напев № 16). Крестьянин Семеново Пудожского района, в Прионежье. Запись произведена Е. П. Родиной в 1938 году в Петрозаводске.

В записях от Ф. А. Конашкова известны 22 былины, одна историческая песня, несколько сказок и бытовых песен. Некоторые из его былин имеются в нескольких записях, произведенных различными лицами и в разные годы.

Впервые былины от Конашкова записывал в начале XX века О. М. Доброволов, но где эти записи — неизвестно. Затем, спустя более 20 лет, в 1928 году произведены были записи сотрудниками экспедиции Государственной Академии художественных наук (Москва) под руководством бр. Б. М. и Ю. М. Соколовых, в дальнейшем повторно и с некоторыми дополнительными текстами былины записаны в 1937—1938 годах сотрудниками Карельского научно-исследовательского института культуры. Тогда же были записаны на патефонные диски напевы былин.

Ф. А. Конашков один из самых крупных по величине своего репертуара сказителей былин советского времени. Качество его текстов различно: есть превосходные варианты, имеются и более слабые, поэтически обедненные и незавершенные. Знание былин унаследовал от дяди. Ф. А. Конашков принадлежал к числу энтузиастов былинного сказительства, с вниманием и интересом слушал других исполнителей, сам же был всегда готов петь былины. Он неоднократно выступал с исполнением былин и сказок в Петрозаводске, Ленинграде и Москве. В 1930-е годы Ф. А. Конашков создал несколько новых произведений с современной тематикой. С 1938 года Конашков был членом Союза советских писателей, а в 1939 году за творческую деятельность был награжден орденом «Знак Почета». Умер Ф. А. Конашков в годы Великой Отечественной войны.

Былины Ф. А. Конашкова опубликованы в сборниках «Онежские былины» (Соколов—Чичеров) и «Сказитель Ф. А. Конашков» (Конашков); там же см. сведения о нем. В последнем из указанных сборников имеются автобиографический рассказ сказителя и исследование о Конашкове А. М. Линевского. См. также брошюру «Сказители-орденоносцы Советской Карелии» (Каргосиздат, Петрозаводск, 1939).

Кривогоринцы Митрофан, 60 лет (№ 43). Крестьянин дер. Походская Якутской обл. Запись произведена В. Г. Богоразом-Ганом в 1896 году. Никаких сведений об исполнителе, кроме того, что он был слеп, не имеется.

Кривополенова Мария Дмитриевна, 72 года (№№ 14, 20, напевы №№ 5, 8). Крестьянка дер. Шотогорка на Пинеге. Запись произведена О. Э. Озаровской в 1915 году. От М. Д. Кривополеновой известно 16 былин, баллад и исторических песен, кроме того — ряд песен и сказок. Основные записи производились дважды: А. Д. Григорьевым в 1900 году и Озаровской в 1915—1916 годах. По сообщению Озаровской, в 1921 году записан был еще ряд песен другими лицами, но где эти записи — неизвестно. Григорьевым и Озаровской записаны были также (на фонограф) напевы М. Д. Кривополеновой. Былинам сказительница научилась еще в детстве от своего деда Н. Н. Кабалина.

М. Д. Кривополенова — выдающаяся сказительница первой четверти XX века. Ее былины и их напевы оригинальны и художественны. Исключитель-

ный интерес представляет в ее репертуаре уникальная былина «Вавило и скоморохи». Исполняла М. Д. Кривополенова былины артистически. В 1915—1916 годах она выступала в Москве и Петрограде, затем на Украине и Кавказе; после Октябрьской революции, в 1921 году, она была снова приглашена в Москву. Советским правительством ей была назначена персональная пенсия. Умерла М. Д. Кривополенова в 1924 году у себя на родине.

Записи от М. Д. Кривополеновой опубликованы у Григорьева, в I томе, в сборнике Озаровской «Бабушкины старины» (изд. «Огни», Пг., 1916; 2-е изд., М., 1922) и в книге А. А. Морозова «М. Д. Кривополенова. Былины, скоморошины, сказки» (Архангельск, 1950; перепечатка записей Озаровской с некоторыми дополнениями). Там же заметки и статьи о жизни и творчестве М. Д. Кривополеновой. Кроме того, см.: Б. М. Соколов. Сказители. М., 1924. Литература о М. Д. Кривополеновой довольно значительна, см. в книге Морозова (стр. 166—167). Образ М. Д. Кривополеновой запечатлен скульптором С. Т. Коненковым и рядом художников (см. у Морозова, стр. 168—169).

Крюков Гаврила Леонтьевич, 77 лет (№ 8). Крестьянин дер. Нижняя Золотица на Зимнем берегу Белого моря. Запись произведена А. В. Марковым в 1899 году. Тогда им записано было от Г. Л. Крюкова 19 былин и 2 исторические песни, а в 1901 году — Б. А. Богословским еще 3 былины, 2 шутовые старины и напев одной из былин. По словам Маркова, Г. Л. Крюков знал и еще несколько былин.

Обширный эпический репертуар Г. Л. Крюкова при всем его сюжетном разнообразии обнаруживает все же известное тяготение сказителя к героическим былинам. Среди исполнителей былин в Зимней Золотице Г. Л. Крюков выделялся и высоким качеством своих текстов и напевов. Как замечательный сказитель, он славился в обоих селах Зимней Золотицы (Нижней и Верхней). Большинство своих былин он перенял от золотицких стариков на зверобойных промыслах, несколько былин — от мезенцев, работавших в Золотице покрученниками. Г. Л. Крюков — брат свекра А. М. Крюковой, Василия Леонтьевича, которого Марков уже не застал в живых и который был, по-видимому, одним из крупнейших сказителей Золотицы.

Былины Г. Л. Крюкова напечатаны Марковым (Марков; Марков. Маслов, Богословский, I). О самом Г. Л. Крюкове имеются заметки Маркова в обоих изданиях (в первом — стр. 342—343, во втором — стр. 9).

Крюкова Аграфена Матвеевна, 45 лет (№№ 15, 21, 24). Крестьянка дер. Нижняя Золотица на Зимнем берегу Белого моря. Даты жизни — 1855—1921 годы. Запись произведена А. В. Марковым в 1899 году. По величине своего репертуара А. М. Крюкова превосходила всех других известных сказителей конца XIX—начала XX века. От нее Марковым сделаны 62 записи, среди которых, кроме традиционных былин, имеются записи исторических песен и сказок, распетых в виде былин, и несколько духовных стихов. Некоторые из былинных сюжетов А. М. Крюкова передала в двух разных обработках, — в редакции

Терского берега Белого моря, откуда она была родом, и в Золотицкой редакции. Былинам учились она на своей родине от матери, дяди и других стариков, в Золотице, главным образом, от свекра. Некоторые из былин А. М. Крюковой восприняты ею из книги.

А. М. Крюкова отличалась исключительной памятью и большим даром импровизации. Свободно владея былинным стихом, она легко облекала усвоенные сюжеты разных поэтических жанров в форму былин. В исполнение традиционных былин вносила многое своего. Былины пела, по словам А. В. Маркова, сладким, но приятным голосом, большей частью на один и тот же напев.

Записи от А. М. Крюковой см.: Марков; Марков, Маслов, Богословский, И. О жизни и творчество см.: Марков, стр. 27—30; Марков, Маслов, Богословский, стр. 8—9; Э. Г. Морозова (Бородина). Беломорская сказительница Аграфена Крюкова. Алманах «Север», Архангельск, 1946; Б. М. Соколов. Сказители, М., 1924; Русск. нар. поэтич. творчество, II, кн. 2, стр. 293—296.

Крюкова Марфа Семеновна, 62 года (№ 36). Крестьянка дер. Нижняя Золотица на Зимнем берегу Белого моря. Дочь А. М. Крюковой. Даты жизни — 1876—1953 годы. Запись произведена Э. Г. Бородиной и Р. С. Липец в 1937 году. От М. С. Крюковой записано более 150 сюжетов, среди которых много новых, сложенных на традиционные эпические мотивы, летописные предания, сказки, песни, повести. Былинам сказительница учились у матери, обоих дедов — Василия и Гаврилы Крюковых, у других сказителей Золотицы и мезенских покрученников, усваивала их также из книг. Начала исполнять былины с 15 лет. Впервые несколько былин от нее записал А. В. Марков в 1899—1901 годах. В советское время записи былин от М. С. Крюковой производились в 1934 году (В. П. Чужимовым) и в 1937—1938 годах (Бородиной, Липец и Астаховой). Записаны от М. С. Крюковой также сказки, несколько песен и новые, ею созданные произведения.

Следуя исполнительской манере матери, М. С. Крюкова еще шире использует импровизацию: отдельные эпизоды она развертывает до больших детализированных повествований, включает новые эпизоды, часто уводящие в сторону от основного повествования, вследствие этого композиция ее былин лишена четкости. В исполнении М. С. Крюковой богатырский эпос нередко получает современное звучание, но общий характер былинных образов выдержан в духе традиции. Выделяя патриотическую направленность эпоса, М. С. Крюкова особенно заостряет его социальные мотивы. М. С. Крюкова принадлежит к тем современным сказителям, которые активно работали над созданием эпических произведений с современной тематикой (сам термин «новина» введен в оборот М. С. Крюковой).

М. С. Крюкова была членом Союза советских писателей. Она много раз выступала с исполнением былин в разных аудиториях Москвы, Ленинграда, Архангельска и др. За свою творческую деятельность награждена в 1939 году

орденом Трудового Красного Знамени и в 1946 году (в связи с 70-летием со дня рождения) — орденом Ленина.

Ранние записи былин от М. С. Крюковой см.: Марков; Марков, Маслов, Богословский, I. Записи 1930-х годов составили два тома в серии «Летописи Государственного литературного музея» (см.: Крюкова), часть же хранится в рукописном виде в архивах Государственного литературного музея и Института русской литературы (Пушкинский Дом). Литература о М. С. Крюковой обширна. Основные работы — вводная статья Липец в I томе «Былин М. С. Крюковой» и статья Астаховой «Беломорская сказительница М. С. Крюкова» (сб. «Советский фольклор», № 6, М.—Л., 1939).

Кубанцев М. М., 60 лет (№ 46). Казак станицы Пятиизбянской на Дону. В 1936 году от него А. М. Листопадовым произведена повторная запись песни № 46, дополнившая текст, впервые записанный от группы певцов в 1903 году (см. комментарий к № 46). Никаких других сведений о Кубанцеве не имеется.

Лопинцев Иван Корнилович, 44 года (№ 58). Крестьянин дер. Кандалакша в Каельском Беломорье. Красный партизан времени гражданской войны. Запись произведена А. М. Астаховой в 1933 году.

Меденик Л. (№ 54). Казак станицы Щедринской на Тереке. Запись произведена М. Карпинским в 1897 году. Сведений об исполнителе не имеется.

Меншиков Петр Яковлевич, 52 года (№ 3). Крестьянин с Тампасезера в Прионежье, к юго-западу от Кенозера. Запись произведена А. Ф. Гильфердингом в 1871 году. Всего записано от Меншикова 3 былины и песня о сынике Степана Разина.

По словам Гильфердинга, П. Я. Меншиков в прежнее время считался хорошим певцом былин, но ко времени встречи с собирателем позабыл большую часть того, что знал. Былинам научился частью от отца, частью от посторонних.

Записи от Меншикова см. у Гильфердинга, там же перед текстами имеется краткая заметка о сказителе.

Миронов Павел Егорович, 58 лет (№ 10). Крестьянин дер. Семеново на р. Шале Пудожского района в Прионежье. Запись произведена Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым и В. И. Яковлевой в 1928 году. Всего записано от него 3 былины. Кроме них, он знал и мастерски рассказывал сказки. Былины перенял от односельчан, Н. Р. Мироновой и В. А. Карабавина. По словам собирателей, П. Е. Миронов пел былины «спокойно, глубоко чувствуя их красоту».

Былины П. Е. Миронова напечатаны в «Онежских былинах», (изд. Гос. литер. музея, М., 1948), там же, на стр. 322 и 887, — краткие заметки о нем.

Михеев Карп Иванович, 77 лет (№ 39). Крестьянин дер. Засулье на Мезени. Запись произведена А. М. Астаховой в 1928 году. Кроме записанной былины, мог передать прозой сюжет про исцеление Ильи Муромца. Все остальные, ранее известные ему былинные сюжеты позабыл. Краткую заметку о Михееве см.: Астахова, I, стр. 226.

Никитин Федор, около 45 лет (№ 40). Крестьянин дер. Выгозеро Повенецкого уезда в Прионежье. Запись произведена А. Ф. Гильфердингом в 1871 году. Кроме опубликованной в настоящем сборнике былины, Гильфердингом записано еще 4 былины, песня о Грозном и сыновьях и 2 баллады.

Две былины и одна баллада из записанных Гильфердингом текстов были известны еще по собранию П. Н. Рыбникова, но о самом Никитине никаких упоминаний у Рыбникова нет. Гильфердинг же сообщает, что эпический репертуар Ф. Никитина сложился в Поморье, где, в Кемском уезде, Ф. Никитину приходилось часто в молодости работать. Ко времени встречи с Гильфердингом Ф. Никитин уже многое позабыл, так как по характеру службы (лесной стражник) он не имел досуга для исполнения былин. Гильфердинг характеризует Никитина как хорошего певца былин, исполнявшего их «очень приятным голосом и весьма складно».

Публикации записей от Ф. Никитина см.: Рыбников, II; Гильфердинг, II; заметки о нем см.: Рыбников, II, стр. 37—38; Гильфердинг, II, стр. 633.

Палкин Александр Иванович, 75 лет (№ 17). Крестьянин с. Большие Нисогоры на Мезени. Запись произведена Н. М. Левиной в 1928 году. Всего записано от А. И. Палкина 2 былины, он знал еще несколько, но не из устной традиции, а из книги и петь их не мог. Обе же записанные былины он усвоил от одного из стариков в Больших Нисгорах, М. Я. Иванова, оставившего после себя славу знатока былин.

А. И. Палкин был большим любителем былинного искусства, исполнял былины с увлечением. Оба записанных от него текста отличаются полнотой,стройной композицией и картинностью. В Нисгорах и окрестных деревнях А. И. Палкина характеризовали как хорошего старинщика, у которого «слово слово родит».

Записанные тексты см.: Астахова, I; стр. 307—308 — заметка о самом А. И. Палкине. См. там же комментарии к его былинам, стр. 580 и 600.

Пашкова Анна Михайловна, 73 года (№ 34). Крестьянка дер. Ярчево Пудожского района в Прионежье. Жительница Петрозаводска. Даты жизни — 1866—1948 годы. Запись произведена Е. С. Шоймером в 1939 году. От Пашковой записано 14 былин и баллад, 3 исторические песни, 10 сказок, много бытовых песен, свадебных и похоронных притчаний, полное описание свадебного обряда, множество пословиц и загадок.

А. М. Пашкова принадлежит к числу наиболее выдающихся сказителей советского времени. Ее обширный репертуар по всем традиционным жанрам фольклора несет отпечаток большого художественного дарования и творческой самостоятельности. Она создавала новые редакции былин, объединяла несколько сюжетов в сложные повествования, развертывала сюжет добавочными эпизодами, стремясь к наиболее полному раскрытию образа центрального героя. А. М. Пашкова известна также как создатель стихотворных сказов, отразивших советскую действительность. Она была членом Союза советских писателей, награждена пра-

вительственными почетными грамотами; неоднократно выступала с исполнением своих произведений в Петрозаводске, Москве и Ленинграде.

Значительная часть эпического репертуара А. М. Пашковой опубликована в сборнике Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова (см.: Парилова—Соймонов), записи других жанров — в петрозаводских изданиях: «Русские плачи Карелии» (1940), «Фольклор Карело-Финской ССР» (1941), альманах «Карелия» (вып. «Фольклор Карелии», 1938) и др. Там же имеются заметки о творчестве А. М. Пашковой. См. также некролог А. М. Пашковой в журнале «На рубеже» (1948, № 1, Петрозаводск).

Поздеев Михаил Алексеевич, 33 года (№ 25). Крестьянин с. Березово на Печоре. Запись произведена А. М. Астаховой в 1929 году во время совместного исполнения Н. С. Торопова и М. А. Поздеева. Когда-то они оба вместе работали печниками, и М. А. Поздеев научился подпевать Н. С. Торопову при исполнении им былин.

Пономарев Федор (№ 53). Казак станицы Щедринской Терской области. Запись произведена М. Карпинским в 1899 году. Вместе с Ф. Пономаревым пел В. Шамин.

Сведений об исполнителях не имеется.

Пономарев Федор Тимофеевич (по прозвищу Почошкин), 72—73 года (№ 29). Крестьянин дер. Верхняя Золотица на Зимнем берегу Белого моря. Запись произведена А. В. Марковым в 1901 году. Еще раньше, в 1899 году, тем же собирателем записаны от Ф. Т. Пономарева 6 былин (причем 2 пересказаны кратко, прозой), а в 1901 году, кроме публикуемой, — еще 6. А. В. Марков справедливо предполагает, что и 6 былин, записанных в 1870-е годы верхне-золотицким священником И. Розановым и опубликованных П. С. Ефименко в «Материалах по этнографии русского населения Архангельской губ.» (II, М., 1878), принадлежат тоже Ф. Т. Пономареву, поскольку он служил церковным старостой и, дружи с И. Розановым, нередко пел ему былины. В настоящее время предположение А. В. Маркова подтверждено П. Д. Уховым, сличившим «общие места» былин в записи обоих собирателей (см.: Русский фольклор. Материалы и исследования. II, М.—Л., 1957, стр. 137—140).

По качеству текстов Ф. Т. Пономарев должен быть причислен к лучшим сказителям Золотицы. А. В. Марков сообщает и о превосходном исполнении им былин: «Старины он поет сильным приятным голосом и как виртуоз — свободно, легко, не подыскивая выражений». В Золотице он славился как очень хороший сказитель.

Запись от Ф. Т. Пономарева, кроме «Материалов» Ефименко, см.: Марков; Марков, Маслов, Богословский, И. Там же заметки о самом сказителе: Марков, стр. 473—474; Марков, Маслов, Богословский, стр. 10.

Прохоров Никифор (местное прозвище «Утка»), 51 год (№№ 19, 32). Крестьянин дер. Буракова Пудожского уезда в Прионежье. Запись произведена

А. Ф. Гильфердингом в 1871 году; кроме него, записывал еще раньше, в 1860-е годы, П. Н. Рыбников, а в 1906 году — учитель А. С. Лесков. Всего известно от Н. Прохорова 14 сюжетов, некоторые имеются в повторных записях. Знание былин он унаследовал от отца.

По величине репертуара, по качеству текстов и исполнения Н. Прохоров должен быть причислен к лучшим олонецким сказителям. Рыбников, а в 90-е годы В. Н. Харузина рассказывают о том, какое большое впечатление производило на слушателей его мастерское исполнение. Гильфердинг сообщает, что Н. Прохоров пел «очень хорошо и плавно».

Публикация записей от Н. Прохорова: Рыбников, II; Гильфердинг, I; «Живая старина», 1906, вып. III. Литература о Прохорове: Рыбников, I, (Заметка собирателя, стр. LXXXV; II, стр. 77—78; Гильфердинг, I, стр. 411—412; В. Н. Харузина. На Севере. М., 1890, стр. 68—71).

Ростовцева Наталья Алексеевна, 69 лет (№ 38, напев № 18). Крестьянка с. Сумский Посад на Поморском берегу Белого моря. Запись текста и напева произведена А. М. Астаховой в 1932 году. Былин больше не знала. От нее записано несколько старинных песен и частушек, сказки, загадки.

Исполняла Н. А. Ростовцева былину очень музыкально, слабым, но приятным голосом.

О Ростовцевой см.: Астахова, II, стр. 654—655.

Рябинин Трофим Григорьевич (№№ 6, 18, 26, 31). Крестьянин дер. Середка Кижской волости в Прионежье. Родился в начале 90-х годов XVIII века, умер в 1885 году. Запись текста № 18 произведена П. Н. Рыбниковым в 1860 году. №№ 6, 26, 31 — А. Ф. Гильфердингом в 1871 году. Всего от Т. Г. Рябинина известно 26 былинных сюжетов, некоторые в двух вариантах, и два напева, один из них был записан Мусоргским. Главными учителями Т. Г. Рябинина были крупные мастера былинного сказительства первой половины XIX века Илья Елустафьев, Игнатий Андреев и некоторые другие.

Трофим Рябинин — первоклассный певец былин, один из лучших представителей классического былинного стиля. Его былины отличаются яркой образностью,стройной и ясной композицией, чеканным ритмом. Состав репертуара и характер разработки сюжетов обнаруживает особенный интерес Т. Г. Рябинина к героическому содержанию русского эпоса. Остро чувствует Трофим Рябинин и социальные мотивы и мастерски выделяет их в своих былинах. Ряд былин Т. Г. Рябинина постоянно включались и включаются в хрестоматии и антологии как лучшие образцы былинного творчества, один из напевов вошел в «Сборник русских народных песен Н. Римского-Корсакова» (СПб., 1876). В 1870-е годы Трофим Рябинин вызывался в Петербург, где выступал в научных обществах. Свое искусство Трофим Рябинин передал своему сыну Ивану Трофимовичу, который тоже был превосходным исполнителем былин.

Былины, записанные от Т. Г. Рябинина, опубликованы в следующих изданиях: Рыбников, I; Гильфердинг, II. Там же см. биографические сведения.

дения о нем. Записи напевов приведены у Гильфердинга. Образ Т. Г. Рябинина как исполнителя дан у Рыбникова в «Заметке собирателя» (т. I, стр. LXXVI—LXXIX). См. также: Русск. нар. поэтич. творчество, II, кн. 2, стр. 280—283; Иван Рябинин-Андреев, стр. 12—22.

Рябинин-Андреев Иван Герасимович, 47 лет (№ 13). Крестьянин дер. Гарницы Кижской волости в Прионежье. Запись произведена В. Н. Всеходским-Герингросом в 1921 году. Им же записаны были и все другие былины сказителя (Рябинин-Андреев знал 15—16 былин), но сохранились записи лишь 7 полных и двух неполных текстов и 8 фрагментов в записи на фонограф. Записи напевов производились С. И. Бернштейном. Рябинин-Андреев — пасынок Ивана Трофимовича Рябинина (сына Трофима Рябинина), от которого и усвоил весь свой репертуар.

И. Г. Рябинин-Андреев принадлежит, как и оба старших Рябинина, к представителям классического стиля былинного сказительства. Все идеально-художественные достоинства текстов Трофима Рябинина и унаследованные его сыном Иваном сохранены и И. Г. Рябининым-Андреевым. Знание былин он передал своему сыну Петру Ивановичу Рябинину-Андрееву, сказителю советского времени.

Тексты, напевы и очерк творчества сказителя см.: Иван Рябинин-Андреев.

Сказкин Михаил Ананьевич, 56 лет (№ 57). Колхозник починка Климовский Уренского района Горьковской области. Запись произведена Н. Д. Комовской в 1939 году. Ею записаны и другие его сказки. В репертуар М. А. Сказкина входят 98 сказок разного типа. Сказок на былинные сюжеты в перечне, данном собирательницей, больше не значится. Но интерес к гернической тематике проявился и во включении М. А. Сказкиным в свой репертуар сказок о Еруслане Лазаревиче и Бове-королевиче.

М. А. Сказкин — один из наиболее талантливых современных сказочников. Увлечение сказками проявилось у него еще когда он был подростком, оно-то и послужило причиной его прозвища «Сказкин», которое заменило затем его настоящую фамилию (Лебедев).

Тексты и очерк жизни и творчества этого превосходного сказочника см. в сборнике Н. Д. Комовской «Сказки М. А. Сказкина» (Горьковское обл. гос. изд-во, 1952).

Торопов Николай Самсонович, 79 лет (№ 25). Крестьянин дер. Клиновка Усть-Цилемского района на Средней Печоре. Запись произведена А. М. Астаховой в 1929 году. Кроме данного текста, записано еще 4 былины. Былинам научился от стариков на рыбных промыслах. Из других видов фольклора знал еще немного духовные стихи. Сказок не знал и относился к ним с пренебрежением.

Н. С. Торопов — один из лучших печорских сказителей нашего времени. Тексты его отличаются художественностью, стройной и четкой композицией. Пел

былины Н. С. Торопов на один напев, очень складно. Любил, чтобы кто-нибудь ему подпевал (см. заметку о М. А. Поздееве)

Тексты см.: Астахова, И. Там же (на стр. 478—479) см. заметку о сказителе.

Туцицын Леонтий Гаврилович, 40 с лишним лет (№ 7). Крестьянин дер. Ересная на Алтае близ Барнаула. Запись произведена С. И. Гуляевым в 1860-х годах. Всего от Л. Г. Туцицына С. И. Гуляев записал 7 былин, кроме того несколько исторических песен и баллад. Былинам Туцицын научился от отца.

Л. Г. Туцицын — лучший из известных нам сказителей Сибири, его варианты отличаются большой художественностью и своеобразием. Гуляев отмечает артистическое исполнение Туцицыным былин, производившее на слушателей большое впечатление, несмотря на то, что голос певца уже потерял полноту и свежесть.

Тексты былин первоначально опубликованы в сборнике Тихонравова и Миллера (см.: Тихонравов—Миллер), а исторические песни — в «Известиях Отделения русского языка и словесности» (т. IX, СПб., 1904). Вновь напечатаны М. К. Азадовским — Былины и исторические песни из южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Новосибирск, 1939 — и в сборнике «Былины и песни южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева» (под ред. В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952). В обоих изданиях помещены извлечения из письма Гуляева к Л. Н. Майкову, содержащие сведения о Л. Г. Туцицыне. Характерные черты былин Л. Г. Туцицына отмечены также Азадовским в его вводной статье (Былины и исторические песни южной Сибири, стр. 24—28) и в комментариях. См. также: Русск. нар. поэтич. творчество, II, кн. 2, стр. 296—298.

Чупов Иван Алексеевич, около 30 лет (№ 23). Крестьянин дер. Кильца на Мезени. Запись произведена А. Д. Григорьевым в 1901 году. Всего записано от И. А. Чупова 6 былин и напевы пяти из них. Былины И. А. Чупов перенял от своего отца.

И. А. Чупов — один из хороших сказителей Мезени. Тексты его былин стройные и полные (за исключением былины о Дунае, конец которой сказителем забыт). Пел И. А. Чупов, по словам собирателя, приятным грудным голосом.

Тексты и напевы см.: Григорьев, III. Там же (на стр. 360) см. краткую заметку о сказителе.

Шамин Василий (№ 53). Казак станицы Щедринской Терской области. Запись произведена М. Карпинским в 1899 году при совместном исполнении В. Шамина и Федора Пономарева (см. Пономарев Федор).

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ К НАПЕВАМ БЫЛИН¹

1. Илья-Муромец и Соловей-разбойник — Астахова, II, № XI. (Тексты №№ 6, 13, 26, 31). Запись С. И. Бернштейна 1926 года от Петра Ивановича Рябинина-Андреева, 23 года, Заонежский район, Сennая Губа, дер. Гарницы.
2. Первая поездка Ильи Муромича — Григорьев, II, № 8. Запись А. Д. Григорьева 1900 года от Степаниды Петровны Старопоповой, около 60 лет, Кулоj, дер. Каrьеполе.
3. Первая поездка Ильи Муромца — Григорьев, II, № 22. Запись А. Д. Григорьева 1900 года от Андреяна Яковлевича Сычова, 40 лет, Кулоj, дер. Сояны.
4. Первая поездка Ильи Муромца — Григорьев, III, № 7. Запись А. Д. Григорьева 1901 года от Василия Яковлевича Гяросова, 55 лет, Мезень, дер. Дорогая гора.
5. Илья Муромец освобождает Киев от Калина-царя — Григорьев, I, № 43. (Текст № 14). Запись А. Д. Григорьева 1899 года от Марии Дмитриевны Кривопленовой, 57 лет, Пинега, дер. Шотогорка.
6. Про татарское нашествие — Астахова, I, № II. (Текст № 16). Запись Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд 1928 года от Максима Григорьевича Антонова, 59 лет, Мезень, Лешуконский район, дер. Усть-Низема.
7. Камское побоище — Григорьев, III, № 54. Запись А. Д. Григорьева 1901 года от Александра Михайловича Мартынова, 68 лет, Мезень, дер. Малые Нисогоры.
8. Илья Муромец и Чудице проклятое в Цареграде — Григорьев, I, № 44. (Текст № 20). Запись А. Д. Григорьева 1899 года от Марии Дмитриевны Кривопленовой, 57 лет, Мезень, дер. Шотогорка.
9. Илья Муромец и Издолище в Киеве — Григорьев, III, № 13. Запись А. Д. Григорьева 1901 года от Артемия Егоровича Петрова, 35 лет, Мезень, дер. Дорогая Гора.

¹ Если на данный напев исполнялась былина, публикуемая в сборнике, в скобках указывается номер текста.

10. Илья Муромец и голи кабацкие — Григорьев, III, № 29. Запись А. Д. Григорьева 1901 года от Ермолая Васильевича Рассолова, 50 лет, Мезень, дер. Печище.
11. Илья Муромец и сын — Астахова, I, № IV. Запись Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд 1928 года от Варлама Матвеевича Михеева, 69 лет, Мезень, Лешуконский район, дер. Засулье.
12. Наезд на богатырскую заставу — Григорьев, III, № 3. Запись А. Д. Григорьева 1901 года от Василия Яковлевича Тяросова, 55 лет, Мезень, дер. Дорогая Гора.
13. Наезд на богатырскую заставу — Григорьев, III, № 22. Запись А. Д. Григорьева 1901 года от Ильи Андреевича Тяросова, 37 лет, Мезень, дер. Дорогая Гора.
14. Про старого — Астахова, I, № IX. Запись Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд 1929 года от Еремея Проворовича Чупрова, 39 лет, двух его братьев и сына, Печора, Усть-Цилемский район, дер. Аврамовская.
15. Бой Ильи Муромца с сыном — Марков. Маслов. Богословский, II, № 21. Запись А. Л. Маслова 1901 года от Ольги Семеновны Вопияшиной, 53 года, Архангельская губ., с. Кузомень.
16. Про Илью Муромца и голи кабацкие — Фонограмм-архив, пластинки №№ 208—209. (Текст № 33). Запись 1940 года от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет, Петрозаводск, Расшифронка Ф. А. Рубцова.
17. Поездки Ильи Муромца — Астахова, I, № III. (Текст № 41). Запись Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд 1928 года от Максима Григорьевича Антонова, 59 лет, Мезень, Лешуконский район, дер. Усть-Низема.
18. Как ездил стар — Астахова, II, № XXIII. (Текст № 38). Запись А. М. Астаховой 1932 года от Натальи Алексеевны Ростовцевой, 69 лет, Беломорский район, дер. Сумский Посад.
19. Илья Муромец и станишники — Григорьев, II, № 37. Запись А. Д. Григорьева 1900 года от Василия Ефимовича Попова, 22 года, Кулой, дер. Сояны.
20. Ох, не белые снежки забелелися [Илья Муромец и станичники] — Русские народные песни. Музгиз, 1950, № 1. Запись М. Е. Пятницкого 1910 года от Аринушки Колобаевой и других крестьян Воронежской губ., Боровской уезд, с. Александровка.
21. Об Илье Муромце и Тугаровых зверях — А. Ядов, 50 песен русского народа, СПб., 1903, № 6. Запись И. В. Некрасова и Ф. И. Покровского 1901 года, Инженеродская губ., Балахнинский уезд, с. Городец.
22. Илья Муромец и Самсон-богатырь — Русские народные песни казаков-некрасовцев, записанные Т. Сотниковым, М.—Л., 1950, стр. 23. Запись Т. И. Сотникова 1946 года от казаков-некрасовцев на Кубани в колхозе «Красное Знамя» Приморско-Ахтырского района.

23. Илья Муромич — там же. Запись Т. И. Сотникова 1946 года от казаков-некрасовцев на Кубани в колхозе «Красное Знамя» Приморско-Ахтырского района.
24. Илья Муромец выезжает в поле — Листопадов, 1949, № 1. (Текст № 45). Запись А. М. Листопадова 1903 года на Дону, станица Клетская.
25. Илья Муромец-Кузютушка собирается во дики степя — Листопадов, 1949, № 2. (Текст № 46). Запись А. М. Листопадова, 1903. 1936 годов на Дону, станица Пятиизбянская.
26. Илья Муромец на речке Смородинке — Листопадов, 1949, № 4. (Текст № 49). Запись А. М. Листопадова 1903 года на Дону, станица Распопинская.
27. Илья Муромец у ворот Киева — Листопадов, 1949, № 6. (Текст № 50). Запись А. М. Листопадова 1902 года на Дону, станица Усть-Быстрянская.
28. Илья Муромец и целовальнички — Листопадов, 1949, № 7. (Текст № 51). Запись А. М. Листопадова 1902 года на Дону, станица Кочетовская.

УКАЗАТЕЛЬ РАЙОНОВ ЗАПИСИ ТЕКСТОВ¹

- Архангельский край — №№ 12, 22, 30.
Горьковский край — № 57.
Дон — №№ 45—51.
Зимний берег Белого моря — №№ 8, 15, 21, 24, 29,
36.
Кандалакшский берег Белого моря — № 58.
Мезень — №№ 9, 16, 17, 23, 39
41.
Оренбургский край — № 52.
Печора — №№ 2, 25.
Пинега — №№ 14, 20, 37.
Поморский берег Белого моря — № 38.
Прионежье — №№ 1, 3, 6, 10, 13, 18
19, 26, 31—35, 40.
Сибирь — №№ 4, 7, 11, 28, 43.
Средняя Россия — №№ 5, 27, 44, 57, 59
Терек — №№ 53—55.

¹ Указание мест записи не совпадает с административным делением

СЛОВАРЬ ОБЛАСТНЫХ И СТАРИННЫХ СЛОВ

алабыш (*Кабы дает Добрынюшке потяпышу, а прибавил бы Добрыни по алабышу*) — блин, здесь образно, в значении удара ладонью по телу.

алиентарный — ориентальный, восточный.

аравийский — аравийский.

базыка (*старая базыка новодревная*) — базыга, старый хрыч.

баса (*не ради басы, ради крепости*) — краса, украшение.

басота — красота.

безвременьице (*Надо мною будет, братци, безвременьице*) — невзгода.

белойровая пшеница — светлая, отборная. Постоянный эпитет пшена в былинах, указывающий на высокое качество.

блад — млад.

бодра — бедро; на косу бодру — с размаху.

борзый — проворный, прыткий. В былинах эпитет соболя.

братаин — здесь в значении названого брата.

братьиночка — стона или ковш для напитков.

брузаменский (*брузаменское копье*) — искажение слова мурзамецкий. Эпитет коня. См. мурзамецкий.

брусамёнчатый — то же, что брузаменский.

буланова — (*татарева-буланова*) — то же, что улановия, уланы, ханские чиновники, ханский конвой.

буркать (*чтобы по ногам они не буркали — о веслах*) — вертеться, издавая гул.

вальяк (*Как уж пуговки были вальячныя, того же вальяку красна золота*) — литая, чеканная работа, от льяк, ляк, льяло — форма для литья.

вальячный — литой, чеканный, см. вальяк.

вёлий — великий, большой.

вельма, вельми — весьма, очень.

веретно (*Муницая на тебе — ведь веретном тряхнуть*) — то же, что веретено; веретеном тряхнуть — в значении простая, бедная. Ср.: не веретеном трясти — о деле, которое требует рассудка (Даль).

взбрұда (*взбрұда латная*) — см. с бруда.

взлепетать — заговорить.

винтовать (*шурмует и винтует на коне Илья Муромец*) — лжигитовать, наездничать.

в обрат — обратно, назад.

вонный (*Пролетел он на вонную сторону с простеночком — о ноже*) — внешний, наружный.

воспылать (*На том на славный столиный Киев-град воспылал собака ли царь Калина*) — распаляться страстью, гневом.

втапоры — в ту пору.

вывет (*Они рубили силу нунь без вывету*) — исключение, изъятие.

выздынуть — выздымать, подымать.

вырука — то же, что выручка.

выть (*К выти все быка я съем*) — пора еды, час еды.

голи — голытьба, бедняки.

гольящий (*Отвязыват Соловья... от того спременышка гольяшного*) — то же, что вальяжный, см. вальячный.

гриевны (*княженецьки-то светлы гриевны*) — вместо гридни.

гридня, гридница — приемная палата древних князей.

гуйя — верхняя одежда; худая, нетхая одежда, рубище.

держать (*Некому держать-тбщить да золотой казны*) — издерживать, тратить.

дети боярские — сословие в древней Руси, получавшее от правительства участки земли с обязательством нести военную и земскую службу.

дивный (*Дивъя мне потыкатися*) — не диво.

долонь — ладонь.

домовище — гроб.

дородный (*дородный молодец*) — рослый, плотный; статный, видный.

дыбучий (*лузя дыбучие*) — болотистый, от дыбун (зыбун) — топкое болото, трясина.

едань — поляна в лесу.

ерлык — см. ярлык.

есаул — помощник, подручник военачальника.

ёсень (*сонечёй идет на ёсени*) — то же, что ясень, ясное небо.

жавролёночек — жаворонок.

жалуха (*Ёны били друг друга да не жалухою*) — жалость; не жалухою — без жалости.

жаровный (*Вышибал выше дерева жарового*) — рослый, высокий.

за беду стало — показалось обидно, оскорбительно.

заведь (*Застоялась у старого да в заведи рука*) — сочленение кисти и предплечья.

завозенка — конюшня, сарай.

зарорыдать — зарыдать.

загре́зить (*а другую беду они загре́зили*) — набедокурить.

загутарить — заговорить.

задлёншина — житель задлённой стороны, окраины, от слов: за Двиной — задлениный. См.: Марков, стр. 567.

заздынуть (*Заздынул он ручку выше головы*) — поднять.

зазрить — завидеть.

заклинаться — зарекаться, закаиватьсья.

заколодеть (*Заколодела дорожка, замуравила*) — быть завалену колоднем — деревьями, сучьями.

закорытъся — начать возражать.

залегать (*А залегла та дорожка...*) — заглохнуть, быть покинутым.

залечь (*И залег ее дорогу Соловей-разбийник*) — сделать залеглым, заглохшим.

заматъ, заиматъ (*што ты меня замаешь?*) — затрагивать, задирать.

замочь (*замогли-то продувать да ветры буйные*) — в значении не мочь.

замузгать (*Ай замузгал-застонул во целый голос*) — см. замызгать.

замурягть — застисти травой.

замызгать — залаять, завыть.

зарыснуть (*Как зарыснула у коничка права нога*) — задеть за землю.

затальчать (*Да затальцят мои серебреные колечушки*) — зазвенеть, забрякать.

зашибчивый (*На речах у меня Добрынюшка зашибчивой*) — невоздержанный.

збунчать — зазвенеть.

здреть — то же, что зреть, глядеть.

здынуть — поднять.

знаменоваться (*Тут и Киев-град знаменуется*) — виднеться.

зобать (*Оны зоблют пшеницу белоярову*) — есть что-нибудь мелкое, рассыпающееся.

зычать — кричать, гаркать.

грéний — конская масть: рыжий, с гривой и хвостом белесоватыми, светлее стана.

звихаться (*А копейца у их да извихалисе*) — изогнуться.

вотчина (*Тибя как величают по извотчины?*) — отчество.

издивляться — удивляться.

изрыганье — брань, поруганье

искошить — яма от удара копытом или ком земли из-под копыта.

каленá стрела — закаленная.

калика (*калика перехожая*) — странник, паломник.

камчатка — то же, что камка, шелковая цветная ткань с узорами и разводами.

канон (*И просили у него пить того канону заветного*) — то же, что канун, сваренные к празднику пиво или мед; (*каноны читать*) — молитва.

каракá, караки (*Привязал ёво коню во караки*) — см. торокá.

кивер — военный головной убор.

клюхá, клюша — то же, что клюка.

комель — нижний конец дерева.

конёжки (*Конёжки на ножках семи шелков*) — вместо кенёжки, кеньги — обувь без голениц, головка с подошвами сверх сапог.

конничек (*Зашел Илья Муромец с конничка*) — то же, что коник — лавка ларем для спанья у дверей.

корзинí (*А он на корзинí да потыкается — о коне*) — неровности почвы, от корза — неровная поверхность чего-нибудь; валежник, от корзатъ — обрубать, соскребать ветки с дерева (?).

корокá — см. торокá.

корчагой согнуть — смять, подломить.

коса сажéнь — от конца большого пальца вытянутой ноги человека до конца указательного пальца поднятой руки противной стороны, наискось (Даль).

косы́счатый (*окошечко косисчато*) — то же, что **косящетый** — с косяками.

коси́ца — висок.

косявческий — см. **кося́счатый**.

кошулечка — кошуля, крытая сукном меховая шуба.

кравчий — придворный чин в старины: кто рушил за столом жаркое, пироги, от слова *кроить* — рушить.

крякови́що (*дуби́що крекови́що*) — то же, что кряковистое, кряжистое.

крестобо́й брат — названный брат, по-менявшись нательным крестом.

кружало — питейный дом, кабак.

крупнческий — то же, что крупчательный — рассыпчатый.

кукорач — карачки, четвереньки.

куренá, курено (*Во чистом поле куревá стоят*) — пыль от подымаемого на воздух песка или сухой земли.

лайстница — лестница.

лохалище — то же, что лоханище, большая лохань.

лузя — то же, что лузи, луга.

мамурский (*Две куницы мамурские*) — с Амура(?).

матёрый (*Стар матёр человек*) — большой, дородный.

матица (*Кого поставить в середку силы, в матицу*) — поперечный брус, поддерживающий потолочную настилку; здесь в значении середины.

медвя́ный (*питьесюо медвяное*) — медовый или сладкий, вкусный, подобный меду.

меди́-ко́зарочка — козарская или хазарская медь.

меженны́й (*меженный день*) — летний, от слова *межень* — середина лета.

мелкотравческий (*потянута шуба всё камчаткой мелкостравчай*) — покрытый мелким узором.

меч-кладенéц — булатный, стальной меч.

морок (*В мороку-тумане нынь худо видитце*) — мэрэво, мгла, сухой туман.

муни́ция — амуниция, одежда.

муржаме́цкий, мурзаме́дкий (*копья муржаме́цкие*) — татарский, восточный, от слова *мурза*.

мурзале́цкий — см. **муржаме́цкий**.

нага́лище — ножны.

нае́дки — сласти.

наиспа́шечку (*угостили меня Илья да наиспа́шечку*) — набтмашь, с размаху.

на́карач — на карачки, на четвереньки.

након (*размахнулся во второй на-кон*) — раз, прием.

на ку́карач — см. **на́карач**.

накури́ть (*И накурил он беды не-сносныя*) — набедокурить, напрокатить.

налу́щен, налу́шник, налу́чен, на-лúче — чехол для лука.

на ма́стырь — монастырь.

наотворо́т (*Наотворо́т того други́ говорят*) — в ответ.

наперелúч — наперerez.

напу́с — то же, что **напуск** — натиск.

насадка (*По насадочкам копья по-верталисе*) — место, где железный.

конец копья — прикрепляется к пике.

нать — надо.

немного — немного.

непроборный (*дитяtko непроборное*) — непроворный.

обзариться — то же, что позариться, страстно захотеть.

ободвёрина — притолока или косяки у двери.

обратно (*Когда выпил, странники обратно начинают спрашивать*) — снова.

оброть — конская узда без удил для привязи.

оглупаться (*Не знать оно оглуpаетсѧ — про Идолище*) — теряться, лишаться присутствия духа и соображения.

одинакий (*была дочь одинакая*) — единственный.

однова (*Вот он его на земле и ударил однова*) — один раз.

окатистый (*горы окатистые*) — с окатами, крутизнами.

окол (*Он сини моря-ты на окол скакал*) — окружность, на окол — въезд, кругом.

околенки — то же, что оконенки, оконные рамы; иногда — оконные стекла.

окольный — находящийся вокруг чегонибудь; скамеечки окольные — идущие вокруг столов.

окопылиться — околеть, издохнуть.

окораччиться (*Под Илью конь окорачился и падал ведь на кукорач*) — падать на четвереньки.

опережъ — то же, что опередь — наперед, сперва.

опочив держать — почивать, спать.

опочик, опочайн — см. опочив.
опочинуться — уснуть.

опружинка — то же, что подпруга.

опутья, опутьни — то же, что путы.

органы (*Вот задернули в органы-ти железные*) — вместо арканы, в значении кандалы (?).

оставеш (*Оставлен есть оставеш на дороженьки*) — оставленный в пути.

остояться (*Остоялся Илейко у ободверины*) — остановиться.

отрушить (*от ковриги краюшечку отрушашёт*) — отрезать, отломить.

отужинка — ремень или веревка для укрепления седла.

отчина (*ты скажи нам свою отчину*) — родина, отчество.

очесливый — умеющий воздать честь, обходительный.

павелы (*павелы и юлавелы ишише та его сила неверна жа*) — вместо панове.

павозка, павозок (*Убирался Батый-царь... на мелких судах, на павозках*) — большая лодка об одном прямом парусе.

пал — выжженное в лесу место для распашки.

паленица (*паленица удалая*) — богатырь, богатырка.

паместь — то же, что память.

паробок — то же, что парубок, слуга.

парух — парубок.

пеловой мешок — то же, что пеляной — мешок с золой, с пылью.

пернясчатый — пернасчатый, пернатый, оперенный.

плавь (*чудны иконы по плавь реки*) — течение.

плис — бумажный бархат.

пляштый (*Богатырско серцо... пушше пляштово мороза разгораетсѧ*) — палящий, жгучий.

повызывать — поднять.

поджиматься (*А Владимир-князъ... по палаты ходит, поджимаетсѧ*) — ежиться от тревоги.

подколёный (*князья подколенные*) — подвластный, младший, от колено — семья, род.

подколбдник — разбойник, грабитель.

подмолчивый (*злыe бояре подмолчивые*) — сплетник, доносчик.

подпинаться — спотыкаться.

подпруга, подпружка — ремень, которым укрепляют седло.

показаться (*И показалась она ему оченно*) — понравиться, покориться.

покляпый (*у березы у покляпья*) — кривой, наклоненный в одну сторону.

поленивать — наездничать.

половка (*все дубовые половки подгибаются*) — половица.

полон — плен.

полонить — взять в плен.

полотно (*Он спустил коня к полотну белому*) — в значении шатер.

подъиковать — ездить в поле воевать.

полявийца — см. паленица.

помитуситься (*Ставники в его оконках помитусились*) — покривиться.

помозгать — см. замызгать, замузгать.

поправиться (*Постой, баба-яга... я с тобой поправлюсь*) — в значении расправиться.

поприще (*Не доехал Илья три поприща*) — путевая мера, около 20 верст.

попрыск (*попрыски богатырские*) — след.

порато (*Они порато приросхвасталися*) — очень, сильно.

посмех — осмеянье, поношенье.

посыльный (*посыльная грамота*) — посыльский.

потыкаться — спотыкаться.

потяпыш (*Кабы дает Добринюшке потяпышу*) — удар ладонью по телу, оттяпнуть — ударить.

похабно (*А не к лицу пришло, стало похабно есть*) — оскорбительно.

похватка (*Выучил Святогор Илью всем похваткам, псаждкам богатырским*) — прием, ухватка.

пощорбаться — см. прищербаться.

предвидеть (*Ничего ведь мы от князя не предвидели*) — видеть, получать.

прибирать — подбирать.

приборный (*Прибирал свою братию приборную*) — подобранный.

приободрать (*Как туман-то в поле приободроло*) — раздернуть.

пристянуть — пристегнуть.

пришпехи (*ради тех-то пришпехов богатырских*) — то же, что приспехи, доспехи.

прищербаться (*А сабельки-те у их прищербалисе*) — получить зазубрины.

прогрязнуть (*Я прогрязну в первы ямы-подкопы глубокии*) — обрушиться, провалиться.

пядь (*Да промежду глазами пядь бумажная*) — мера в четверть аршина, протяжение между большим и указательным пальцами.

пята (*На пяту-то дверь ты пораз-
махивай*) — нижний шип. На пяту
отворять — распахнуть настежь.

разгорчивый (*Богатырско сердо раз-
горчиво и неуёмчиво*) — пылкий.

раскарякою — то же, что раскаря-
чать — растопырив ноги.

ремёнчат стул — складной на рем-
нях.

росстань, росстаньюшки — перекре-
сток, пересечение дорог.

рытый (*скамсечки-ти рыта барха-
та*) — узорчатый.

рыть (*Да он рыл-то ты кусочки по
чисту полю*) — бросать.

сагайдак — лук, налучник.

самохиньской (*самохиньской шелк*) —
то же, что шамаханский, и Ше-
махи, восточный.

сброда — принадлежности воинской оде-
жды, от сбираять.

середа (*Выходил на середу кирпич-
ную*) — передняя часть помещения
с каменным полом.

скачный (*скачный жемчужок*) — то
же, что скатный — крупный,
круглый, ровный, точно скатан-
ный.

скидывать — скидывать.

скошеваться (*Как неверно собрание
скошевалось*) — образоваться, со-
браться.

скудеться (*Подай... мне, нищему,
подаяние — я уж очень скудею-
ся*) — нуждаться.

собруняться (*Ишие стал тогда
Ильюшка собрунятисе*) — облекать-
ся в броню, в латы.

сорма (*сормы опасные*) — перекат,
порог в реке, попечная грядка,

мелъ; проток между озерами и ба-
лотами.

соснётый (*слава сосветная*) — все-
светный.

сосдальник — посынец.

спальчив (*Ты не буди ты спальчик,
буди милослив*) — гневен.

спичечка — деревянный гвоздь в сте-
не, на который вешают полотенце,
платье и т. п.

срывочный бой — сшибка, отдельное
столкновение.

ставиться (*Он не старится, да ѹ
лучше ставится*) — становиться.

ставник — ставень, деревянный запор
к окну.

ставичник, станишник — разбойник.

старыньшина — старейшина.

степь лошадиная — то же, что степь.
степи — хребет конской шеи, вдоль
гривы.

столичник — доска в верхней части
стола.

стрельная башня — с которой стре-
ляли.

ступень (*Шириную эта шлях-доро-
жичка... всего три ступні*) —
шаг.

ступеньце (*Одевает ступеньце на
босу ногу*) — лапоть, домашние туф-
ли без задка.

сугон — погоня.

съть (*А ты волчья съть*) — корм, еда.

тасманный (*Накладыват уэдицу тас-
мянную*) — тесьманный.

тать — вор.

тисовый (*кроватка тисовая*) — из ти-
сового дерева.

тма (*Силы по три тмы, по три ты-
сячи*) — десять тысяч.

токо — только.

торока (*В торока вяжет палицу боевую*) — ремни или мешок для привязывания позади седла.

трипетоный (*А трунь на калики трипетова*) — оборванный, в лохмотьях.

трунь — отрепье, лохмотье, обноски.

тумашиться (*Не тумашитесь, мои малы детушки*) — суматошиться, суетиться.

тусён (*Ишише буду я как баран тусян*) — тучен.

увётливый (слово *увётливо*) — приветливый.

угористый (*шёломя угористо*) — волнистый.

удробиться (*Илья Муромец не удробился*) — сробить, испугаться.

ужахну́ться — ужаснуться.

укатистый (на *гору на укатисту*) — вместо *окатистый* — крутой, обрывистый.

уливаться слезами — обливаться.

удовное место — место, где встретились.

упадка (*Он в гридину идет не с упадками*) — упадок духа; не с упадками — смело, безбоязненно.

упахачь (*Ничего не могли упахать с Никитушкой*) — в значении одолеть.

упрүжинка — то же, что подпруга.

урывочный бой — в значении случайногобоя, урывком.

утых (*Как не днем-то не ночью да утиха нет*) — успокоение.

уходить (*Ухожу я своёю-то родна батюшка!*) — погубить.

учать — начать.

учёветовать — участвовать, почтить.
фамилия (а короля и всю его фамилию поставил к себе под руки) — семья.

фланк — вместо *фланг* — бок, сторона.

хайлище — огромная пасть.

хребетунец — хребет.

цевьё (у палок *цевъя отломалися*) — рукоять.

целовальник — нанятый приказчик, который «целовал крест» на верной службе; наименование утвердилось за торгующими в кабаках.

чанжалище — вместо *чин жа ли що* — большой кинжал.

чембур (*Связали... во крепки чембуры шелковые*) — повод, уздечка.

черкальский (*черкальское седло*) — черкасский, черкесский.

чёрнедь — чернь, простолюдины.

чернизина — черное пятно.

чета (не *моя чета*) — ровня.

чота — см. *чета*.

чулиться — откликаться.

чумаки-деловальники — продавцы казенного вина; см. *целовальник*.

шабёр — сосед.

шанцы — окопы.

шёймы — якорные канаты.

шёлёмчат колпак — шлем.

шёлудивый — покрытый струпьями, коростой.

шельга (*шельга подорожная*) — шельга, плеть, кнут.

шемахильский — из Шемахи, восточный.

шишак — шлем.

шлях-дороженька — тракт, торная дорога.

шоломя — холм.

шурмовать — в значении джигитовать, наездничать.

щепливый (*походка у неи щепливая*) — щегольской.

юлавелы — вместо улаиове, ула-

новья — ханский конвой в эпоху татарских нашествий.

ярлык — указ, грамота.

ярыга кабацкая — пьяница, шатун.

ясаул — см. есаул.

ясень (*красно солнчишко пекло у нас на ясени*) — ясное небо.

ясок, ясак — голос, условный звук.

яфант — вместо яхонт.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ В ТЕКСТАХ¹

Алеша, Алеша Попович, Попов, сын Попов, Поповский сын 86—88, 90, 177, 178—181, 307, 327—329, 377, 383—385, 387, млад 86, 287, Алешинька, Алешичка Попович сын 113, 179, Алешка 178. См. Олеша.
Апраксевна, душа княгиня 25, Апраксия, княгиня, Апраксéя 86, 88, 89, 134, Апраксина, княгиня, Апраксина-королевицна, княгиня 137, 383, 384, 388, 390. См. Опраксeя.
Арависькая гора 129.

Батый, Батый-царь, Батыевич, сын Батыевич 84, 85, 87—91, 327.
Белеюшко (конь Ильи Муромца) 172.
Бова-королевич 342, 343.
Борис-королевич, королевич сын 42, млад 112—115.
Борисёвы, три брата, Борисовы, братыща 121, 122.
Брянские леса, Брянские, Брынские 20, 21, 27, 28, 355, 357, 358, 369, 376, 379—381, 386, 387.
Бурка, Бурка Вещий, косматый 335, 336, 363.
Ванька, енеральской сын 192, 193.

Ванюша, Ванюшко, боярский сын, богатырь 192, 193.
Василий Пьяница, Игнатьев 79, 83. См. Пьяница.
Васька Долгополый, Васька 177, 178, 245, 246. См. Долгополый Васька.
Вахрамеевна (мать Еруслана, сына Ильи Муромца) 345.
Веспасион (сибирский царь) 372.
Владимир-князь, Владимир, Владымир, Володимир, киевский, стольне-киевский, ласковый, солнышко, красно солнышко, красное солнышко свет, ласково солнце, славный, батюшко, свет, великий 16, 23—25, 29, 31, 37—40, 45—47, 55, 56, 64, 69, 74, 78—81, 83—85, 88, 89, 92—94, 97—100, 104, 105, 108, 112—115, 117, 120, 121, 124—127, 130, 131, 133, 134, 144—147, 150, 169—173, 176, 187, 198, 203, 209, 227—233, 238—240, 243—246, 249—251, 254, 255, 257—260, 262, 319, 320, 322—325, 327, 328, 330—332, 334, 336, 340, 355—361, 365, 366, 370, 372, 374, 379, 383—390, Владимир, князь 255, 259, Владимир Всеславьевич, солнышко Всеславьев-

¹ Цифры обозначают страницы. Пояснения в скобках — от составителя, без скобок после запятой — былинные, предшествующие названию; приводятся также сопровождающие имя или название эпитеты.

- вич 355, 356, 361—368, 374. См. Сеславьев.
- Волга 288.
- Вольга Сеславьевич 10.
- Воронеюшко, добрый конь 128.
- Гришка Боярский, Боярский сын 177, 178.
- Грязь Черная 32, 35, 38.
- Дмитрий Александрович, князь 340.
- Днепр 336, Днепр-река 43, 46, 336, батюшко 43.
- Добрынин широк двор 222, Добрынина избушка 222, родна матушка 227, 260, Добрынино подворьицо 257.
- Добрынькина родна матушка 258.
- Добрынюшка 88, 179, 186, 187, 193, 194, 203, 204, 208, 220—222, 225—227, 230, 256, 285, 306, молодой 232, Микитич, Миктин сын, Микитинич, Микитинец, Микитинич молодой, Никитич, Никитич млад. Никитич сын, Никтин сын, Никитинич, свет Никитинич 116, 117, 123, 192, 203, 209, 210, 220, 222, 225, 227, 232, 236—238, 250, 251, 258, 264, 285.
- Добрынюшкина матушка 258, 263, 264, родна матушка 257, 260, 263, 264, участъ 226.
- Добрыня 139, 142, 178—180, 183, 186, 187, 204, 209, 220, 226, 232, 285, Никитич, Никитич млад. сын Микитич 86, 87, 139, 140, 177, 179—181, 186, 230, 257, 327—329, 365, 377, 378, 383—385, 387, 388, боярин 367.
- Долгополые, два брата 201, 203.
- Долгополый Васька 245. См. Васька Долгополый.
- Дон, тихий 308. Дон-река 288.
- Дунай 203, сын Иванович 201, 203, Дунаюшко Иванович 123.
- Дунай-река 89.
- Дюк Степанович 307, 334—336.
- Елейка 118. См. Илья.
- Ердань-реченка 153, 154.
- Еросбим 153, 154.
- Еруслан, Еруслан Ерусланович 344, 345.
- Ефросинья Яковлевна (мать Ильи Муромца) 313, 319.
- Жидовская земля 178.
- Залешана, мужики 24.
- Збродовичи, семь братов 24.
- Златыгорка (мать Сокольника) 183, 206, баба 183, 184, 187, 191, поленица 206.
- Золотая земля 77, 124.
- Иван Тимофеевич, Иван (отец Ильи Муромца), крестьянин 25, 313, 319, 357, 361, 375, 379.
- Ивана два Ивановича 148.
- Иванице, Иваницо, каличище, могучее, Иваи 151, 153—155, 160, 332.
- Ивашко Долгополый 186.
- Идолище Поганое, хан, Идолище, Идолище, поганое, проклятое, нечестивый, неверный царь, царишило 133, 150—159, 169—171, 173—175, 327, 331—333, 378, 379, 389, 390. См. Издолище. Индолище. Одолище, Удолище.
- Издолище, Издолище, поганое 133, 134, 138, 140—142, 205, о трех головах 141. См. Идолище.
- Илеюшкино несчастыице 189.
- Илиа, Илия 357, 358, 361, 367, 368. См. Илья.
- Илиа-пророк, Илья-пророк 357, 358, 361.

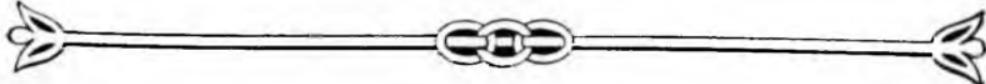
- Илиин отец 357.
 Ильина мать 362.
 Ильюшины дороги гости 239.
 Илья, Илья Муромец, Муровец, Муромич 9—29, 31, 32, 35, 38—41, 43—45, 47—49, 54, 57, 58, 66—68, 70, 74—76, 80—84, 89, 90, 103, 106—109, 115, 124, 127—131, 134, 137, 139, 143, 150—154, 156—162, 165, 167—177, 179—183, 192—194, 197—200, 207, 210—213, 216—221, 228, 230, 231, 233, 234, 236, 238, 240, 243—246, 249—252, 254—261, 263—267, 271, 272, 284—288, 291, 292, 294—297, 299—308, 313—316, 319—333, 336—345, 347, 349, 352, 355—358, 360—374, 375, 376—390, Иванович, сын Иванович, свет Иванович, Иванов сын 20—25, 31, 38, 121, 127, 129, 134, 138, 147, 172, 173, 175, 192, 218, 227, 244—246, 250, 251, 257—261, 265, 280, 283, 285, 348, 350—352, 360, 364, 366—370, 372, 373, 374, 377, 379, 384, 386, крестьянский сын 9—12, старый казак, казак, славный казак 35, 37—42, 44—48, 54, 57, 80, 83, 87, 88, 90—92, 98—111, 114, 115, 117, 122, 127, 131, 134, 137, 138, 154, 157, 159, 161, 167, 168, 171, 183, 187, 189—191, 204, 208, 210, 212—216, 219, 221, 222, 226, 228—237, 243—251, 262, 263, 272—274, 276, 280, 283, 308, славный и храбрый богатырь, сильный богатырь, большой богатырь, старая старынишина, осударь 130, 178, 179, 192, 221, 222, 225, 227, 322, 324, 325, 330, 332, 346, 375, 384, старый старенъкой 146, 147, Илейко, Илеюшка, Ильюша, Ильюшка, Илюха, Илюшенъка, Ильюшунька 27, 55, 60, 63, 67—70, 86—89, 90, 91, 117, 119, 154, 156, 160, 182, 183, 188, 221, 222, 226, 227, 234, 237—240, 265, 266, 287, 291, 292, 297—299, 347, 355, 356, 360, 364, 369, 370, 377, 379, 384, 386. См. Елейка, Илия, Муровец. Индия, Индия, богатая 269, 273. Индолище, Индолищо, поганое, проклятое 70—72, 75. См. Идолище. Иоан Елефериевич (отец Ильи Муromца) 367.
- Каин, Каин-царь, собака, собака-царь, Калинович 124—127, 130. См. Калин. Калин, Калин-царь, Калина, собака, собака-царь, злой, злодей, собака-злодей, проклятой, Калинович, злодей Калинович 77—83, 92—94, 97, 98, 107, 108, 111, 112, 129. См. Каин. Кама 288. Камчатка 278. Каптяево, Каптево, сельцо 357, 360. Карабаёва, деревня, Карабаево, село, Каракеево, Корочаево, Каракарово, Каракирово, Качарово 9, 20, 24, 31, 49, 56, 74, 170, 266, 272, 313, 322, 323, 325, 357, 360, 377, 379, 384, 386. Карагага, реченька 15. Качаровская славная реченька 266. Кидош-город, град 42. Киев, Киев-град, Кенів, славный, стольный, красен, крашен, красной 16, 20, 23, 25, 27—29, 31, 32, 37, 38, 41, 42, 44, 45, 49, 50, 54, 55, 64, 66, 69, 74, 75, 78—80, 82, 84, 85, 87—89, 94, 98, 100, 104, 110—114, 116, 117, 122, 124, 125, 129, 130, 132—134, 137, 138, 143—146.

- 150, 157, 158, 160, 161, 165, 167—
170, 172, 174, 177, 178, 184, 185,
187, 188, 190, 194, 200—203, 208,
209, 226, 227, 232, 233, 238, 239,
243, 244, 250, 252, 258—260, 265,
266, 287, 299—302, 306, 319, 320,
322, 323, 330—332, 336, 337, 355,
356, 358—364, 365, 367, 368—372,
374—376, 379—389.
- Кинешма** 362, 363, 365.
- Корела проклятая** 269, 273.
- Костянтин**, царь 156, Атаульевич 161,
165, 169, Боголюбов, Боголюбович
155—157, 159, 160.
- Кремль-город** 267.
- Кудреванко**, Кудреванко-царь Кудрева-
нович, Кудреван Кудреванович 142,
144, 146, 148.
- Кудреванкова сила**, силушка 143—
149.
- Кузютушка** 292—294.
- Куликово поле** 91.
- Кутузово**, село, Кутузовы села 356,
370.
- Лаптева**, деревня 361.
- Левонидов крест** 32, 35, 38.
- Литва** 213—215.
- Лоншек** (сын Калина-царя) 79.
- Магомет** 345.
- Мариинский переулок** 250.
- Маринка Кайдаловка** 198.
- Микита**, Микитушка Романович (отец
Добрыни Никитича) 220.
- Миколая Моженского святителя монастырь** 271.
- Микулов род** 10, 315.
- Могозея богатая** 77.
- Москва**, каменная, славная 194, 198,
200, 201, 267, 268, 306.
- Москва**, река 161.
- Московское царство** 267.
- Муро́вец**, **Муромец**, Муромич, Муром-
цова сила 27, 29, 299, 316, 360,
385. См. Илья.
- Муром**, город, Муром-град 9, 14, 20,
46, 49, 50, 56, 170, 266, 313, 322,
325, 355—357, 360, 362, 364, 365,
369, 370, 376, 377, 379, 380, 384—
386. славный город, столенный 24,
74, 355, 361, 362, 367, 375.
- Муромль** 31, 38, Муромъский город
266.
- Муромски леса** 288.
- Непр**, быстрый 77, Непра-река, Непръ-
река, славная 68, 264. См. Днепр.
- Никита** (Добрыня Никитич) 90.
- Никита Заолешанин**, Никитушка 228,
229.
- Николай**, угодник божий 91.
- Николай-чудотворец** 368.
- Одолище**, поганое 150. См. Идолище.
- Олеша**, Олеша Попович 31, 113, 139,
203, 208, 249, Олешка Попович
251. Олешенька, Попович, попов-
ский сын 126, 145, 186, 192, 193,
249, млад, блад 123, 145, 201.
Олешенка Григорьевич 208. См.
Алеша.
- Омельфа Тимофеевна** (мать Добрыни
Никитича) 220, 222, 225, 227, 257,
пречестна вдова 260.
- Онтоний**, монастырь спасённый 129.
- Опраксия**, княгиня, Опраксия, короле-
вична, Опраксия, Опракса, Опра-
ксеюшка 100, 122, 123, 126, 127,
145, 161, 162, 169, 171, 173, 187,
209, 232, 233. См. Апраксевна.
- Орда** 367, темная 112.
- Пересмяка со племянничком** 123.
- Пересмякина племянник** 262.
- Подсокольничек** 199—201.

- Полкан, Полкан-богатырь млад 24, 287.
 Почай-река 89.
 Пьяница 83. См. Василий Пьяница.
 Рассеюшка 306.
 Рахматич, разбойник 63. См. Соловей.
 Рим 367.
 Российское государство 267.
 Россия 340.
 Русская земля, землюшка 320, 326, 328, 331, 332.
 Русь, святая 27, 198, 200, 215, 216, 320, 326, 339, 373, 374.
 Рязань, Рязань-город, Рязанюшка 220—222, 227.
 Салтан, Салтан Салтанович, сын Солтанович, молодой, большой 142, 144, 146, 285, 286.
 Салфа-река, Салфецкий крут бережок 218.
 Самородина, река, Самородинка, речка 27, 29, 300. См. Смородина.
 Самсон, Сампсон, Саксон, Самсон-богатырь, Колыбанович, Колыванович, Самойлович, Сильния 10, 24, 89, 90, 103—105, 109, 123, 139, 201, 327—329.
 Саратовы леса 129.
 Сартак (зять Калина-царя) 79.
 Святогор, Святогор-богатырь 9, 12—14, 16—19, 315, 325—327.
 Святогоров меч 13, 14.
 Святые горы 13, 16, 18, 19, 325—327.
 Себеж, Себеж-град, Себежин град 355, 357, 358, 361, 368, Себеж Сибирской 370.
 Сеславьев, солнышко (князь) 41, 42. См. Владимир-князь.
 Сибирское царство 369.
 Сиверные горы 13.
 Сивушко-белогривушко (конь) 69.
 Смородина, Смородинка, река, речка, реченька 32, 35, 38, 53, 57, 299, 355—358, 363, 365, 369, 372, 376, 379—381, 386. См. Самородина.
 Сокол-корабль, Соколик-корабль 284—287, 307.
 Соколик 205. См. Сокольник.
 Сокольник, Сокольничек, молоденъкъ 183—185, 187—192, 205, 207. См. Соколик.
 Сокольниково счастьице 189.
 Соловей, Соловей-разбойник, вор-разбойник 20—25, 29, 32, 35, 39—41, 43—45, 48, 59, 63, 65, 73—75, 321—324, 343, 350, 351, 355—357, 360, 361, 363, 365—367, 369—372, 375—380, 381—383, 386—388, млад 24, Одихмантьев сын 32, 36, 39, 40, Рахманов, Рахманович, Рахматович, вор-Рахматович, Рохманьевич вор-разбойник 58, 63, 65, 70, 72, 74, 324, сын Будимеров 363—365, 367, Соловеюшко, Соловьюшко, Соловейко-разбойничек, Рахманов, Рахманович.. Рохманьевич 27—29, 53—55, 57, 58, 74, 75. См. Рахматич.
 Соловейкин род 29, Соловейкина дочь-28.
 Соловьева молодая жена 22, Соловьевы дети 23, Соловьевичевы девять сынов 363—365, 367, Соловьево подворье 54.
 Соловьиное гнездышко, гнездо; жилище 36, 37, 72, 73, 376, 381, Соловьиные зятевья 36, 37, пожитки 388.
 Соловьыта 383.
 Сорочинская гора 179—181.
 София, церковь, Софии церковь 364.

- Стенька Разин сын 308, Степан Разин 307.
- Суздалыцы, братья, два брата 139, 140, 142.
- Сухан-богатырь сын Домантьевич 24.
- Тальянская земля 215.
- Таракашко (сын Батыя Батыевича) 84, 86, 87.
- Тороп-слуга, Тороп слуга верный, богатырь 117, 372, 373, 374.
- Тухман-царь 373, 374.
- Удолище проклятое 71, 72, 75. См. Идолище.
- Ульюшко (любимый зять Батыя Батыевича) 84, 86, 87
- Феодосей, монастырь спасённый 129.
- Хапиловы, два брата 24.
- Хвалынское море 284, 286, 307.
- Царь-град 153—156, 161, 165, 166, 219.
- Цицарские степи 177, 178.
- Чернигов 26, 31, 32, 38, 252, 287, 378, 379, 382, 388, Чернигов-град 26, 27, 32, 38, 375—377, 380, 386, Чернý-город, Чернигород 49, 50, 56.
- Черное море 84, 87.
- Чиженец, город 49.
- Чурила, Чурило 250, 336, Пленкович 123, 249, 334—336.
- Чурилушка Пленкович, Чурилушко 249.
- Юриш-Мариш-Шишмаретин 42.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Андреев

— Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л., 1929.

Астахова

— Былины Севера, т. I. Мезень и Печора. Записи, вступительная статья и комментарий А. М. Астаховой. Под редакцией М. К. Азировского, М.—Л., 1938; т. II, Прионежье, Пинега и Поморье. Подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1951.

Библ. Ленина

— Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.

Вс. Миллер. Очерки

— Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I, М., 1897; т. II, М., 1910; т. III, М., 1924.

Гильфердинг

— Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4, т. I, М.—Л., 1949; т. II, 1950; т. III, 1951.

ГИМ

— Государственный исторический музей.

ГПБ

— Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Григорьев

— Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. I, М., 1904; т. II, Прага, 1939; т. III, СПб., 1910.

Гуляев, 1939

— Былины и исторические песни из южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Редакция, вступительная статья и комментарии М. К. Азировского. Новосибирск, 1939.

Гуляев, 1952

— Былины и песни южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Под редакцией профессора докт.

- Догадин** — Былины и песни астраханских казаков, собранные А. А. Догадиным. Астрахань, 1911.
- Иван Рябинин-Андреев** — Былины Ивана Герасимовича Рябина-Андреева. Подготовка текстов и примечания А. М. Астаховой. Статьи А. М. Астаховой и В. Н. Всеволодского-Гернгросса. Петрозаводск, 1948.
- Инст. ист.** — Институт истории Академии наук СССР, Ленинградское отделение.
- Киреевский** — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I—X, М., 1860—1874 (I, 1860; II, III, 1861; IV, 1862; V, 1863; VI, 1864; VII, 1868; VIII, 1870; IX, 1872; X, 1874).
- Кирша Данилов** — Древние российские стихотворения, собранные Киршою Даниловым. Подготовка текста, статья и комментарии С. К. Шамбина. М., 1938.
- Конашков** — Сказитель Ф. А. Конашков. Подготовка текстов, вводная статья и комментарии А. М. Линевского. Под редакцией А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948.
- Кривополенова** — М. Д. Кривополенова. Былины, скоморошины, сказки. Редакция, вступительная статья и примечания А. А. Морозова. Архангельск, 1950.
- Крюкова** — Былины М. С. Крюковой. Записали и комментировали Э. Бородина и Р. Липец. Редакция акад. Ю. М. Соколова. Т. I, М., 1939; т. II, М., 1941.
- Леонтьев** — Н. П. Леонтьев. Печорский фольклор. Предисловие, редакция и примечания В. М. Сидельникова. Архангельск, 1939.
- Листопадов, 1945** — А. М. Листопадов. Донские былины. Ростов-на-Дону, 1945.
- Листопадов, 1946** — А. М. Листопадов. Донские исторические песни. Ростов-на-Дону, 1946.
- Листопадов, 1949** — А. Листопадов. Песни донских казаков. Под общей редакцией доктора филологических наук профессора Г. Сердюченко, т. I, часть I. Музгиз, 1949.
- Лобода** — А. М. Лобода. Русский богатырский эпос. Киев, 1896.
- Марков** — Беломорские былины, записанные А. Марко-

- Марков, Маслов,** Богословский
— Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Труды Музикально-этнографической комиссии, т. I, М., 1905.
- Миллер**
— Былины новой и недавней записи из разных местностей России. Под редакцией профессора В. Ф. Миллера, при ближайшем участии Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова, М., 1908.
- Озаровская**
— О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. Изд. 2-е, М., 1922.
- Ончуков**
— Печорские былины. Записал Н. Ончуков. СПб., 1904.
- Панкратов**
— Гребенцы в песнях. Сборник старинных, бытовых, любовных, обрядовых и скоморошных песен гребенских казаков. Собрал Ф. С. Панкратов. Владикавказ, 1895.
- Парилова—Соймонов**
— Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Предисловие и редакция А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941.
- Петр Рябинин-Андреев**
— Былины П. И. Рябинина-Андреева. Подготовка текстов, статья и примечания В. Базанова. Под редакцией А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1940.
- Пропп. Русск. геронч. эпос**
— В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955.
- Путилов**
— Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946.
- Ровинский**
— Д. Ровинский. Русские народные картинки. I—V. СПб., 1881.
- Русский фольклор, II**
— Русский фольклор. Материалы и исследования, II, М.—Л., 1957.
- Рук. отд. ИРЛИ**
— Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом).
- Русск. нар. поэтич. творчество**
— Русское народное поэтическое творчество, т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков, М.—Л., 1953; т. II, кн. 1, Очерки по истории русского народного поэтического творчества

Рыбников

середины XVIII—первой половины XIX века.
М.—Л., 1955; т. II, кн. 2, Очерки по истории
русского народного поэтического творчества
второй половины XIX—начала XX века,
М.—Л., 1956.

Савельев

— Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд.,
под редакцией А. Е. Грузинского, тт. I—II,
М., 1909; т. III, М., 1910.

Соболевский

— А. А. Савельев. Былинный эпос в Приангар-
ском крае. Известия Среднесибирского русского
географического общества, т. III, вып. 3,
Красноярск, 1928.

Соколов—Чичеров

— А. И. Соболевский. Великорусские народные
песни, т. I. СПб., 1895.

Соколовы

— Онежские былины. Подбор былин и научная
редакция текстов акад. Ю. М. Соколова. Под-
готовка текстов к печати, примечания и сло-
варь В. Чичерова, М., 1948.

Тихонравов—Миллер

— Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозер-
ского края. М., 1915.

Труды ОДРЛ

— Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские
былины старой и новой записи. М., 1894.

— Труды Отдела древнерусской литературы.
М.—Л., IV, 1940; VI, 1948; VII, 1949.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
1. Трофим Григорьевич Рябинин. С гравюры Л. Серякова	33
2. Гаврила Леонтьевич Крюков. Фотография	51
3. Яков Евдокимович Гольчиков. Фотография	61
4. Иван Герасимович Рябинин-Андреев. С рисунка Т. Скитской	95
5. Максим Григорьевич Антонов. Фотография	135
6. Мария Дмитриевна Кривополенова. Фотография	163
7. Агафена Матвеевна Крюкова. С рисунка Х. Г. Сайбаталова	195
8. Федор Тимофеевич Пономарев. Фотография	223
9. Федор Андреевич Конашков. Фотография	241
10. Анна Михайловна Пашкова. Фотография	247
11. Михаил Ананьевич Сказкин. Фотография	317
12. Повесть о Илье Муромце и о Соловье-разбойнике. Запись в рукописном сборнике первой четверти XVIII века. Из собрания Ф. И. Буслаева (ГПБ)	359
13. Страница рукописного пересказа XVIII века былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Из собрания А. А. Титова (ГПБ)	371
14. Запись из сборника Кирши Данилова (ГПБ)	457
15. Любочная картинка середины XIX века. Из собрания ГПБ	376—377
16. Илья Муромец под Черниговом. Из собрания народных картинок XVII—XVIII веков А. В. Олсуфьева (ГПБ)	384—385
17. Илья Муромец и Соловей-разбойник. Любок XIX века (ГПБ)	384—385

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕКСТЫ¹

Былины об Илье Муромце в общерусской устной традиции XVIII—XX веков

Стр.

Получение силы (исцеление Ильи-силы, Илья Муромец и Святогор)

1. [Получение силы]	9	451
2. [Исцеление Ильи Муромца]	14	453
3. [Илья Муромец и Святогор]	16	453

Илья Муромец и Соловей-разбойник

4. Первая поездка Ильи Муромца в Киев	20	455
5. [Первая поездка Ильи Муромца]	25	456
6. Илья и Соловей-разбойник	31	456
7. Илья Муромец (первая поездка его в Киев)	41	458
8. Первая поездка Ильи Муромца	49	460
9. Илья Муромец и Соловей-разбойник	58	460
10. Илья Муромец	66	461

Илья Муромец и татарское нашествие

11. Калин-царь	77	464
12. [Илья Муромец и Батый Батыевич]	84	465
13. Илья Муромец и Калин-царь	92	466
14. Илья Мурович и Калин-царь	112	466
15. Илья Муромец и Калин	121	467
16. Про татарское нашествие	131	468
17. Илья Муромец и Кудреванко	142	469

¹ Первая колонка цифр означает страницу текста, вторая — примечания.

Илья Муромец и Идолище

18. Илья Муромец и Идолище	150	471
19. Илья Муромец и Идолище	153	471
20. Илья Муромец и чудище	161	472
21. Илья Муромец в изгнании и Идолище	169	472

Илья Муромец и чужеземный богатырь-нахвалищик

22. Илья Муромец на заставе богатырской]	177	475
23. Рождение Сокольника, отъезд и бой его с Ильей Муромцем	183	476
24. Бой Ильи Муромца с сыном	192	477
25. Недалеко от Киева	201	477
26. Илья Муромец и дочь его	207	478
27. [Илья Муромец и татарченок]	217	478
28. Илья Муромец и богатырь турок	219	479

Бой Добрыни с Ильей Муромцем

29. Бой Добрыни с Ильей Муромцем	220	480
--	-----	-----

Бунт Ильи Муромца против князя Владимира

30. Никита Заолешанин	228	482
31. Илья Муромец в ссоре со Владимиром	230	484
32. Илья в ссоре с Владимиром	234	484
33. Про Илью и голи кабацкие	238	485
34. Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром	243	486

Илья Муромец и голи кабацкие

35. Илья Муромец и голи кабацкие	252	487
36. Илья Муромец и голи кабацкие	254	487

Илья Муромец и разбойники

37. Встреча Ильи Муромца со станичниками	267	489
38. Как ездил стар	268	490
39. Илья Муромец и казна монастырская	271	491

Три поездки Ильи Муромца

40. [Три поездки Ильи Муромца]	272	493
41. Поездки Ильи Муромца	277	493

Илья Муромец на Соколе-корабле

42. Илья Муромец с Добрыней на Соколе-корабле	284	495
43. О Соколе-корабле	286	496

Илья Муромец на Волге

44. [Илья Муромец на Волге]	288	496
---------------------------------------	-----	-----

Казацкие былинные песни об Илье Муромце

45. Илья Муромец выезжает в поле	291	497
46. Илья Муромец-Кузютушка собирается во дики степя	292	498
47. Разбойники нападают на Илью Муромца	294	498
48. На Илью Муромца нападают разбойники	296	499
49. Илья Муромец на речке Смородинке	299	499
50. Илья Муромец у ворот Киева	301	500
51. Илья Муромец и целовальнички	303	500
52. Илья Муромец	305	501
53. Илья Мурович и татары	306	501
54. Богатыри на заставе	306	501
55. [Илья Мурович со Степаном Рязиным на Соколе-корабле]	307	502
56. [Илья Муромец на Дону]	308	502

Сказки об Илье Муромце

57. Сказка-былина про Илью Муромца	313	504
58. Илья Муромец	339	507
59. Илья Муромец и змей	346	507

Былины об Илье Муромце в рукописных пересказах и лубке XVIII века

60. Повесть о Илье Муромце и о Соловье-разбойнике	355	509 [*]
61. Повесть о сильнем могучем богатыри Илии Муромце и о Соловье-разбойнике	357	511
62. Повесть о славном богатыре Илье Муромце, како он родился и как поехал из Мурома к столльному граду Киеву ко князю Владимиру Всеславьевичу	361	512
63. Гистория о славном, о храбром и сильном богатыре Илии Муромце сыне Ивановиче и о Соловье-разбойнике	367	514
64. История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье-разбойнике	375	515
65. Сказание об Илье Муромце, Соловье-разбойнике и Идолице	379	516

ПРИЛОЖЕНИЯ

Илья Муромец в русском эпосе (А. М. Астахова)	393
Напевы былин об Илье Муромце (Ф. А. Рубцов)	420
Комментарий	447
Былины об Илье Муромце в общерусской устной традиции XVIII—XX веков	447
Казацкие былинные песни об Илье Муромце	497
Сказки об Илье Муромце	502
Былины об Илье Муромце в рукописных пересказах и лубке XVIII века	508
Алфавитный список исполнителей с краткими сведениями о них	519
Указатель источников к напевам былин	530
Указатель районов записи текстов	533
Словарь областных и старинных слов	534
Указатель имен и названий в текстах	543
Условные сокращения	549
Список иллюстраций	553

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Подготовка текстов, статья и комментарии
Анны Михайловны Астаховой

*

Утверждено к печати
Редакционно-издательским советом
Академии наук СССР

*

Редактор Издательства А. И. Соболева
Технический редактор Р. С. Певзнер
Корректоры О. Б. Билинкис, Н. Г. Гилинская
и Б. Р. Флакс

*

Сдано в набор 12/IX 1957 г. Подписано
к печати 4/I 1958 г. РИСО АН СССР
№ 2—103В. Формат бумаги 70×92¹/₁₆.
Бум. л. 17¹/₂. Печ. л. 35 = 40 95 усл.
печ. л. + 2 вкл. Уч.-изд. л. 29.76 +
+ 2 вкл. (0.16). Изд. № 496. Тип.
зак. № 302. Тираж 10000.

Цена 19 р. 45 к.

Ленинградское отделение Издательства
Академии наук СССР (Ленинград, В-164.
В. О., Менделеевская лин., д. 1)

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
(Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12).

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
54	11 снизу	едёт,	едёт,
90	5 сверху	доставалась	доставалась
279	6 снизу	И велят, слезыват	И велят слезыват
393	1 "	537	549
451	13—14 сверху	«угрякая»	«угрязая»
455	11 снизу	512	509
473	15 "	были одними	был одним
484	13 "	1938,	1948,
556	1 "	516	517

Илья Муромец